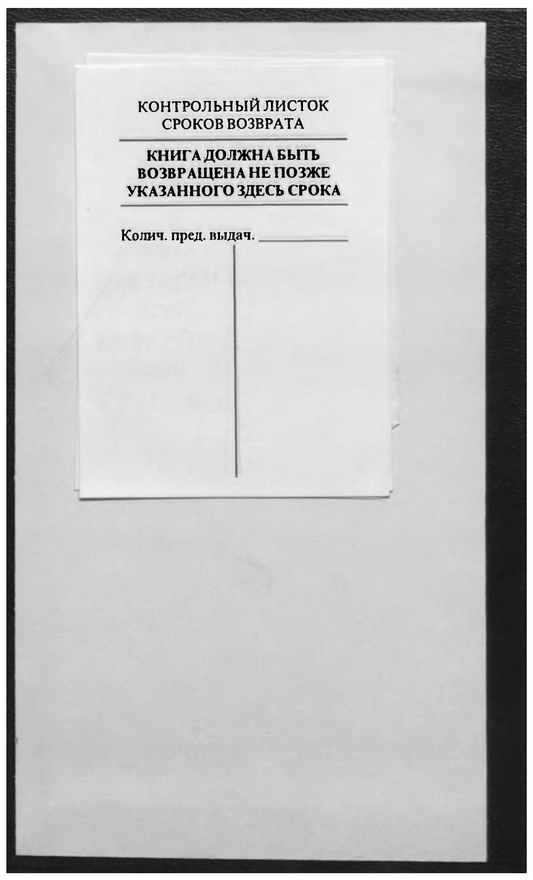
63.3(253.3)
А-47

Л.В.Алексеева

Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 годах

Трансформация хозяйственного уклада

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

К 63.3(253.3)
А47

Л.В.Алексеева

Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.

Трансформация хозяйственного уклада

BIB NIZHNEVARTOVSK
1838911060
Нижневартовский р
МУ "БИС"
инв.№ 117575
2-1-КО

Екатеринбург
2003

ББК 63.3(253.3)
А 47

Печатается по решению Ученого совета
Института истории и археологии УрО РАН

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор *Г.Е.Корнилов*
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Рецензент: доктор исторических наук, профессор *А.И.Прищепа*
(Сургутский государственный университет)

Алексеева Л.В.

А 47 **Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада:** Монография. — Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. — 385 с.

ISBN 5–89988–160–7

В монографии исследованы проблемы модернизации хозяйства и вопросы экономического развития на Обь-Иртышском Севере в 1917—1941 гг.; выявлены основные этапы в развитии экономики; определены приоритеты в деятельности органов советской власти на Севере; показана специфика экономической модернизации на Севере; охарактеризована роль спецпереселенцев в хозяйственном освоении края и проанализированы результаты экономического развития Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов к началу Великой Отечественной войны.

Адресована специалистам в области отечественной истории, преподавателям вузов, студентам, изучающим историю Севера Западной Сибири в советский период, а также учителям и учащимся средних и средних специальных учебных заведений при изучении курсов региональной истории.

ББК 63.3(253.3)

ISBN 5–89988–160–7

© Алексеева Л.В., 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРА 38

1.1. Исследования 1920-х гг.: научные учреждения и экспедиции 38
1.2. Исследование Севера Западной Сибири в 1930-е гг 71
Выводы 90

Глава 2. СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА И КООПЕРАЦИИ В 1917—1920-х гг. 92

2.1. Хозяйство в 1917 — начале 1920-х гг. Первые кооперативы 92
2.1.1. Хозяйство Тобольского Севера накануне революции 1917 г. 92
2.1.2. Хозяйственное положение в годы гражданской войны и Западно-Сибирского восстания 97
2.1.3. Переход к новой экономической политике 110
2.2. Рыбный, пушной промыслы и оленеводство в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг 121
2.2.1. Рыбное хозяйство 122
2.2.2. Пушной промысел 140
2.2.3. Оленеводство 147
2.3. Кустарное производство и кооперативы 155
2.3.1. Промышленные предприятия 155
2.3.2. Формы кооперации, основная деятельность и роль в системе хозяйства Тобольского Севера 159
Выводы 177

Глава 3. АКТИВИЗАЦИЯ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ В 1930—1941 гг. 180

3.1. Крестьянская ссылка. Роль спецпереселенцев в хозяйственном освоении Севера 180
3.1.1. Ссылка и размещение раскулаченных крестьян 180
3.1.2. Роль спецпереселенцев в сельскохозяйственном освоении края 191

3.1.3. Спецпереселенцы в рыбной, лесной промышленности и строительстве 198
3.2. Коллективизация, колхозное и совхозное производство 204
3.2.1. Планы и темпы коллективизации. Формы создания коллективов 205
3.2.2. Производственная деятельность колхозов и совхозов 216
3.3. Развитие промышленности, строительства и транспорта 240
3.3.1. Предприятия государственной промышленности 242
3.3.2. Местная и кустарная промышленность 253
3.3.3. Строительство, энергетика и транспорт 258
Выводы 265

Глава 4. НАЛОГИ, ЗАГОТОВКИ, ТОВАРООБМЕН В 1920—1941-х гг 269

4.1. Государственные и местные налоги 269
4.1.1. Местные налоги и сборы 277
4.2. Заготовки 288
4.2.1. Заготовительные организации и заготовки пушнины 288
4.2.2. Рыбозаготовки. Заготовки незерновых продуктов и прочего сырья 302
4.3. Торговля и снабжение. Северный завоз 313
4.3.1. Торговый обмен и снабжение в 1920-х гг 313
4.3.2. Торговля и северный завоз в 1930-е гг 330
Выводы 344

Заключение 346

Источники 349

Список литературы 356

Приложения 376

ВВЕДЕНИЕ

Переосмысление отечественной истории XX в. неминуемо требует новых подходов к изучению прошлого регионов. Современный Обь-Иртышский Север представляет собой территорию интенсивного промышленного освоения, где проживают народы пришлые и коренные, представители которых в последние годы ведут активную работу по урегулированию жизнедеятельности и взаимоотношений с предприятиями топливно-энергетического комплекса[1].

Перспективы и механизмы решения многочисленных проблем, с которыми в очередной раз столкнулись народы российского Севера, требуют основательного изучения недавнего исторического прошлого с тем, чтобы цивилизованно и без ущерба как для аборигенов, так и для всех остальных жителей края, решать проблемы сохранения и устойчивого развития региона.

В этой связи обращение к исследованию экономических преобразований в первые десятилетия советской власти кажется настоятельно необходимым, поскольку позволяет увидеть элементы позитивного, ошибки прошлого, извлечь уроки и на основе этого решать проблему сбалансированного развития хозяйства северных национальных округов с учетом традиционного образа жизни народов Севера, который, к сожалению, почти разрушен.

Обь-Иртышский Север после гражданской войны и Западно-Сибирского восстания переживал не лучшие дни. Хозяйство находилось в упадке, недоставало самого необходимого для жизни.

Преобразования, начатые большевиками на Севере в экономической сфере, были противоречивы и непоследовательны, особенно в перид 1920-х гг. Затем, с образованием национальных округов и высылкой сюда крестьян, удалось-таки вовлечь Обь-Иртышье в орбиту сталинской модернизации: начался процесс развития новых отраслей, создание общественных производств и

---

[1] В феврале 2002 г. в Москве состоялась дискуссия «Устойчивое развитие коренных народов Севера России: проблемы и перспективы решения», организаторами которой выступили Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, Российский учебный центр коренных народов. См.: Новости Югры. 2002. 16 февраля.

коллективных форм хозяйства по типу общероссийских в условиях административно-командной системы[2].

Специфические условия Севера, хозяйство и быт коренного населения, мировоззрение традиционного общества оказали прямое влияние на темпы преобразований и их результаты. Попытки организации социалистического хозяйства до крестьянской ссылки оказались тщетны на Севере. Изменение хозяйственного облика края стало постепенно происходить лишь с момента организации спецпоселений и развертывания общественных и принудительных производств. Долгое время истинная картина преобразований, цена и их результаты оставались тайной. Общепринятым тезисом советского времени являлся быстрый переход народов Севера от патриархальщины к социализму под руководством коммунистической партии. Умалчивалось, кто и как этот переход осуществил, какой ценой и действительно ли коренные народы круто изменили свою жизнь? Лишь те, кто сам побывал на Севере в тот период времени, понимали, как далеки официальные отчеты и заявления от истинного положения дел.

Произошедшие изменения в экономическом развитии края вряд ли можно рассматривать как перемены, охватившие все его население и оба национальных округа в одинаковой степени. Правильнее провести разграничение между общественным производством, которое возникло благодаря крестьянской ссылке и изменило природно-экономический ландшафт, и тем, в каком положении находились традиционные жизненно важные отрасли, обслуживаемые по преимуществу коренным населением, и насколько проводимые социалистические преобразования коснулись туземцев. Причем, необходимо учитывать темп продвижения по пути модернизации у разных групп коренного населения. Одни из них быстрее втягивались в модернизацию (юганские и сургутские ханты), другие медленнее (ваховские и казымские ханты, береговые ненцы), а третьи вообще отступили в тундру и

---

[2] Характерными чертами административно-командной системы являлись: общественная (а в реальности — государственная) собственность практически на все экономические ресурсы, монополизация и бюрократизация экономики в специфических формах, централизованное экономическое планирование. См.: Экономика / Под ред. А.С.Булатова. М., 1999. С. 20.

сохранили прежний уклад жизни (ямальские кочевые ненцы-оленеводы).

Исходя из вышесказанного, **задачи исследования** следующие:

1. Выявить периодизацию экономического развития Обь-Иртышья в 1917—1941 гг., дать характеристику каждому из периодов, выявить основные черты, проблемы и особенности, исследовать процесс изучения природы, ресурсов, населения и хозяйства Севера.

2. Сформулировать приоритетные направления советской власти в осуществлении экономической политики на Тобольском Севере в 1920-е гг., установить методы достижения поставленных задач, охарактеризовать развитие важнейших отраслей хозяйства, проанализировать динамику производств.

3. Определить специфику экономической модернизации на Севере в 1930-е гг.; охарактеризовать роль спецпереселенцев в хозяйственном освоении края; исследовать северную коллективизацию; выявить особенности в модернизационных процессах Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов.

4. Проанализировать результаты экономического развития на Севере Западной Сибири к началу Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки исследования охватывают современную Северо-Западную Сибирь в границах автономных округов Тюменской области: Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского. В период с 1917 по 1941 гг. указанная территория неоднократно передавалась в административное подчинение различным политическим центрам: до ноября 1923 г. Тобольский Север входил в состав Тобольской и Тюменской губерний, затем, с конца 1923 и до января 1934 гг. — в состав обширной Уральской области, один год пребывал в Обско-Иртышской области с центром в Тюмени, а с 1 января 1935 по 1944 гг. территория находилась в составе Омской области.

Хронологические рамки исследования охватывают советский период российской истории — с конца 1917 г. — до начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.)

Методологическая основа исследования выстраивалась исходя из поиска теории или концепции, применительно к истории Обь-Иртышского Севера в первые десятилетия советской власти, объяснявшей трудности и противоречия процесса преобразова-

ний. Мы принимали во внимание не только специфику региона с его многоукладным хозяйством и населением (аборигены, старожилы и ссыльные), но и ту роль, которую отводило советское государство Северу (с его природными ресурсами) в решении задач социалистической модернизации, особенно в сталинский период развития советского общества.

Известно, что любые, в том числе и глобалистские, теории имеют относительную ценность. В этом смысле вполне оправданной представляется применение концепции модернизации. В разных регионах России модернизация имела различные стартовые условия, продолжительность, формы реализации, адаптационную среду и, естественно, результаты. Модернизация в стране победившего большевизма была инициирована советским государством. Большевистский режим начал движение к провозглашенным целям (государство рабочих и крестьян, общественная собственность на средства производства, всеобщее равенство, право наций на самоопределение и т.д.), однако стартовые условия, в которых оказалась страна, были значительно хуже, чем в начале 1917 г. и несравнимы с довоенным 1913 г.[1]

Методологическую основу исследования составляет модернизационный подход, в рамках которого исследуется проблема не только трансформации хозяйственного уклада на Севере, но и проблема выживания населения Северо-Западной Сибири: ссыльных крестьян, старожильческого населения и коренных народов в условиях ускоренной модернизации. Рассмотрение вопросов, касающихся их выживания и возможности приспособления к новой реальности, позволяет глубже понять механизмы трансформации общества в переломные моменты истории.

При изучении сложнейших процессов, происходивших в хозяйственной сфере, нами учитывалось, что «модернизация — комплексный процесс. Она захватывает различные сферы общественной жизни — экономическую, социальную, политико-правовую, культурную, однако в разной степени»[2]. Традиция под

---

[1] Бабашкин В.В. Россия XX века: о некоторых подходах современной западной историографии // Мир России. 1996. № 2. С. 73.

[2] Побережников И.В. Методологические проблемы исторического исследования: природа исторической реальности и масштаб рассмотрения // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 22.

напором сил современности не сдавала сразу своих позиций, как того ожидали; она обнаружила значительные адаптивные способности, порождая специфически национальные формы модернизации. Более того, процессы модернизации на Обь-Иртышском Севере приобретали удивительное своеобразие и неповторимость из-за геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, особенностей менталитета членов традиционного общества и т.д.

Историография проблемы. Отечественная историческая наука находится в методологическом поиске, пережив на рубеже 1980—1990-х гг. изменения в своих концептуальных построениях, базировавшихся на марксистской теории общественно-экономических формаций. Это вызывает стремление осмыслить и обобщить процессы, идущие в ней, сопоставить их с предыдущим опытом. Особенно это касается периода новейшей отечественной истории, в рамках изучения которого современными историографами выделяется несколько этапов, каждый из которых имеет свои черты, особенности и результаты.

В отечественной историографии, по мнению Н.И.Носовой[2], независимо от ее проблематики, выделяются два периода, которые различаются своими подходами. **Первый** — наиболее длительный — охватывает **период от Октября до середины 1980-х гг.** и характеризуется преимущественно марксистско-ленинской методологией исследований. **Второй** — начавшийся в **последние десятилетия XX в.** — отличается от первого прежде всего деидеологизацией истории как науки, отражает поиски новой методологии, расширение исследовательских подходов и (с этих позиций) переосмысление отечественной истории.

По проблемам хозяйства и экономического развития Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг. создана весьма разнообразная по объему и по научным достижениям литература. Для советской историографии было характерно противопоставление хозяйственной жизни края до 1917 г. советскому периоду, в рамках которого происходило социалистическое переустройство экономики. В многочисленных трудах подчеркивалось, что к моменту

---

[2] Носова Н.И. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917—1929). М., 1993. С. 5.

начала революции 1917 г. народы Крайнего Севера находились на самой низшей ступени экономического развития[6]. Почти не встретим мы у историков советского времени трудов, в которых туземное хозяйство рассматривалось бы как специфичное, обусловленное не только природными условиями и вытекающими из них занятиями — рыболовством и охотой,— но и кочевничеством как формой хозяйствования.

Хозяйство Тобольского Севера начали изучать еще во второй половине XIX в. В дореволюционный период особенно выделялись исследования *Александра Александровича Дунина-Горкавича*[7] — самого яркого представителя среди североведов тех лет. Его фундаментальный труд «Тобольский Север» является и по сей день отправной точкой для исследователей.

За весь послеоктябрьский период историками урало-сибирского региона в сфере изучения проблем традиционных отраслей хозяйства, социалистических преобразований в экономике национальных округов на Дальнем Севере сделано немало, но задачи, направления и уровень исследований на разных этапах существенно отличались.

Долгое время, вплоть до начала 1990-х гг., история хозяйства рассматривалась в русле социалистического строительства через призму побед и преимуществ новой системы как для старожильческого населения, так и для аборигенов Севера как единственно возможная и верная форма их государственного и экономического бытия.

Большее внимание в трудах исследователей уделяется периоду 1930-х гг., как наиболее результативному в проведении преобразований. Весьма бегло затронуты вопросы хозяйства в 1917—1925 гг.

---

[6] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. / Под ред. И.А.Гладкова. М., 1963. С. 416.

[7] Дунин-Горкавич А.А. Обзор современного положения и нужд Тобольского Севера. Тобольск, 1905; Он же. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. 1; Он же. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. СПб., 1910. Т. 2; Он же. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Т. 3 и др.

Известный северовед *Михаил Алексеевич Сергеев* (1888—1965) называл 1920-е гг. периодом, наиболее сложным для изучения[8]. В.Ф.Ретунский[9] также подчеркивал, что 1918—1925 гг. фактически остались вне поля зрения исследователей. Слабо изучен и период второй половины 1920-х гг. В трудах североведов описывался стандартный набор сюжетов без глубокого анализа их состояния: кооперация, торговая политика, интегральный союз, заготовки, коллективизация, сельское хозяйство, промышленность и т.д.

Тема, которая совсем не была представлена в трудах историков советского времени,— это крестьянская ссылка, роль спецпереселенцев в экономических, политических, социальных, культурных процессах и степень влияния ссыльных крестьян на модернизационные процессы. Слабо, весьма бегло и поверхностно представлены вопросы производства, как сельскохозяйственного, так и кустарно-промышленного, не изучены производственные структуры, не представлены предприятия и их производственные циклы, не вскрыты проблемы экономического развития округов в 1930-е гг.

Рассматривая историю хозяйства и экономических преобразований на Севере в советский период, следует иметь в виду труды публицистов, историков, партийных, советских и хозяйственных работников — всех тех, кто стоял у истоков создания историографии советского времени и пытался не только описать и представить фактический материал эпохи, но и дать первоначальный анализ, свое видение и осмысление событий, непосредственными участниками которых авторам трудов тех лет приходилось быть.

Разумеется, нельзя не учитывать, что на работах того времени лежит печать марксистской (большевистской) идеологии, однако этот недостаток, присущий всем трудам советской эпохи, не затмевает собой богатейший фактический материал и взгляд современников на события, о которых они сообщали.

Применительно к Западной Сибири, северная часть которой в течение десяти лет (с ноября 1923 г. и по январь 1934 г.) входила

---

[8] Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 6.

[9] Ретунский В.Ф. Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири (1917—1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1967. С. 71.

в состав обширной Уральской области, имеющиеся исследования и публикации следует рассматривать, на наш взгляд, в контексте общеуральских.

Областные организации придавали большое значение Тобольскому Северу как сырьевому району и были заинтересованы в скорейшем его социалистическом переустройстве. В.Н.Ильченко в одной из недавно опубликованных работ пишет, что становление проблематики исследований 1920-х гг. начинается с изучения социально-экономической истории Урала[10]. Данная точка зрения вполне применима и к работам, касающимся истории Тобольского Севера. Первые работы по истории края отражали вопросы не политического, а хозяйственного развития: заготовки рыбы и пушнины, проблемы снабжения и развития системы кооперации, деятельность хозяйственных организаций.

Этап 1920—1930-х гг. — время, когда предпринимались весьма активные попытки по изучению хозяйства коренного населения Севера Западной Сибири, обусловленные стратегическими интересами советской власти.

В последующем тема рассматривалась попутно в этнографической литературе. Научная разработка ее вызывалась преимущественно практическими потребностями социалистического переустройства хозяйства края. В историографическом плане эти годы были временем первоначального накопления и систематизации фактов. Впоследствии *Виктор Андреевич Зибарев* писал: «В печати начала 1920-х гг. прослеживались мнения, сведения о том, что ученые не смогли сразу правильно оценить перспективы развития народностей Севера в советских условиях»[11]. С конца 1920-х гг. и в период 1930-х гг. на страницах журналов «Советский Север», «Хозяйство Урала», «Народное хозяйство Омской области» и т.д. ученые оказались в меньшинстве, стали преобладать работы государственных и партийных деятелей (П.Г.Смидович, А.Е.Скачко и др.), где обсуждались вопросы политического,

---

[10] См.: Ильченко В.Н. Литература 1920-х годов об экономической политике на Урале советских и несоветских правительств // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX—XXI столетия. Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 67.

[11] Переход к социализму народностей Севера. Историографический очерк / Под ред. В.А.Зибарева. Томск, 1974. С. 7.

хозяйственного и социально-культурного развития народностей Севера.

Важное место в исследовании проблем Севера занимала деятельность краеведческих обществ на Урале, в том числе в Тобольске, усилиями которых были изданы отдельные документы, воспоминания и популярные брошюры. Среди краеведческих изданий первой половины 1920-х гг. наиболее интересными с точки зрения помещаемых материалов были журналы «Наш край» и «Тобольский край», занимавшие в Уралобласти заметное место. В журналах публиковались в основном статьи экономического содержания. Небольшие заметки по хозяйственным вопросам, особенно по заготовкам, регулярно помещались в уездной газете «Тобольский Север» (издавалась с 1922 г.), затем в окружных газетах «Северянин» (с 1924 г.) и «Советский Север» (с 1926 г.). Богатейший материал представлен на страницах журнала «Хозяйство Урала». Во второй половине 1920-х гг. в журнале печатались статьи и материалы, в том числе и дискуссионные, по проблемам рыбного хозяйства, состояния оленеводства, перспектив развития экономики края[12].

Образование национальных округов и желание властей очень быстро получить результаты по успешному строительству социализма на Севере побуждали к массированной публикаторской деятельности. 1930-е гг. ознаменовались выходом большого числа материалов в различных изданиях Уральской области, авторами которых являлись, как правило, работники Комитетов Севера всех уровней, партийные и советские активисты. Газетные и журнальные статьи того периода не были научными исследованиями. Тем не менее, в них содержалось описание отраслей хозяйства и экономических преобразований, помещались материалы о заготовках, торговле и снабжении и предпринимались попытки анализа состояния и тенденций социалистического строительства[13].

---

[12] Евладов В. Оленеводство Уральской тундры и экономическое расслоение самоедских хозяйств // Хозяйство Урала. 1927. № 5. С. 144—154, Бобылев Д. По вопросу о реконструкции промышленного хозяйства Приполярного Севера // Хозяйство Урала. 1926. № 12. С. 78—83 и др.

[13] См.: Скачко А.Е. Очередные задачи советской власти среди малых народов Севера. М., 1931, Устюгов П. Пути советского строительства на Крайнем

Так, А.Е.Скачко, будучи членом Комитета Севера при ВЦИК, в одной из своих статей проанализировал особенности форм и методов проведения коллективизации в северных национальных округах[14]. В 1937 г. был издан «Очерк истории народов Северо-Западной Сибири»[15], который явился первой попыткой дать популярное изложение вопросов социалистического строительства, начало которого автором было отнесено к 1930 г.

Основной чертой литературы 1930-х гг. был ее идеологический характер и преувеличение результатов социалистического строительства, отсутствие объективного анализа причин проблем северного хозяйства. Мало было сведений о северной коллективизации (только темпы и колхозное строительство в самых общих чертах), и совсем ничего, по понятным причинам, не сообщалось о спецпереселенцах и их трудовой деятельности. Замалчивались проблемы социалистических преобразований на Ямале, Тазу, Пуре, Казыме, Вахе и других отдаленных территориях.

В начале 1940-х гг. в связи с десятилетием образования национальных округов появились работы, приуроченные к юбилейным датам, в которых были опубликованы итоги политического и культурно-хозяйственного развития[16]. Так, в основу очерка «Славный путь народов Севера», освещавшего результаты социалистического строительства в округе, были положены материалы работников исполкома Ямало-Ненецкого окружного совета депутатов трудящихся и окружных хозяйственных организаций.

Среди материалов, с восторгом описывавших успехи советского строительства на Севере, иначе выглядели работы М.М.Броднева[17], опубликованные в журналах «Советская Арктика», «Советская этнография», «Омская область». Он осуждал и

Севере (к организации новых национально-территориальных округов и районов) // Советское строительство. 1931. № 3. С. 141 и др.

[14] Скачко А.Е. Основные вопросы социалистического строительства на Крайнем Севере // Советский Север. 1934. № 3. С. 15—18.

[15] Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.

[16] См.: Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа). Омск, 1941; Возрожденный народ (К 10-летию образования Ханты-Мансийского национального округа). Омск, 1941.

[17] Броднев М.М. Из чума в культурное жилище // Советская Арктика. 1936. № 3; Он же. Дети Севера // Там же. 1937. № 11; Он же. На Ямальском полуострове // Там же. 1937. № 5 и др.

отвергал односторонний, упрощенный подход к оценке прошлого и настоящего народов Севера с позиций стандартного торжества ленинской национальной политики. По его убеждению, действенность национальной политики измеряется тем, насколько правдиво и полно раскрыты реальные противоречия, ошибки и трудности проводимых в крае преобразований. Таким образом, в литературе 1920-х — начала 1940-х гг. преобладающим стало утверждение, что именно в 1920—1930-е гг. народы Севера обрели социалистическую государственность и перешли к социализму. Создание национальных округов рассматривалось как важнейшее условие успешного социалистического строительства в крае.

Перерыв в исследованиях, характерный для периода 1940-х гг., стал постепенно преодолеваться в начале 1950-х гг. С.В.Бахрушин в 1950 г. указывал «на полную неразработанность советской истории народностей Севера»[18]. Спустя несколько лет появились работы, предметом исследования которых стал Север Западной Сибири в советское время. Советскими историками М.Будариным, М.Сергеевым, С.Якубовской, А.Мурзиной в различных научных жанрах был представлен материал, извлеченный из архивов, периодических изданий предшествующих десятилетий о социалистическом строительстве на Дальнем Севере.

Среди указанных работ тех лет выделяются труды М.Е.Бударина[19], которые можно оценить как первые работы, претендующие на комплексный характер освещения изменений в жизни северных народов в послеоктябрьский период. Автор представил сведения по важнейшим сферам жизни: политической, экономической, культурной. Выполненные в рамках господствовавшей марксистско-ленинской парадигмы, они написаны с привлечением архивных источников, содержат большой фактический материал. В силу этого они сохраняют свое научное значение и сегодня. М.Е.Бударин придерживался мнения, что экономическая политика советского государства в отношении

---

[18] См.: Переход к социализму... С. 7.

[19] См.: Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. Он же. Из истории социалистического строительства у малых народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Омского пединститута. Омск, 1958. Вып. 9. С. 218.

ленных организационных формах[24], где происходила адаптация решений партийных форумов к исследовательским проблемам, подтверждение их конкретным историческим материалом.

Инновационные процессы в отечественной исторической науке рубежа 1950—1960-х гг. самым прямым образом были связаны с оживлением дискуссий, происходивших на страницах исторических журналов, и с освоением новых документальных и архивных источников. Тогда же была начата огромная публикаторская работа. Поиск истины шел в плоскости марксистско-ленинской методологии, источниковая база формировалась из односторонне подобранных документальных массивов[25].

Вторая половина 1950-х гг. знаменательна общей активизацией деятельности историков, которая выразилась в проведении региональных и общероссийских конференций, что в свою очередь дало новый импульс исследовательской деятельности. Публикуется целая серия работ об истории национальных округов, в которых затрагивались наряду с прочими вопросы хозяйства и его реконструкции[26].

Историческая литература 1950-х гг. пришла к определенным выводам в изучении темы, но носила в основном локальный характер, отличалась фрагментарностью в тематическом, временном и территориальном отношениях, что, вероятно, в тех условиях было неизбежно. В то же время она задала исследовательский вектор и послужила основой для разработки проблематики социалистического строительства.

1960-е гг. стали временем издания значительного количества исследований, посвященных новейшей истории Обь-Иртышского Севера. Историки тех лет серьезно продвинулись и в изучении вопросов социалистического переустройства. Разработка широкого спектра проблем по истории Северо-Западной Сибири в ука-

---

[24] Прежде всего, это различные собрания и совещания в научных и высших учебных заведениях, которые проводились после партийных съездов и пленумов.

[25] Сидорова Л.А. Инновации... С. 404—407.

[26] Степанов Н.Н., Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Уч. зап. Ленинградского пединститута. Л., 1957. Т. 133; Кокосов Н.М., Никулин В.И., Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956; 30 лет Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). Тюмень, 1960.

занные годы связана с именами Г.А.Мазуренко, В.А.Зибарева, Д.И.Копылова, В.Ф.Ретунского, М.А.Лаврентьевой и других известных сибиреведов.

Во второй половине 1960-х гг. в литературе развернулась дискуссия о социально-экономических отношениях народностей Севера. И.П.Клещенок[27] их определял как родоплеменные и феодальные, В.Ф.Ретунский[28] — как феодальные и капиталистические.

Г.А.Мазуренко, исследовавший вопросы национальной политики коммунистической партии, не мог обойти проблему руководства КПСС всем комплексом социалистических преобразований[29]. В своей кандидатской диссертации он постарался отразить не только деятельность партийных органов, но и мероприятия советов в экономическом, политическом и культурном преобразовании на Севере[30].

Преобладание партийной тематики в исследованиях 1960-х гг. было очевидным и проявилось не только в региональных исследованиях. Историки В.Н.Увачан, И.С.Гурвич, Д.И.Копылов, М.А.Лаврентьева пытались на примере огромных северных территорий выявить закономерности перехода коренных народов к социализму[31].

---

[27] Клещенок И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1969.

[28] Ретунский В.Ф. Характер противоречий и формы классовой борьбы в процессе ликвидации классов на пути некапиталистического перехода к социализму у народностей Севера Западной Сибири // Материалы к межвузовской научной конференции «В.И.Ленин и проблемы строительства коммунизма». М., 1970.

[29] Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961; Он же. Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (1920-е гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Уральский гос. ун-т. Вып. 2. Свердловск, 1964 и др.

[30] Мазуренко Г.А. Социалистическое преобразование жизни малых народов Обского Севера. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1965.

[31] Увачан В.Н. Ленинская национальная политика и малые народы Севера // Советская этнография. 1963. № 3; Гурвич И.С. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму // Вопросы истории КПСС. 1964. № 9. С. 101; Копылов Д.И., Ретунский В.Ф. Партийные организации Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) и Ямальского (Ямало-Ненецкого) национальных округов в борьбе за экономическое и культурное развитие народов Обского Севера // Очерки истории партийной организации

В.А.Зибарев в ряду историков второй половины 1960-х гг. являлся одним из известных сибиреведов. К тому времени он изучил и выяснил исторический опыт преобразований народов Северо-Востока России: алеутов, ительменов, коряков, чукчей, эвенов, эскимосов, юкагиров. Полученные сведения были суммированы и отражены в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, блестяще защищенной автором в Томском университете. Следующим этапом его научных изысканий стали проблемы социально-политического развития народов Севера. Итоги многолетних исследований легли в основу его докторской диссертации и монографии «Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.)». В книге В.А.Зибарева затронуты все важнейшие составляющие не только политической, но и хозяйственной жизни края, однако выводы, сформулированные им, сегодня нуждаются в пересмотре. Так, главным средством подъема и перестройки экономики народов Севера в 1920-е гг. он считал торговую политику советского государства[32]. По заключению В.А.Зибарева, объединение аборигенов Севера на основе экономической, социальной, территориальной, этнической и духовной консолидации было призвано ускорить их всестороннее и поступательное развитие.

Важным событием научной жизни явилось издание в 1968 г. четвертого тома по истории Сибири, посвященного советскому периоду[33].

Таким образом, к концу 1960-х гг. был накоплен материал, который отражал вопросы социалистического строительства. В целом литература 1960-х гг. не лишена недостатков, а порой и ошибок, присущих советской историографии, однако историками тех лет была проделана значительная работа по изучению проблем социалистического переустройства у народов Севера, что вплотную подвело их не только к созданию комплексных трудов в виде монографических и диссертационных исследований, но и к расши-

---

Тюменской области. Свердловск, 1965; Лаврентьева М.А. Советское и партийное строительство в районах Крайнего Севера в 1926—1936 гг. // Вест. Ленинградского ун-та. Л., 1961. № 20. Вып. 4. С. 7—21.

[32] Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968.

[33] История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма.

рению и углублению проблематики по советской истории Обь-Иртышья 1917—1941 гг. Тогда же в историографии обозначились два подхода при разработке периодизации советской истории. И.С.Гурвич и М.Е.Бударин выделяли четыре периода:

1. 1917—1924 гг. — освобождение народов Севера и принятие первых мер по оказанию им помощи;

2. 1924—1929 гг. — советизация, укрепление хозяйства, начало культурной революции;

3. 1929—1934 гг. — начальный период коллективизации и территориальное районирование;

4. 1934—1940 гг. — реконструкция хозяйства, развитие и укрепление колхозного строя.

Другие ученые (Ю.Б.Строкач, В.А.Зибарев) предпочитали выявить закономерности перехода у малых народностей к социализму и в дальнейшем наметить более дробную периодизацию[34].

С начала 1970-х гг. интерес к исследованию истории Северо-Западной Сибири существенно возрос, что объяснялось расширением масштабов хозяйственного освоения, особой стратегической ролью нефтяного края. Существенно расширилась тематика исследований, вырос уровень работ, появились новые имена и в их числе — В.В.Веселкина, которая, работая над проблемой национально-государственного строительства, затронула весьма широкий спектр вопросов, ранее выпадавших из внимания ученых. Она одной из первых попыталась изучить и выяснить роль Тобольского Комитета Севера в создании советской государственности, указав на то, что Комитет Севера по сути нес основное бремя проблем коренных народов и старался выступать защитником и проводником их интересов[35].

Среди работ, посвященных изучению экономических вопросов, появились исследования по советской кооперации. Применительно к истории кооперации в Северо-Западной Сибири прочно укоренилась позиция, которая выступала в качестве исходной, а именно: на X съезде партии были определены задачи кооперации

---

[34] Переход к социализму... С. 37.

[35] Веселкина В.В. Деятельность Тобольского Комитета Севера по созданию советской государственности у малых народностей (1921—1930 гг.) // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пединститутов. № 154. Тюмень, 1970. Вып. 3. С. 22—41.

на национальных окраинах, что на долгие годы послужило точкой отсчета в исследованиях.

Почти все известные североведы 1960—1980-х гг. рассматривали кооперацию по традиционной схеме: виды и деятельность. Так, В.Н.Увачан считал, что кооперация на Крайнем Севере вначале была в основном потребительской и снабженческой, поскольку кооперативные организации занимались тем, что привозили товары первой необходимости. Взамен население сдавало кооперации продукцию пушного и рыбного промыслов и оленеводства[36].

Л.Е.Киселев[37], разделяя точку зрения В.Н.Увачана, подчеркнул, что первоначально на Севере существовала только потребительская кооперация, которая продавала населению товары в кредит, получая пушнину и рыбу, при этом никакой работы по восстановлению промыслов не вела, а у населения образовывалась задолженность. Вслед за потребительской организовалась, по мнению Л.Е.Киселева, сельскохозяйственная кооперация, которая формально считалась производственной, но на деле ограничивалась торгово-заготовительными функциями. Возникновение охотничье-промысловой кооперации он рассматривал как наиболее приемлемую форму для Севера, так как она пыталась разрешить практические вопросы восстановления промыслового хозяйства, которые выражались в снабжении населения оружием, дробью, порохом.

И.П.Клещенок более взвешенно подошел к исследованию советских кооперативов. Историк справедливо отмечал, что потребительские общества на Крайнем Севере не являлись чем-то новым, поскольку они организовывались задолго до Октябрьской революции, и это было учтено местными советами при развертывании деятельности по организации кооперативов. Он также писал, что в первые годы вся работа по кооперированию сводилась к закупочным операциям у коренного населения. В качестве торговых агентов кооперативы вынуждены были приглашать быв-

[36] Увачан В.Н. Переход малых народов Севера от родового строя к развитому социализму (к 45-летию образования национальных округов и окружных партийных организаций) // Летопись Севера. М., 1977. Т. 8. С. 23—25.

[37] Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974. С. 97.

ших откупщиков, в деятельности которых местные власти усматривали недобросовестность"[38].

Попытка теоретического обоснования советского кооперативного строительства на Севере едва ли не первой была предпринята экономистом А.Б.Баклановой, которая сделала вывод о значении кооперации в переходных экономических формах на пути к социализму у народностей Крайнего Севера, определив его как важнейшее"[39]. Рассмотрев кооперацию преимущественно с точки зрения государственного интереса, А.Б.Бакланова сформулировала перечень задач, которые кооперация была призвана решить:

— ликвидировать капиталистические отношения, насаждавшиеся пришлым частным капиталом;
— постепенно изживать докапиталистические отношения у коренных жителей;
— способствовать зарождению и последующему развитию социалистических производственных отношений;
— осуществить культурную революцию как непременное условие утверждения социалистических начал в производстве и в быту.

А.Б.Бакланова выделила методы, которыми предполагалось осуществить кооперацию, указав, что они заключались в налаживании достаточного ассортимента и четкой кооперативной торговле товарами первой необходимости. Указывая на простейший характер кооперации, существовавшей в трех формах: потребительской, охотничье-промысловой и сельскохозяйственной,— А.Б.Бакланова убеждена, что простейшая кооперация сумела вовлечь в кооперативные общества значительную часть коренного, в том числе и кочевого, населения и постепенно вытеснила с северных окраин основную часть купцов. Советские исследователи единодушно умалчивали о состоянии кооперации в годы гражданской войны, ограничиваясь замечанием, что она переживала упадок по вине классовых врагов. На этот счет в современной науке имеется иное суждение, которое будет представлено ниже.

---

[38] Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972. С. 95—96.

[39] Бакланова А.Б. Интеграция кооперации как переходная форма социалистического строительства на Крайнем Севере // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977. С. 5—12.

1970-е — первая половина 1980-х гг. — расцвет научной деятельности историков Г.А.Мазуренко, Л.Е.Киселева, В.Н.Увачана, Ю.П.Прибыльского, внесших весомый вклад в изучение истории Обь-Иртышья советского времени. Многочисленные труды Г.А.Мазуренко, направленные на изучение партийной истории, завершились в 1979 г. опубликованием монографии, которая явилась первым исследованием такого рода по проблеме партийного строительства[40]. Наряду с вопросами партийного строительства, особенностями возникновения и деятельности партийных организаций, автор попутно рассмотрел и работу партийных комитетов по руководству хозяйственной сферой.

В книге и докторской диссертации Л.Е.Киселева[41] рассмотрены различные стороны хозяйственной жизни северян. Автор описал заготовки рыбы и пушнины, снабжение населения, деятельность Североссоюза, критически указал на недостатки в деятельности Облрыбы в 1920-е гг. Фактический материал, помещенный им, представляет произошедшие изменения в жизни коренных народов только как позитивные, не содержит сколько-нибудь проблемных суждений и идей.

В конце 1980-х гг. вышла монография Л.Е.Киселева[42], ставшая не только первым исследованием, где прослеживалось руководство партии хозяйственным и культурным строительством в национальных округах Севера, но и где подводился итог советскому периоду отечественной историографии. В монографии автор выделил три периода в развитии Севера: восстановительный, реконструктивный, а также период коллективизации и преобразований в промышленности[43].

В 1970-гг. стал публиковать работы по новейшей истории Обь-Иртышья тобольский историк Ю.П.Прибыльский. Он одним

---

[40] Мазуренко Г.А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979.

[41] Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974; Он же. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 1980.

[42] Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.) / Под ред. В.Н. Увачана. Томск, 1989.

[43] Киселев Л.Е. Партийное руководство... С. 229—231.

из первых попытался исследовать проблему подготовки и становления рабочего класса в Северо-Западной Сибири[44].

Вклад историков советского периода в изучение новейшей истории Обь-Иртышья очевиден. Многие из них по-настоящему любили Север, отдав ему свои знания и труд. В.А.Зибарев, М.Е.Бударин, Ю.П.Прибыльский с пониманием восприняли оздоровительный процесс избавления и очищения общества от иллюзий и догматов прошлого. Вместе с тем, они осуждали крайности: предвзятую, неоправданную идеализацию далекой старины и столь же безосновательное нарочитое шельмование советского опыта развития. В.А.Зибарев подчеркивал, что правда истории несовместима с ее тенденциозным, произвольным, конъюнктурным толкованием, истина превыше всего"[45].

1990-е гг. оказались переломными и в истории нашей страны, и в истории исторической науки. Зазвучавший призыв к совершению «методологической революции» означал в новых условиях поиски принципиально иных теоретико-методологических основ исторической науки и других интерпретаций исторических событий. Одновременно начавшаяся демократизация российского общества, усилившееся внимание к проблемам коренных народов в национальных округах, создание различных общественных организаций по спасению и возрождению народов Севера требовали от научной мысли новых оценок истории Советской власти и ее деяний.

Отрадно, что весьма активно выступают на научной арене ученые и краеведы Западной Сибири. В трудах тобольского профессора Ю.П.Прибыльского нашли отражение материалы о деятельности конкретных исторических участников тех событий, в частности, в одной из последних работ Юрий Пантелеймонович написал о самом ярком активисте социалистического переустройства жизни на Ямальском Севере — И.Ф.Ного[46].

---

[44] Прибыльский Ю.П. Рабочий класс Севера Западной Сибири накануне войны // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 100—105.

[45] Прибыльский Ю.П. В поисках истины (К 70-летию со дня рождения В.А.Зибарева) // Югра. 1992. № 12. С. 39—44.

[46] Прибыльский Ю.П. Жизнь и деятельность Ивана Федоровича Ного // Самодийцы. Материалы Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов

Ю.П.Прибыльский совместно с А.В.Головневым представил развитие оленеводства на Ямале в советский период. Ученые пришли к выводу, что в XX столетии, несмотря на все попытки административного и экономического давления советской власти, ненецкое оленеводство сохранило свои основные черты. Ни конфискации, ни перераспределение стад оленей, ни прямые репрессии против наиболее зажиточных оленеводов не смогли нарушить главных принципов оленеводческой инженерии на Ямале[47].

А.В.Головнев в ряде работ основательно изучил традиционное хозяйство коренного населения. Так, в книге «Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири»[48] автором воссоздана целостная картина развития хозяйства народов тайги и тундры Западной Сибири на протяжении 400 лет, что, безусловно, помогает в исследовании экономической картины в первые десятилетия советской власти.

Изучают особенности сельского хозяйства в северных районах В.Е.Иваненко и А.С.Иваненко. В их работах[49] встречаются материалы по земледелию и животноводству на Севере Западной Сибири в 1920—1930-е гг.

В.П.Петрова[50] в ряде работ касается попутно некоторых сторон экономического положения ненцев. В целом придерживаясь традиционного набора сюжетов о ходе социалистических преобразований, она все же выделила некоторые отрицательные аспекты, например, последствия коллективизации, негативно сказавшиеся на поголовье оленеводства, проблемы переустройства жизни и хозяйства ненцев.

Западной Сибири» (Тобольск, 10—12 декабря 2001 г.) Тобольск; Омск, 2001. С. 155—157.

[47] Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. Тобольск; Тарко-Сале, 1994. С. 43.

[48] Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

[49] Иваненко В.Е. История развития животноводства в Ханты-Мансийском автономном округе // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 31—32; Иваненко А.С. История механизации сельского хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа // Там же. С. 40—42 и др.

[50] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999; Петрова В.П. Волнения ненцев на Ямале в 1932—1934 годах // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998. С. 100—109.

Определенный вклад в исследование истории экономического развития вносят современные исследователи — ученые молодых вузов Западной Сибири (Сургута и Нижневартовска). Так, нижневартовский историк В.В.Цысь[51] основательно изучил историю Сургутского уезда в годы гражданской войны и Западно-Сибирского восстания. Валерий Валентинович проследил проблемы состояния хозяйства в те годы, подробно рассмотрел становление и развитие кооперации, выявил активных участников событий и наполнил прежние социологические схемы живым и ярким материалом. Им сделаны любопытные выводы относительно инициативы населения по созданию кооперативов. В.В.Цысь считает, что в условиях гражданской войны населению не от кого было ждать помощи, поэтому они сами решали проблемы хозяйства, организовывали добычу и снабжение, торговлю и обмен. Он, вопреки существовавшему мнению советской историографии, считает, что во время гражданской войны происходил бурный рост кооперативного движения. «Трудности, связанные с поставкой товаров частными торговцами, заставляли людей объединяться в потребительские общества для приобретения и сбыта различного рода продукции»[52].

Ученые сургутских вузов (госуниверситет и педуниверситет) также вносят заметный вклад в изучение истории края в советский период. Е.И.Гололобов[53] изучает различные аспекты хозяйства и природопользования на Обь-Иртышском Севере. В одной из работ Евгений Ильич рассмотрел проблему определения перспектив социально-экономического развития Тобольского Севера

---

[51] Цысь В.В. Переход от военного коммунизма к нэпу на территории Сургутского уезда // Тезисы докладов и сообщений II региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 1999. С. 37—40; Он же. Потребительская кооперация в период Западно-Сибирского крестьянского восстания // Открывая Родину, узнаем себя. Излучинск, 2000. С. 26—30; Он же. П.И.Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы гражданской войны // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Тюмень, 2001. Вып. IV. С. 72—83 и др.

[52] Цысь В.В. Потребительская кооперация... С. 27.

[53] Гололобов Е.И. Самодийское оленеводство в структуре экономики Тобольского Севера в 20-е годы XX века // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 105—106; Он же. Сургутское лесничество в 1924—1925 гг. // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2001. С. 73—75.

в 20-е гг. XX в.[54] и пришел к выводу, что решение социально-экономических проблем Севера виделось, с одной строны, в индустриализации традиционных отраслей северной экономики, с другой,— в развитии коллективных форм хозяйствования[55].

В статье «Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг.» Е.И.Гололобов подробно описал состояние промысла, выделив ассортимент пушнины, ее количество в период с 1923 по 1926 гг. Исследователь пришел к выводу о возникшем противоречии в пушном хозяйстве края, выразившемся в стремлении властей к увеличению объемов добычи зверя при ограниченности биологических ресурсов[56].

Профессор С.А.Черноморец[57] представил обобщенные материалы относительно кооперации и ее места в жизни Севера и той роли, которую ей отводило государство в налаживании советского хозяйственного механизма. В статье «Кооперация Сибири в период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.)» Семен Аркадьевич прямо указывает на второстепенную роль кооперации, превращенную в годы гражданской войны во вспомогательную организацию технического характера, которая должна была осуществлять материальное снабжение населения[58].

---

[54] Гололобов Е.И. Об определении перспектив социально-экономического развития Тобольского Севера в 20-е годы XX века // Тезисы докладов и сообщений музейной региональной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города. Нижневартовск, 2001. С. 89—91.

[55] Там же. С. 91.

[56] Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства) // Северный регион: Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4). С. 161—173.

[57] Черноморец С.А. Кооперация в сфере заготовок и распределения в первые годы советской власти // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 27—29; Он же. Переход к нэпу и становление рынка в Сибири // Тезисы докладов и сообщений музейной региональной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города. Нижневартовск, 2001. С. 93—95.

[58] Черноморец С.А. Кооперация Сибири в период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.) // Северный регион: Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4). С. 174—178.

Им же уделено внимание изучению вопросов налоговой политики и снабжения Севера[59].

О.К.Акмент в работе «Аграрные преобразования в Сургутском Приобье» справедливо указывает, что в восстановлении сельского хозяйства региона в 1920-е гг. решающую роль сыграли индивидуальные крестьянские хозяйства. Говоря о развитии сельского хозяйства 1930-х гг., она выявила, что если для развития животноводства существовали объективные условия, то для развития полеводства их не было. Исследовательница сделала вывод, что коллективизация и раскулачивание не решили экономических проблем Сургутского края[60].

Продолжил тему К.С.Яцун, который в работе «Организация спецпоселков в Сургутском районе (1930 г.)» исследовал период ссылки крестьян в Сургутский район и выявил, что для обследования мест расселения спецпереселенцев на территорию района была отправлена комиссия гораздо позже, чем начали поступать ссыльные (в июле 1930 г.). Таким образом, подтвердил неготовность властей к принятию ссыльных[61].

В последние годы обратилась к исследованию проблемы ссылки крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.) Н.И.Загороднюк[62], попытавшаяся показать роль спецпереселенцев в различных отраслях экономики края. Она пришла к выводу, что производственная деятельность спецпереселенцев во многом была определяющей в развитии хозяйства в крае[63].

---

[59] Черноморец С.А. Правовая регламентация рыночных отношений с участием частнопредпринимательских элементов на первом этапе нэпа, организация снабжения в северных регионах // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 29—31.

[60] Акмент О.К. Аграрные преобразования в Сургутском Приобье // Сургут в отечественной истории. Сб. тезисов докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Сургут, 2001. С. 78—80.

[61] Яцун К.С. Организация спецпоселков в Сургутском районе (1930 г.) // Там же. С. 81—83.

[62] Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 г.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999, Она же. Спецпереселенцы: социо-этнический аспект // Русские старожилы Тобольск; Омск, 2000. С. 241—243 и др.

[63] Загороднюк Н.И. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34—35.

Важный вклад в активизацию изучения прошлого Северо-Западной Сибири вносят многочисленные научные конференции и симпозиумы, которые проводятся с середины 1990-х гг. (Тюмень, Тобольск, Сургут, Нижневартовск)

Существенный вклад в разработку теоретико-методологических проблем модернизации хозяйственного уклада на Обь-Иртышском Севере в 1917—1941 гг. внесли фундаментальные труды отечественных историков и зарубежных обществоведов[64], а также статьи и публикации по проблемам модернизаций[65] в академических журналах и сборниках материалов научных конференций.

В 1990-е гг. появилось значительное количество исследований по российской модернизации, в которых нашли отражение вопросы изучения моделей российской государственности. Так, А.Г.Рогачев[66] в кандидатской диссертации рассмотрел в числе других проблему выбора курса на социалистическую модернизацию (1921—1925 гг.), показал процесс внедрения основ социализма, идейно-политическое противоборство. В статьях уральского историка И.В.Побережникова проблема модернизации получила новое прочтение[67].

Комплекс изученной литературы по проблеме модернизации хозяйственного уклада и экономического развития на Севере Западной Сибири в 1917—1941 гг. позволяет заключить, что предшествующие достижения отечественной историографии в исследовании проблемы очевидны: введен в научный оборот большой пласт архивных источников, систематизированы представления

---

[64] Карр Э. Большевистская революция. 1917—1923. М., 1990. Т. 1—2. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999 и др.

[65] Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3—27. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 4—16 и др.

[66] Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. 1917—1925 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 30.

[67] Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 16—25; Он же. Теория модернизации: от классической к современной версии // Северный регион: Наука, культура, образование. 2000. № 2. С. 75—80 и др.

об основных фактах и явлениях изучаемого процесса, даны оценки социалистического переустройства и его результаты.

Источники. Важнейшим условием всестороннего исследования проблемы является формирование адекватной источниковой базы, позволяющей осветить все стороны данного явления. Сложность объекта изучения влияет на необходимость привлечения новых разнообразных источников. Для систематизации выявленных источников использовались традиционные классификационные схемы и были выделены опубликованные и неопубликованные источники. К категории опубликованных источников относятся многие виды документов партийных и советских органов всех уровней: резолюции, решения, постановления, положения и т.д. В них разрабатывались и реализовывались планы социалистического строительства[68]. В силу политического характера этих документов в них заложены многие неверные оценки процесса, содержится идеологизированная документация, а зачастую — и прямая фальсификация.

Другую группу источников представляют речи, выступления партийных работников и советских активистов местного уровня, позволяющие понять процесс преобразований в экономической сфере; роль советов в социалистическом строительстве, их задачи и степень зависимости от партии коммунистов[69].

Для исследования вопроса о крестьянской ссылке в Северо-Западную Сибирь были использованы опубликованные источники 1990-х гг.[70], а также новейшие публикации последнего време-

---

[68] О работе в национальных районах Крайнего Севера. Постановление ЦК ВКП (б) от 26 июня 1932 г // Партийное строительство. 1932. № 10; О формах коллективизации в районах народностей Севера. Постановление ЦК ВКП (б) от 1 сентября 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 13, Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934.

[69] Наш край: Хрестоматия по истории Тюменской области (1917—1970 гг.). Свердловск, 1973; Наш край: Хрестоматия по истории Омской области. 1917—июнь 1941 гг. Омск, 1985. Ч. 1 и др.

[70] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. / Отв. ред. В.П.Данилов, С.А.Красильников. Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. / Сост. С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пащенко, Р.К.Суханова. Новосибирск, 1993; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.) / Под ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург, 1993; Сплошная коллективизация и раскула-

ни[1]. Для характеристики хозяйственной деятельности и для выстраивания динамики изучаемых явлений использованы статистические источники и публикации. Необходимо в этой связи также упомянуть о значительном количестве справочной литературы, в которой содержатся различные сведения по проблеме исследования. Так, при изучении районирования важным подспорьем явились справочники «Районы Уральской области» и «Районы Омской области»[2], в которых содержатся сведения с необходимым набором информации, позволяющие проследить не только изменения территории, границы районов, населенные пункты, но и занятия жителей, долю отдельных промыслов в их хозяйстве, источники доходов и многое другое. Кроме того, использованы и справочные издания общего характера[3].

Важную группу источников составляет эпистолярное наследие: воспоминания, письма, жалобы,— которое показывает историю через личное восприятие и переживание непосредственных участников событий тех лет[4]. Оно расширяет и оживляет статистическую и ведомственную документацию. Использованы мемуары И.В.Борщова, И.Ф.Ного и других активистов Севера. При работе с ними учитывалось, что мемуары несут печать субъективизма, отношение к прошлому авторами нередко подается сквозь призму своих интересов.

чивание в Зауралье (На материалах Курганской области) / Под ред И.Е.Плотникова. Курган, 1995.

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб., 1999; Приполярная перепись 1926—1927 гг. ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 162. Л. 19; Тюменская область в цифрах (1917—1975). Статистический сборник. Свердловск, 1975; Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. М., 1957.

[2] Районы Уральской области. Свердловск, 1928; Районы Омской области. Омск, 1936.

[3] Омская область за 50 лет (цифры и факты). Омск, 1985; Сургутскии район. Справочник. Тюмень, 1998 и др.

[4] Воспоминания Борщова Ивана Васильевича (Страницы истории Александровского и Ларьякского районов. 1928—1938 гг.). Нижневартовск, 1997; Борщов И.В. Страницы истории Ханты-Мансийского автономного округа. 1930—1950 гг. Нижневартовск, 2000 и др.

К примеру, опубликованные воспоминания И.В.Борщова — секретаря Ларьякского райисполкома с 1930 по 1937 гг. — представляют необычайный интерес и не только подробно освещают советское строительство в одном из самых отдаленных и труднодоступных районов, но и содержат замечательные детали о жизни местного населения, взаимоотношениях их с органами советской власти и хозяйственными организациями.

Наиболее впечатляющими являются воспоминания ссыльных крестьян и членов их семей, оказавшихся в ссылке, которые раскрывают трагизм «Великого перелома».

В основу исследования положены **неопубликованные** источники. Большая часть документов ранее не использовалась и введена в научный оборот впервые. В их числе и документы, рассекреченные в 1990-е гг.: спецсводки, докладные записки, акты проверок национальных округов партийными комиссиями и т.д. Отобранные архивные материалы стали результатом внимательного изучения фондов, как федеральных, так и областных, а также окружных и местных архивов. Особенностью советских источников является их тотальная идеологизация[75], что, безусловно, учитывалось при работе с ними. Общественная система «выработала целый ряд приемов и способов манипулирования общественным сознанием путем дозирования информации, скрытия правды, ареста и уничтожения неугодных источников сведений, документальных фальсификаций и мистификаций»[76], поэтому при работе с различными видами источников исследователю постоянно приходилось исходить из критического подхода.

Следует отметить, что по исследуемому периоду в последние годы происходит расширение корпуса источников за счет «освобождения» из спецхранов значительного количества документов и материалов, ранее недоступных исследователям. Какие документы были наиболее известны большинству исследователей? Опубликованные программы, стенограммы и материалы партийных форумов. Основная часть партийных документов, протоколы заседа-

---

[75] Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998. С. 521.

[76] Соколов А.К. Основные задачи источниковедения отечественной истории новейшего времени // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1995. С. 47.

ний политбюро, большинства пленумов, различные аналитические записки, справки, переписка, материалы статистики выдавались очень ограниченному кругу исследователей и строго дозировано[77].

Введение в научный оборот документов разной степени секретности различных архивных фондов федеральных, областных и окружных архивов позволили уточнить, добавить и внести существенные коррективы в изучение проблемы.

Важнейшую группу источников представляют делопроизводственные материалы государственных учреждений и КПСС, извлеченные из Российского государственного архива социально-политической истории (**РГАСПИ**) — Ф. 17 — ЦК ВКП (б); Тюменского областного центра документации новейшей истории (**ТОЦДНИ**) — Ф. 1 — Губком РКП (б), Ф. 30 — Тобольский окружком, Ф. 107 — Остяко-Вогульский окружком ВКП (б), Ф. 135 — Ямало-Ненецкий окружком КПСС; Центра документации общественных организаций Свердловской области (**ЦДООСО**) — Ф. 4. — Уралобком; Центра документации новейшей истории Омской области (**ЦДНИОО**) — Ф. 17 — Омский обком КПСС, Ф. 3057 — Оргбюро ЦК ВКП (б); Центра документации новейшей истории Томской области (**ЦДНИТО**) — Ф. 76 — Томский окружком ВКП (б), Ф. 91 — Александровский райком ВКП (б). Извлеченные документы из указанных архивов скомплектованы нами по следующим группам:

1. Организационная документация представлена положениями о коренных народах, их налогообложении.

2. Распорядительная документация представлена широкой группой источников: решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения.

3. Особый вид организационно-распорядительной документации составляют протоколы и стенограммы заседаний, собраний, съездов, конференций.

4. Текущая переписка предприятий и учреждений (письма, телеграммы).

---

[77] Заболотская К.А. Перспективы развития источниковедения новейшего периода отечественной истории и задачи построения учебного курса // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000. С. 330.

5. Плановая, учетно-контрольная и отчетная документация представлена отчетами, сводками, планами.

Делопроизводственные материалы государственных учреждений, хозяйственных и общественных организаций составляют наиболее обширную группу источников и нашли отражение как в бывших партийных, так и в государственных архивах. Сведения по состоянию хозяйства и его развитию почерпнуты из государственных архивов городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Екатеринбурга, Омска, Ханты-Мансийска, Салехарда, Тобольска, Нижневартовска

В Государственном архиве Российской федерации (**ГАРФ**) документы извлечены из фондов: Ф. Р — 1235 — Отдел национальностей, Ф. 3977 — Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК. Удалось проследить процесс поэтапного формирования решения по созданию Комитета Севера и выявить его роль в разработке хозяйственных вопросов и решении экономических проблем коренного населения.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (**ЦГАСПб**) изучены документы Ф. 9471 — Институт народов Севера, из которых были почерпнуты, к примеру, сведения об этнографе Д.Г.Вербове, уточнены представления по вопросу исследований Крайнего Севера в первой половине 1930-х гг. и др.

Материалы, извлеченные из Государственного архива Свердловской области (**ГАСО**), представлены Ф. Р — 88 — Уралоблисполком, которые позволили проследить политику хозяйственных организаций в отношении Тобольского Севера в рамках Уральской области с конца 1923 по 1933 гг.

Документы Государственного архива Омской области (**ГАОО**) представлены фондом Омского Облисполкома — Ф. Р — 437, что позволило изучить состояние хозяйства северных территорий в составе Омской области (вторая половина 1930-х — 1941 гг.), проанализировать хозяйственные показатели, восполнить пробелы в части коллективного производства, выявить проблемы экономического развития.

Разнообразные документы извлечены из Тобольского Филиала государственного архива Тюменской области (**ТФГАТО**): Ф. 209 — Тобольский Северосоюз, Ф. 492 — Тобольский Интегралсоюз, Ф. 690 — Тобольский Комитет Севера, Ф. 695 — Комитет Содействия национальностям северных окраин при президиуме

Уралоблисполкома (Уральский комитет Севера),— которые позволили описать и проанализировать развитие традиционных отраслей хозяйства, деятельность кооперации, Комитета Севера по решению хозяйственных вопросов и др. Изучен личный архив И.Ф.Ного — активиста с Ямала (Ф. 1727), записки которого полны живых картин строительства новой жизни в Ямало-Ненецком округе.

Первые сведения об организации рыбного хозяйства в 1920-е гг. можно найти в фонде 1822 (Уполномоченный Наркомпрода и Главрыбы по рыболовству в Сибири) Государственного архива Тюменской области (**ГАТО**). В фонде 1818 содержатся документы и материалы Обско-Тазовского государственного треста для эксплуатации рыбных и пушных промыслов Тобольского Севера (Обьтрест). В нем, в частности, имеются данные о деятельности Обь-Иртышского низового районного управления по рыболовству и рыбопромышленности (Райрыбы). В фонде 1785 ГАТО обнаружены сведения о размещении спецпереселенцев на рыбоугодьях Сургутского района в начале 1930-х гг.

Фонды Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа (**ГАХМАО**) содержат разнообразные материалы о хозяйстве края, начиная с 1926 г. Просмотрены и изучены дела почти тридцати фондов, касающиеся всего комплекса хозяйственных проблем в 1930-е гг.: Ф. 4 — Ханты-Мансийский окружной финансовый отдел, Ф. 158 — Остяко-Вогульский леспромхоз, Ф. 113 — Березовский нархозучет, Ф. 60 — Ханты-Мансийский рыбоконсервный комбинат и др.

Удалось получить довольно полное представление о структуре хозяйства и масштабах, о мерах государства по развитию экономики в Остяко-Вогульском округе. Обнаружены сведения о конкретных производственных структурах и предприятиях, что дает возможность реконструировать прошлое конкретно и образно.

Документы, извлеченные из Государственного архива Ямало-Ненецкого округа (**ГАЯНАО**) представлены фондами Обдорского Военно-революционного комитета (Ф. 1), Обдорского райисполкома (Ф. 2) и Ямало-Ненецкого окрисполкома (Ф. 3). Извлечены уникальные документы, особенно из фонда Обдорского рика, который изучен исследователями крайне слабо (преобладают материалы в рукописном виде, написанные карандашом, на бумаге плохого качества, поэтому очень тяжелы для прочтения)

Например, обнаружены протоколы заседаний низовых туземных советов (Хэнский, Норинский, Сынский), где достаточно полно отражена их деятельность по решению хозяйственных проблем.

Архивный отдел администрации города Нижневартовска Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области содержит несколько фондов по периоду 1930-х гг. (Ф. 9 — Нижневартовский сельский совет, Ф. 11 — Больше-Ларьякский Сельский совет и др.), которые позволяют конкретизировать положение местных хозяйственных организаций и колхозов, содержат интересные подробности. Большинство документов написаны простым или в лучшем случае химическим карандашом и на подручной бумаге, в крайне плохом состоянии. Здесь обнаружены справки о сдаче аборигенами продукции по заготовкам (свыше 100 справок), которые позволяют представить действительные масштабы заготовок рыбы и пушнины ваховскими хантами в начале 1930-х гг.

Важную группу источников составили материалы периодической печати[*], которые весьма существенно дополняют приведенные выше архивные источники. Как известно, в журналистике преобладают два жанра: информация (хроника, репортаж, корреспонденция) и комментарии. В периодике 1920—1930-х гг. прослеживается все многообразие событий и явлений тех лет. Однако тенденциозность в подаче информации, манипулирование общественным мнением особенно характерно для изданий 1930-х гг. Для публикаций местной прессы свойственны искажение смысла и масштаба события, фрагментарная подача информации, замалчивание, шельмование и примитивизация. Поэтому достоверность этой группы источников также выявляется сопоставлением однотипных фактов с их интерпретацией в других группах источников.

Удалось привлечь и устные свидетельства очевидцев событий, которые не нашли отражения в прессе, в документах, архивах

[*] «Тобольский Север» — орган Тобольского уездного Комитета РКП (б) и уездного исполнительного комитета; «Северная Азия» — общественно-политический журнал, «Советский Север» — орган Тобольского окружкома ВКП (б) окрисполкома, окрпрофсовета, «Северянин» — орган Тобольского окружкома ВКП (б), окрисполкома, окрпрофсовета и др.

Например, воспоминания Надежды Федоровны Тюменцевой[7], 1925 года рождения, проживающей в настоящее время в Нижневартовске. Ей было 5—6 лет, когда семью выслали из Тарского округа Омской области на Север.

Наличие широкой базы источников и всего комплекса изученной литературы позволило выполнить задачи исследования в полном объеме, а также убедило нас в сложности и масштабности заявленной темы.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня источников и библиографического списка, а также приложений, представленных картами, рисунками, таблицами, диаграммами.

[7] Воспоминания записаны Л.В.Алексеевой 30 октября 2001 г. на конференции, посвященной памяти жертв политических репрессий, г.Нижневартовск, МОСШ № 42.

Глава 1. ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРА

1.1. Исследования 1920-х гг.: научные учреждения и экспедиции

Определяющее влияние на экономику Северо-Западной Сибири на протяжении всего времени ее освоения оказывали географическое положение, природно-климатические условия и ресурсы. Взаимоотношения «Большой земли» с Севером в дореволюционный период строились на традиционных связях: обмен товаров на рыбу и пушнину[1].

Формирование органов советского режима в губернских центрах, районирование, подчинение индустриальному Уралу повлекли за собой меры более интенсивного характера, направленные на извлечение природных богатств края. Осуществление намеченных задач во многом определялось степенью знаний о Тобольском Севере. Требовалось настойчиво и кропотливо изучать далекий и суровый край, представления о котором оставались весьма скудными, хотя попытки изучения природы и ресурсов региона предпринимались во второй половине XIX — начале XX вв.

Начиная с 1910 г., Тобольский губернский музей регулярно организовывал экспедиции на Север губернии. Первые экспедиции направлялись в районы проживания остяков и вогулов, а в 1914 г. экспедиция Г.М.Дмитриева-Садовникова была направлена в долину реки Полуя к ненцам. В 1916 г. состоялась экспедиция под его руководством на реку Надым, во время которой было собрано значительное число этнографических предметов и сделано более 100 фотоснимков. В период с 1911 по 1916 гг. П.И.Шухов совершил четыре северные экспедиции (низовья рек Обь, Щучья, Казым), во время которых им была собрана большая коллекция по традиционной культуре народов Севера[2].

---

[1] До первой мировой войны в доходной части бюджета Тобольского Севера рыба занимала 70%, она являлась стержнем обмена (См.: Северянин. 1924. 25 июня).

[2] Шестакова Л.В. Из истории комплектования Тобольским музеем коллекций по самодийским народам // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 308.

Великий химик Д.И.Менделеев был активным сторонником изучения Севера. В начале XX в. он рассматривал проблему необходимости использования Северного морского пути, имея в виду возможность плавания судов по сибирским рекам через Северный Ледовитый океан с целью улучшения торгово-экономических связей Западной Сибири с другими территориями[3].

В годы I мировой войны этот вопрос приобрел большую злободневность в связи с поисками новых торговых путей из-за расстройства железнодорожного транспорта и потери некоторых европейских рынков. Однако выяснилось, что навигационные планы для плавания в устье Оби устарели и что обская губа до сих пор мало исследована. Предполагаемый в 1915 г. проход морских кораблей до Обдорска оказался невозможен[4]. Таким образом, экспедиции начала XX в. не привели к весомым научным результатам, однако способствовали проникновению на территорию края и получению некоторых представлений о его природе и населении.

Оценивая дореволюционный период исследования Севера, С.В.Славин считал, что при экономической отсталости России не было предпосылок для сколько-нибудь значительного хозяйственного освоения обширных северных территорий и их природных богатств[5]. Он придерживался мнения, что только после Октябрьской революции в России коренным образом изменилось отношение к проблеме хозяйственного освоения северных территорий. Однако, применительно к Тобольскому Северу, изучение края, как уже указывалось, имело место и раньше, что было связано не с политическим режимом, а с зарождением и активной деятельностью научных обществ и учреждений, которые изучали природные богатства, население и хозяйство края.

---

[3] Меньшиков В.Н. Идеи Менделеева и научное изучение Тобольского края в годы первой мировой войны // Д.И.Менделеев и Сибирь. Тобольск, 1999. С. 40.

[4] Вновь вопрос об освоении Северного морского пути встал в 1920 г. в связи с необходимостью вывоза хлеба из Сибири. Проблема со снабжением продуктами в центре России требовала от большевиков срочного ее решения. Вывезти хлеб из Сибири по-другому не представлялось возможным, поскольку железная дорога была разрушена, не хватало вагонов, паровозов и топлива. Предполагалось по рекам Западной Сибири к Карскому морю доставить груз, а там морские пароходы из Архангельска заберут его.

[5] Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. С. 57.

Научные учреждения края. Лидером в научной работе был Тобольский губернский музей, который не только проводил исследования, но и развернул на рубеже веков активную издательскую деятельность[6]. Собственно, после революции именно Тобольский музей проявлял инициативу в исследованиях, что было закономерным явлением.

Изучение Тобольского Севера возобновилось после Западно-Сибирского восстания и налаживания мирной жизни. В начале 1920-х гг. изучение природы Северного края осуществлялось во многом, благодаря энтузиастам Общества изучения края, созданного в 1921 г. при музее Тобольского Севера[7].

Трудно перечислить все направления деятельности музея и краеведческого общества в те годы. Они активно вели исследования по орнитологии, ихтиологии, энтомологии, фенологии, астрономии; изучали болота и традиционные занятия коренного населения — охоту и рыболовство.

Музей в Тобольске, или музей Тобольского Севера, как называли его в 1920-е гг., вполне утвердился как авторитетное исследовательское учреждение еще до революции, сумев достаточно быстро преодолеть кризисное состояние в годы гражданской войны, и с начала 1920-х гг. возобновил активную деятельность. Хотя из дореволюционных сотрудников в музее осталась к тому времени только половина, Общество изучения края приступило к исследовательской работе и просветительской деятельности, а также к собиранию коллекций.

Музей испытывал большие трудности: отсутствие материальных средств; некомплект штата; низкая и не вовремя выплачиваемая зарплата сотрудникам. Несмотря на перечисленные проблемы, музей оставался фундаментом краеведческого движения в Тобольском округе, хотя давалось это нелегко. Его сотрудники всеми силами старались донести до новой власти понимание того, что опираясь на музей как на научно-информационный центр,

---

[6] Самым ценным изданием был «Ежегодник», который выходил с 1893 по 1918 гг. Всего было издано 29 выпусков, последний вышел в период правления А.В.Колчака.

[7] Коновалова Е.Н. Научные и научно-популярные издания Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Словцовские чтения—96. Тюмень, 1997. С. 168—169.

она успешно решит поставленную задачу экономического возрождения.

Знания и опыт музейных работников создали им заслуженный авторитет. Среди них были В.М.Новицкий, М.П.Копотилов, которые входили в Комитет Севера, привлекались окрисполкомом и облисполкомом к разрешению сложных вопросов как консультанты.

Ярким представителем Общества изучения края в начале 1920-х гг. был *Георгий Антонович Доронин* (1904—1944), о котором почти нет сведений, однако известно, что он вложил много души в газетное и музейное дело Тобольска[8]. В первой половине 1920-х гг. Доронин был сотрудником редакции «Северянина». Он много ездил по Тобольскому округу, писал об обновлении жизни северной деревни, приветствуя то новое, что привносилось советской властью. Так, в одной из корреспонденций «Пашня или пушнина?» он указывал на возможность развития в Шеркальском сельсовете Березовского района — крае рыбаков и охотников — земледелия и скотоводства[9].

В первые годы после окончания гражданской войны изучение края шло слабо. 20 марта 1923 г. состоялась Тюменская губернская партийная конференция. Делегаты из Сургута и Березова критиковали губком и губисполком за слабое изучение и использование природных ресурсов Обского Севера[10]. Конференция постановила полнее изучать и использовать ресурсы края[11].

Наметившееся оживление краеведения и поддержка со стороны органов власти сопровождались консолидацией усилий краеведов региона. В октябре 1924 г. на Втором Уральском областном краеведческом съезде было организовано Уральское Областное бюро краеведения (УОБК), которое на протяжении 10 лет представляло собой краеведческий центр обширной Уральской области.

---

[8] Белобородов В. Поэт и журналист Георгий Доронин // Югра. 2001. № 2. С. 53.

[9] Там же.

[10] Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов). Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1957. С. 64.

[11] Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. С. 148.

Для Тобольского Севера научным и организаторским центром изучения края оставался Тобольск, что объяснялось традициями и давними заинтересованными связями краеведов-подвижников. Особенностью развития краеведения в двадцатые годы был традиционный интерес к естественнонаучным изысканиям — изучению флоры, фауны, геологических и палеонтологических объектов[12].

Наряду с исследованиями, краеведы занимались издательской деятельностью. В этом направлении Тобольску принадлежало особое место. В конце 1924 г. начал издаваться журнал Общества изучения края «Наш край», в котором помещались самые разнообразные материалы по истории и природе края. С 1924 по 1931 гг. в Тобольске издавались краеведческие журналы: «Бюллетень Общества изучения края при музее Тобольского Севера», краеведческий журнал Тобольского бюро краеведения «На социалистической стройке», «Тобольский край»

Краеведческое движение первой половины 1920-х гг. неразрывно связано с именем *Александра Александровича Дунина-Горкавича* (1854—1927 гг.)[13]. Будучи уже в преклонном возрасте, он, тем не менее, сделал все для того, чтобы Тобольский край не переставали исследовать. Он не только возглавлял краеведческое движение, но и сотрудничал в журнале «Наш край», преподавал в зооветтехникуме. 1918—1927 гг. — завершающий и очень тяжелый этап жизни и деятельности Дунина-Горкавича. Семья лишилась прежнего достатка, пришлось расстаться с усадьбой, удалось сохранить лишь библиотеку — главное богатство[14]. В последние годы труды А.А.Дунина-Горкавича возвращены к жизни и представляют непреходящую научную и познавательную ценность.

Значительный вклад в изучение природы, населения и хозяйства Севера в 1920-е гг. внес *Василий Михайлович Новицкий* — краевед и знаток края. В большей степени, как указывает

---

[12] Тагильцева Н. Золотая пора уральского краеведения // Югра. 1994. № 7. С. 10.

[13] При советской власти, в 1920—1924 гг., А.А. Дунин-Горкавич работал научным консультантом по вопросам северного хозяйства в тобольских хозяйственных организациях: Центросоюзе, Облгосрыбпроме, Северосоюзе.

[14] Прибыльский Ю.П. Жизнь и творчество А.А.Дунина-Горкавича // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995. С. 13.

О.Еремеева[15], его волновали проблемы, связанные с экономическим, административным и культурным развитием народов Севера. В.М.Новицкий изучал быт туземцев, совершив ряд экспедиций. В 1923 г. по поручению Народного Комиссариата национальностей Новицкий обследовал остяков-казымцев, собрав огромное количество экспонатов для Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Им были не только собраны и доставлены в Москву экспонаты, но и приглашена на выставку семья хантов. За активное участие в подготовке данной выставки он был награжден дипломом.

В 1925 г. В.М.Новицкий обследовал Уватский район, а в начале 1926 г. — Кондинскнй. Он был командирован Тобольским Комитетом Севера, и с 1 по 15 февраля, находясь в Кондинском районе, исследовал обеспеченность местного населения продовольствием, орудиями промыслов и предметами первой необходимости, наделения угодьями. Наблюдал и изучал взаимоотношения коренного населения с местными хозяйственными организациями[16]. В мае 1926 г. на средства Тобольского комитета Севера был сформирован исследовательский отряд Общества изучения края в Казымский туземный совет Березовского района, в состав которого вошел и Василий Михайлович. Вскоре вышла его работа «Казымский туземный район как основной очаг советской культуры на туземном Тобольском Севере». В.М.Новицкий предложил конкретные пути повышения культурного уровня туземцев.

Работы краеведа были напечатаны в журналах «Наш край», «Уральское краеведение», «Хозяйство Урала», «Уральский охотник», в «Бюллетене Общества изучения края» и других уральских и сибирских изданиях. Как организатор научной краеведческой работы и просветитель, В.М.Новицкий неоднократно выступал с докладами на заседаниях Президиума Тобольского окружного исполнительного комитета, на краеведческих съездах и конференциях. Темы его докладов касались вопросов охраны здоровья промысловиков, устройства жизни туземцев и путей их культурного развития.

---

[15] Еремеева О.И. Ученый и педагог В.М.Новицкий // Д.И.Менделеев ... С. 53.
[16] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 45. Л. 48.

Василий Михайлович, учитывая проведенное районирование, считал важным и нужным организовать в районных центрах музеи. С этой целью он разработал ряд рекомендаций по организации научно-популярного районного музея краеведения, дал советы начинающим краеведам, обращая их внимание на необходимость привлечения к работе всякого, и грамотного, и неграмотного туземца.

В журнале «Наш край» он поместил методические материалы по организации работы начинающих краеведов и организации краеведческих музеев, где были выдвинуты три основные задачи музеев:

«1) объединять население;

2) как в зеркале, в миниатюре представить жизнь края;

3) демонстрацией предметов дать знания о районе населению»[17].

В работах «Вопросы туземного Севера» и «Первые работы начинающего краеведа» Новицкий нацеливал начинающих североведов на комплексное изучение жизни инородцев, в котором неразрывно должны были сочетаться основные направления: экономическое, административное, судебное, здравоохранительное и культурное. С этой целью он ставил вопрос перед Комитетом Севера о выработке комплексного плана мероприятий, в которых приняли бы участие все хозяйственные, административные и культурные учреждения[18].

Тобольским музеем были предприняты первые шаги по обобщению материалов, собранных о природе и хозяйстве северных районов. В 1925 г. была опубликована брошюра С.Куклина «Сургутский район Тобольского округа. Географическое и статистическое описание»[19]. Об этой работе в журнале «Уральское краеведение» говорилось: «Она является чуть ли не первым опытом

---

[17] Новицкий В. Организация научно-популярного районного краеведческого музея // Наш край. 1924. № 1—2. С. 43; Он же. Первые работы начинающего краеведа // Наш край. 1924. № 4. С. 45.

[18] Еремеева О.И. Ученый и педагог В.М.Новицкий // Д.И.Менделеев... С. 53.

[19] Сергей Алексеевич Куклин (1896—1969) — охотовед и краевед Сургутского района. В 1924—1925 гг. он работал лесничим в Сургуте. Свой труд составил на основе материалов райисполкома и собственных исследований. Изучал быт и промыслы хантов рек Югана, Ваха. См.: Сергей Куклин, охотовед // Югра. 2000. № 9—10. С. 80.

географического и статистико-экономического описания района. Книга составлена на основе материалов административных учреждений и торговых организаций района»[20]. В 1926 г. в журнале «Наш край» С.Куклин поместил обширный материал об охоте и пушном промысле в Сургутском районе[21].

Однако с 1926 г. издание научных трудов Общества изучения края почти прекратилось. Печатался лишь «Бюллетень...», являясь поквартальным изданием, поскольку из-за денежных затруднений выпускать краеведческий сборник ежемесячно не представлялось возможным.

В библиографическом обзоре журнала «Хозяйство Урала»[22] отмечалась важность деятельности Общества изучения края по исследованию природы и ресурсов северных территорий. В частности, подчеркивалось: «Поднятие культурного уровня туземных племен Севера, развертывание производительных сил края в отношении оленеводческого хозяйства, пушного, охотничьего, морского и прочих промыслов широкого экономического значения; все это тесно связано с предварительным изучением обширного края в различных разрезах. Уралобласть проявляет особенный интерес к изучению Тобольского Севера затратой крупных средств на специальные экспедиции. <...> Совершенно ясно, что в этих условиях краеведческой работе на Севере должно быть отведено особое место. В частности, необходимо обеспечить издание имеющихся научных работ и постоянной информации о работе и жизни на Севере»[23].

Среди научных учреждений Уральской области, занимающихся изучением хозяйственной деятельности коренных народов, наряду с Обществом изучения края, в середине 1920-х гг. важную роль играл Тобольский ветеринарно-бактериологический институт.

Свою историю учреждение начало с 1895 г., когда в Тобольске была создана Губернская Ветеринарная Бактериологическая Лаборатория. До 1903 г. она работала как диагностический кабинет. С 1903 до 1917 гг. Лаборатория организовывала систематическое

[20] Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 156.
[21] Куклин С. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1925. № 8—9. С. 26—42; № 10—11. С. 5—10.
[22] Хозяйство Урала. 1926. № 5—6. С. 194—195.
[23] Там же. С. 195.

Старожилы города пытались привлечь внимание новой власти к судьбе музея, который почти не охранялся и не отапливался, а также не работал. В конце 1926 г. райисполком рассмотрел впервые вопрос о положении музея. 18 ноября 1926 г. Обдорский райисполком постановил наладить ночную охрану музея, провести учет экспонатов и книг в библиотеке. Ответственными за музей назначались политпросветотдел и ветбакинститут[27]. 15 марта 1927 г. отделом народного образования Обдорского района было принято «Временное положение о местном музее»[28]. 21 апреля 1927 г. вновь на заседании президиума райисполкома рассматривался вопрос о состоянии музея. Было принято решение: привести музей в порядок, создать комиссию и продумать вопрос о содержании музея[29]. Таким образом, дело с налаживанием работы музея в Обдорске не сдвинулось с места, несмотря на некоторые предпринятые шаги.

Из научных учреждений в Обдорске, как уже упоминалось выше, имелся ветбакинститут, хотя название его не соответствовало истинному положению данного учреждения, поскольку ни по материальной базе, ни по штату к таковым отнести ветбакинститут было нельзя. Институт развернул деятельность в 1926 г., о чем имеются соответствующие документы в окружном архиве (Салехард)[30], первостепенной задачей в начале его деятельности была организация санитарных отрядов для изучения эпизоотической обстановки в крае[31].

Экспедиции. Первые экспедиции, по мнению С.В.Славина, начали отправлять на Север уже с 1918 г. К первым мероприятиям по изучению Севера он относит исследование морей Северного Ледовитого океана. С.В.Славин придавал большое значение

исчезать коллекции. П.А.Первов привел музей в относительный порядок. К 1916 г. в музей собиралось все, что имело отношение к Обдорскому краю. Заведующие часто сменялись. Сотрудников, сумевших поставить дело на должный уровень, не было. Здание музея было ветхое, не подлежащее ремонту. См.: Созонова Л.П. История Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея // Словцовские чтения—96. Тюмень, 1997. С. 170—171.

[27] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 75.

[28] Там же. Л. 73.

[29] Там же. Л. 82.

[30] Там же. Оп. 1. Д. 104.

[31] Там же. Л. 17.

деятельности Комиссии по изучению и практическому использованию русского Севера.

Применительно к Тобольскому Северу еще совсем недавно принято было считать первой экспедицией хлебную, которая состоялась в 1920 г. Однако разыскания краеведа В.Белобородова, обнаружившего дневник экспедиции Г.Дмитриева-Садовникова на Северную Сосьву, предпринятой в 1919 г., позволяют рассматривать ее как одну из первых советских экспедиций на Дальний Север[32]. С.Пархимович в том же издании поместил материал об этой, как оказалось, последней в жизни Дмитриева-Садовникова экспедиции, организованной Академией наук РСФСР и Тобольским музеем, ставившей задачи геологические исследования. Автор указывал, что Г.М.Дмитриев-Садовников участвовал в ней в качестве этнографа и ботаника[33].

В 1920 г. на Обь-Иртышский Север была предпринята экспедиция, цели которой были не научными, а самыми что ни на есть жизненно-необходимыми, она получила название «Сибирская хлебная экспедиция». Начальником Обь-Иртышской экспедиции был назначен в Омске контрадмирал *Александр Антонович Ружек*. Он должен был обеспечить ремонт и подготовку необходимого количества судов, решить вопрос с топливом и набрать команду матросов. Для первого рейса в устье Оби удалось собрать 6 судов и 15 деревянных барж (в 3-х из них были дрова, так как ниже Обдорска дров невозможно было найти).

В первых числах августа 1920 г., оставив Омск, караван особого назначения взял курс на Север. Флагманским судном шел пароход «Омск». 28 августа караван достиг бухты Находка, доставил 575 тыс. пудов хлеба и 66 846 пудов жиропродуктов. Сибирская хлебная экспедиция, несмотря на свои скромные результаты, положила начало регулярному плаванию советских торговых судов на всем протяжении Северного морского пути[34].

Для координации усилий в исследовании Севера и решения вопросов снабжения экспедиционных отрядов в марте 1920 г.

---

[32] См. Дмитриев-Садовников Г. Экскурсия по р.Сосьве и др. в 1919 г. // Лукич. 2000. № 4. С. 6—12.

[33] Пархимович С. Последняя экспедиция Дмитриева-Садовникова // Лукич. 2000. № 4. С. 61—63.

[34] Сургутсков А. Сибирская хлебная экспедиция 1920 года // Югра. 2000. № 5. С. 61—63.

была сформирована Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ. В ее обязанности входило не только непосредственное снабжение экспедиции необходимым снаряжением и продовольствием, но и координирование, планирование всех научно-исследовательских и экспедиционных работ, осуществляемых различными организациями в северных районах[35].

Кроме упомянутой хлебной экспедиции, в 1920 г. состоялась Обь-Тазовская экспедиция Института исследований Сибири (Томск), в задачи которой входило всестороннее изучение Обь-Тазовского полуострова. В составе экспедиции были Б.П. и К.Б.Вейнберги — магнитологи, топографы и метеорологи. Ученые сделали съемки побережья от Хэ до м.Круглого, Тазовской губы и западного берега Обской губы от м.Круг Сетного до Нового порта[36]. В.А.Зибарев[37] писал, что в 1921 г. в низовьях Оби работала Северная экспедиция Наркомата внешней торговли, но каких-либо подробностей о ее работе не сообщил.

В первой половине 1920-х гг. центральными учреждениями, ведавшими вопросами изучения Севера, являлись Комитет Северного морского пути и институт по изучению Севера. Вхождение Тобольского Севера в состав Уральской области сопровождалось активизацией по его изучению. Необходимость изучения Севера была вызвана прежде всего экономическими потребностями. Руководство Уралобласти хорошо понимало значение Тобольского Севера в экономике региона. В 1924 г. Уралоблисполком предоставил 5 тыс. руб. на геоботаническое и геологическое обследование Севера[38]. Полагаем, что эти средства выделялись под экспедицию Б.Н.Городкова, которая сыграла важную роль в изучении природы Северо-Западной Сибири.

Северо-Уральская комплексная экспедиция Академии наук СССР и Уралплана проходила в период 1924—1928 гг. Инициатором экспедиции был *Борис Николаевич Городков* (1890—1953 гг.) — опытный исследователь природы Севера, который

---

[35] Освоение Севера Советского Союза. М., 1982. С. 58.
[36] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 32.
[37] Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. С. 117.
[38] Грузлев С.А. Научно-исследовательские работы секции Совета Уралплана // Северная Азия. 1924. Кн. третья. С. 130.

родился в Тобольске, там же окончил гимназию[39]. Первые его экспедиции были осуществлены им еще в студенческие годы на реки Конду (1910), Салым (1911), Вах (1913), Полуй (1914), Северную Сосьву и в бассейн реки Маньи (1915)[40]. Летом 1917 г. он исследовал низовья Оби[41].

В 1923—1924 гг. Б.Н.Городков руководил экспедицией в таежных дебрях Северо-Западной Сибири — по Пуру и на водоразделе Пур-Обь. Проникнуть в глубь Обь-Тазовского водораздела летом считалось невозможным. Экспедиция готовилась в течение 2 лет. Тобольск стал отправным пунктом для знаменитой Северо-Уральской экспедиции 1924—1928 гг. Это была первая советская экспедиция на Приполярный Урал, организованная Академией Наук СССР и Уральской плановой комиссией. По важности поставленных задач, числу участников, оснащению и финансовому обеспечению это была одна из крупных экспедиций в первой трети XX в.[42]

Экспедиция 1924—1928 гг. проводилась под руководством Б.В.Дидковского и Б.Н.Городкова. Задачи экспедиции сводились к работам по съемке местности, сбору коллекций, выявлению общих закономерностей распределения почвенного и растительного покрова, особенно на границе между лесом и тундрой[43]. Север Восточного склона Уральского хребта к югу от реки Соби до 64° с.ш. был исследован сравнительно слабо. «Представлялось заманчивой задачей,— писал Б.Н.Городков в своем отчете 1926 г.,— заняться исследованием обширной территории, оставшейся белым пятном на картах Северного Урала, территории, особенно трудной доступности»[44]. Места, известные сегодня

[39] Дементьева И. Земляк, исследователь, интеллигент // Югра. 2001. № 3. С. 37.
[40] Козин В.В. Слово об ученом // Югра. 1994. № 10. С. 31.
[41] Курнков В. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой — в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000. С. 29.
[42] Архипова Н. Притяжение Севера // Уральский следопыт. 1982. № 10. С. 60—61.
[43] Архипова Н. Хронология географических исследований и основных открытий на Урале за 70 лет советской власти // Наука Урала — орган президиума и объединенного комитета профсоюза ордена Октябрьской революции Уральского отделения академии наук СССР. 1987. 30 сентября.
[44] Цит. по: Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982. С. 225.

своими газовыми месторождениями, были настолько глухими, что их старались не посещать даже кочевники-ненцы[45]. Там, где работала экспедиция, на многие сотни километров простирались безлюдные пространства. Лишь изредка участники ее встречались с оленеводами — хантами, манси и ненцами.

Первый год (лето 1924 г.) экспедиция двигалась по маршруту Обдорск — верховья реки Соби и Ельца и обратно в Обдорск. Экспедиция, оснащенная лодками и нартами, с трудом продвигалась по болотистой тундре. Нарты вязли в полужидком торфе, реки изобиловали порогами и перекатами. Одолевал гнус[46]. Исследовав растительный покров, Б.Н.Городков правильно отметил, что «климат восточного и западного склонов нашего района очень различен, о чем свидетельствует, прежде всего, растительность»[47].

В 1925 г. экспедиция работала юго-восточнее — между реками Собью и Войкаром. Экспедиция установила границу между зонами тундры и тайги на восточном склоне Урала, изучила закономерности в распределении верхней границы леса. Ранее Полярный Урал считался почти безлесым. Теперь выяснилось, что небольшие елово-лиственничные лески встречаются уже в долине Соби, а в истоках Войкара, что южнее, поднимаются по склонам гор до 200—250 м над уровнем моря.

Летом 1926 г. экспедиция разбилась на два отряда. Первый обследовал местность по маршруту Березово — село Мужи — река Сыня. Другой отряд через горы поднялся к истокам Сыни и направился на юг — к истокам Хулгы — и далее вниз по рекам Хулг, Ляпин, Северной Сосьве на Обь к Березово. В 1926 г. было вывезено 700 образцов горных пород, что положило начало формированию современных представлений о геологических особенностях территории[48]. В журнале «Хозяйство Урала» № 15—16 за 1926 г. М.Копотилов об экспедиции Городкова писал следующее: «Кроме проф. Б.Н.Городкова (ботаника) в составе экспедиции имеются: зоолог, геолог и картограф. Экспедиция работает уже

---

[45] Куриков В. Ханты-Мансийскин ... С. 29.
[46] Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. С. 226.
[47] Цит. по: Там же.
[48] Козин В.В. Слово об ученом // Югра. 1994. № 10. С. 31.

третий год, выполняя постепенно предложенный ей пятилетний план обследования восточного склона Северного Урала»[49].

В 1927 г. экспедиция Б.Н.Городкова изучала самую неисследованную область Урала — территорию между истоками рек Хулг и Щугора, исследовала горный хребет. Экспедиция вышла из Тобольска в Березово 23 мая на пароходе «Иван Самаровцев»[50]. Полевые работы выполнялись под руководством геолога А.Н.Алешкова. Кроме того, велись почвенно-ботанические исследования при участии В.Б.Сочавы, зоологические — К.К.Флерова и его помощника Е.А.Слудского и топографическая съемка местности, выполненная С.А.Янченко. В работах экспедиции принимал участие художник Н.Н.Рябинин, которым за время работы было написано до 70 картин и этюдов, относящихся к видам Северного Урала и быту туземцев: зырян и вогул. Произведенные геологические исследования велись в направлении изучения геологической истории и тектоники страны, изучения рельефа и причин его развития с целью составления геологической карты[51]. Работа экспедиции закончилась к 20 октября 1927 г.[52]

В том же году на Севере работала еще одна экспедиция — Гыданская, осуществлявшаяся в рамках комплексной экспедиции Городкова. В начале 1927 г. она начала свое движение по намеченному маршруту[53]. Работы начались в феврале, когда 10 числа экспедиция выступила в Яновой Стан на реке Турухане. Экспедиция отправилась в факторию Хальмер-седе в устье Таза. 28 июня, когда река очистилась ото льда, экспедиция на большой лодке отправилась вниз по Хассейн-то-се и 8 июля подошла к головной части залива Гыда-ям. Экспедиция добыла материал для составления карты страны, собрала сведения о геологическом строении, рельефе, почвах, флоре и фауне. Были проведены опросы самоедского населения. Очень часто планы местности чертились непосредственно туземцами, и представления о Гыданской тундре несколько конкретизировались. Так, изучение рель-

[49] Научно-исследовательская работа на Тобольском Севере // Хозяйство Урала. 1926. № 15—16. С. 172—173.
[50] Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 96.
[51] О летних работах Северо-Уральской экспедиции в 1927 году // Уральское краеведение. Свердловск, 1928. № 2. С. 125—128.
[52] Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 96.
[53] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.

ефа показало, что по характеру он преимущественно волнистый, с небольшими высотами, с мягкими очертаниями долин и гряд[54]. Летом 1928 г. экспедиция изучала территорию от истоков Щугора на севере до широты Няксимволя на юге. 15 сентября все участники экспедиции встретились на левом берегу Северной Сосьвы.

По словам Н.Г.Фрадкина, обобщившего труды экспедиции, она «завершила общее ознакомление с природой Северного Урала»[55]. По предложению Б.Н.Городкова и А.Н.Алешкова, исследованная экспедицией часть Урала получила название Приполярный Урал. Ученые составили карту рек Агана и Пура, собрали сведения о природе, ресурсах и населении. Появилась карта Гыданского полуострова[56].

Помимо экспедиции 1924—1928 гг., осуществившей комплексный подход к изучению природы и ресурсов края, исследования проводили в указанные годы другие экспедиции, однако они носили более локальный характер и характеризовались небольшими сроками их проведения.

Зимой 1924 г. по поручению плановой комиссии Уральского облисполкома было проведено экономическое обследование Прикондского края. Возглавлял экспедицию *Леонид Рудольфович Шульц*, заведующий Тюменским окружным архивом и музеем. Экспедиция провела этнографическое исследование, изучила остатки архивов бывшего инородческого управления, выяснила изменения, происшедшие в отношении мест сбыта продуктов края, собрала сведения относительно местонахождения и границ заповедников для охраны бобра и соболя. Кроме этого, члены экспедиции произвели описание реки Салым, сделали приблизительно 400 верст инструментальной съемки, собрали гербарий салымской флоры (718 листов) и др.[57]

Л.Р.Шульц в 1925 г., согласно запросу Госторга, наметил план работы по обследованию удаленного района области — реки Таза. В программу входили работы по сбору материала по гидрографии Тазовской губы, климатологии и метеорологии, флоре и

---

[54] Уральское краеведение. Свердловск. 1928. № 2. С. 128—135.

[55] Фрадкин Н.Г. Очерки по истории физико-географических исследований территории СССР. М., 1961. С. 170.

[56] Белобородов В. Экскурсия на реку Салым // Югра. 2000. № 2. С. 66—67.

[57] Там же.

фауне. Планировался сбор данных о численности и этническом составе оседлого и кочевого населения на территории обследования. В объяснительной записке Уральскому комитету Севера исследователь представил программу экспедиции с обстоятельным анализом. В документе достаточно четко сформулировано важнейшее требование к предстоящим работам, которое заключалось в том, чтобы «в результате поездки получить правильную сеть заготовительных факторий в зоне Приполярного Севера на территории между Обью и Енисеем, в бассейне Таза, Пура и Гыды, с учетом существующей сети уральских и енисейских факторий». Особое внимание рекомендовалось «уделить оленеводческому хозяйству Заполярного Севера, как в отношении его мощности, так и более рациональной постановки использования этих богатств»[58]. Однако осуществить намеченную экспедицию не удалось, вероятно, одной из причин явилось недомогание Л.Р.Шульца.

Слабым местом в исследовании Сибири являлась **геология**. В начале второй половины 1920-х гг. под непосредственным влиянием развертывавшейся индустриализации начался процесс перестройки деятельности сибирских геологов в сторону научно-производственную, благодаря чему задачи прикладного плана — поиск и разведка полезных ископаемых — проводились на широкой научно-теоретической основе. Сведений о наличии полезных ископаемых в Северо-Западной Сибири в те годы почти не было. Известно лишь, что в устье реки Маньи — притока Северной Сосьвы — были зафиксированы выходы известняка[59]. Наличие белой глины было обнаружено в 40 км от Нарыкор, на правом берегу Оби, против юрт Комудван[60]. Требовалось более детальное обследование качества и мощности залегания указанных пород.

В 1925 г. профессором *Александром Николаевичем Заварицким* (1884—1952), геологом и петрографом, основателем петрохимии, работавшим в районе Обдорска, было установлено, что по

---

[58] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 97.

[59] Новицкий В. Проблема Уральского Обьиртышья // Хозяйство Урала. 1930. № 10. С. 59.

[60] Там же.

берегам рек имеется платина и разнообразный строительный материал: разноцветные глины, слюды, асбест[61].

В начале июля 1925 г. Ленинградский государственный университет на средства Комитета Севера при президиуме ВЦИК командировал в район рек Сосьвы и Лозьвы студента этнографо-географического факультета *Валерия Николаевича Чернецова* для изучения вогулов[62]. Начиная с 1925 до 1938 гг. В.Н.Чернецов почти ежегодно приезжал к обским уграм для изучения их культуры. Главным объектом его внимания были манси и лишь частично ханты[63]. В.Петрова и Г.Харючи упоминают об экспедиции к ненцам во второй половине 1920-х гг., участником которой был В.Н.Чернецов[64]. Речь идет об экспедиции, которая совершалась под руководством Н.Котовщиковой. В 1929 г. Чернецов провел первое археологическое исследование на Ямале на Тиутей-сале и Хаен-сале, где им были обнаружены три археологических памятника. Находки свидетельствовали, что на Ямале в течение длительного времени бытовала культура, существенно отличавшаяся от культуры ненцев-оленеводов[65].

Открытие В.Н.Чернецова по-настоящему оценили лишь в наши дни. В.В.Фитцхью[66] так пишет об этом: «Для той эпохи, эпохи гипотез в эксимологии, открытие Валерием Чернецовым в 1929 г древней культуры предположительно эскимосского гипа на мысе Моржовом полуострова Ямал, стало исполнением многих ожиданий... Утверждение Чернецова ... было единственным указанием на древность приморской адаптации в неведомой центральной части российской Арктики»[67].

В 1925 г. для исследования экономического положения хантов к ним ездил Г.Старцев. Изучала хантов в Сургутском районе в 1923—1924 гг., 1925—1926 гг. этнограф *Раиса Павловна Митусова*.

---

[61] Там же.
[62] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.
[63] Молодин В.И., Лукина Н.В. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 51.
[64] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории... С. 59.
[65] Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 32.
[66] Вильям В. Фитцхью — директор Центра арктических исследований, департамент антропологии, Смитсониевский Институт, США.
[67] Фитцхью В. В поисках Грааля: циркулярная теория и реалии ямальской археологии // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 26.

Ее первая поездка состоялась по командировке Отдела Русского музея для проведения этнографических работ среди народов Тобольского Севера. Ею был собран ценный этнографический материал о лесных ненцах, о которых в то время почти не было сведений. Часть собранных материалов Раиса Павловна передала в музей Тобольского Севера (42 предмета). По итогам экспедиции она выступила с докладом на публичном заседании Общества Изучения Края в музее Тобольского Севера[68].

Во время экспедиции 1924—1925 гг. Раиса Павловна провела впервые бюджетные описания остяцких и самоедских хозяйств. Описание проводилось по бланку, выработанному Уралстатбюро совместно с Митусовой. Туземцы проявляли доверие к ней, хотя опрос проводить было весьма сложно. Поэтому исследовательница пользовалась и личными наблюдениями при составлении описания. Никто из жителей обследованных хозяйств по-русски не говорил. Всего было обследовано 13 самоедских и 8 остяцких хозяйств[69]. Р.П.Митусовой был собран статистико-экономический и этнографический материал по хозяйству и быту местных народов. Затем она получила задание Уральского Комитета Севера по проведению антропологических и медико-санитарных исследований коренного населения[70]. Намеченный маршрут экспедиции охватывал район реки Тром-Югана, озера Нум-Го, реки Полуя. К экспедиции Р.П.Митусовой был прикомандирован в качестве картографа А.А.Нагель[71].

Вернувшись из экспедиции 26 октября 1926 г., Р.П.Митусова — начальник экспедиции Уральского Комитета Севера — сделала сообщение на заседании Комитета, рассказав о маршруте, по которому прошла экспедиция (Сургут — Тром-Юган, приток Нятленга, до притока Стюне-Диаха — Надым, побережье Обской губы до Хэ и далее пароходом до Обдорска)[72]. Материалы о проведенной экспедиции были помещены Р.П.Митусовой в журнале

---

[68] Шестакова Л.В. Из истории комплектования... С. 309.

[69] Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств. Издание Уралоблстатбюро. Свердловск, 1925. С. 5—7.

[70] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 45. Л. 52.

[71] Там же. Л. 60.

[72] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 110. Л. 41.

«Уральское краеведение» за 1927 г.[72] Этнограф подробно описала все трудности экспедиции, условия, в которых приходилось работать, оставила впечатления об отношении местного населения к новой власти и ряд других моментов. Экспедиция была начата 16 июня, когда из Сургута она двинулась по реке на зыбкой лодке к Тром-Югану. В это время года вода очень высокая в реке. Обласок из осины был ненадежным сооружением, но экспедиция продолжала путь. Исследовав Надымский край, Р.П.Митусова описала весьма интересные явления, например, кедры огромной величины, каких она не встретила в других местах, в которых ей приходилось бывать. Экспедиция закончила работу в октябре. С последним пароходом, 12 октября, они выехали из Обдорска[74].

С 1 мая по 15 августа 1926 г. на Севере работала Казымская экспедиция (река Казым), возглавляемая В.М.Новицким. Экспедиция в составе ихтиолога Б.Г.Чаликова и студента географического института Б.А.Каминского всесторонне обследовала территорию приобской части Казымского туземного райсовета. Были получены сведения о хозяйстве и быте туземного населения[75].

В июле 1926 г. через Тобольск проехала экспедиция Управления колонизации на Урале. Экспедиция ставила цель — обследование реки Кумы, правого притока Конды, и выявление возможных условий для колонизации этого района и эксплуатации естественных богатств. Экспедиция состояла из трех лесоведов и землемера. Возглавлял экспедицию А.Ф.Теплоухов.

20 июля 1926 г. через Тобольск прошла еще одна экспедиция — гидрографическая, под началом гидрографа Сергиевского. Экспедиция ставила задачу — продолжить обследование Северного Морского пути.

В конце июля проехал через Тобольск на Конду профессор Пермского государственного университета А.И.Емельянов для сбора материала к составляемому им словарю вогульского языка[76].

---

[72] Митусова Р.П. На далеком Севере (Экспедиция в Надымский край и по реке Тром-Юган) // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1. С. 66—69.

[74] Там же.

[75] Научно-исследовательская работа на Тобольском Севере // Хозяйство Урала. 1926. № 15—16. С. 172.

[76] Там же.

По поручению Тобольского Комитета Севера в октябре-ноябре 1925 г. В.В Васильев произвел статистико-экономическое обследование бассейна реки Демьянки. Краткое сообщение о результатах обследования В.Васильевым Демьянки содержится в материалах Уральского Комитета Севера[77].

В начале сентября 1926 г. В.В.Васильев — член Тобольского общества изучения края, инструктор Тобольского ОКРЗУ по охотничьему хозяйству — снова выехал в район верховьев рек Конды и Сосьвы. По заданию окрплана он должен был выяснить возможность организации в указанном районе боброво и соболиного заповедников. Такой заповедник был создан позднее и получил название Кондо-Сосьвинский бобровый заповедник[78]. Отправился В.Васильев в таежный край в одиночку, так как с проводником (из-за совершенного последним неблаговидного поступка) пришлось расстаться. Условия для путешествия были крайне тяжелые. «Я вынужден был ходить за 100—120 верст и жить по неделям один, таская запас продовольствия котомками на себе, и ночевать под открытым небом, что особенно сказывалось с наступлением морозов. На вершине реки Конда пришлось голодать. При поездке на реку Тапсуй поморозил пальцы ног...»,— писал В.Васильев в своем отчете'[79]. Его отчет был составлен в форме докладной записки, но по своему содержанию явился первой характеристикой природы Кондо-Сосьвинского края. В ней содержались сведения о лесных массивах и болотах, составе и численности пушного зверя.

В 1927 г. В.Васильев предпринял еще одну экспедицию для обследования Кондо-Сосьвинского водораздела. Работы служили продолжением и завершением работ, начатых в прошлом году. Основной задачей было изучение местной фауны и выбор места для боброво-соболиного заповедника. Вместе с В.Васильевым в состав экспедиции входили: зоолог Н.М.Вакуленко, 2 переводчика и 4 рабочих. Средства на экспедицию были отпущены хозяйственными организациями Уралторгом и Госторгом в размере 6 тыс. руб.[80] На Конде Васильев совершил беспрецедентный

[77] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 110. Л. 39.
[78] Научно-исследовательская работа... С. 172.
[79] Югра. 1992. № 10. С. 18.
[80] Кондо-Сосьвинская охотничья экспедиция // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1. С. 110.

шаг: провел собрание туземцев и от имени советской власти сдал им в аренду все промысловые угодья, без права пользования ими посторонними лицами. За этот поступок население бесконечно доверяло Васильеву и в знак особого расположения показало ему бобровые поселения.

Там же, обследовав огромный район, Василий Владимирович установил, что соболь находится на грани исчезновения. Карт местности не существовало, и Васильев изготовил их сам, нанеся несколько десятков речек и озер, узнав их названия от коренного населения[81]. В 1929 г. В.Васильев совершил еще одну поездку на Конду, в ходе которой должен был определить место для создания заповедника.

В 1926—1927 гг. состоялась экспедиция Государственного Русского географического общества, возглавлял которую Кольс (имя неизвестно.— *Л.А.*). На заседании президиума Обдорского районного исполнительного комитета от 22 сентября 1927 г. был заслушан доклад Кольса. Ученый отметил огромные трудности передвижения, бытовые неудобства; однако результаты работы экспедиции были впечатляющими: «В Тазовской губе обследован и нанесен на карту берег с бухтой от Ямбур-Сале до устья р.Поеронко и речки Пу-ко-юн. Обследован левый берег дельты Таза на протяжении 25 верст, где найдено 8 стоянок каменного века. Положена на карту р.Таз от Хальмер-седе до Сидоровской пристани в масштабе 1 вер. В дюйме на расстоянии 318 верст и протока Явун-торг на 80 верст. Собрано зоологических коллекций около 300 экз

По стоянкам каменного века собраны черепки посуды: каменные, костяные стрелы и бронза. При раскопке развалин Мангазеи найдены ряд предметов домашнего обихода и 2 монеты. А также собрана коллекция — полный набор самоедских инструментов — орудий охоты, лова. Сделано до 200 негативов этнографического и географического характера за время пребывания в районе Таза с 21 августа 1926 г. и по 28 августа 1927 г., велись метеорологические наблюдения.

За это же время пришлось наблюдать за жизнью населения, особенно за жизнью нацмен самоедов. Из наблюдения приходится

[81] Гарновский К.В. В Кондо-Сосьвинском заповеднике. 1940—1945 гг. Шадринск, 1993. С. 9—12.

констатировать: до Сидоровской пристани живут самоеды, а дальше вверх по Тазу — остяки.

В экономическом отношении живут в тяжелых условиях. Недостаточно товаро-продуктов и орудий лова. В нынешнее лето не было на Тазу с июля по 9—10 августа хлеба, население питалось исключительно рыбой, а также не было по промыслам заброшено соли, в силу чего самоеды добытую рыбу перерабатывали на юрок и позем. А также в Тазу цена на песец существовала 38 руб., а на Янов-Стане и Сидоровской пристани Туруханского Интегрального Союза Кооперативов цена была 41 руб. и дотации 10 руб., в общем песца покупали за 51 руб. в силу чего есть тяготение самоедов в Туруханский край»[82].

По докладу ученого местным райисполкомом было принято постановление, в котором высказывалось пожелание о срочном издании карты района с предоставлением одного экземпляра в райисполком, а по окончании обработки материалов экспедиции — выслать один экземпляр Обдорскому музею[83].

В августе 1927 г. началась краткосрочная экспедиция на Конду, организованная Тобольским окрисполкомом для выяснения лесных массивов. Возглавил экспедицию заведующий лесным отделом округа А.И.Гранников. Средства выделялись в Тобольске и рассчитывались на полтора месяца работ для четырех членов экспедиции[84].

В 1926 г. состоялась экспедиция *Михаила Бонифатьевича Шатилова* (1882—1933) к ваховским хантам. О М.Б.Шатилове, к великому сожалению, сегодня известно очень немногое. Родился в Томске в 1882 г. Был одним из создателей и первым директором Томского краевого музея (ныне — Томский областной краеведческий музей) с 1922 по 1933 гг. В 1924—1928 гг. проводил полевые этнографические исследования на севере Томского края среди остяков (хантов), остяко-самоедов (селькупов), тунгусов (эвенков) и русских старожилов. В результате ему удалось собрать значительные этнографические коллекции для музея, цен-

[82] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 87. Л. 110—111.
[83] Там же. Л. 111.
[84] Обследование лесов реки Конды // Уральское краеведение. Свердловск. 1927. № 1. С. 112.

ные научные материалы, часть которых была опубликована в 1920-е гг.

В августе 1933 г. М.Б.Шатилов был арестован по обвинению в политическом преступлении. Следы его обрываются в подвалах Томского ОГПУ. В конце пятидесятых Михаил Бонифатьевич был реабилитирован.

Попытки известного томского этнографа Н.В.Лукиной разыскать родственников Михаила Бонифатьевича, его научный архив, выяснить его дальнейшую судьбу оказались тщетны. Единственное, что ей удалось найти,— это неизвестную статью М.Б.Шатилова «Драматическое искусство ваховских остяков» (рукопись). Статья, безусловно, представляет собой большую научную ценность. Интерес западносибирских этнографов к ней был настолько велик, что ее дважды издали в разных научных сборниках.

О результатах экспедиции М.Б.Шатилов написал книгу «Ваховские остяки (этнографические очерки)»[85]. В предисловии автор изложил цель и результаты экспедиции, которая была предпринята в 1926 г. на Вах для хозяйственно-бытового обследования ваховских остяков. Экспедиция была проведена по инициативе Томского Краевого Музея через посредство Томского Комитета Севера по поручению и заданиям Центрального Комитета Севера при ВЦИК.

Согласно М.Б.Шатилову, «обследование было предпринято главным образом в связи с присоединением Александро-Ваховского района к Томскому округу[86], когда для его практической административной и хозяйственной деятельности в отношении ваховских остяков потребовались всесторонние материалы о Ваховском районе. Этим объясняется довольно обширная программа и особые задания обследования применительно к практи-

---

[85] Шатилов М.Б. Ваховские остяки (этнографические очерки) // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. 4.

[86] До 1917 г. село Александровское называлось Нижне-Лумпокольское и входило в состав Сургутского уезда. 28 марта 1924 г. село переименовано в Александровское, был образован Александровский район Сургутского уезда. 21 мая 1925 г. губернии и уезды упраздняются. Образован Сибкрай с 19 округами, в том числе и Томским, в который и вошел Александровский район // Из истории с.Александровское (1826—1996 гг.). Сб. документов и материалов. Томск; Александровское, 1996. С. 1.

ческим надобностям данного момента»[17]. Действительно, об Александро-Ваховском районе к моменту экспедиции Шатилова было известно немногое. В докладе «Об обследовании Александровского райкома РКП (б) за период с октября по февраль 1926 г.» сообщалось, что район с осени 1925 г. отошел от Уральской области к Томскому округу Сибкрая, приводились сведения о численности населения, подчеркивалась проблема отсутствия всякой связи в течение 5 месяцев в году и др.[18] В целом сведения носили отрывочный характер и не давали полной картины об огромной территории.

Соответственно основным заданием экспедиции М.Б.Шатилова было статистико-экономическое обследование остяков системы Ваха: 1) подворное (каждой юрты); 2) поселенное; 3) порайонное основных промыслов: пушного, звероловного, орешного; 4) сбыт, потребление и бюджет.

Наряду с этим основным заданием экспедиция обязана была выявить бытовые особенности жизни остяков, которые тесно связаны со всей системой их хозяйства. В задание экспедиции входило обследование главной водной артерии — Ваха, по возможности, до последнего населенного пункта вверх по его течению, для чего экспедиция располагала временем в четыре месяца. За это время экспедицией пройдено по Ваху на лодке примерно до 1400 км. Экспедиция поднялась вверх по Ваху до его правого притока Корельки-еган на расстояние до 700 км от устья Ваха; выше этого пункта имелась по Ваху всего одна юрта в шести днях пути. Таким образом, по Ваху были пройдены все населенные пункты, за исключением этого последнего. Притоки Ваха (слабо населенные), реки Кулун-еган, Сабун и Колек-еган, за дальностью расстояния и недостатком времени экспедиции посетить не удалось[19].

Экспедиция работала в составе: М.Б.Шатилова — этнографа-экономиста; М.И.Попова — статистика; А.И.Иглякова — переводчика (васюганского остяка — студента Ленинградского туземного рабфака). О результатах экспедиции М.Шатилов писал:

---

[17] Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки / Под ред. С.Г.Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 7.
[18] ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 172. Л. 280.
[19] Шатилов М.Б. Ваховские остяки... С. 7—8.

«Экспедицией исполнены следующие работы: проведено подворное обследование всех хозяйств, встретившихся на пути следования экспедиции к этому моменту (обследовано 108 хозяйств), затем проведено поселковое обследование всех населенных пунктов по Ваху (32) и нескольких по его притокам (8) — всего 40; наконец, проведены порайонные обследования промыслов. пушного, оленного, рыболовного и орешного.

При подворном обследовании учтены и подробно описаны наиболее важные моменты семейной бытовой и хозяйственной жизни каждого двора (юрты), как, например: 1) семья — половой, возрастной состав, родной язык, грамотность, естественное движение, образ жизни; 2) земельные угодья, район промыслов; 3) скотоводство, виды скота, естественное движение, уход, болезни; 4) промыслы — техника и быт; 5) промысловый инвентарь; 6) добыча пушнины, ее виды: 7) рыболовство, добыча рыбы, инвентарь; 8) средства передвижения; 9) жилище; 10) потребление и покупка товаров, 11) задолженность; 12) налоги и сборы; 13) бюджет.

При поселенном обследовании учтены и описаны разнообразные моменты, характеризующие населенный пункт как таковой, его административное и географическое положение, расстояния, пути и средства передвижения, экономическое тяготение, земельные и промысловые угодья и т.д.

Подворное и поселенное обследование тесно связаны и взаимно пополняют, корректируют одно другое и в то же время составляют главный материал обследования и исходный для других работ экспедиции по обследованию отдельных промыслов.

Для обследования промыслов уже на месте во время работ намечались определенные районы, чем-либо обособленные, характерные, по которым и проводилось обследование. Всего таких районов намечено было пять, по которым и проведено подробное обследование основных промыслов: пушного, оленного, рыболовного, орешного, ягодного и промысла на птицу

а) В отношении пушного промысла учтены и описаны подробно наиболее важные его моменты, из которых можно отметить район промысла, виды и ценность пушнины, способы и условия добычи, время промысла, место сбыта, способы обработки, перспективы промысла и проч.

б) По рыболовному промыслу учтены точно так же различные стороны промыслов, дана характеристика угодий, экономика промысла, его техника и организация, виды продукции, сбыт и потребление, перспективы промысла.

в) По оленеводству собраны материалы, определяющие количество и состав оленьих стад, инвентарь при оленях, уход за оленями, прирост, болезни, продукты оленеводства и хозяйственное значение оленей и т.д.

г) Наконец, обследован орешный и ягодный промысел и добыча птицы, по которым имеются материалы, характеризующие формы и способы ведения промысла, промысловые угодья, сбыт продуктов и перспективы промысла»[90].

По этнографии, насколько позволил краткий срок работы, была обследована материальная, социальная и духовная культура местного населения, а именно: жилище, домашняя утварь, одежда, пища, образ жизни, промыслы (бытовая сторона и техника), средства передвижения, оленеводство, народная медицина, родовые отношения, брак, семья, административное устройство, обычное право и родовой суд, общее миросозерцание, верования; собраны материалы по фольклору — записано 30 произведений народного эпоса. Наряду с этим велись фотографические снимки различных сторон жизни остяков. Наконец, экспедицией собрано для Томского Краевого Музея 162 экспоната — предметы промысла, быта, искусства и культа остяков.

Главное внимание при этнографических наблюдениях в силу указанных выше основных заданий экспедиции было обращено на бытовые моменты, тесно связанные с хозяйством остяков. Поэтому более подробно была обследована материальная культура, социальное устройство и духовная культура[91].

Материалы экспедиции были представлены в Комитет Севера при ВЦИК в виде двух работ: «Хозяйство ваховских остяков» и «Ваховские остяки (этнографические очерки)».

При ознакомлении с книгой «Ваховские остяки» необходимо учитывать, что в основу ее легли материалы, относящиеся к 1926 г., где впоследствии по Ваху было введено новое административное устройство в виде особого туземного района (1928 г. — *Л.А.*)

[90] Шатилов М.Б. Ваховские остяки ... С. 9.
[91] Там же. С. 8—10.

и начались первые шаги по распространению советских преобразований.

Начиная с 1926 г., Сибирская научно-рыбохозяйственная станция Наркомзема вела систематические исследования Оби и ее бассейна с целью выявления основных физико-географических элементов и гидрологии реки, а также возможностей развития промыслового хозяйства. В 1926—1927 гг. исследования охватывали в основном среднее течение Оби, в пределах Нарымского края, в 1928 г. велись работы в Обдорском крае. «Были сделаны многочисленные химические анализы в бассейне Оби: органические вещества составляют 0,42 мг на 1 л, то есть превосходят Енисей и Лену в 15 раз. Этот факт был бы весьма благоприятным для рыбного хозяйства Оби, если бы он не был связан с другим явлением, в корне аннулировавшим положительные стороны и высокую продуктивность водного бассейна Оби. Это явление — «замор» или «загар» — значительно понижает рыбохозяйственное значение реки»[92]. Замор — явление, свойственное только Оби, делает ее выдающейся и оригинальной рекой мира. Замор заключается в своеобразном изменении газового и солсвого баланса вод Оби и ее притоков и является гидрологической аномалией, не имеющей аналогии среди других крупных рек. Внешне проявляется в следующем: с декабря вода приобретает затхлый неприятный для питья вкус, в ней выпадает особый бурый осадок «ржавец», котрый вызывает гибель рыбы, если она не успевает уйти в незаморные реки или где есть ключи. Замор проявляется в полной силе ниже впадения реки Васюгана. Распространяясь со скоростью 40 км/ч, замор охватывает все нижнее течение Оби вплоть до Обской губы на протяжении 1 800 км[93].

Как уже указывалось, 1926 г. был самым насыщенным разного рода экспедициями. Комитет Севера в Тобольске подвел итоги изучения края в 1926 г., указав:

«1. Произведено статистико-экономическое и этнографическое обследование бассейна р.Демьянки;

2. Совместно с Обществом изучения края создан научно-исследовательский отряд, всесторонне изучивший северную часть Березовского района,

[92] ТФГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 132. Л. 320—324.
[93] Там же.

3. Произведено обследование экономики, культуры и хозяйственных нужд вогульского населения Конды;

4. Производится планомерное собирание данных об обычном праве туземцев;

5. Обследованию подвергнуто туземное население бассейнов рек Югана, Балыка, Салыма, Агана и Тром-Югана Сургутского района»[94].

В.А.Зибарев писал, что в 1927 г. на Обской Север отправилось 8 различных экспедиций[95]. По нашим подсчетам, число экспедиций составляло: в 1926 г. — 9; в 1927 г. — 6. В 1928 г. число экспедиций на Тобольском Севере заметно сократилось. Правильнее говорить об экспедициях, начавшихся ранее и заканчивавших работы в этом году. Тем не менее, в 1928 г. все же было проведено несколько новых экспедиций. Л.Е.Киселев сообщал, что в 1928 г. состоялась экспедиция Уралоблзу (Евладов, Королев, Спицин), изучавшая состояние промыслов и общественных отношений у ненцев[96]. В.П.Петрова и Г.П.Харючи также упоминают об этой экспедиции, подчеркивая, что она была предпринята для обстоятельного изучения жизни и быта ненцев[97]. Экспедиция оценена указанными авторами как «проводившая исследования по формированию государственно-национальной политики на Крайнем Севере»[98]. В начале 1980-х гг. московский этнограф-сибиревед *А.И.Пика* (1951—1995) обнаружил архивные материалы, посвященные первым этнографическим экспедициям на полуостров Ямал. Так, удалось узнать более подробно о том, как проходила та экспедиция[99].

В ходе исследования обнаружены документы, вероятно, еще об одной экспедиции, участником которой был В.П.Евладов, по времени более ранней. В ТФГАТО имеется Д. 87, в котором содержится документ с названием «Выводы из доклада Евладова по административному устройству и быту туземцев Тобольского

---

[94] Северянин. 1926. 20 октября.

[95] Зибарев В. А. Советское строительство... С. 117.

[96] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 148.

[97] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999. С. 57—59.

[98] Там же. С. 57.

[99] См.: Альбом ямальских экспедиций В.П.Евладова. М., 1998.

Севера» (дело датировано 1926—1927 гг.)[100], а в Деле 45 «Материалы о проведении этнографических, лингвистических и экономических исследований среди народов Севера (1925—1926 гг.)» прямо указывается, что в районе полуострова Ямал работала медико-санитарная экспедиция Облздравотдела, где Евладов работал в качестве топографа[101]. В документе содержится программа для проведения обследования самоедов на полуостровах Ямал и Гыданском и по берегам реки Таза:

«... — сбор сведений о переменах, ... путях кочевания;
— этнические группы, степень внедрения советского строя;
— выяснение ... отдельных торговцев и размеров кредитов;
— описание состояния и условий промыслов;
— судебное устройство»[102].

Значит, речь все-таки идет о двух экспедициях. В 1926 г. ее проводил Облздравотдел, а в 1928 г. — Уралоблзу. Появление «Альбома ямальских экспедиций В.П.Евладова» подтверждает наше предположение, поскольку там приводятся сведения о первой экспедиции, состоявшейся в 1926—27 гг.[103]

1928 г. стал рубежным в развитии Севера Уральской области, за которым последовало более пристальное внимание к северным районам, что логически вытекало из первого пятилетнего плана промышленного развития Уралобласти. Обладающий значительными запасами природных ресурсов, Тобольский округ дополнял развитие индустриального Урала. Но его отдаленность, слабая изученность и малообжитость по-прежнему не позволяли использовать богатства края в полной мере.

Активное вовлечение в орбиту переустройства северных районов Западной Сибири в конце 1920-х гг., начало коллективизации в южных районах Тобольского округа и перераспределение земель повлекло за собой проведение в Тобольском округе, в том числе и на его Севере, научных экспедиций и исследований для изучения и составления экономико-географических характеристик имеющихся угодий с целью более эффективного их использования в хозяйстве края.

[100] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 87. Л. 102—106 об.
[101] Там же. Д. 45. Л. 70.
[102] Там же. Л. 81.
[103] Альбом ямальских экспедиций ... С. 149.

В 1928 г. состоялись экспедиции в Ларьякский туземный район Томского округа. Известно, что в районе работала экспедиция Западно-Сибирского водного пути. Другая экспедиция — Земтреста — пыталась выявить пригодные земли для сельского хозяйства, однако в отчете указала, что таковых не выявлено[101].

Летом 1928 г. по заданию Томского Комитета Севера была проведена работа по исследованию оленьих пастбищ. Цель экспедиции сводилась к установлению степени возможности их использования для оленеводства. План работ предусматривал выяснение типов пастбищ, их месторасположение, влияние климата на пастьбу оленей, почвенные условия; изучение весеннего, летнего, осеннего и зимнего корма, исследование вопроса о возобновлении и пожарах пастбищ. Экспедиция должна была сделать заключение о размерах возможного развития оленеводства[105].

Обследование началось с района реки Вах и ее притоков. Удалось выявить, что все пастбища в районе Ваха и прилежащих притоков относятся к лесному типу пастбищ. Описанная группа пастбищ представляла следующую картину:

Таблица 1

Пастбища Ваховского района в 1928 г.[106]

Наименование пастбища	Площадь (в тыс. га)	Количество оленей
Корликовское	6	1102
Б-Ромкиновское	3	516
Сахтауровское	9	1736
Чегламеговское	3	424
Б-Ларьякское	22	301
М-Ромкиновское	1	127

Таким образом, таблица позволяет заключить, что наиболее крупными были два пастбища: Сахтауровское и Б-Ромкиновское. Проанализировав предварительный отчет по исследованию пастбищ, мы установили, что в нем получили отражение все параметры запланированной работы и представлены подробные описания.

---

[104] Сподина В.И. Мегион — страницы истории. Новосибирск, 2000. С. 29.
[105] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1.
[106] Там же. Л. 1—2.

Большое место занимает в отчете проблема восстановления пастбищ, особенно пострадавших от пожаров. Отмечалось губительное влияние последних на лишайниковый покров. Уточнялось, что если огонь затронул только лишайник, то возможно надеяться на восстановление пастбища через *25 лет*, если же огонь разрушил поверхностный слой гумуса, то восстановление пастбищ практически невозможно. Указывалось, что для восстановления пастбища необходимо особое наблюдение и предохранение от вытаптывания нарастающего молодого лишайника, прекращение пастьбы оленей на выгоревших участках. Ниже приведенные сведения показывают изменения процента покрытия лишайниками пастбищ, подвергшихся пожару:

Корликовское — 66,25%
Б-Ромкиновское — 57,25%
Сахтауровское — 54,75%
М-Ромкиновское — 30%
Б-Ларьякское — 26%
Чегламеговское — 23,75%

Вывод, сделанный Л.П.Пудовкиной, проводившей исследования пастбищ, заключается в том, что в данном крае может развиваться оленеводство, так как имеется в достаточном количестве запас летнего и зимнего корма, необходимого для пропитания известного количества оленей[107].

Дальнейшее исследование пастбищ было проведено зимой 1929 г. ассистентом кафедры оленеводства П.А.Ивановым[108], но материалами указанной экспедиции, к сожалению, мы не располагаем.

В протоколе № 36 от 6 мая 1929 г. Ларьякской партийной ячейки нашла отражение проблема исследовательских работ в крае. Председатель местного отделения Интегралтоварищества Новосильцев отметил, что необходимо обратить внимание приезжающих экспедиций на тщательное изучение района. Им обращалось внимание на короткие сроки экспедиций: «От кратковременных экспедиций пользы мало. Их было много, а район и сейчас не исследован. Для тщательного изучения района необходима экспедиция из 2-х человек, только на продолжительный

[107] Там же
[108] Там же. Л. 12.

срок»[109]. Новосильцев указал также на то, что имеются некоторые краеведческие материалы, на основе которых правлением товарищества разработан товарный план и отправлен в Союз на утверждение[110].

Выявление и систематизация фактического материала по изучению Тобольского Севера позволяет, прежде всего, констатировать большую заинтересованность ученых, краеведов, представителей хозяйственных и партийно-советских организаций в исследовании края.

Изучение природы, населения и хозяйства Тобольского Севера осуществлялось в ходе проведения многочисленных экспедиций, которые, за исключением некоторых (экспедиции Городкова, Митусовой, Чернецова, Васильева), не носили системного характера, были краткосрочными по времени, что, безусловно, не позволяло провести глубокие и разносторонние исследования. Хотя на этот счет в литературе имеется и противоположное суждение[111].

Важнейшей причиной организации большинства экспедиций второй половины 1920-х гг. являлся экономический интерес, значительно реже, но все же присутствовала цель изучения истории, культуры народов Сибири и старожильческого населения. Очевидно также и то, что без исследований энтузиастов, всей душой любивших Север, изучение края было бы представлено куда беднее[112].

Особенно активно шло изучение Тобольского Севера с 1926 г. — это не случайно и было связано, в первую очередь, с образованием Комитетов Севера, одной из задач которых являлась организация научных исследований для обеспечения роста экономи-

---

[109] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 82. Л. 61 об.

[110] Там же. Д. 97. Л. 37.

[111] В.Петрова и Г.Харючи считают, что «многочисленные экспедиции заложили основы комплексного изучения и рационального использования природных ресурсов края, дали характеристику социально-экономического положения коренных народов Севера... Исследования послужили основой для проведения ... разнообразной работы по культурно-бытовому обслуживанию населения» (Петрова В., Харючи Г. Ненцы в истории... С. 59—60).

[112] Гололобов Е.И. Об определении перспектив социально-экономического развития Тобольского Севера в 20-е годы XX в. // Тезисы докладов и сообщений 4 региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города. Нижневартовск, 2001. С. 90.

ческих возможностей северных территорий, которые активизировали свою деятельность на рубеже 1925—1926 гг.[113].

Большое значение играл Тобольск как центр краеведческого движения, а также влияние А.А.Дунина-Горкавича на развитие краеведения было бесспорным. Незадолго до смерти он написал: «Приступая к освоению Обского севера на плановой основе, следует твердо помнить, что на этой окраине, кроме природных богатств, есть разнородное население с самобытным укладом жизни, с интересами и нуждами которого надлежит согласовывать все свои действия...»[114]. К сожалению, мудрое наставление не было взято в расчет в те годы.

Север с его громадными ресурсными возможностями оставался стратегическим регионом и имел важнейшее значение для развития страны, что объясняло столь пристальное к нему внимание руководства Уралобласти, Тобольского окружкома и окрисполкома, и настойчивые попытки по его изучению, несмотря на объективные трудности.

1.2. Исследование Севера Западной Сибири в 1930-е гг.

В начале 1930-х гг. на Севере начался процесс нового районирования. В связи с образованием национальных округов шло формирование органов власти, выстраивалась трехзвенная структура управления. Крестьянская ссылка, возникшая сеть спецпоселений меняли картину природного и экономического ландшафта. Начавшееся создание колхозов требовало проведения землеустройства, но сведений о состоянии лесных, водных, почвенных ресурсов было недостаточно, поэтому начало 1930-х гг. ознаменовано, в первую очередь, попытками провести исследования крупных лесных территорий и создать условия для землеводоустройства[115]. Тогда же была поставлена цель — организовать экспедиции для изучения геологических возможностей края[116].

---

[113] Там же.

[114] Цит. по: Прибыльский Ю.П. Исследователь Тобольского Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995. С. 18.

[115] ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199. Л. 109 об.

[116] 30 июля 1931 г. на собрании Тобольского райбюро краеведения был заслушан доклад В.Н.Сухачева — профессора Ленинградского университета,

Земтрест требовал от экспедиций, направлявшихся на обследование Севера в 1931—32 гг., составления природных и экономических характеристик районов: описание природных условий, экономическую характеристику территории, краткие итоги землеводоустройства[117].

В 1931 г. началось обследование лесных угодий в Ларьякском районе. Обследованию подлежал участок, расположенный в верхней части бассейна реки Вах, к западу от левого притока Калик-Егана. Удалось выделить участок прямоугольной формы со сторонами 34—36 км, площадь которого исчислялась в 122 тыс. гектаров. Насаждения с господством кедра там составляли 59,9% всей площади лесов, с господством сосны — 23,8%.

Основной фон растительному ландшафту района придавал кедр, образующий как чистые, так и смешанные насаждения. Изреженные пожарами, периодически повторяющимися, вероятно в течение нескольких столетий, леса района приобрели характер редкостойных насаждений со средним возрастом в пределах 160—240 лет.

М.Е.Бударин упоминал об обследовании лесов бассейна Конды, проводимых лесоэкономической партией Облестреста 1932 г.[118] Обнаруженные новые документы позволяют уточнить представления об этой экспедиции. Она носила название «Кондо-Самаровская землеводоустроительная экспедиция», в задачи которой входило до 1 января 1933 г. обследовать Кондинский район и территории Демьянского ондатрового совхоза общей площадью 8,5 млн. га. Экспедиция обязана была выполнить чертежные работы, составить очерки к проекту и отводные записи[119].

В том же году состоялось еще одно лесообследование Ларьякского района, проводимое в связи с требованием комплексного устройства территории Севера на основе решений окружной плановой комиссии Остяко-Вогульского округа от 2 июня 1932 г. Техническое выполнение работ проводилось в соответствии с утвержденной программой по обследованию лесов, главным образом, путем использования материалов лесо-экономической

руководителя Иртышской экспедиции АН СССР — о предстоящих геологических исследованиях. См.: На социалистической стройке. 1931. № 4. С. 22—23.

[117] ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199. Л. 109 об.

[118] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 122.

[119] ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.

экспедиции Бескина, охотоведческой экспедиции Лобачевского, отдельных работников леспромхоза и частичным осмотром лесов сотрудниками Госземтреста, а также и по опросным данным туземного населения[120].

В результате обследования площади лесов были выделены господствующие породы и группы возраста, а также представлены подробные характеристики лесных угодий. В документе отмечалось, что «до сих пор в районе никаких лесозаготовок не производилось, местное население дрова для отопления своих жилищ в большинстве случаев заготавливает из валежа и сухостойного леса»[121]. В 1933 г. в Остяко-Вогульском округе состоялась еще одна экспедиция по обследованию лесных богатств, которую осуществляли сотрудники Уралсеверпути[122].

Экспедиции по обследованию территорий в 1932—1934 гг. были в первую очередь связаны и обусловлены необходимостью проведения земельно-водного устройства территории, с которым на Обском Севере запаздывали. Не хватало специалистов, отсутствовали карты территорий, поэтому высказывалась фантастическая по тем временам идея о привлечении и подготовке кадров землеустроителей из среды туземного населения[123].

Госземтрест в своем инструктивном письме от 19 февраля 1932 г. указывал, что не имеет сведений об административном делении округов, оставаясь в полном неведении относительно того, как идет землеустройство на Севере[124]. В июле 1932 г. Госземтрест спустил циркулярное письмо, адресованное начальникам экспедиций северного устройства, в котором потребовал регулярной отчетности о проведенной работе на 30 число каждого месяца. Для этого предлагалась специальная форма, которая включала в себя: виды работ, размер обследованной площади и краткое описание проведенных работ[125].

В 1932 г. полевые работы по экспедиции Госземтреста были закончены, и началась работа по подготовке проектов. Вопрос

---

[120] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11, 16, 19.
[121] Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 4.
[122] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 122.
[123] ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199. Л. 20.
[124] Там же.
[125] Там же. Л. 20—21.

проработки норм наделения угодьями колхозов и единоличников был центральным, к которому в 1932 г. еще не приступали. Опыта и знаний не было. Программа земтреста ориентировала в этом вопросе лишь на то, что необходимо создать условия для организации новых колхозов, выявить фонды для совхозного строительства и обеспечить классовую линию[126]. Земтрестом для землеустроителей были разработаны и представлены программы по почвенно-ботаническому исследованию территории, по оленеводству, по сельскохозяйственным угодьям[127].

1932 г. стал примечательным в плане выявления нефтеносных недр в Северо-Западной Сибири. Проведенные геологические исследования на предмет нефтеносности позволили сделать определенные выводы о наличии здесь нефти. Первые указания о нефтепроявлениях по реке Конде в Октябрьском районе относятся еще к дореволюционному периоду. Так, в справке краеведа П.А.Россомахина секретарю Обско-Иртышского обкома ВКП (б) В.К.Фомину 14 марта 1934 г. сообщалось: «О нефти до германской войны и во время ее писали, помню, в газетах о том, что в бывшем Тобольском уезде нашли, кажется, на р.Конде нефть. Сведения более точные можно получить в Тобольском музее. Обратить особое внимание на Остяко-Вогульский округ (Самарово)»[128]

В 1932 г. техник Косолапов сделал заявку по поводу выхода нефти у села Юган Сургутского района. В следующем году выход нефти был замечен Дмитриевым в Березовском районе на реке Няйс, притоке Большой Сосьвы. В 1932 г. на сессии Академии Наук СССР в Новосибирске академик И.М.Губкин впервые выдвинул научно обоснованный прогноз о нефтеносности Западно-Сибирской низменности. 14 июля 1932 г. газета «Правда» напечатала статью об академике Губкине, поместив интервью с ним, в котором ученым была высказана блестящая научная догадка о высоких перспективах нефтегазоносности Западно-Сибирской равнины. В беседе с корреспондентом академик И.М.Губкин подчеркнул: «Мне думается, что пора начать систематические поиски нефти на восточном склоне Урала. Нефть

[126] Там же
[127] Там же. Л. 71, 75 об.
[128] Новости Югры. 2001. 31 марта.

является родственницей угля по своему происхождению. Нефть, уголь — это члены одного генетического ряда битумов, которые начинаются в одном конце графитом и антрацитом, на другом идут до жидкой нефти и газообразных углеводородов. Генетическая причина возникновения этого длинного ряда, в сущности говоря, одна и та же. Только в одних условиях, при наличии материала одного характера, у нас возникает процесс обуглероживания, возникает уголь. При другом исходном материале, в других условиях его изменения, возникает нефть. Часто случается так, как говорят геологи, что угольная фракция может переходить в нефтяную»[129]. Эта гипотеза была встречена большинством ученых настороженно, поскольку шла вразрез с имеющейся геологической информацией по данной территории[130]. Кроме того, академик весьма определенно высказался насчет перспектив освоения Западно-Сибирской низменности, предвосхитив значение региона в экономике страны: «Перспективы и значение разработки нефти в этих районах огромны. Добыча в этих районах может обеспечить не только потребности Урало-Кузнецкого комбината, но и всего народного хозяйства СССР»[131]. С выступления газеты началось систематическое изучение и поиск нефти и газа на Севере Западной Сибири. 11 июня 1934 г. руководство Обско-Иртышской области, в которую Остяко-Вогульский округ входил с января 1934 по январь 1935 г., приняло постановление «О геологоразведочных и поисковых работах», которым, относительно нефтеразведки, предусматривалось следующее: проверить сведения о месторождении нефти в Самаровском и Березовском районах[132].

16 мая 1934 г. секретарь Остяко-Вогульского окружкома в телеграмме в Обско-Иртышский обком ВКП (б) указывал на нефтепроявления около села Юган, в 60 км от Сургута. Летом 1934 г. инженер-геолог В.Г.Васильев из треста «Востокнефть» подтвердил наличие естественного выхода нефти на реке Большой Юган. Газета «Советский Север» от 11 июля 1934 г. сообщала: «У селе-

---

[129] Карпов В.П. Обоснование гипотезы И.М. Губкина о нефтегазоносности Западной Сибири в 1950—60-е годы // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 202.

[130] Там же.

[131] Цит. по: Маров И. Живая летопись открытий. Свердловск, 1971. С. 10.

[132] Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 24.

ния Юган через каждые 5—15 минут со дна реки выбрасывается клубок темной жидкости, принимавший в первые мгновения форму выпуклого кверху полушария. Затем расплывается по поверхности». Для более детального изучения выхода нефти трестом была организована Обь-Иртышская экспедиция во главе с В.Г.Васильевым. Результаты работ партии кратко сводятся к следующему: «С марта до вскрытия рек было пробурено 1210,3 м и сделано заключение о глубинных выходах нефти. На р.Б.Юган, в 50 км от ее устья, происходит всплывание со дна реки маслянистой жидкости, которая на поверхности ее образует прекрасно ирризирующую пленку, типичную для нефти. При раскапывании дна реки в данном месте выделение жидкости резко усилилось в форме массового появления пятен подобной же пленки различной величины и формы»[133].

В работе А.Хархардиной «Геологический очерк Уральского Севера» (1934 г.) сделана ссылка на сообщение Злыгостева — сотрудника сельскохозяйственной экспедиции «Уралсеверпути» — об имеющихся выходах нефти в деревне Цингалы Самаровского района.

Газета «Ханты-Манчи-Шоп» от 21 апреля 1935 г. писала, что при повторном бурении контрольной скважины обнаружено нефтепроявление. «Наличие нефтяного выхода на Югане доказано окончательно»[134]. Первые геологи, начавшие искать нефть, встретились с огромными трудностями не только материального, бытового, но и научного характера. Методы геологической съемки, применяемые на Кавказе и в Средней Азии, оказались здесь неприемлемы[135]. В 1937 г. В.Г.Васильев опубликовал в журнале «Омская область» статью «К вопросу о нефтеносности Западно-Сибирской низменности». В ней он сообщил, что осенью 1936 г. была проведена проверка нефтяных выходов у села Юган[136].

Ведомственная реакция на опубликованную информацию была весьма оперативной. Союзгаз в письме от 10 мая 1937 г. в Остяко-Вогульский окрплан высказывал просьбу сообщить адреса

---

[133] Васильев В.Г. К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области // Советский Север. 1934. 15 ноября.
[134] Омская область. 1937. № 5. С. 35.
[135] Маров И. Живая летопись открытий. С. 9.
[136] Омская область. 1937. № 5. С. 35.

всех учреждений и организаций, занимающихся в той или иной степени геолого-разведочными или буровыми работами[137].

В информационном письме Научно-исследовательского геолого-разведочного института от 16 июня 1939 г. сообщалось о том, что НГРИ приступает к исследованиям нефтеносности Западно-Сибирской низменности и намечает ряд работ в пределах Остяко-Вогульского округа. В письме высказывалась просьба о содействии геологу Л.С.Получаевской и снабжении ее необходимыми материалами: картами, разрезами, записками об имеющихся сведениях в округе по нефтеносности[138].

Требовались более глубокие изыскания, которые не смогли провести в предвоенные годы. Таким образом, геологические поиски в 1930-х гг. не увенчались успехом, поскольку не привели к открытию месторождений газа и нефти. Тому было несколько причин: слабая техническая вооруженность, недостаточная научная разработанность методов разведки, сезонность поисковых работ и ряд других. С началом войны разведочные работы стали свертывать, а в 1943 г. прекратили полностью[139].

В 1930-е гг. были предприняты попытки организации научного звероводства, хотя стоит оговориться, что первые мероприятия были проведены еще в 1920-х гг., а опыт разведения животных в искусственных условиях имел место в крае и до революции[140].

В начале 1930-х гг. начались осуществляться исследовательские работы в Кондо-Сосьвинском заповеднике. Способствовал появлению заповедника доклад охотоведа В.В.Васильева «О речных бобрах Тобольского Севера», который был представлен в Государственный Комитет по охране природы 19 июля 1927 г.

---

[137] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 88.

[138] Там же. Л. 106.

[139] Маров И. Живая летопись открытий. С. 14—15.

[140] П.И.Лопарев в статье «Об искусственном разведении пушного зверя» (Наш край. 1924. № 4) писал о попытке купцов Сыромятникова и Попова разводить животных в неволе. Им удавалось получать немногочисленные пометы, но в годы революции и гражданской войны их предприятия были разрушены. С окончанием гражданской войны попытки организовать питомники возобновились. Обь-Иртышский Союз кооперативов начал создание питомника в селе Шеркалы Березовского района. Действовал частный питомник Малинина. Количество лисиц в нем было 27. См.: Пушное звероводство // Югра. 2000. № 7—8. С. 80—81.

В постановлении, принятом по данному докладу на третьем пленарном заседании, звучала мысль о необходимости создания заповедника на Сосьвинско-Кондинском водоразделе для охраны бобра, соболя, лося и других животных. К Наркомзему обратились с просьбой обратить внимание на этот район[141]. Решение об организации заповедника было принято на заседании Коллегии Наркомзема 26 апреля 1929 г., в котором отмечено: «Организовать в Тобольском округе Уральской области охотничий запасник под наименованием «Северо-Уральский государственный боброво-соболиный заповедник» с биологической, метеорологической станциями и эксплуатационными охотничьими промысловыми участками»[142]. В том же документе говорилось, что под заповедник выделяется участок площадью 800 тыс. га, финансирование осуществляет государство, однако непосредственное заведывание и все работы по его организации возлагались на Уралоблземуправление. Сумма, которая отпускалась в первый год, составляла ничтожно малую часть того, что необходимо было для начала работ — 9 600 рублей[143].

Директором заповедника был назначен В.В.Васильев[144] — опытнейший охотовед. В 1931 г. он опубликовал небольшую статью о заповеднике, в которой сообщал, что заповедник создан в тайге в Березовском районе. Теперь заповедником ведал Всесоюзный пушносиндикат, но практическое руководство осуществлялось по линии Уралгосторга. Размер угодий составлял 2 400 000 га[145], что нашло отражение в договоре от 5 апреля 1930 г. на снятие в аренду Уралгосторгом эксплутационной зоны в Тобольском округе[146].

---

[141] ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 143.
[142] Там же. Л. 149.
[143] Там же.
[144] Биография Василия Владимировича Васильева нигде подробно не описана, но дела его свидетельствуют, что человек он был незаурядный. Родился в 1889 г. в семье присяжного поверенного в Казани. Известно, что с июня по октябрь 1921 г. он находился в Ямальской полярной экспедиции. По возвращении остался в Тобольске. Сосьвинские ханты и кондинские манси дали ему почетное прозвище «Васька-главный судья». См.: Гаврилов М. Основатель и первый директор // Югра. 1992. № 10. С. 17—19.
[145] Васильев В. Опыт работы Северно-Уральского охотсовхоза // На социалистической стройке. 1931. № 5—6. С. 12.
[146] ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

Невыполнение предоставления необходимых средств в 1929—1930 гг. для заповедника привело к срыву запланированных работ, что зафиксировано в протоколе № 152 заседания президиума Тобольского окрисполкома от 11 ноября 1930 г.[147]

Большой вклад в изучение таежной Сибири внес В.В.Раевский, приехавший в первый раз в качестве заведующего Шуктунгфским биопунктом Уральской зональной станции Союзпушнины в 1933 г. В этом далеком поселке на реке Малая Сосьва размещалась центральная усадьба Кондо-Сосьвинского заповедника. В 1935 г. В.В.Раевский приехал на Север уже вместе с женой, намереваясь здесь жить и работать. Однако волна репрессий, развернувшаяся в стране, докатилась и до Дальнего Севера. А.Ф.Раевская вместе с большой группой микробиологов была арестована. В.В.Раевский, веря в скорое возвращение жены и ожидая ее, тем временем вплотную взялся за изучение соболя.

Отдаленный и труднодоступный бассейн реки Малой Сосьвы был одним из основных соболиных резерватов в Западной Сибири. Там же сохранилась и самая крупная в СССР колония сибирских аборигенных речных бобров, оберегаемая заповедником. Работу В.В.Раевского по изучению соболя в Кондо-Сосьвинском заповеднике с полным основанием можно назвать подвижнической. Месяцами ходил он в одиночку на лыжах и пешком по следам соболей, ночуя у костров или в тесных зимовьях, буквально изнуряя себя ради познания всех деталей образа жизни этого зверька. Местную тайгу он знал не хуже старожилов, но глубоко уважал аборигенов-таежников, и они платили ему тем же.

В.В.Раевский разработал оригинальную методику учета соболей по зимним гнездам, впервые применив для изучения этого вида отлов и мечение специальными ушными метками[148].

Кондо-Сосьвинский заповедник стал одним из первых научных и культурных центров на Севере. Рабочие и служащие заповедника обследовали тысячи квадратных километров лесных угодий, прорубали дороги, вставляли межевые знаки, строили жилые и служебные помещения, промысловые избушки, проводили

---

[147] Там же

[148] Штильмарк Ф. Натуралист Вадим Раевский // Югра. 1999. № 10. С. 48—49

опытные работы по посевам, сооружали парники. Велись и заготовки соболя[149].

Таблица 2

Заготовки соболя в Кондо-Сосьвинском заповеднике (1931—1933 гг.)

Год	Количество (в шт.)
1931	700
1932	1 100
1933	1 223

Ежегодно составлялись календарные планы работ, проводимых в заповеднике: разбивка участков, постройка кордонов и просек, расчистка завалов и многое другое. Средств катастрофически не хватало. Уральский Комитет Севера на своем заседании от 18 февраля 1930 г. заслушал доклад В.Васильева, который сказал, что отпущенные средства ни в коей мере не обеспечивают нормального развертывания работ. Было принято решение просить Центральный Комитет Севера о смете в 70 тыс. руб.[150]

Проведение научных работ в заповеднике стало возможно лишь накануне войны, после того, как были сооружены необходимые объекты и жизнь сотрудников более или менее наладилась. Отчеты и планы о научной работе обнаружены, начиная с 1939 г. Заповедник делал упор на изучение биологии и экологии охраняемых животных и объектов[151].

Работы в области сельского хозяйства, точнее, по экспериментированию в земледелии осуществляла Зональная опытная сельскохозяйственная станция, находившаяся в ведении Наркомзема СССР и сельскохозяйственной академии им.Ленина[152].

По изучению фауны и домашних животных было сделано в те годы немного. Известно, что в 1936 г. была предпринята экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства в 3 района Остяко-Вогульского округа: Самаровский.

---

[149] Советский Север. 1934. 26 августа.
[150] ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.
[151] Там же. Д. 13. Л. 24.
[152] Говоров А. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа // Омская область. 1940. № 3. С. 43.

Сургутский и Березовский. Были составлены бланки, в которые по 13 параметрам заносились физиологические показатели. Кроме этого, была установлена численность поголовья лошадей (18 832)[153]. Летом 1936 г. в Остяко-Вогульском округе работала экспедиция сельскохозяйственного управления ГСМПУ в составе специалистов по сельскому хозяйству, в задачи которой входило изыскание и обследование земельных фондов под совхозы[154]. В 1936—1937 гг. сотрудники Тюменского пединститута провели изучение флоры, фауны и геологического строения бассейнов рек Торм-Яган и Надым.

В 1936 г. Казымо-Надымская экспедиция Института экономики Севера Главсевморпути совместно с Томским университетом исследовала бассейн верхнего течения реки Надым, озера Нум-то и составила карту этого района. В состав экспедиции входили 12 специалистов, начальником экспедиции была *Александра Николаевна Виноградова*. Перед экспедицией стояла задача комплексного исследования: Казым—Нум-то—Надым[155].

В 1930-е гг. активизировалось изучение Ямальского округа. В 1931 г. экспедиция в составе геоботаников, почвоведов обследовала полуостров Тазовский и низовья Оби. Активно изучались пастбища и осуществлялась инвентаризация пастбищных угодий. Для организации белужьего промысла рыбтрестом в 1931 г. была предпринята экспедиция в Обскую губу, которая позволила установить наличие животных и сферу их обитания. Однако экспедиция носила краткосрочный характер, не имела специальных судов. Тем не менее, промысел белухи в 1932 г. составил 1 082 штуки. Стоит оговорить, что перерабатывающего плавучего завода не было, равно как и утилизационного, что вело к большим потерям[156].

В 1930-е гг. продолжалось и географическое изучение округа. В 1934 г. Е.А.Леонтьева и В.К.Иванов описали климат Обь-Иртышского бассейна. Изучением рельефа края занимался И.П.Герасимов.

---

[153] Рогалевич М.И. Коневодство в Остяко-Вогульском округе // Народное хозяйство Омской области. 1936. № 11—12. С. 75—76.
[154] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 96.
[155] Там же. Л. 90.
[156] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 7.

В 1932 г. по просьбе Зоологического института АН СССР был послан на Ямал В.С.Адрианов для проверки сообщения об использовании ненцами «земляного сала». По слухам, однажды ненец, натолкнувшись на запасы этого сала, испробовал его для наживки песцовых ловушек и обнаружил, что песец пошел на эту приманку лучше. Выяснилось, что земляное сало — не что иное, как останки ископаемого кита. Однако поездка на Ямал и ее результаты не вызвали у Адрианова заметного исследовательского интереса. Приведенные материалы по характеристике быта ненцев и хантов Ямало-Ненецкого округа он передал в 1933 г. отделу Сибири МАЭ. Между тем, побывать на Ямале ему еще предстояло. В 1935 г. он был отправлен для проведения исследования в Ямальском округе. Согласно договору, В.С.Адрианов был обязан собрать сведения о находках, производить обмеры, фотографировать, производить топографическую съемку памятников, раскопки в районе Салехарда. Весь материал следовало представить в Институт антропологии и этнографии Академии наук. Начатые им раскопки (лето 1935 г.) принесли прекрасные результаты. Адрианов привез около 7 000 предметов. В мае 1936 г. он вновь был командирован в район Салехарда для продолжения раскопок. Работы осуществлялись на городище в устье реки Полуя, в результате раскопок им было доставлено 11 034 предмета. По материалам экспедиций он успел опубликовать краткие статьи, заявив об обнаружении оригинальной усть-полуйской культуры. В.С.Адрианов стоял на пороге важных научных обобщений и открытий, но в ноябре 1936 г. он был арестован. Архив и коллекция Василия Степановича хранятся в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге[157].

Более широко, чем в предыдущий период, были развернуты геологические исследования. Накануне войны несколько лет экспедиция Уральского геологического управления Института геологии АН СССР изучала восточные склоны Урала. Работы Северо-Уральской геолого-поисковой экспедиции Свердловского горного института были начаты в 1936 г.[158] Хотя эпизодические гео-

[157] Решетов А.М. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 240—245.

[158] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 95.

логические изыскания имели место и раньше. В протоколе № 94 от 8 октября 1936 г. заседания Остяко-Вогульского окрисполкома отражен вопрос «О результатах работы геолого-разведочной экспедиции за время с 1932 по 1936 год». Доклад был представлен начальником экспедиции Сириным, который доложил о проведенных изыскательских и топографических работах в Няксимволе и Саранпауле Березовского района, он также просил о разрешении на продолжение работ[159].

В бассейне реки Щучья, около Салехарда и других районах округа были открыты месторождения торфа[160]. Накануне войны в Салехарде довольно успешно функционировала метеорологическая станция, которой заведовал *Дмитрий Мартинианович Чубынин* — опытник, проводивший исследования по выращиванию в Заполярье различных овощных культур. Работала зональная опытная станция ГУСМП, которую возглавлял *Борис Владимирович Патрикеев*, также проводивший опыты по земледелию[161].

С 1936 по 1941 гг. на Крайнем Севере работала Полярно-Уральская экспедиция Уральского геологического управления, в результате деятельности которой была составлена подробная геологическая карта Полярного и Приполярного Урала. В 1929 г. начала работу комплексная экспедиция по изучению производительных сил Северного Урала, однако информацией о ее результатах мы не располагаем[162].

1930-е гг. стали временем более пристального внимания к коренным народам, изучению их языков, культуры и быта, что было обусловлено в первую очередь задачами культурной революции. В 1930-е гг. начал сбор материалов и исследования по хантыйскому языку немецкий ученый В.Штейниц. Источником его информации были студенты Института народов Севера, а в 1935 г. он совершил поездку непосредственно на места проживания северных ханты в основном шеркальской и шурышкарской групп[163].

---

[159] Там же. Л. 105.
[160] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории... С. 94.
[161] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 146. Л. 7.
[162] Архипова Н. Хронология географических исследований и основных открытий на Урале за 70 лет советской власти // Наука Урала. 1987. 7 октября
[163] Молодин В.И., Лукина Н.В. и др. История и культура хантов. Томск. 1995. С. 51.

Большой вклад в изучение ненцев внес этнограф Г.Д.Вербов, к сожалению, рано ушедший из жизни исследователь, не успевший осуществить многое из своих научных планов, воплощению которых помешала Великая Отечественная война. Те, кто когда-либо соприкасался с проблемами изучения прошлого народов Северо-Западной Сибири, безусловно, не могли не заметить трудов Г.Д.Вербова, посвященных ненцам[164]. К сожалению, биографические сведения о молодом исследователе почти не представлены в научной литературе. Представляется возможным исправить этот пробел на основе документов, извлеченных из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга[165].

Г.Д.Вербов родился в 1909 г. в Москве. Отец его был сыном школьного учителя, работал завхозом на железной дороге. В 1926 г. Г.Д.Вербов окончил школу в Ленинграде и поступил в институт им. А.И.Герцена на естественно-исторический факультет, затем перевелся на этнографическое отделение географического факультета. Университет успешно окончил в 1931 г., где во время учебы специализировался по ненцам[166].

В 1930—1931 гг., будучи еще студентом, Г.Д.Вербов проходил практику в качестве заведующего Большеземельским красным передвижным чумом (Большеземельская тундра). Практика оказалась весьма успешной, о чем имеется соответствующая запись и рекомендация заведующего сектором кадров Института народов Севера Миляева о возможности использовать Г.Д.Вербова в качестве педагога[167]. Тогда же, в 1931—1932 гг., Г.Д.Вербов работал на Севере в качестве заведующего учебной частью ненецкого комплексного техникума, в котором преподавал и ненецкий язык.

После окончания университета, в 1932 г., он поступил в аспирантуру Института народов Севера, где обучался по 1935 г. В 1936 г. Г.Д.Вербов защитил диссертацию «Диалект лесных ненцев», в результате чего ему была присвоена степень кандидата лингвистических наук. Как известно, в начале 1930-х гг. у ненцев

---

[164] См.: Вербов Г.Д. Лесные ненцы // Советская этнография. 1936. № 2. С. 60—70; Он же. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. Сб. статей. 1939. Ч. 2. С. 43—65 и др.

[165] ЦГАСПб. Ф. 9471 — Институт народов Севера им. П.И. Смидовича.

[166] ЦГАСПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

[167] Там же. Л. 19.

письменность была создана только для тундрового диалекта. Относительно диалекта лесных ненцев, которые составляли не многим более 5% ненецкого населения, проблема письменности не была решена. Частично эту задачу пытался решить Г.Д.Вербов в своей диссертации, где он описал грамматику и лексику этого диалекта на основе латинского алфавита.

Во время учебы в аспирантуре Г.Д.Вербов преподавал ненецкий язык в институте им. А.И.Герцена. С 1932 по 1934 гг. работал также в качестве редактора в северном секторе Учпедгиза. В те годы Г.Д.Вербов, работая в ИНСе совместно с Г.Н.Прокофьевым и А.П.Пырерка, провел большую работу по изучению ненецкого языка, созданию учебной, общественно-политической и художественной литературы на ненецком языке. В течение 1932—1935 гг. Г.Д.Вербов также сделал переводы на ненецкий язык следующих книг. Учебник арифметики (Ч. 2), Книга для чтения (Ч. 1); Красный чум; Звери жарких стран.

В 1934 г. по поручению Комитета нового алфавита народов Севера Г.Д.Вербов совершил лингвистическую экспедицию к лесным ненцам, о чем в деле имеется удостоверение, из которого видна цель экспедиции — исследование диалекта лесных ненцев[168], сроком по 1 ноября 1934 г.[169] (северные притоки Агана, между Обью и Тазом), в результате которой ему удалось не только поработать в плане языка, но и уточнить расселение лесных ненцев, описать их быт и занятия[170]. Позже о результатах исследования им были опубликованы статьи. Так, в работе «Лесные ненцы»[171] Г.Д.Вербов охарактеризовал территорию, численность, образ жизни и занятия лесных ненцев. Исследователь делает интересное замечание о том, что изолированность территории лесных ненцев явилась большим препятствием для скорейшей советизации и культурно-хозяйственного подъема, подчеркивая, что работа по советизации развернулась в 1932 г.[172]

---

[168] Лесной диалект имеет отличия от тундрового главным образом в области фонетики, однако настолько значительные, что взаимное понимание тундровых и лесных ненцев затруднено.

[169] ЦГАСПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12. Л. 6

[170] Там же. Л. 5, 9а.

[171] См.: Советская этнография. 1936. № 2. С. 63—70.

[172] Советская этнография. С. 69

С конца 1935 г. Г.Д.Вербов отбыл в качестве ученого секретаря в Ямальский округ[173]. В документе указывалось, что поездка планировалась на 2—3 года. Однако других сведений на этот счет в указанном архиве не имеется. А вот в Тюменском областном центре документации новейшей истории сохранилось письмо Г.Д.Вербова, написанное им из фактории Тамбей, датированное 10 мая 1936 г. В нем автор, не заостряя внимания на неизбежных трудностях путешествия, описывает быт кочевников и работу советов в тундре[174]. В конце 1930-х гг. Г.Д.Вербов сделал переводы первых прозаических и драматических произведений, авторами которых были ненцы: Н.Вылка: «Марья», «На острове», рассказывающие о переселении группы ненцев на Новую Землю, И.Ф.Ного: «Шаман», «Ваули Ненянг»[175]. В 1939 г. Г.Д.Вербов опубликовал интересную работу о пережитках родового строя у ненцев[176], в которой сформулировал признаки проявления пережитков рода. Жизнь Григория Давыдовича трагически оборвалась в 1942 г.

Краеведческая работа. Традиционно очагами краеведческой работы выступали местные музеи. Если в Обдорске краеведческий музей насчитывал многолетнюю историю, то в Остяко-Вогульске[177] создание окружного музея произошло довольно поздно и совпало с кампанией развертывания работ по краеведению. Окружной краеведческий музей для посетителей был открыт лишь в 1936 г.[178] К середине 1930-х гг. государственные органы пытались активизировать краеведение, которое в прежние годы развивалось благодаря энтузиастам-краеведам. Переписка Центрального бюро краеведения с местными краеведческими обществами прослеживается на примере Остяко-Вогульского округа с 1934 г. На 1 апреля в четырех районах (Самаровский, Кон-

[173] ЦГАСПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 12. Л. 9а.
[174] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994. С. 259—260.
[175] Хомич Л. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб, 1996. С. 308.
[176] Советская этнография. Сб. статей. 1939. Вып. 2. С. 64.
[177] Постановление Президиума Уралоблисполкома от 9 июля 1932 г. «О создании окружного музея в Остяко-Вогульске» не выполнено своевременно, так как не было ни помещения, ни кадров, ни предметов для музея. Фактически к организации музея приступили в начале 1935 г. См.: ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3. Л. 174.
[178] Краеведческий сборник. № 1. Ханты-Мансийск, 1958. С. 3.

динский, Сургутский, Шурышкарский) были созданы районные оргбюро краеведения. В Ларьякском районе краеведением занимались 2 человека. Всего насчитывалось в округе на 25 марта 1934 г. 17 краеведческих ячеек и 275 членов[179].

В сентябре 1934 г. в Остяко-Вогульском округе организовался окружной отдел Обско-Иртышского Общества изучения края. В своей работе общество планировало основываться на деятельности школьных краеведческих кружков. Тогда же все школы получили инструкции об организации ячеек краеведения и инициативных групп изучения местного края[180]. Окружной Совет краеведения предписывал создать не только кружки в школах, но и ячейки краеведения на предприятиях. Для организационного оформления краеведения рекомендовалось провести в срок с 15 декабря по 15 января 1934—1935 гг. районные конференции краеведов и оформить общество путем выбора райсовета краеведения[181].

В Березовском районе существовал райсовет, который был избран на районной краеведческой конференции, состоявшейся 30 января 1935 г. Присутствовали делегаты от всех 13 сельсоветов в количестве 83 человек. На конференции обсуждались вопросы:

— задачи советского краеведения;
— утверждение устава;
— выборы райсовета.

Подготовка к конференции была организована краеведом Казымской культбазы В.С.Денисенко. 21 февраля он провел в Березово с руководителями секций и районным активом инструкторское совещание по вопросам: в чем конкретное содержание деятельности по каждой секции, каковы методы работы и с чего ее начать? На совещании отмечалась слабая деятельность райсовета и секций, вся краеведческая работа сосредоточена вокруг Казымской культбазы, где силами двух краеведческих секций проведен сбор наблюдений о быте казымских хантов. При краеведческом пункте культбазы сосредотачивались экспонаты, иллюстрирующие жизнь населения и природу Казыма[182].

---

[179] ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
[180] Там же. Л. 29, 76, 40.
[181] Там же. Л. 78—79.
[182] Там же. Л. 2.

При Сосьвинской культбазе также работал краеведческий пункт, заведующим которого был М.А.Воскобойников. Краеведы собрали материал о природе и населении всего района, кроме Няксимвольского сельсовета[183].

Для охвата краеведческой работой всех районов и округов Омское областное бюро краеведения создало институт инструкторов-краеведов, которые должны были развертывать краеведческую работу на местах. Объединение было формальным, так как в округе должны были подобрать соответствующую кандидатуру для работы в глубинке. Желающих не нашлось. Облбюро вынуждено было признать неудачу. «Созданный нами институт инструкторов-краеведов при местных районных бюро и окружных советах обществ ни в коей мере не оправдал возлагавших на него надежд»[184].

Центральное бюро краеведения в середине 1930-х гг. поставило перед краеведческими организациями задачу провести комплексную сплошную инвентаризацию районов в каждой области. Начать сплошную инвентаризацию планировалось в 1936 г.[185] Омское областное бюро краеведения 1 июля 1936 г. в письме к окружным и районным оргбюро краеведения напоминало, что основной работой краеведческих организаций является комплексное описание (паспортизация районов). «Учитывая большое политическое и хозяйственное значение этой работы, Облбюро краеведения немедленно просит включиться в эту работу совместно с райпланами и систематически информировать о ходе ее выполнения»[186].

26 марта 1936 г. Центральное бюро краеведения указало областным и окружным обществам на недостаточно организованную краеведческую работу в школах. «Школа должна дать учащимся навыки краеведческой работы, знания о своем крае, районе и тем самым принять участие в подготовке краеведческих кадров». Требовалось до 1 мая 1936 г. создать школьные секции краеведения при окружных и областных обществах[187]. В общества поступило

[183] Там же. Л. 2 об.
[184] Там же. Л. 145.
[185] Там же. Л. 54.
[186] Там же. Л. 7.
[187] Там же. Л. 55.

Положение о школьной секции и различные инструкции, которые даже предусматривали задания для учащихся на каникулы[188]

На 1936 г. намечалась реформа краеведения. Центральное бюро предписывало к концу 1936 г. закончить реорганизацию краеведческих организаций и перевести их на Устав общества Изучения Края, вводилась строгая отчетность по работе и наличие обязательной документации (учетная карточка члена, дневник и др.)[189]

Краевед Казымской культбазы *Василий Семенович Денисенко* — высокообразованный и деятельный участник краеведческого движения середины 1930-х гг. — в 1935 г. написал письмо ученому секретарю Остяко-Вогульского окружного общества изучения края Трофимову, в котором представил свой взгляд на краеведческую работу в крае: «Краеведная работа в Березовском районе должна получить широкий размах; хотелось бы, чтобы и весь наш округ заразился этим: не сможем иначе планировать развитие нашего хозяйства, вести как нужно весь процесс социалистического строительства — необходимо планировать и изучение округа». Говоря о руководящих работниках, он подчеркивал, что многие не интересуются тем, что было год-два тому назад, не сравнивают с настоящим, не планируют будущего: «Низовые работники, за небольшим исключением, не читают партийных установок, резолюций Комитета Севера». В.С.Денисенко подчеркивал, что очень многое не изучено, а те цифры, которыми оперируют в округе, только приблизительные. По его мнению, оставались не изучены следующие вопросы: численность населения, хозяйственная специализация районов, коллективизация, поголовье оленей, угодья, выход зверя и птицы, полезные ископаемые, история края. Им же отмечалось отсутствие карт территории округа и районов[190].

Определяющей тенденцией краеведения периода 1930-х гг. становилось изучение природных ресурсов, оно ориентировалось на решение конкретных хозяйственных задач и извлечение сиюминутной прибыли, не предполагая долгосрочных исследовательских проектов. Так, в письме Омского облбюро краеведения от 1 мая 1936 г. в окружное бюро краеведения сообщалось: «В связи с утверждением СНК СССР проекта Наркомтяжпрома об орга-

[188] Там же. Л. 57.
[189] Там же. Л. 154.
[190] Из истории краеведения в округе // Югра. 1994. № 10. С. 16.

низации в Москве Всесоюзного геологического фонда, облбюро предлагает вам привести в порядок все имеющиеся в вашем распоряжении материалы по геолого-разведочной работе краеведов (списки месторождений, картотеки, карты и т.д.) и выслать их в облбюро не позже 10 июня для передачи во Всесоюзный фонд»[191].

В письме от 4 июня председателю Остяко-Вогульского окружного бюро краеведения облбюро вновь обращает внимание на важность и необходимость изучения природных богатств северных национальных округов, подчеркивая роль краеведения в данном вопросе. Рекомендовалось вовлекать в краеведческую работу нацмен, использовать научных работников, установить контакты с работающими экспедициями[192].

7 января 1937 г. по решению Омского облоно областное бюро краеведения было ликвидировано, шансов для изучения микроистории оставалось все меньше[193].

Экспедиции ученых самых разных специальностей способствовали исчезновению некоторых «белых пятен» на территории Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого округов, выявили возможности использования природных ресурсов края, расширили представления о природе и населении края, но, несмотря на имевшиеся подвижки, территории оставались исследованы все же крайне слабо.

Изучение Обь-Иртышского Севера в 1930-е гг. имело ряд особенностей по сравнению с периодом 1920-х гг. В их числе следует выделить: работы по обследованию отдельных районов округов, ориентацию на изучение этнографических особенностей коренных народов, не зная которых сложно было решать задачи модернизации; проведение геологических и археологических изысканий.

Выводы

1. Изучение природных условий, ресурсов, хозяйственной деятельности населения Северо-Западной Сибири, предпринятое в 1920—1930 гг., следует охарактеризовать как достаточно активное, а по сравнению с дореволюционным периодом — как наибо-

[191] ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
[192] Там же. Л. 12—13.
[193] Тимофеев Г. Краеведение Югры // Югра. 2000. № 7—8. С. 30.

лее систематизированное и результативное. Исследования осуществляли как научные учреждения, так и Комитет Севера, а также различные советские хозяйственные организации.

2. Инициирующая роль во второй половине 1920-х гг. в исследованиях принадлежала комитетам Севера всех уровней (Центральный, Уральский, Тобольский). Однако нехватка денежных средств, невозможность укомплектования экспедиций всем необходимым создавала объективные трудности в изучении края. Зачастую экспедиции носили скоротечный характер и соответственно не могли претендовать на глубокие и разносторонние исследования.

3. Большая часть экспедиций была подчинена хозяйственным задачам и в меньшей степени была направлена на изучение истории и культуры местных жителей. Поэтому определить изучение края в 1920—1930 гг. как системное и комплексное вряд ли возможно, вопреки установившейся в отечественной историографии точке зрения[194].

4. Проведенные экспедиции сделали лишь первые шаги по изучению необъятной территории. Они позволили получить некоторые общие представления о природе, ресурсах (лесных, пушных, рыбных) и населении. Тобольский Комитет Севера совершенно справедливо отмечал: «Северо-Восточная часть Тобольского Севера между Обью и Енисеем еще мало исследована, ее туземное население принадлежит к наиболее отсталым племенам»[195].

Таким образом, территория Обь-Иртышского Севера в целом оставалась слабоизученной, а такие ее районы, как восточная часть Остяко-Вогульского округа и отдаленные тундры Ямала, Пуровского, Тазовского районов, вовсе не были исследованы, да и по сеи день еще есть места, где не ступала нога человека[196].

---

[194] Ю.П.Прибыльский на этот счет имеет противоположное мнение, отмечая, что в довоенный период существовала программа планомерных долгосрочных комплексных исследований региона. См.: Исследования Севера в 1941—1945 гг. // Северный регион: экономическая и социокультурная динамика: Сб. тезисов к всероссийской научной конференции. Ноябрь 2000 г. Ханты-Мансийск — Сургут. Сургут, 2000. С. 32. Л.Е.Киселев писал, что исследования, проведенные в 1920—1930 гг., позволили определить задачи и пути подъема экономики и культуры края. См.: Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 148.

[195] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 57.

[196] По мнению Анны Валерьевны Подусовой, главного государственного инспектора по охране памятников историко-культурного наследия Ямала, две

Глава 2. СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВА И КООПЕРАЦИИ В 1917—1920-х гг.

2.1. Хозяйство в 1917 — начале 1920-х гг. Первые кооперативы

В отечественной историографии советского периода проблемам хозяйства в северных районах в 1917 — начале 1920-х гг. почти не уделялось внимания. Историки обходили молчанием то время и лишь вскользь упоминали об экономическом положении Севера. В последние годы появились новые работы, в которых нашли отражение сюжеты социально-экономической истории первых лет советской власти.

2.1.1. Хозяйство Тобольского Севера накануне революции 1917 г.

Северо-Западная Сибирь в сельскохозяйственном и экономико-промысловом отношении принадлежала к двум широким областям: первая из них — промысловая, рыбопромышленная и звероловная, а вторая — лесная, полуземледельческая, полупромысловая[1]. В состав первой области входили Березовский, Сургутский и северная часть Тобольского уезда, ко второй относилась южная часть территории уезда. Освоение богатых рыбных запасов было неразрывно связано с освоением речных магистралей Оби и Иртыша. На реках Обь-Иртышского бассейна зароди-

---

трети территории ЯНАО на сегодня не изучены. Территория осваивается неравномерно. Лучше изучены Пуровский, Надымский районы, то есть территории активного промыслового освоения. См.: Северская Т. Белые пятна Ямала // Новости Югры. 2001. 25 августа.

В ХМАО остается слабо изученной восточная часть. Затерянные в тайге и болотах поселки в основном расположены по берегам Ваха. См.: Акопов П. Вахский край — сибирская провинция // Нефтяник. 1999. 28 мая. С. 11.

[1] На Севере зачатки земледелия были характерны для Самаровской волости. В северных районах домашнее животноводство почти не получило распространения. Жители северной полосы в основном разводили оленей. Численность приручённых оленей в 1914 г. составляла 445 624 головы. В регионе было много богатых рыбой водоемов. Общее количество рыбы, вылавливаемое в предвоенные годы, ежегодно составляло около 1,5 млн. пудов, половина из этого шла для собственного потребления.

лось пароходство Сибири. Открытие в 1898 г. в 110 верстах ниже Березова консервной фабрики и в 1900 г. в 90 верстах ниже села Обдорского ее филиала положило начало переработке рыбы на местах промысла. Рост торгового капитала, развитие пароходства способствовали активному освоению рыбных запасов Обь-Иртышского бассейна, особенно района Нижнего Иртыша и Приобья.

В начале XX в. около 7 тыс. ненцев и хантов занимались промышленной неводьбой по Нижней Оби и Обской губе. К тому времени многие из них обзавелись собственным инвентарем, однако по-прежнему находились в зависимости от русских и коми-торговцев, скупавших у них улов[2].

Однако уже тогда в среде тобольского чиновничества, интеллигенции, передовой части промышленников и купечества прослеживалась неудовлетворенность состоянием дел в главной отрасли экономики Тобольского Севера. Примитивные способы обработки ценной обской рыбы вели к низкому качеству товара, делая его неконкурентноспособным на российском рынке. Добываемая и обрабатываемая рыба находила сбыт только в южных районах Тобольской губернии и сбывалась на близлежащих уральских заводах по низкой цене. При этом наиболее крупные обские промышленники вполне удовлетворялись существовавшим положением и не проявляли особой заинтересованности в повышении качества рыбного товара, так как в силу монопольного положения на местном рынке держали низкие закупочные цены на рыбу и высокие — на поставляемые товары[3].

Немаловажную роль для экономики края играл звероловный промысел, особенно для населения по рекам Ваху и Агану, Югану и Тром-Югану. Белка, песец, соболь, колонок — основные промысловые звери. Охота на птицу имела незначительное распространение и шла в основном для личных нужд. В 1913 г. северные уезды добыли 274 651 шт. пушнины. Основной объем добычи приходился на Сургутский уезд, а по качеству и ценности шкур на первом месте был Березовский уезд. Дополнительный

---

[2] Головнев А.В. и др. История Ямала... С. 50.

[3] Белобородов В. Поднять ценность рыбного товара // Югра. 2001. № 3. С. 61.

заработок населению давали кедровники. В 1913 г. сбор ореха исчислялся 3 172 пудами[4].

Оленеводство, оставаясь одной из важнейших отраслей традиционного хозяйства, являлось показателем экономической мощности хозяйства. В начале XX в. учетом северных оленеводческих хозяйств занимались как местные статорганизации, так и Государственная ветеринарная служба, публиковавшая данные о состоянии оленеводства в своих ежегодниках. Самый ранний реестр по всей оленеводческой зоне датируется 1912 г. Общее поголовье оленей русского Севера оценивалось в 1 688 686 голов, из них на Тобольском Севере — 286 041, это был третий показатель после Камчатки (691 686) и Европейского Севера (461 614 голов)[5].

По другим источникам, в 1910 г. было зафиксировано поголовье в 467 тыс. оленей, что означало значительный прирост по сравнению с предыдущим веком. Объяснялось это как благоприятными климатическими условиями, так и социально-экономическими факторами:

1) активное социально-имущественное расслоение;

2) возможность накопления крупных стад у отдельных хозяев;

3) возросшие потребности транспортного оленеводства и торговли;

4) необходимость выплаты натуральной повинности, активизации пушного промысла, несения транспортной оленной службы по требованию русской администрации и др.[6]

Таким образом, дореволюционная статистика не дает однозначных сведений по количеству оленей на Севере Западной Сибири.

В северных уездах почти отсутствовали промышленные предприятия. Предпринимательство среди местного населения сводилось почти исключительно к рыбной промышленности и торговле.

---

[4] Поспелов В.Т. Экономическое развитие Северо-Западной Сибири в начале XX в. // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Тобольск, 1999. С. 42—44.

[5] Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов (конец XIX—начало XX вв.). Этнографические очерки. М., 1993. С. 10.

[6] Южаков А.А. Ненецкое оленеводство и народы Западной Сибири // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 312.

Одним из немногих, кто отважился на нарушение этой традиции и ступил на неизведанный путь, был березовский мещанин *Семен Прокопьевич Шахов* (1861—1921), создавший первый в крае маслодельный завод, работавший на продукции от собственных коров, число которых в лучшие годы доходило до 60 голов[7].

Торговля осуществлялась на ярмарках. Крупнейшей на Дальнем Севере была Обдорская ярмарка, проходившая с 15 по 25 января. На продажу в Обдорск купцы везли муку, печеный хлеб, крендель, табак, сукно, холст, бисер, платки, капканы, топоры и прочие нужные вещи в хозяйстве туземца[8]. Крупными были ярмарки в Сургуте (Среднее Приобье) и Ларьяке (Ваховский край). Через купцов меха Севера попадали на Ирбитскую ярмарку, на что указывает К.И.Зубков: «Перед первой мировой войной в Ирбите реализовывалось около половины всей пушнины, добываемой в Сибири». Продукты северного рыболовства попадали на Ирбитскую ярмарку через оптовый рынок Тобольска[9]. Для торговли начала XX в. Тобольской губернии характерно весьма активное развитие, выразившееся в появлении ее различных форм, однако на Севере губернии она оставалась в прежнем виде: прямой обмен с купцами и ярмарка[10].

На Тобольском Севере незадолго до начала первой мировой войны возникли кооперативы, которые действовали весьма успешно, что явилось одним из заметных явлений экономической и социальной жизни края[11]. В историко-экономической литературе утвердилась мысль, что зарождение и развитие кооперации свя-

---

[7] Белобородов В. Первый опыт северного маслоделия // Югра. 2000. № 6. С. 67—68.

[8] Сандау Т.А. Обдорская ярмарка // Словцовские чтения—99. Тюмень, 1999. С. 104.

[9] Зубков К.И. Ирбитская ярмарка на рубеже XIX—XX веков: факторы и этапы угасания // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 92.

[10] Еланцева О.П. Эволюция основных форм городской торговли Тобольской губернии в начале XX века (на примере г.Тюмени) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. IV. С. 115.

[11] В дореволюционной России кооперация получила достаточно широкое развитие. К 1917 г. в стране насчитывалось 25 тыс. потребительских обществ, объединявших около 12 млн. человек, более 16 тыс. кредитных кооперативов с числом членов более 10,5 млн., около 13 тыс. кооперативов сельскохозяйственных, насчитывавших до 2 млн. человек. См.: Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 28.

зано с наличием трояκого рода условий: соответствующей экономической обстановкой; выросшей из этой экономики психологической подготовленностью населения к восприятию кооперации; достаточной степенью активности и инициативности у отдельных представителей населения[12]. Развитие кооперации определяется, прежде всего, общим экономическим состоянием общества, поскольку она является лишь одной из форм хозяйствования и зависит от положения в других секторах социальной жизни. Данный промежуточный вывод носит методологический характер в исследовании любых проблем кооперации[13].

К зарождению первых кооперативных объединений на Тобольском Севере были причастны политические ссыльные. Одними из первых кооперативов в крае были потребительное общество и кредитное товарищество в юртах Цингалы. В 1912 г. там появился первый кооператив, организатором которого выступил Николай Анатольевич Лосев[14], сосланный в Сибирь за участие в революции 1905 г. Еще в феврале 1906 г. Л.Д.Троцкий, проезжая через Цингалы в Березово, заметил: «Ссыльный учитель организовал здесь из крестьян и ссыльных рыболовную артель, купил невода, сам руководит рыбной ловлей в качестве старосты, сам возит рыбу в Тобольск»[15].

Известно об образовании в декабре 1914 г. кооператива в Сургуте, который получил название Потребительское общество «Север». Всю подготовку по его организации провели политссыльные Ю.П.Горская и Т.И.Миронов. Членами кооперативной лавки общества состояли 45 человек. Летом 1914 г. в Сургуте открылось кредитное товарищество. Примерно в то же время в селе Ларьяк бывший политссыльный Ф.П.Муценек основал общество потребителей, в 1917 г. бывший политссыльный Г.А.Герватовский организовал потребительное общество в селе Александровском[16], самом восточном районе Тобольской губернии.

---

[12] Цихоцкая А.И. Периодизация развития кооперации в России // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2. С. 13.

[13] Там же.

[14] Лосев Н. Куда бедному крестьянину деваться // Югра. 1998. № 9. С. 29.

[15] Ленинская правда. 1990. 20 января.

[16] Белобородов В. Голоса из далека (К характеристике первых кооперативных объединений на Тобольском Севере) // Югра. 1998. № 9. С. 28.

Таким образом, накануне революции хозяйство Тобольского Севера характеризовалось следующими основными чертами: определяющее влияние на экономику края оказывали ее географическое положение и природно-климатические условия, отсутствие земледелия поставило регион в разряд хлебопотребляющих областей; основными занятиями населения являлись рыбный и пушной промыслы, зародились первые кооперативные общества, промышленность была почти не представлена.

2.1.2. Хозяйственное положение в годы гражданской войны и Западно-Сибирского восстания

Размеренная и традиционная жизнь Севера была нарушена начавшимися революционными потрясениями. Политическая и экономическая ситуация в стране изменилась. Север оказался на какое-то время предоставленным самому себе. В первой половине 1918 г., например, в Обдорске действовал образованный земской управой продовольственный комитет, который пытался регулировать снабжение продуктами[17]

«Триумфальное шествие советской власти» позволило большевикам начать первые экономические преобразования. 28 июня 1918 г. декретом СНК вводилась в республике национализация, которая вскоре началась и в Тобольской губернии, но развертывание боевых действий приостановило этот процесс. В условиях гражданской войны советское государство любыми мерами пыталось воспрепятствовать развитию предпринимательства в крае.

Во время недолгого периода колчаковского правления у части населения на какое-то время появилась надежда возвращения к прежней жизни. Зажиточное население снабжало колчаковские отряды транспортом, зимней одеждой, питанием. Известен случай, когда оленевод по прозвищу «Сорум-Васька» в начале 1919 г. отдал белым отрядам более 400 оленей, снабдил их одеждой и мясом[18]

Реквизиции имели место как со стороны белых, так и со стороны красных. «С приходом колчаковцев,— писал В.Г.Карпов,—

---

[17] Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого национального округа). Омск, 1941. С. 18.

[18] Там же. С. 19.

начались реквизиции ружей у местного населения». Он считал, что это усугубляло и без того тяжелое положение коренных жителей. Он подчеркивал, что «годы гражданской войны тяжело отразились на жизни Севера, терпевшего недостаток в хлебе и прочих товарах»[19].

В июне 1918 г. на Севере возник Обь-Иртышский Союз Кооперативов (Северосоюз), одним из создателей и руководителей которого стал Т.И.Миронов. Северосоюз имел следующие отделы: правление, финансово-расчетный, коммерческий, секретариат, хозяйственный, инструкторский, сельскохозяйственный, статистический, агрономический, технический[20]. Северосоюз занимался прежде всего закупкой и сбытом пушнины, рыбы, орехов в обмен на снасти, боеприпасы и муку. В июне 1918 г. территория, на которой Северосоюз осуществлял торгово-закупочную деятельность, была разбита на 7 районов, из них четыре — на Тобольском Севере. Руководство и координация возлагались на районных инструкторов, в обязанности которых входили пропаганда кооперации, сбор статистических сведений, анализ экономической ситуации в крае, проведение культурно-массовых мероприятий. Они сами выбирали маршрут передвижения по району, самостоятельно определяли формы работы среди населения[21]. Фактическая деятельность Союза нормализовалась к 1924 г.[22], поскольку гражданская война и Западно-Сибирское восстание приостановили деятельность ряда кооперативов. Однако, Самаровский кооператив, как обнаружил В.В.Цысь[23], продолжал работать и в 1918, и в 1919 гг. П.И.Лопарев — руководитель Самаровского отделения Северосоюза — писал о поездке по

---

[19] Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937. С. 116.

[20] ТФГАТО. Ф. 209. Комментарий к фонду. В.В.Цысь считает датой основания кооператива 1 октября 1917 г. См.: Цысь В.В. П.И.Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы гражданской войны // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Тюмень, 2001. Вып. IV. С. 72.

[21] Цысь В.В. П.И.Лопарев... С. 73.

[22] В 1924 г. схема построения аппарата Обь-Иртышского Союза кооперативов была представлена 5 отделами, а в 1926 г. в его структуре остались 4 отдела: секретариат, организационно-инструкторский, финансово-расчетный и торговый.

[23] Цысь В.В. П.И.Лопарев... С. 82.

району летом 1919 г.: «Кооперативы славные, но горе в том, что нет людей, и только поэтому некоторые кооперативы моего района могут погибнуть»[24].

В 1918 г. по инициативе И.Ф.Ного возникло кооперативное общество «Русско-остяко-самоедское товарищество рыбаков Дальнего Севера», объединив рыбаков Ямбурга, Шуги, Щучьи, Пуйко и сора Нижний. Всего кооператив объединил свыше 1 700 человек[25]. Ю.П.Прибыльский считает, что это был первый и единственный в России кооператив народов Севера. В условиях гражданской войны, анархии и всеобщей разрухи кооператив обеспечил занятость промысловиков, их снабжение товарами и продуктами в обмен на пушнину и рыбу[26]. Как выяснилось, на Дальнем Севере это было не единственное кооперативное товарищество. Так, в селе Хэ в 1921 г. работала потребительская коммуна, которая по своей деятельности соответствовала кооперативной организации: отпускала населению и представителям власти (Обдорский ВРК, налоговая инспекция, сельревком, обдорский гарнизон и др.) продукты — муку, мясо, масло, кофе, а также спички и керосин[27].

Таким образом, последние научные данные позволяют внести коррективы в положение о том, что в годы гражданской войны кооперативы прекратили свое существование, так как выявленные факты свидетельствуют, что некоторые из них продолжали работать. Рассматривая деятельность кооперации в ходе гражданской войны в Сибири, С.А.Черноморец сделал вывод, что она была превращена во второстепенную организацию технического характера, на плечи которой легло участие в многотрудном деле материального снабжения[28].

На рубеже 1920—1921 гг. Советская Россия оказалась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Тюменская губерния на фоне многих других территорий счита-

---

[24] Там же.

[25] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории... С. 46.

[26] Прибыльский Ю.П. Жизнь и деятельность Ивана Федоровича Ного // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 155.

[27] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 4, 6, 7, 13.

[28] Черноморец С.А. Кооперация Сибири в период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.) // Северный регион: Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4). С. 174.

лась относительно благополучной. Положение катастрофически ухудшилось в связи с засухой и неурожаем 1920—1921 гг., в губернии начался голод, который в значительной степени был спровоцирован политикой «военного коммунизма» с принудительной продразверсткой[29]. В то же время, на складах Губпродкома и его отделениях, по сообщению сводки Губчека за 1920 г., была обнаружена большая порча рыбы, яиц и других продуктов[30].

На Севере губернии не хватало хлеба. Особенно страдали жители отдаленных мест. Ощущались недостатки хлеба по реке Вах, где жили ваховские ханты[31]. Телеграммы Губкома РКП (б) (декабрь 1920 г.) Губпродкомиссару свидетельствовали о том, что население Обдорска также испытывало продовольственные затруднения[32]. Некоторые запасы продовольствия имелись в Сургуте. В протоколе Сургутской конференции беспартийных (10—17 октября 1920 г.) сообщалось о наличии продуктов на складах города: мука-сеянка — 2 970 пуд., пшеничная — 650 пуд., соль — 5 тыс. пуд.[33], но это были незначительные запасы.

В условиях надвигавшегося голода, весной 1920 г., Народный комиссариат продовольствия советской республики командировал в Тобольск уполномоченных правительства Ф.Пивоварова, А.Губина, М.Ивченко с заданием по восстановлению на Иртыше и Оби рыбных промыслов. 21 июня 1920 г. был создан республиканский трест «Областьрыба» с пятью отделениями на местах во главе с тюменским губпродкомиссаром Г.С.Инденбаумом, которого через некоторое время сменил М.Г.Непряхин[34]. Создание треста привело к тому, что монопольным правом на заготовку рыбы стало обладать государство, а не кооперативы[35]. Наряду с этим началось ограничение частников, занимавшихся обменом товаров на пушнину. Одним из первых экономических мероприятий

---

[29] Каркашова Н.В. Восстановление сельского хозяйства тюменского края в годы нэпа (1921—1927/28 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. IV. С. 183.
[30] ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162. Л. 7 об.
[31] Там же. Д. 82. Л. 92.
[32] Там же. Л. 152.
[33] Там же. Д. 162. Л. 5 об.
[34] Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 222.
[35] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в историн... С. 46.

советской власти, по мнению В.В.Цыся[36], стало ограничение свободной торговли, что выражалось во введении твердых цен на основные товары.

На Первом съезде Советов Сургутского уезда делегаты получили разрешение выселять зажиточных крестьян из домов, конфисковывать «излишки» имущества, неиспользуемые лесоматериалы. Схожие случаи имели место в Березове, где Т.Д.Сенькин, член Березовского уездного исполкома с лета 1920 г., произвольно распоряжался изъятыми у населения продуктами, личными вещами, мог во время обыска перебить посуду, разрезать сети[37]. Вводилась пушная разверстка. Охотники обязывались сдавать шкурки местным органам кустарно-промысловой кооперации. Только за первую половину 1920 г. Сургутская контора Северосоюза собрала 140 753 шкурки на сумму около 4 миллионов рублей[38].

В 1920—1921 гг. началась, по словам Е.И.Гололобова, стихийная погоня за пушниной. Продовольственные и необходимые промышленные товары на Севере обменивались исключительно на пушнину. Зарплата совслужащим выплачивалась также пушниной. При взымании налогов и разверстки предпочтение опять-таки отдавалось мехам. Само существование человека на Севере в те годы напрямую зависело от пушнины. По данным пушного отдела Тобольского областного управления рыбных промыслов Тобсеверосоюза, обнаруженных Е.И.Гололобовым, добыча пушнины выразилась в сезон 1921—1922 гг. по сравнению с периодом 1912—1916 гг. в следующем виде:

---

[36] Цысь В.В. Сургутский уезд в период военного коммунизма (1920—1921 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 1999. Вып. № 2. С. 31.

[37] Третьяков Н.Г. «Революционный авангард» в действии! К проблеме социально-психологических предпосылок утверждения в России коммунистического режима (по материалам Тюменской губернии 1920—1921 гг.) // Словцовские чтения—99. Тюмень, 1999. С. 145.

[38] Цысь В.В. Сургутский уезд ... С. 31.

Таблица 3

Добыча пушнины на Тобольском Севере

Наименование	Средняя добыча за 1912—1916 гг.	Добыча за сезон 1921—1922 гг.
Медведей разных	250	147
Медведей белых	25	13
Соболей	900	504
Куниц	175	125
Ласок	1 000	288
Горностаев	20 000	22 123
Волков урманных	175	115
Колонков	4 500	1 804
Лисиц разных	4 500	2 957
Лисиц черно-бурых	50	29
Росомах	80	238
Барсуков	50	24
Крестоватиков	25 000	7 049
Маток крестоватиков	5 000	—
Песцов белых	13 000	7 680
Песцов голубых	27	26
Недопесков белых	2 750	967
Недопесков голубых	—	—
Синяков	2 750	507
Белок	900 000	268 236
Зайцев	100 000	5 240
Бурундуков	—	2 563
Выдр	250	137
Рысей	75	21
Норников обыкновенных	5 000	42
Копанцов	—	18

Сведения, приведенные Тобольским Союзом охотников, свидетельствуют о том, что добыча пушнины в сезон 1921—1922 гг. составляла не более 40% довоенного уровня[39]. Одной из причин сокращения добычи являлось отсутствие или недостаток боеприпасов и прочих орудий лова. В связи с имевшими место реквизи-

[39] Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства // Северный регион. Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4). С. 162.

циями ружей, например, в Обдорске, Березове и других населенных пунктах, часть населения была лишена возможности промышлять. В приказе Тюменского губисполкома № 6 (декабрь 1921 г.), разосланного в северные ВРК, прямо указывалось на этот счет: «...отбираемое охотничье оружие с целью предупреждения употребить его по назначению, а также отобранное у повстанцев ... должны быть немедленно сданы земотделам»[40]. В письме в Обдорский военный комитет 30 августа 1921 г. группа ненцев-охотников (всего 15 человек) просили вернуть им отобранное оружие, которое было изъято весной 1921 г.: «Мы являемся охотниками, а потому совершенно остаться без ружей не мыслимо. Добываемая нами пушнина сдается посредством разверстки в Хэнский кооператив, а в летнее время состоим неводчиками рыбных промыслов Облрыбы»[41].

В 1920 г. в Сургутском уезде из-за почти полного отсутствия припасов и оружия, а также теплой одежды и обуви производство охоты существенным образом сократилось. Каждому охотнику выдавалось только 1/2 фунта пороха, 1/2 фунта дроби, 1/2 фунта свинца и 30 штук пистонов, за что он обязан был сдать установленную норму битой дичи и пушнины. Организация облав на медведей не производилась из-за отсутствия нарезного оружия и ножей[42].

Серьезно ухудшилось положение и с добычей рыбы: не хватало снастей, уменьшился сбыт. 13 июля 1920 г. коллегия Главрыбы приняла решение о прекращении работы Северосоюза по заготовке рыбы на Тобольском Севере. Ф.Н.Пивоваров в докладной записке писал: «Тобольская контора Центросоюза своей деятельностью если не вредила, ...то сильно тормозила плановые работы «Райрыбы»... Добыча рыбы на Обском Севере в 1920 г. составила 60% к уровню 1913 г.»[43]. Какой ценой обеспечивались эти показатели, можно предположить по деятельности Сургутского агентства Обь-Иртышского низового управления, которое 30 ноября 1920 г. объявило о сдаче сухой, соленой и замороженой рыбы потребительским обществам в семидневный срок. Лица, не

[40] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
[41] Там же. Д. 4. Л. 53—53 об.
[42] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 163.
[43] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 70—71

выполнившие данное требование, лишались права лова и объявлялись врагами советской власти[44].

Обеспечение заготовок рыбы и пушнины вверялось в руки кооперации. В.В.Цысь изучил и проанализировал деятельность кооперации в Сургутском уезде в годы гражданской войны и Западно-Сибирского восстания, что освобождает нас от необходимости обращаться вновь к этому сюжету. Историк делает вывод, что подконтрольная государству кооперация оставалась слабой, значительных масштабов в Сургутском уезде не достигла. «По данным райрыбы большинство рыбаков (не менее 350 человек) работало индивидуально. Сил и средств для установления полного контроля за данной отраслью народного хозяйства оказалось явно недостаточно. Заведующий Сургутским агентством и два его помощника вынуждены были непрерывно разъезжать по уезду, занимаясь приемом и организацией транспортировки улова»[45].

Руководство райрыбой брало на себя снабжение рыбаков продуктами и снастями, но необходимые материалы поступали слишком поздно. Частично проблему решали за счет перераспределения орудий, конфискованных у рыбопромышленников. Ощущалась нехватка муки. Рыбаков постоянно отвлекали на выполнение различных трудовых повинностей. Значительная их часть была занята в советских учреждениях. Несмотря на указанные недочеты, к концу ноября все-таки собрали более 26 тысяч пудов сушеной и соленой и 20 тысяч пудов мороженой рыбы[46].

Кроме заготовок, по указанию местных органов советской власти население привлекалось к различного рода общественным работам. В порядке всеобщей трудовой повинности осуществлялись местным населением работы по перевозке людей, грузов и лесозаготовке. Население Сургута должно было предоставлять подводы для вывоза рыбы и мяса, это касалось всех граждан, имевших не менее трех лошадей, кроме совслужащих[17]. В.В.Цысь подчеркивает, что основные силы были брошены на вывозку продовольствия в южные районы губернии. Для этой цели неод-

---

[44] Сподина В. Мегион... С. 21.
[45] Цысь В.В. Сургутский уезд... С. 31.
[46] Там же.
[47] Сподина В. Мегион... С. 21.

нократно проводились мобилизации людей и лошадей, наибольшей интенсивности достигшие зимой 1920—1921гг [48]

Главным продуктом на Севере являлась рыба, поэтому 24 января 1921 г. Сургутский уездный исполком принял решение мобилизовать для вывозки рыбы всех мужчин Тундринской и Локосовской волостей, имевших 3 и более лошадей. Население постоянно привлекалось к так называемой «советской гоньбе» — перевозке многочисленных инспекторов, контролеров, курьеров и т.п. Нельзя сказать, что местное руководство не видело, насколько пагубными могут быть беспрерывные мобилизации и неподъемные повинности для хозяйственной жизни края. Неоднократно заведующие отделами и сам председатель уисполкома ходатайствовали об увеличении хлебного пайка для мобилизованных, о присылке нескольких тысяч пудов овса для лошадей, о восстановлении в Реполово перевалочного пункта для возчиков рыбы и т.д. 22 января 1921 г. Н.Горяев телеграфировал о том, что в уезде сложилось «в отношении материальных и физических условий критическое положение». Однако необходимых мер для предупреждения роста недовольства населения не было предпринято[49]

Губернские власти безудержно эксплуатировали богатства северного края, не считались с его реальными проблемами и потребностями. Сопротивление проводимой политике первоначально имело пассивные формы. Ханты откочевывали подальше от Оби и ее крупных притоков. Русские могли избежать мобилизации под каким-нибудь благовидным предлогом, например, поступив на службу в одно из многочисленных советских учреждений. Естественно, все население не могло покинуть места своего постоянного обитания или стать совслужащими. Поэтому временами граждане вынуждены были действовать более решительно. Так, 26 декабря в Сургуте состоялось собрание, в котором приняло участие около 100 жителей города. Присутствовавшие постановили ходатайствовать перед губпродкомом об увеличении продовольственного пайка до 1 пуда муки на человека в месяц. На

[48] Цысь В.В. Сургутский уезд... С. 31.
[49] Там же. С. 32—33.

следующий день толпа сургутян пришла в уездный исполком с требованием выдачи хлеба[50].

Разгром Колчака и восстановление советской власти в Сибири открывали новые возможности для разрешения продовольственного кризиса в стране, и большевики, не задумываясь о возможных последствиях, распространяли политику периода гражданской войны на новые регионы.

Победа большевиков на главных фронтах позволяла обратить более пристальное внимание на экономические вопросы. По мнению В.И.Ленина[51], необходимо было во что бы то ни стало использовать прежний дореволюционный опыт кооперативного дела в интересах рабоче-крестьянской власти. Кооперации отводилась первостепенная роль в деле заготовок и распределения продуктов. Она рассматривалась как механизм для осуществления контрольных и учетных функций. В этой связи ставилась задача поголовного кооперирования населения страны[52].

В конце января 1921 г. вспыхнуло Западно-Сибирское крестьянское восстание, распространившееся в феврале на Тобольский Север. Восстание дезорганизовало экономическую ситуацию, кооперативы прекращали свое существование, их имущество расхищалось. В Тобольске Временный городской совет пытался наладить хозяйственную жизнь, но его кратковременное существование не позволило реализовать намеченные мероприятия. Замалчивание советской исторической наукой восстания крестьян Западной Сибири привело к тому, что оно не упоминалось в ряду крупнейших антикоммунистических выступлений, заставивших руководство большевиков отказаться от политики военного коммунизма и ввести нэп.

---

[50] Там же.

[51] Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 161.

[52] В марте—апреле 1918 г. прошли довольно напряженные переговоры между Высшим Советом народного хозяйства и лидерами старой кооперации. Следствием этого диалога стало рождение нового, основанного на компромиссных началах, проекта закона о кооперации. 10 апреля 1918 г. проект был утвержден Совнаркомом (а 11 апреля 1918 г. — ВЦИКом) и в ранге декрета стал одним из основополагающих документов, которым в рассматриваемый период должна была руководствоваться в своих действиях кооперация. Принимая декрет, ВЦИК подчеркивал, что рассматривает его «как преходящую меру, ведущую по пути к осуществлению государственного распределения продуктов и товаров в стране».

В течение всего февраля в Москве обдумывалось решение о введении продналога[53]. 16 февраля Политбюро решило начать на страницах печати в дискуссионном порядке обсуждение насущного вопроса о смене экономической политики. 24—25 февраля Пленум ЦК РКП (б) заслушал доклад комиссии, занимавшейся изучением идеи замены продразверстки продналогом. 7 марта при вторичном обсуждении вопроса на Пленуме создается комиссия для окончательной разработки проекта закона. На следующий день начал работу X съезд, который принял решение о замене разверстки натуральным налогом. Большое внимание съезд уделил восстаниям в Западной Сибири и других регионах страны. В целом, решение о введении продналога вызревало под влиянием резкого ухудшения политической обстановки в стране.

В этой связи Западносибирское восстание явилось одним из сильнейших факторов, заставивших большевистское руководство в течение месяца прийти к мысли о необходимости пересмотреть основополагающие принципы военного коммунизма и начать переход к новой экономической политике[54]. Причины восстания коренились не только в ошибках и преступлениях советских работников, но и в провозглашенных и поддержанных частью общества целях, принципах и методах осуществления политики «военного коммунизма», в стремлении обобществить «все и вся», в попытках реализации нерыночных механизмов развития страны.

В конце марта 1921 г. Тюменский губком РКП (б) принял постановление о пропаганде решений X съезда партии и декретов Совнаркома. С 4 апреля 1921 г. на территории губернии разрешалась продажа, обмен и перевозка зерна, фуража и картофеля. Между тем, ситуация в Тюменской губернии оставалась напряженной как на юге, так и на севере. В конце мая 1921 г. Обдорск был оставлен повстанцами. И.Ф.Судникович вспоминал: «Когда мы вошли в городок, он был почти пуст, местная промышленность не работала, было кризисное состояние с продуктами питания, отсутствовала

[53] 8 февраля на заседании Политбюро ЦК РКП (б), где рассматривался вопрос о весенней посевной компании и положении крестьянства, Ленин написал небольшой «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором кратко сформулировал идею замены продразверстки продналогом. Этот набросок из четырех пунктов был положен в основу проекта решения о замене разверстки натуральным налогом, принятого X съездом партии.

[54] Каркашова Н.В. Восстановление ... С. 92—93.

соль ... пушные склады были разграблены, все было разворовано и растащено»[55]. Волостной ВРК в Обдорске принял решение о срочном восстановлении и развитии хозяйства. С июля 1921 г. в официальных документах стала фигурировать фактория Хальмер-Седе. По решению ревкома в декабре была открыта зимняя дорога Обдорск—Хальмер-Седе. К весне заведующий факторией Иванов собрал сорок нарт с пушниной, но обоз отправить не удалось, так как в ночь перед отправкой Иванова убили, а обоз разграбили[56].

Всю сложность ситуации на продовольственном рынке позволяют представить многочисленные приказы Тобольского ВРК весны и лета 1921 г. Так, приказ № 50 от 30 августа 1921 г. гласил. «В целях борьбы с контрабандой и незаконным вывозом из пределов Тобольского Севера предметов сырья и продуктов питания и других грузов, имеющих отношение к продовольствию, Военно-Революционный Комитет и Продком Тобсевера приказывает:

1. Всем органам Ровта, чека и Милиции, а также и их отдельным агентам, находящимся на территории Тобольского Севера, вменяется в обязанность осматривать все пароходы и суда другого типа, идущие с Севера по направлению в Томск, Омск, и провоз пушнины и предметов продовольствия разрешается лицам и организациям, только лишь имеющим наряды на заготовку этих предметов от Тюменского Губернского Союза Кооперативов. Все же остальные грузы, провозимые без означенных нарядов, подлежат конфискации и передаче: продукты питания Райпродкому или его продконторам на местах, а пушнина и другое сырье Уполномочен. Губсовнархоза в г.Тобольске.

2. Грузы пушнины, рыбы и других продуктов питания, следующие в адрес Губсовнархоза и Губпродкома, задержанию не подлежат»[57].

В приказе № 6 Тобольского Военно-Революционного Комитета, Областного Управления рыбными промыслами и Продовольственного Комитета Тобольского Севера от 14 апреля 1921 г.

---

[55] Судникович А.Н. Из воспоминаний начальника Обдорского военного гарнизона Судниковича И.Ф. // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года. Тюмень, 2001. С. 26

[56] Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории... С. 48

[57] ТОЦДНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

говорилось: «Ввиду наступления рыболовной кампании и недостатка орудий лова Тобольский Военно-Революционный Комитет, Областное Управление Рыбными промыслами и Продовольственный Комитет Тобольского Севера ПРИКАЗЫВАЕТ. Вся мережа, как принадлежащая отдельным лицам, так и равно частным организациям, объявляется монопольным достоянием государства, на основании декрета Совнаркома от 20 февраля 1920 г. и особого положения о местных органах Главного Управления.

Примечание. Ввиду временного занятия города повстанцами и расхищения ими некоторых предметов первой необходимости, премиальная плата за взятую мережу мануфактурою и прочими предметами будет производиться пока частично впредь до получения необходимого количества товаров из Тюмени»[38]

Представленные документы отражают методы и стиль деятельности Тобольского военно-революционного комитета в 1921 г., который в условиях восстания и ухудшения экономического положения в Тобольске и на Тобольском Севере прибегал к весьма жестким и непопулярным мерам. Документы подтверждают тезис о том, что ВРК были органами власти, стремившимися любой ценой удержать влияние большевистского руководства в крае в сложный период начального этапа советизации.

9 июля 1921 г. Обдорский ВРК принял приказ № 17, подобный Тобольскому. Всем гражданам, располагающим рыбными неводами, мережей, нитками и др., не обслуживающими рыболовные задания, предписывалось сдать орудия лова управлению Райрыбы в недельный срок[39].

6 августа 1921 г. Тюменский губисполком и Губпродком опубликовали приказ о введении монополии на торговлю солью, согласно которому соль могли распределять советские кооперативные и другие хозяйственные организации только согласно распоряжениям губпродкома. Торговля солью частными лицами воспрещалась под страхом уголовного наказания. Перевозка соли частными лицами в пределах Тюменской губернии разрешалась в размере 10 фунтов на одного человека при наличии сопроводительного документа, квитанции или фактуры потребительского

[38] Там же. Л. 25.
[39] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

общества, в котором соль получена[60]. 6 сентября 1921 г. Березовский уездный военно-революционный комитет запретил торговлю пушниной[61]. Осенью многочисленные сводки из различных районов Тюменской губернии, поступавшие в административный центр, убеждали ее руководство в том, что все хозяйственные связи нарушены. В информационной сводке губчека от 1 ноября 1921 г. подчеркивалось, что хозяйство губернии разрушено[62]. Положение Тюменской губернии соответствовало ситуации в стране, однако государство уже начало вносить коррективы в политической и экономической сферах, внедряя в сознание граждан мысль о грядущих переменах.

2.1.3. Переход к новой экономической политике

Неизбежность корректировки методов создания нового общества была предопределена полным развалом производительных сил страны. Новый экономический курс проявился на Севере в возрождении деятельности кооперации, которая в то время не представляла единого целого и была весьма пестрым организмом, сотканным из различных кооперативных союзов. Для государства, остро нуждавшегося не только в продовольствии, фураже, но и в контролируемом рынке, такое положение было крайне нежелательно. Дело в том, что кооперация могла быть незаменимым подспорьем не только в заготовительно-распределительных операциях, но и в процессе реализации запрограммированного курса на противостояние активизировавшемуся на внутреннем рынке частнопредпринимательскому элементу[63].

Западно-Сибирское восстание и разразившийся голод на юге губернии оказал прямое влияние на ухудшение экономической ситуации на Севере. Декретом от 31 мая 1921 г. Совнарком РСФСР установил правила лова рыбы. Исключительное право на использование рыбоугодий предоставлялось Главному управле-

[60] ТОЦДНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.
[61] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 115.
[62] Смирнова М.А. Обзор документов ТОЦДНИ // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. Тюмень, 2001. С. 10.
[63] Черноморец С.А. Правовая регламентация рыночных отношений с участием частнопредпринимательских элементов на первом этапе нэпа. Организация снабжения в северных регионах // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000. С. 29.

нию по рыболовству (Главрыба) с его областными конторами. Внутренние водоемы с меньшими ресурсными возможностями разрешалось использовать местному населению. Для того чтобы получить право на лов рыбы, необходимо было уплатить промысловый налог[64]. С образованием рыбного треста на местах стали формироваться районные управления по добыче и заготовкам рыбы и пушнины. Пушной отдел Обдорской райрыбы возглавил И.Ф.Ного. Местом деятельности служила необозримая приуральская тундра, а средствами передвижения — олени и собаки[65].

Во второй половине 1921 г., когда восстание было подавлено, Обдорск оставался в тяжелом экономическом положении. При отступлении повстанцев в уезде остались брошенные ими лошади, сани, упряжь и др. Березовским уездным комитетом по военным делам было принято постановление 9 июля 1921 г., предлагавшее гражданам добровольно сдать подобранное имущество в волостные отделы[66]. Плохое положение с хлебопродуктами на Севере заставляло в некоторых местах население полностью перейти на питание рыбой и мясом, которые, однако, сначала надо было добыть. Продовольственные затруднения обошли Хэнскую факторию, которая не подверглась разграблению и располагала значительными запасами не только муки, но и других продуктов и товаров[67]. Березовский уездный военно-революционный комитет в протоколе от 15 августа 1921 г. указывал на имевшиеся запасы муки у некоторой части населения, что отрицательно сказывалось на поставках рыбы: «Рыбу не везут, так как имеется запас хлеба»[68].

Тяжелым для большей части населения Тобольского Севера оказалось начало 1922 г. Не было хлеба. Только в мае 1922 г. Тобольскому Северу отделом национальных меньшинств было выделено 400 тыс. пуд. хлеба[69]. М.Е.Бударин писал, что весной 1922 г. уездные комитеты партии организовали обеспечение голодающего населения продовольствием, не приводя фактов.

---

[64] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 91.
[65] Прибыльский Ю.П. Жизнь и деятельность... С. 155.
[66] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
[67] Там же. Д. 11. Л. 34.
[68] Там же. Л. 59.
[69] История Сибири. Т. 4. С. 292; Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 75.

упомянув лишь об открытии ярмарок в Березове, Сургуте и Обдорске[70].

В июле 1922 г. в Самарово состоялась конференция народов Севера, на которой обсуждалось бедственное положение населения. Представители Кондинской волости говорили, что хлеба нет, поэтому основным источником питания является рыба, но согласно распоряжению Тобольской «Областьрыбы» лов запрещен. Делегаты с Ямала отмечали неопределенное положение туземцев в отношении с различными организациями, огромную задолженность и отсутствие продуктового снабжения, что ведет к гибели населения[71].

Осенью 1922 г. отсутствие хлеба на Севере стало ощущаться еще сильнее. Губернские власти отмечали «неразумную эксплуатацию богатств Северного края некоторыми хозяйственными органами, как, например, Хлебопродукт, конкурирующий с кооперацией. Ближайшая задача Северосоюза — использовать все возможности по снабжению Севера хлебом и организованное укрепление местных кооперативных органов путем посылки членов правления, инструкторов на места и путем установления теснейшей связи последних с Северосоюзом»[72].

Некоторое улучшение экономической ситуации в крае стало ощущаться с конца 1922 г. На рубеже 1922—1923 гг. государство отказалось от монополии на добычу рыбы в Среднем Приобье. А с разрешением свободной торговли Север стал объектом пристального внимания со стороны представителей различного рода государственных и кооперативных организаций: Кедропрома, Союза Охоты, Хлебопродукта, Внешторга, Госторга и т.д. Если в годы военного коммунизма с Севера вывозили главным образом рыбу, то теперь ситуация существенно изменилась. Цены на рыбу резко упали, возник большой спрос на пушнину. Однако местные жители из этого извлекли не много выгоды. Как правило, государственные учреждения и кооперативы нанимали в качестве своих представителей бывших торговцев, имевших давние связи с аборигенами, хорошо знавших обычаи хантов и ненцев. Эти, так называемые «красные купцы», естественно, не забывали и о

[70] Бударин М.Е. Путь... С. 136.
[71] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 76—77.
[72] ТОЦДНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.

собственных частных интересах. Как отмечалось в одном из докладов инспектора губернского экономического совещания, «красный купец — тип значительно худшего покроя, чем прежний, с жадностью акулы и надеждой на быстрое обогащение». Никаких пошлин, налогов такие предприниматели не несли, в местный бюджет ничего не платили»[73].

В докладе зав. отделом нацмен А.Е.Скачко «О положении национальных меньшинств в Сибири...», датированном 1923 г., высказана глубокая озабоченность экономическим положением аборигенов: «Кто же сейчас занимается эксплуатацией малых народностей? — Госхозорганы Российской Федерации. Пользуясь монополией, хозорганы становятся самыми худшими спекулянтами и эксплуататорами. Они доходят до таких невероятных пределов, до которых никогда не доходили частные предприниматели. <...> Старые купцы всегда помогали туземцам в тяжелые минуты, давали им все необходимое для промыслов и существования, новые краскупы только оббирают и потому повсеместно в Сибири туземцы вопиют о возврате старых купцов»[74].

Пушнину по-прежнему скупали на ярмарках. В Сургутском уезде наиболее крупным торговым центром являлся Ларьяк, где скупалось 250 тыс. шкурок, затем следовали Сургут — 120 тыс. и Юган — 80 тыс. шкурок белки в год. Деятельность многочисленных хозяйственных организаций характеризовалась отсутствием, какой бы то ни было координации. Каждая из них подчеркивала свою самостоятельность и не подчинялась никому, представляя интересы только собственной конторы. В положении Уральской конторы «Хлебопродукт» говорилось: «Правление считает необходимым еще раз категорически подтвердить, что контора обще-

---

[73] Цысь В.В. Переход от военного коммунизма к нэпу на территории Сургутского уезда // Тезисы докладов и сообщений II региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 1999. С. 40.

[74] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 2. Л. 3. В.В.Цысь дополняет, что еще с дореволюционных времен контакт купца с аборигеном происходил следующим образом: ханта, подъезжающего к населенному пункту, подкарауливали на дороге, обильно кормили и поили в надежде сделать его более сговорчивым при продаже пушнины.

ства является совершенно самостоятельной организацией и ни в коей мере не подчиняется продорганам»[75].

На территории края функционировали представители совместного предприятия РАСО, учредителями которого являлись акционерное общество Аркос в Лондоне и наркомат внешней торговли РСФСР[76]. Хозяйственные организации открывали свои филиалы, агентства, отделения по всему Северу в местах, наиболее прибыльных. Первая Тобольская окружная конференция (ноябрь 1923 г.) осудила подобную практику хозяйственных организаций. «С введением НЭП у всех хозорганов составилось мнение, что Тобольский Север представляет из себя золотой мешок, все к нему бросились, все стали тащить, а давать же никто не хотел»[77].

Обман государственных организаций и занижение цен на пушнину заставляли, к примеру, самоедов Таза откочевывать в сторону Енисейской губы, где благодаря более правильной организации деятельности цены на пушнину были дороже. Так, «песец 1 сорта в Хальмер-сэде — 28 руб., на Яновом стане — 500 верст восточнее — 50 руб. Самоеды Тазовской тундры закупали товар на Сидоровской пристани, за провоз товара брали 3 руб. с пуда; от Туруханска до Якова стана 450 верст, и от него до Сидоровской пристани 300 верст. В Уральской области за провоз от Хэ до Хальмер-сэде — 5 руб. с пуда, так как дорог не было, не было и избушек на пути, как это сделано за последние три года в Енисейской губернии»[78].

В «Меморандуме» Тюменского губкома РКП (б) (1923 г.) указывалось, что в период 1922—1923 гг. бывшие купцы-промышленники вели разного рода заготовки на контрагентских началах, обманывая инородцев. В результате чего происходила конкуренция с государственными хозяйственными организациями. Так, Силин Константин Васильевич, торговец Сургутского уезда, писал: «Развернулся, что называется, вовсю. Продавал туземцам муку, мануфактуру, табак, галантерею. Все, что является самой существенной потребностью для инородца»[79].

---

[75] Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований... С. 192.
[76] ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.
[77] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13. Л. 68.
[78] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 67.
[79] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 59.

В том же материале автор сообщал, что «на Север прошли целые вереницы спекулянтов, везущих по мешку, по два какого-нибудь тряпья в надежде увезти не меньше как полпарохода пушнины. Всевозможные экспедиции и уполномоченные Внешторга, Водного транспорта, Совнархоза, Губпродкома, Упродкома, Уралцентросоюза и многих других. Ставят своей целью только наживу. Везут спиртное. Некоторые организации дают 25% премии с разницы в покупке сырья и товара»[80]. В газете «Тобольский Север» от 12 августа 1922 г. сообщалось о нездоровой ситуации вокруг скупки пушнины. Имела место критика в адрес совслужащих: «Прогулка за мехами на доху жене под видом служебной командировки»»[81].

В августе 1922 г. прошла ярмарка в Хэ, на которой были реализованы 1 000 шкурок песцов и 3 000 оленьих шкур[82]. Добыча такого количества песца вела к его истреблению. О проблеме песцового промысла писал И.Ротермаль в газете «Тобольский Север» от 15 августа 1922 г.: «Охота на взрослого песца сопряжена с погоней за ним по тундре, иногда за тысячу верст. Нужны огнеприпасы, олени и собаки. А этого-то как раз и нет у большинства охотников. Минимальные затраты — выйти на нору. В норе обитают 2—3 семьи. В норе от 8 до 18 детенышей. Это даст охотнику при продаже пуд хлеба»[83]. В статье автор привел цены на закупку менее ценной пушнины (детенышей): копонцы (2—3 недели) — 20 коп., 4—5 нед. — 30 коп., кресговатик (2—3 мес. — 50—70 коп., синяк (5—6 мес.) — 1 руб. — 2 руб. 50 коп., 6—9 мес. — 5—10 руб.; 8 мес. — 12—20 руб. Он предлагал запретить охоту на детенышей, начать искусственное разведение животных[84].

С 28 февраля по 2 марта 1923 г. проходила Сургутская уездная конференция большевиков, на которой был сделан доклад об экономическом положении района. Отмечался упадок промыслов, безалаберное государственное снабжение хлебом. Подчеркивалось, что с введением нэпа промышленники всколыхну-

---

[80] Бублик И. Потребительская кооперация на Тобольском Севере // Тобольский Север. 1922. 29 июля.
[81] Тобольский Север. 1922. 12 августа.
[82] На Дальнем Севере // Тобольский Север. 1922. 12 августа.
[83] Пушной промысел на Дальнем Севере // Тобольский Север. 1922. 15 августа.
[84] Там же.

лись[85]. Чуть позже С.Куклин писал о состоянии охотпромыслов в Сургутском районе в те годы, подчеркивая, что самым богатым был Ваховский край. Им же приводились статистические данные о размерах добычи пушнины в Сургутском районе. Так, в 1923—1924 гг. было добыто зверей 602 985 шт., а в 1924—1925 гг. — 545 890[86].

Оживление частного предпринимательства в 1922—1923 гг. отмечено Л.Е.Киселевым: «Тобольский торговец Туполев нанимал 14 ненецких бригад, арендуя рыбоугодия в Обской губе. Частник Забеленский, он же заместитель начальника Тобольского рыбтреста, держал самоходный флот и контролировал Шурышкарские рыбопромыслы»[87]. Историк упоминал о 27 частных предприятиях, действовавших на Тобольском Севере, которые контролировали свыше 50 рыбоугодий[88].

Всколыхнулась и кооперация. Ее деятельность регулировалась новыми законодательными актами, вышедшими в 1921 г. К ним относились: декрет СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации»[89], который предоставлял право потребительским обществам обменивать и скупать продукцию; декрет СНК от 24 мая 1921 г. «Об обмене»[90], который разрешал свободную продажу, покупку и обмен продукции на рынках, с лотков и в стационарных закрытых торговых помещениях.

На Тобольском Севере действовало два вида кооперации: потребительская и сельскохозяйственная[91]. В деле организации кооперативной работы руководящими документами Тюменским губкомом рассматривались «Материалы Августовской партийной конференции РКП (б) 1922 г.» и «Материалы Уральского областного партийного совещания». Упор делался на организацию коммунистических фракций в районных отделениях кооперативов, которые могли контролировать их деятельность, периодически

[85] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1а, Л. 14—14 об.
[86] Подсчитано по: Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1926. № 8—9. С. 35.
[87] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 93.
[88] Там же.
[89] Собрание узаконений Советского правительства. М., 1921. № 26. С. 150.
[90] Черноморец С.А. Кооперация Сибири... С. 175.
[91] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 45.

отчитываться и «неослабно проводить руководство ими со стороны парткомитетов»[92].

В 1922 г. потребительская кооперация на Тобольском Севере объединилась с Северосоюзом. Заготовительная работа протекала в условиях ограниченного снабжения орудиями лова и отсутствия транспортных средств. Заготовки в начале 1920-х гг. измерялись следующими показателями:

Таблица 4

Заготовки Северосоюза в 1920—1922 гг.[93]

Сезон	Заготовка рыбы (пуд.)	Заготовка пушнины (руб.)
1920—21 гг.	251 242	162 302
1921—22 гг.	162 614	200 000

В конце 1922 г. Северосоюз объединял 69 потребительских обществ. Ему принадлежали многолавки: Березовская и Кондинская с 5 отделениями каждая, Сургутская с 22 отделениями и Кугорбитская с 3 отделениями[94].

Кооперативы и их деятельность на Севере получили неоднозначное отношение со стороны промыслового населения. В обращении Сургутского уездного комитета РКП (б) от 26 августа 1923 г. содержалась информация, которая позволяет увидеть положение в уезде, сложившееся с кооперативным строительством: «В то время как кооперация во многих местах является лучшей формой товарообмена рабочего с крестьянством и средством борьбы с капиталом, ... и ставит своей задачей наиболее полное удовлетворение нужд крестьянства, расширение обслуживания района и вовлечение кооперированного крестьянства в активную работу кооперации. Кооперация на севере стоит на одной точке и даже мало прививается, не имея авторитета среди населения. Ячейки должны задаться целью и привлечь по возможности сторонников кооперации, содействовать организации, пропагандируя идеи, преследуемые кооперацией. Надлежит выяснить причины недоверия населения к кооперации и по возможности

[92] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1а. Л. 19.
[93] Тобольский Север. 1922. 18 ноября.
[94] Там же.

рассеять таковое, чтобы кооперация, в конце концов, заняла надлежащее место»[95].

Крупнейшим кооперативом оставался Северосоюз. Осенью 1923 г. с целью увеличения оборотных средств и для организации большего числа своих отделений на Тобольском Севере Северосоюз слился с Уралцентросоюзом. Общая численность работников составила 144 человека[96]. В задачи совместного объединения входило планомерное снабжение населения товарами первой необходимости, сбор и реализация пушнины, рыбы, орехов и т.п. Правление Северосоюза находилось в Тобольске, а в Сургуте и Самарове размещались районные конторы союза, руководившие работой сельских потребительских обществ, которые в большом количестве появились в те годы на территории Среднего Приобья, как подчеркивает В.В.Цысь[97].

Обеспокоенность кооперативным строительством на Севере можно проследить на основе Циркуляра Тюменского губкома партии (1923 г.): «До последнего времени партийные организации недостаточно уделяли внимания работе и руководству кооперативными организациями. Между тем как вопросы кооперативного строительства являются одним из самых основных в переживаемый нами период, будучи в то же время крайне сложным, запутанным и не всегда выясненным на местах... Необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1. Степень охвата кооперацией, главным образом, маломощной бедняцкой частью.

2. Вопросы строительства кооперативных организаций, линия на больший централизм.

3. Взаимоотношения между видами кооперативов.

4. Взаимоотношения кооперативных организаций и хозорганов»[98].

Таким образом, формально получив больше прав, кооперация оставалась нищей. Насыщенность рынка товарами оставалась слабой, их постоянно не хватало. 28 декабря 1923 г. вышло

---

[95] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1а. Л. 10.

[96] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 55.

[97] Цысь В.В. Потребительская кооперация Среднего Приобья в период Западно-Сибирского крестьянского восстания // Открывая Родину, узнаем себя. Излучинск, 2000. С. 29—30.

[98] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1а. Л. 18—18 об.

постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства», но оно не привело к экономической самостоятельности кооперации. Позже, после свертывания нэпа, деятельность кооперации стала регулироваться не законами, а решениями партийно-государственных структур"[99].

С переходом к новой экономической политике и допущением в известных пределах свободы обмена и права участия в торговых операциях частнопредпринимательских элементов возрастала роль советского законодательства как мощного регулятора формирующихся рыночных отношений. Именно ему, законодательству, надлежало правовыми методами обеспечить главенствующую роль государства в хозяйственной сфере. Это было тем более важно, что большевистская партия преследовала здесь цель: на ниве экономики окончательно решить проблему «кто кого» в борьбе с капиталистическими элементами в свою пользу. Она выдвигала ультимативные требования самой решительной борьбы с различного рода злоупотреблениями частного капитала и всяческого их пресечения не только методами экономического характера, но и жесткого регламентирования предпринимательской деятельности правовыми актами. Законодательство должно было гарантировать контроль советского государства над частной торговлей, ограничивать налоговыми и другими способами доходы нэпманов и кулаков, наказывать за нарушение установленных законоположений.

7 марта 1922 г. вышло постановление СТО «Об отчетности государственных, кооперативных и частных, как собственных, так и арендованных и концессионных предприятий перед государственными учреждениями». Буквально через несколько дней — 16 марта 1922 г. — увидело свет постановление ВЦИК «О Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции», очертившее цели, задачи, структуру и полномочия этого ведомства"[100]. Таким образом, законодательно оформился подготовительный этап на пути к осуществлению контроля государства над частнопредпри-

---

[99] Ефремова Г.М. Эволюция принципов международного кооперативного движения // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2. С. 6.

[100] Черномореп С.А. Правовая регламентация... С. 30.

нимательскими предприятиями и частнокапиталистической деятельностью.

Оживление экономики Березовского и Сургутского уездов происходило при наличии множества противоречий и трудностей: хозяйственная неразбериха, конкуренция между кооперативными и государственными (хозяйственными) организациями, неосведомленность руководителей на местах в части нормативно-правового обеспечения их деятельности и т.д.

18 июля 1923 г. Тюменский губком и исполком на объединенном заседании заслушали доклад Березовского укома о состоянии хозяйства уезда, в котором отмечалось, что заготовительные организации конкурируют между собой в ущерб нормальному развитию экономики Севера, в связи с чем Губком постановил:

1. Командировать на Север для постоянной работы большую группу советских и партийных работников.

2. Обратиться к правительству с ходатайством командировать ученых для изучения природных богатств тайги и тундры.

3. Губком обязал губисполком срочно восстановить телеграфную линию Самарово-Березово-Обдорск и установить радиосвязь с отдаленными пунктами.

4. Провести национализацию имущества тех, кто бежал с колчаковцами и участвовал в восстании[101].

Однако предпринять какие-либо меры по выполнению своего решения Тюменский губком не успел, поскольку новое районирование (ноябрь 1923 г.) лишало его власти, передав северные районы в подчинение Уральской области (Свердловск).

Как можно определить итоги деятельности советских хозяйственных организаций на Севере в первые годы новой власти? В трудах советского времени звучали позитивные оценки, оговаривавшие объективные трудности начавшегося восстановления хозяйства. Однако ситуация была очень сложной, по сути ни государство, ни кооперация по-настоящему не проявляли заботы о населении края, руководствуясь *лишь одним желанием* — скупить побольше пушнины. На этот счет весьма справедливо высказывался А.Е.Скачко — один из выдающихся работников Центрального Комитета Севера, неоднократно пытавшийся обратить внимание на положение северян, принимавший активное участие

[101] Бударин М.Е. Коммунистическая партия ... С. 65

в разработке важнейших документов, направленных на решение их проблем. А.Е.Скачко откровенно и весьма критично писал о результатах деятельности хозорганов в первые годы советской власти на Севере.

«1. Туземные племена разоряются и вымирают;

2. Естественные богатства расходятся, так как туземца-охотника принуждают к избиению негодного для меха зверя: беременных самок и т.д., чего раньше никогда не делали. Количество зверя снижается с головокружительной быстротой;

3. Сдерживается освоение и разведка края. 5—10 юрт обслуживают территорию в 200—400 кв. верст. Богатая страна губится самим государством. Находящиеся в Брюсселе кадетско-эсеровские сибирские деятели Логинов и др. хлопочут перед Лигой Наций об оказании помощи вымирающим туземцам Крайнего Севера Сибири»[102].

В том же докладе автор подчеркивал, что отдаленность высших органов и невозможность контроля создают широкий простор для злоупотреблений. «Сибирская атмосфера пропитана колонизаторством, бешеной жаждой легкой наживы и быстрого обогащения, заражает даже всех приезжих»[103].

2.2. Рыбный, пушной промыслы и оленеводство в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг.

В ноябре 1923 г. в СССР была проведена административная реформа, по которой Тобольский Север отошел к вновь образованной Уральской области. Следовательно, в течение 1924 г. осуществлялись мероприятия по районированию, включавшие не только установление границ новых районов и округов, но и формирование органов советской власти и партийных комитетов. В печати тех лет экономистами и хозяйственными работниками подчеркивалось, что районирование носило прежде всего экономический характер[104], промышленный Урал нуждался в ресурсах

---

[102] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

[103] Там же. Л. 7.

[104] Ланге И.Р. Значение и выгоды районирования // Красные вехи. 1923. № 1. С. 5.

Тобольского Севера, которые должны были способствовать индустриализации.

Поездки ответственных работников Тобольского окружкома и районов не прошли бесследно и оставили информационные сводки, докладные записки, отчеты и т.д., что позволяет восстановить состояние хозяйства края в тот период. По новому районированию, исходя из природных условий и занятий жителей, территория Тобольского округа была поделена на три части:

1. Южная, где население занималось исключительно хлебопашеством.

2. От Демьянки к северу на 250 верст — территория, на которой занимались рыболовством и охотой, а сельское хозяйство носило вспомогательный характер.

3. Северная, где основой хозяйственной жизни являлись рыболовство и пушной промысел[105].

2.2.1. Рыбное хозяйство

Основой северного хозяйства традиционно являлась рыбная отрасль[106]. Положение в ней оставалось сложным. Прежде всего, не было точных сведений о ресурсах водоемов Обь-Иртышья. Без этого сложно было определить реальные возможности заготовок. Соотношение цен оставалось не в пользу рыбы, что также являлось отрицательным моментом в размерах добычи. К этому следует добавить износ орудий труда для лова и недостаточное снабжение промысловиков. Газета «Северянин» от 25 июня 1924 г. писала: «До войны в доходном бюджете Тобольского Севера рыба занимала 70%, а пушнина 30%. Теперь соотношение обратное. На Тобольском Севере возможно только комбинированное хозяйство»[107].

М.Непряхин считал, что запасы рыбы в водоемах Тобольского Севера ограничены, а имевшиеся источники, по его мнению, эти возможности преувеличивали. К примеру, некоторые авторы приводили сведения о том, что в довоенный период добывалось

---

[105] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 138.

[106] 25 сентября 1922 г. вышло постановление ВЦИК и СНК о рыбной промышленности, по которому все рыболовные угодья составляли собственность государства.

[107] Северянин. 1924. 25 июня.

до 2 млн. пудов рыбы[108]. Суровость природы и «замор» Оби являлись неблагоприятными условиями для роста и размножения рыб. М.Непряхин изучил статистику по рыбе за 1911—1914 гг., что позволило ему предположить, что рыбная продукция исчислялась не точно, поскольку не подразделялась на рыбу соленую и свежемороженую, а учитывалась общей товарной массой, а также не брались сведения по рыбе, отправленной на Томский рынок. Он писал: «Рыбный промысел Тобольского Севера был явлением инертным: он развивался чрезвычайно туго и медленно, застыв на низкой ступени примитивной техники лова и обработки, никогда сам по себе он не был рентабельным. Те, кто получали барыши, использовали дешевую рабочую силу и обманывали аборигенов». М.Непряхин предполагал, что общий размер дореволюционной товарной рыбной продукции составлял 500 тыс. пудов: 320 — соленая и 180 — свежемороженая, а в переводе на рыбу-сырец — 660—680 тыс. пудов. Естественно, что такие выводы не устраивали руководство округа и области[109].

Крупнейшим предприятием на Тобольском Севере считался Облгосрыбпром, осуществлявший деятельность в районе Обской губы и Тазовского района. В 1923 г. на этом предприятии работало 520 человек. Точного учета наемных рабочих-рыбаков не велось. В Тазовском районе работали 31 ловец и 69 рабочих, которые работали на берегу. «Сколько их там работает, сказать трудно. Даже не знает Облрыба»,— отмечалось в докладной записке Тобольского окружкома «Об экономическом состоянии округа» (август 1923 г.)[110]. И.Ротермаль писал в газете «Тобольский Север»: «Обь с ее разветвлениями, протоками, заливами, сорами и т.д., где русские ловцы не знают промыслов. Где? Когда? И на каких местах бывает рыба?»[111]. Замечание весьма существенное, поскольку местное население знало особенности водоемов и, в зависимости от наблюдений за природой, могло сказать: есть здесь рыба или нет. Наемные рабочие госпредприятий такими знаниями не обладали.

---

[108] Тобольский Север. 1922. 27 июля.
[109] Там же.
[110] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 44.
[111] Тобольский Север. 1922. 22 июля.

В 1922—1924 гг. Обь-Тазовское отделение предоставило в соленом виде следующее количество рыбы:

Таблица 5

Посол рыбы в Обь-Тазовском отделении Облгосрыбпрома в 1922—1924 гг.[112]

Год	Количество рыбы (в пуд.)	К 1913 г. (в %)
1922	117 745	67,8
1923	142 298	81,3
1924	145 967	83,4

Дореволюционный уровень по производству соленой рыбы не был достигнут, хотя ежегодно наблюдалось некоторое увеличение добычи рыбы[113]. Положение Облрыбы было не простым. С одной стороны, она обладала монопольным правом на вывоз рыбы, а с другой,— находилась в состоянии острой конкурентной борьбы с кооперативными организациями, которые также заготовляли рыбу. Облрыба не могла обеспечить своевременное поступление на рыбопромыслы продовольствия, инвентаря, снастей. Зачастую завозимые товары были некачественные[114]. В информационной сводке Тобольского окружкома от 6 сентября 1923 г. содержались сведения о деятельности Облгосрыбпрома. В документе описан песок Ямбург, где рабочие работали как крепостные, перерыв на отдых (сон) заведующим Кирпичниковым был установлен длительностью не более 4—5 часов, кроме того, вышеназванный начальник занимался рукоприкладством. Ели рабочие 1 раз в сутки — варили уху из сушеной рыбы. В июле рабочие отказались выполнять работу. На том же песке из-за нехватки соли и посуды прокисло 800 пудов рыбы[115]. Приведенные факты позволяют заключить, что рабочих на ловле рыбы не хватало, организовать посменную круглосуточную работу на путине было не из кого. Наемные рабочие, не знакомые с местными

[112] О размерах рыбной продукции Тобольского Севера // Наш край. 1924. № 4. С. 17—23.
[113] Там же.
[114] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.
[115] Там же. Л. 29.

условиями, не умевшие выживать (например, готовить рыбу), материально не заинтересованные в своем труде, видя к себе плохое отношение начальства, вели полуголодное существование, а потому нередко совершали акты вандализма по отношению к аборигенам[116]. Это обостряло отношения с коренными жителями, заставляло уходить последних в тундру[117].

В другом документе сообщалось о положении государственных рабочих на Тазу: «...тазовские рабочие и служащие были плохо обеспечены продовольствием: жиров выдавали очень мало, белой муки не было совсем, в будущую же зиму таковые обеспечены гораздо лучше, а равно удовлетворены и спецодеждой. Жилищные условия очень скверны. В помещении, занимаемой конторой, размещено и общежитие. В одной маленькой комнате стоит стол счетовода и конторщика и тут же живут две семьи, в другой комнате рядом живут 5 человек, к этому зданию прирублен прируб. В нем помещалась пекарня с выпечкой хлеба до 30 пудов в сутки. Дверь из пекарни не закрывалась, и чад попадал в жилое помещение. Стены здания тонкие и ветхие, зимой промерзают, чад и промерзание стен создают сырость и угар. В таком положении живут рабочие до 8 месяцев»[118].

Ежегодно 9/10 всех наемных рабочих Облгосрыбы покидали рыбопромыслы. Тобольский рыбтрест нес огромные убытки. Требовались меры по изменению ситуации. В августе 1923 г. Тюменский губком приступил к чистке хозяйственного аппарата на Севере, тогда и был назначен на должность начальника треста москвич М.Г.Непряхин. Уже на первой Тобольской окружной партконференции подчеркивалось: «Нужно всячески укрепить Областьрыбу». А в октябре 1924 г. М.Г.Непряхин выступил с отчетом перед Тобольским окружкомом, где изложил ситуацию и проанализировал состояние рыбного хозяйства. Конференция поставила перед рыбной отраслью задачу: за 3—4 года завершить восстановление[119].

Рассчитывать на быстрое улучшение ситуации было ошибочно, так как коренных преобразований в рыбном хозяйстве не про-

[116] Например, было разрушено и осквернено захоронение самоеда Степана Хановиша, все вещи были украдены. См. ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 29 об.
[117] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 29 об.
[118] Там же. Л. 32.
[119] Киселев Л.Е. От патриархальщины ... С. 92—94.

водилось. Промыслы существовали в том же виде, что и 50 лет назад. В хозяйственном обзоре Тобольского окружкома за 1924 г. сообщалось о деятельности Облгосрыбпрома в Тазовском районе: «На расстоянии 2,5 тысяч верст от г.Тобольска в Тазовской губе имеется три зимовки Облгосрыбпрома, где периодически происходит рыбная ловля. Рабочих и служащих зимовало до 65 человек, на будущую зиму осталось 45. Завозимые в Таз рабочие и служащие в большинстве случаев выполняют функции засольщиков, а ловцами являются самоеды»[120]. Медицинская помощь на государственных рыбопромыслах почти отсутствовала, ее можно было получить только в Самарове, Березове и Обдорске. Иногда госпромыслы приглашали медика прямо на промысел, но случалось это крайне редко[121].

В информационных сводках Тобольского окружного ГПУ за 1924 г. также содержатся сведения о рыбных промыслах. В частности, в сводке от 13 августа сообщалось: «Жалованье рабочих от 9 до 18 руб. в месяц с вычетом из него за продукты питания по 4 руб. 50 коп. Жилищные условия плохие, в ненастную погоду проливает дождем. Отдельных сушильных помещений для просушки одежды и обуви нет. Администрация же песков живет в более лучших условиях. Обувь (бродни) в большинстве случаев — теплая. Рабочие болеют ревматизмом и малярией, по борьбе с последней отсутствуют медикаменты. Спецодежда рабочим выдается. брезентовый плащ и бродни (с возвратом). Рабочие на госпромыслах работают смену 24 ч. и затем 24 ч. отдыхают». В сводке от 22 октября 1924 г. сообщалось: «Вернулись с промысла караваны. Производственная программа в 150 тыс. пудов рыбы полностью не выполнена, поскольку несвоевременно приступили к делу, слабая деятельность рыбаков, с которыми не может ладить администрация, холодное и ветрянное лето. Точных сведений о количестве добытой рыбы не имеется, не более 130 тыс. пудов. Флот состоит из 76 судов, которые полностью неисправны»[122]. Газета «Северянин» от 3 октября 1924 г. сообщала, что в текущем году государственный рыбный промысел по плану

[120] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 95. Л. 32.

[121] Варнаков А. Медицинская помощь на государственных рыбных промыслах Тобсевера // Наш край. 1925. № 8—9. С. 13.

[122] Каждое посещение врача в 1923 г. обходилось в 22 коп. См.: Варнаков А. Медицинская помощь... С. 13.

составлял 150 тыс. пудов, но выполнен был в объеме 111 тыс. пудов[123].

Не лучше было положение рыбаков из числа туземного населения. В информсводке Тобольского окружного отдела ГПУ (декабрь 1924 г.) сообщалось, что настроение туземцев-рыбаков плохое вследствие отсутствия спроса на рыбу, что ставит рыбаков в безвыходное положение. Трудно было продать пуд щуки за 9—10 коп. В то же время пуд муки стоил 2—3 руб. В прежние годы 1 пуд рыбы стоил 1 руб., пуд муки — 2 руб.[124] В информсводке от 17 января 1925 г. отмечалось тяжелое положение инородцев-рыбаков Обдорского района. Причина та же — низкие цены на рыбу и высокие на предметы потребления и орудия лова[125].

В сводке окружкома за август 1924 г. сообщалось, что ловить язя и щуку нет никакого смысла. Пуд щуки и язя стоит 1 руб. 40 коп., а соль — 1 руб. 30 коп. «Рыбаки не хотят ловить не пользующиеся спросом сорта»[126]. В сводке от 29 октября 1924 г. отмечалось: «...весной было заброшено мало соли, из-за чего рыбу бросали обратно в воду или сушили»[127]. В информационном отчете Обдорского райкома за период август—ноябрь 1925 г. указывалось, что «состояние рыбных промыслов ниже среднего ввиду большого разлива воды и неулова рыбы. Точных сведений о количестве выловленной рыбы не было ни у райкома, ни у рыбтреста»[128].

В середине 1920-х гг. руководство округа забило тревогу, обозначив перед областными и центральными организациями серьезные проблемы в рыбном хозяйстве. В докладной записке председателя Тобольского окружного исполкома И.Ф.Первухина и председателя Тобольского Комитета Севера П.П.Сосунова от 26 августа 1925 г. в Комитет Севера при ВЦИК сообщалось. «Сравнительные цифры между довоенными и современными уловами характеризуют Обь-Иртышское рыболовство катастрофически павшим, а с другой стороны, ежегодная добыча пушного зверя на

[123] Северянин. 1924. 3 октября.
[124] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 1.
[125] Там же. Л. 37.
[126] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 127.
[127] Там же. Л. 160.
[128] Там же. Д. 225. Л. 43.

Тобольском Севере за последние годы далеко превысила довоенные нормы»[129].

В протоколе четвертой Тобольской окружной партконференции (8—13 сентября 1925 г.) было записано, что окружному комитету следует обратить внимание на поднятие рыбного хозяйства[130]. В резолюции по экономике отмечалось: «для более рациональной разработки рыбного хозяйства и правильной его постановки необходимо:

1. Всесторонне изучить рыбное хозяйство Севера путем обследования экономического положения туземного населения;

2. Срочно приступить к проработке вопроса о форме водопользования туземного населения, а также работе по введению ограниченных мер для рыболовства ввиду намечающегося в некоторых местах уменьшения запаса рыбы»[131].

Однозначно охарактеризовать положение рыбной отрасли в середине 1920-х гг. сложно. Выстраивается весьма противоречивая картина. Самоеды и остяки Нижней Оби и Обской губы являлись основными поставщиками рыбы государственным и кооперативным организациям, однако они по-прежнему, как и в начале XX в., находились в неравноправном экономическом положении[132].

Видна бесхозяйственность и попустительское отношение к ценному продукту, халатное отношение руководящих работников к организации производства и рабочим. Не встретилось в документах инициатив, в которых обнаруживалось бы искреннее стремление к решению обозначившихся проблем. Однако в 1924—1925 гг. прослеживается попытка окружных властей стабилизировать положение в рыбном хозяйстве края, чего не наблюдалось в период 1917—1923 гг., но методы хозяйственной стабилизации были административно-директивные, а не рыночные, и на уровне декларативных заявлений, конкретных мер по улучшению ситуации не просматривалось.

---

[129] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 16. Л. 90.
[130] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 192. Л. 20.
[131] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 205. Л. 63.
[132] Тобольский край. 1926. № 1. С. 11.

В рыбном промысле участвовало 87,4% всех хозяйств края. Население, добывающее рыбу, по национальному признаку распределялось следующим образом:

Таблица 6

Участие населения Тобольского Севера в рыбном промысле (1926 г.)[133]

Национальный состав населения	Общее количество хозяйств	Число хозяйств, занятых в промысле
русские	4 689	3 562
самоеды	1 582	1 255
остяки	2 814	2 618
вогулы	1 233	1 110
зыряне	1 021	601
прочие	105	54

Сведения таблицы позволяют заключить, что 90% хозяйств коренного населения принимали участие в рыбных промыслах. Основными районами, население которых занималось рыбной ловлей, были: Обдорский (30,8% добычи в округе), Березовский (23%), Самаровский (21,8%). Таким образом, на долю северных районов приходилось 75,6% от всей добываемой рыбы в Тобольском округе.

Размеры добычи рыбы в 1926—1928 гг. можно проанализировать в сравнении с довоенным временем.

Таблица 7

Добыча рыбы на Тобольском Севере (в тоннах)[134]

Вид продукции	1913	1926/27	1927/28
I Соленая рыба			
Красная	215	105	130
Белая	7 782	3 385	3 829
Черная	5 652	6 301	4 125
Итого	**13 649**	**9 791**	**8 084**

[133] Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Хозяйство Урала. 1929. № 4. С. 156—157.
[134] Там же.

Вид продукции	1913	1926/27	1927/28
II Свежемороженая			
Красная	304	265	239
Белая	630	367	818
Черная	4 236	4 216	5 237
Итого	**5 170**	**4 848**	**6 294**
III Сухая рыба			
Черная	745	1 540	2 130
Всего	**19 564**	**16 179**	**16 508**

Довоенный уровень по производству различных видов рыбной продукции не был достигнут. Уловы 1926—1928 гг. характеризовались значительным уменьшением в части добычи ценных пород рыб.

Таблица

Улов рыбы на Тобольском Севере по основным видам (в %)[135]

Рыба	1913	1926/27	1927/28
Красная	2.6	2,3	2,2
Белая	43	23,2	28,1
Черная	54,4	75,5	69,7
Итого	**100**	**100**	**100**

2/3 всей вылавливаемой рыбы составляли сорта черной рыбы (язь, щука, окунь и др.)[136].

Во второй половине 1920-х гг. кроме местного населения в рыбном промысле принимали участие рабочие таких государственных организаций, как Госторг и Обьтрест. Обьтрест являлся крупнейшей организацией не только в Госторге, но и в целом на Тобольском Севере. Разбросанность его угодий охватывала 500 верст по прямой линии[137]. В конце 1927 г. Обьтрест вошел в состав Госторга, в распоряжении которого имелись 133 угодия на правах аренды, расположенных в низовьях Оби. Это произошло из-за выявленных нарушений и злоупотреблений руководства

[135] Там же.
[136] Рыбное хозяйство Тобольского Севера // Хозяйство Урала. 1929. № 4. С. 157.
[137] ТФГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 132. Л. 34.

Обьтреста. Таким образом, с 1928 г. Госторг стал самой крупной государственной (хозяйственной) организацией на Дальнем Севере[138]. Рыбопромысловая деятельность Госторга обеспечивалась силами наемных рабочих, артельщиками и частниками из числа аборигенов[139].

Таблица 9

Численность рабочих, используемых на рыбопромыслах Госторгом в 1927—1928 гг.[140]

Рабочая сила	1927 г.	1928 г.
Наемные рабочие	1082	1031
Артели и частники	2751	3001
Всего	3833	4032

Соотношение наемных рабочих и местных жителей, участвовавших в ловле рыбы, характеризуется как 1:3. Существенного увеличения численности занятых в промыслах в 1928 г., по сравнению с 1927 г., не произошло.

Рабочий вопрос, как указывал В.Евладов, на промыслах не был урегулирован. Завербованные рабочие, выезжая на промыслы, не знали своих разрядов и ставок. Применительно к пескам в Хэ и Ярцинги при сдельной оплате труда табели оформлялись с запозданием, а значит, и расчет поступал с большой задержкой[141]. Приемлемые жилищные условия для рыбаков на песках отсутствовали. Как правило, для отдыха использовались постройки легкого типа, которые не защищали ни от дождя, ни от гнуса. Одежду сушили как придется, поскольку специальных приспособлений не было.

Имевшиеся рыбоугодия, арендованные Госторгом и расположенные в низовьях Оби, для удобства были разбиты на 7 районов. В каждом районе имелось закрепленное число угодий с обозначением в них производственных баз.

---

[138] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 15. Л. 156.
[139] Рыбное хозяйство... С. 160.
[140] Там же.
[141] Евладов В. Пути развития хозяйства Обдорского края // Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 64.

Таблица 1

Рыбоугодия, арендованные Госторгом на Обском Севере (1929 г.)[142]

Районы	Количество угодий в районе	Базы
Куноватский	2	песок Куноватский
Питлярский	2	песок Питлярский
Обдорский	44	песок Обдорский
Оксарковскин	11	В-Суматн
Пуйковский	56	Пуйко
Воркутинский	11	Шуга
Паулинский	8	Ныда

В вопросе пользования рыбоугодьями между хозяйственными организациями и местным населением нередко имели место конфликты. Необходимо учитывать, что распределение угодий и использование их государственными организациями привело к ограничению эксплуатации водоемов туземным населением. Многочисленные документы говорят о том, насколько остро стоял вопрос о собственности и праве пользованиями водоемами. На заседании Сынского туземного совета 19 сентября 1926 г. было выдвинуто предложение хозорганизациям: удерживать с рыбаков за пользование рыбоучастками 7% сдаваемой рыбы[143]. 5 января 1927 г. тем же туземным советом рассматривался вопрос «О порядке сдачи в аренду рыбоугодий», по которому туземцев обязывали заблаговременно подавать заявления на использование угодий во избежание споров и недоразумений[144]. 4 марта 1927 г. жители названного совета вновь решали вопрос «О порядке использования рыбоугодий». М.Т.Лонгортов — представитель коренного населения — задал вопрос: «Будут ли когда-нибудь туземцам возвращены земли, как это было раньше, чтоб сами в аренду сдавали?»[145]. Однако ограничения на пользование угодьями не были сняты.

[142] Рыбное хозяйство... С. 160.
[143] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 101. Л. 3.
[144] Там же. Л. 30—31.
[145] Там же. Л. 37.

С созданием в Тобольске в 1927 г. рыбохозяйственной станции начались первые мероприятия по изучению и разработке проблемы водоустройства, имеющие целью закрепить за туземным населением принадлежавшие ему угодья[146]. Примером может служить Ларьякский туземный район, где в 1928 г. в коллективный арендный фонд туземцам были выделены рыбные угодья[147]. Пожалуй, это был первый случай, свидетельствующий о передаче угодий туземцам с преимущественным правом использования перед остальным населением и организациями (аборигенам была вручена землеотводная грамота)[148].

В.Новицкий понимал значение водно-земельного устройства, ратовал за его скорейшее проведение и неоднократно выступал по этому поводу в уральских краеведческих изданиях. В частности, он отмечал необходимость определения границ районов, которые необходимо было закрепить за туземцами для производства промысла, чтобы изжить антагонизм между коренным и пришлым населением и защитить аборигенов от натиска госрыбопромышленников[149].

Споры из-за угодий, вероятно, заставили руководство Уральской области и Тобольского округа выделить в составе рыбоугодий хозяйственные угодья общереспубликанского и местного значения. К угодьям общереспубликанского значения относились водоемы низовьев Оби со всеми притоками и озерами от леска Оленского (в 150 верстах севернее Березова) и ниже, а также районы Обской и Тазовской губы. Остальные угодья определялись как угодья местного значения.

Рыбный промысел на Севере основывался преимущественно на лове закидным неводом и устройстве разного рода запоров. Второстепенное значение имели крючковые снасти, морды, плавные сети, саипы и другие ловушки. Состояние рыболовецкого флота было совершенно неудовлетворительно. Рыбаки не

---

[146] Рыбное хозяйство... С. 156.

[147] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1. Л. 1—3.

[148] См. более подробно: Алексеева Л.В. Экономическое развитие северных районов Уральской области (1923—1934 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Кр. зап. Нижневартовск, 1998. Вып. № 1. С. 74—75.

[149] Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 6. С. 120.

имели судов не только с моторными или паровыми двигателями, но даже и с парусной оснасткой. Средств на приобретение снастей не было. Местные рыбаки получали в кредит орудия лова от кооперативных организаций и рассчитывались рыбой. В кредитовании местных рыбаков с 1926—1927 гг. принимал участие сельхозбанк, когда им было отпущено 85 тыс. руб., в 1927—1928 гг. сумма была увеличена до 137 тыс. руб. Однако кредиты были краткосрочными и за них нужно было рассчитаться в течение сезона. В.Евладов в 1927 г. в журнале «Уральское краеведение» писал о полном упадке рыбной промышленности в Обдорском крае. «Основной причиной тупика, в который зашла рыбная промышленность Дальнего Севера, является диспропорция цен на отпускаемые рыбакам товары и приемных цен на рыбу». Он приводил для сравнения цены в довоенный период и современный. До войны пуд муксуна равнялся четырем пудам хлеба или 50—60 м мережи, теперь же, например, в сезон 1926 г. за пуд рыбы можно было получить 2,5 пуда хлеба или 12—15 м мережи[150]. По данным на 1927 г. цены на пушнину и потребительские товары значительно опережали рост цен на рыбу. По сравнению с довоенными, цены соотносились в следующем виде по отношению к группам товаров: пушнина — 235—338%; потребительские товары — 219%; рыба — 133%[151].

Промысловое значение на Тобольском Севере имели следующие виды рыб:

— осетровые (осетр, стерлядь);
— лососевые (нельма, муксун, сырок, щокур, пыжьян, сельдь обская и сосьвинская);
— частиковые (чебак, окунь, язь, щука, карась).

Главную часть уловов составляла черная рыба — до 70%. Планы заготовок ориентировали на увеличение объемов добычи, что приводило к вылавливанию молоди. По данным Тобольской рыбохозяйственной станции, улов молоди во время путины 1928 г. достигал 75%, что вело к сокращению рыбных запасов. Рыбохозяйственное значение Обского бассейна понижалось ежегодным замором Оби, который был связан с распадом гуминных веществ, в большом количестве попадающих из болотных почв в

[150] Евладов В. Пути развития хозяйства... С. 63.
[151] Рыбное хозяйство... С. 157.

воду, и веществ дубильного характера, экстрагирующих из древесины, засоряющих воду в таежных частях бассейна Оби. Гибель рыбы во время замора происходит, главным образом, от дефицита кислорода и кислотности среды[152].

Обработка рыбы производилась самими рыбаками и лишь частично Интегралсоюзом и Госторгом. Существовавшие распространенные виды обработки рыбы в те годы: стоповый посол, который охватывал 55% всей продукции, свежая заморозка и переработка в консервы, которая распространялась примерно на 35% выловленной рыбы, и сушка, охватывающая 10%. Стоповый посол требовал много соли — до 45% от веса засаливаемой рыбы, давал утечку в товаре на 40%, да и качество засолки оставляло желать лучшего, поскольку никаких приправ не применялось[153].

В конце ноября 1928 г. начала работу Тобольская консервная фабрика. Пробный выпуск был представлен консервами из дичи: первая партия в количестве 75 штук состояла из 63 рябчиков, 8 белых куропаток и 4 косачей. К консервам прошли испытание следующие заливки: томатная, белый луковый соус, маринадный уксус, соус из-под тушения. Первые рыбные консервы были изготовлены из язя, муксуна и нельмы[154]. Вынашивались проекты изготовления клея из рыбьей чешуи, который являлся экспортным товаром. Изучались рецепты, шла переписка с Рыбгосторгом о технологии изготовления клея[155].

Таблица 11

Консервное производство Тобольской фабрики в 1925/26—1927/28 гг.[156]

Хозяйственный год	Количесгво консервов (в тыс. штук)
1925/26	291
1926/27	472
1927/28	729

[152] Там же. С. 156.
[153] Там же. С. 163.
[154] ТФГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 132. Л. 207. 210, 216.
[155] Там же. Л. 37—47.
[156] Рыбное хозяйство... С. 163.

Наблюдалось ежегодное увеличение производства консервов в 2 раза. Консервная фабрика представляла собой полукустарное предприятие, на котором в 1926 г. трудилось всего 34 рабочих[157]. Тобольский округ давал до 90% всей рыбной продукции Уралобласти. Во второй половине 1920-х гг. доминирующая роль сохранялась, но была основательно потеснена охотой из-за неблагоприятной конъюнктуры рыбного рынка. Рыбная продукция Тобольского округа расходилась до 70% в пределах Уралюбласти. В европейскую часть Союза попадала ничтожная часть тобольской рыбы. Главным распределителем тобольской рыбы для Урала являлся Тюменский рынок. Основная масса (65%) рыбы в соленом и сушеном виде вывозилась водой, а 35% — зимой в свежемороженом виде по зимним трактам: Самарово-Тобольск-Тюмень; Кондинское-Гари, Березово-Никито-Ивдель[158]. Из-за низкого качества рыбной продукции экспортные возможности были ограничены, но, тем не менее, вывоз рыбы на заграничный рынок имел место.

Таблица 12

Экспорт Госторга в 1928 г.[159]

Наименование	Количество (в ц)
Свежемороженая рыба	3 079,9
В т.ч. красная и белая	1 184,3
Черная	1 895,6

Ценная и черная рыба шли на экспорт примерно в одинаковом соотношении. Экспорт Госторга исчислялся в 1928 г. суммой в 180 тыс. руб. Газета «Советский Север» от 15 сентября 1929 г. писала: «На заграничный рынок вывозится осетр, стерлядь, муксун, нельма и щука. Рыба для экспорта в заморозку должна идти живая (не уснувшая). При заморозке рыба должна быть чистая, без грязи, ила, слизи, без наружных признаков повреждения. Осетр распарывается, укладывается на брюшко. Рыба разбирается по весу. Необходимо стремиться не поломать плавник и

[157] Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927. С. 208.
[158] Хозяйство Урала. 1929. № 4. С. 161—162.
[159] Там же. С. 163.

хвостовые перья. Выполнившему указанные правила, в Тобольске будет уплачено на 5% больше»[160].

При ловле, хранении и транспортировке рыбы-сырца значительная часть ее пропадала. Сведения по товарной продукции свидетельствуют о том, что до рынка доходило 50—60% от выловленной рыбы. Товарная часть рыбной продукции за 1927—1928 гг. составила 165 085 ц в сырце, что составляло 84% довоенного уровня[161].

Таблица 13

Доля районов Тобольского Севера в товарной части рыбной продукции в 1927/28 хозяйственном году[162]

Район	(в %)
Обдорский	30,8
Березовский	23
Самаровский	21,8
Остальные районы	24,4

Главным поставщиком рыбы оставался Обдорский район, на территории которого действовали Рыбный трест и Госторг. Доход от рыбы в 1928 г. исчислялся суммой в 92 100 руб. Средние цены за ц рыбы по данным Тобольского Окрзу применительно к угодьям местного значения были следующими:

Таблица 14

Средние цены за центнер рыбы в Тобольском округе в 1927/28 хозяйственном году (в руб.)[163]

Рыба	Приемная цена	Рыночная цена
красная	45—58	66—83
белая	45	63—87
черная	16—52	28—64

[160] Рыбное хозяйство .. С. 163.
[161] Там же. С. 161.
[162] Там же. С. 162.
[163] Там же

Рыночные цены превышали приемные по ценным видам рыбы на 30%, а по черной — на 75%.

12—15 февраля 1929 г. состоялось совещание в Облзу, где был рассмотрен вопрос о рыбном хозяйстве Тобольского округа. Совещание определило пути развития рыбного хозяйства:

1. Привлечение квалифицированных кадров и ассигнований;
2. Широкое кооперирование туземного населения;
3. Развитие, расширение и углубление научно-исследовательских работ;
4. Установление тесных связей научно-исследовательских и хозяйственных организаций;
5. Внесение плановости в работу Госторга и Интегралсоюза;
6. Вовлечение в рыбопромысловую эксплуатацию удаленных районов;
7. Проведение коренной реорганизации в добывающей промышленности на основе механизации, улучшения качества орудий лова, укрупнения неводного хозяйства.
8. По линии обрабатывающей промышленности — организация посола, вяления, сушки, балычного полуфабриката и консервного производства, организация производства рыбьего жира, кормовой муки, клея.
9. Урегулирование рыбного рынка, повышение цен на рыбу, снижение наценок торговых организаций, устранение лишних звеньев в торгово-производящей сети[164].

Два месяца спустя после опубликования вышеприведенного материала, в журнале «Хозяйство Урала» В.Новицкий выступил с предложениями по развитию рыбного хозяйства края. Он считал важнейшими задачами рыбной промышленности следующие: максимальное обеспечение рыбной продукцией промышленных центров Урала; усиление экспортных возможностей; плановое переустройство рыбного хозяйства округа на основе широкой коллективизации[165].

Стремление руководства Тобольской окружной конторы к реализации мероприятий по улучшению состояния отрасли прослеживается в письме Рыбному отделу Дальгосторга от 12 апреля 1929 г. В нем высказывалась просьба о присылке материалов из

[164] Хозяйство Урала. 1929. № 4. С. 164—165.
[165] Там же. № 6. С. 113.

практики промысловой работы на Дальнем Востоке: общая схема построения отчетности, действующие положения и инструкции, калькуляции, планы завозов, договора, документы по консервному производству, материалы по утилизации и др.[166]

Для 1929 г. характерно начало создания мелких рыболовецких колхозов на Севере Тобольского округа, о чем сообщалось в газете «Советский Север». В заметке указывалось, что создано 58 рыболовецких колхозов с 708 членами, из которых туземцы составляли 35%[167]. Эти первые коллективные хозяйства назывались «простейшие производственные объединения» (ППО) и носили скорее агитационно-пропагандистский характер, чем производственный. Хотя артельный (коллективный) лов во время путины не был делом необычным для аборигенов.

В 1920-е гг. в рыбном хозяйстве Тобольского Севера наметились противоречивые тенденции:

— во-первых, уменьшение объемов добычи сырца по сравнению с довоенным временем, что объяснялось снижением закупочных цен на рыбу и повышением на пушнину, соответственно трудностью сбыта рыбы и, как следствие, ухудшением материального положения оседлого туземного населения и наемных рабочих, занятых на рыбных промыслах;

— во-вторых, несмотря на обозначенную проблему «ножниц цен» в хозяйстве Уральской области, рыба Тобольского Севера занимала по-прежнему значительное место не только в продуктовом снабжении рабочего населения городов и поселков, но и в экспортном варианте, хотя и была серьезно потеснена пушным промыслом;

— в-третьих, нельзя не отметить, что во второй половине 1920-х гг. в областных и окружных организациях стала проявляться озабоченность положением дел в рыбной отрасли, наметилось стремление к ее реконструкции. Однако все предложения по ее улучшению ограничивались директивными указаниями и внедрением планово-отчетной документации, реальных изменений в рыбном хозяйстве не происходило;

— в-четвертых, отсутствовали научные основы руководства отраслью. Ни о какой экономической стратегии развития вопрос

[166] ТФГАТО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 132. Л. 257 об.
[167] Советский Север. 1929. 18 сентября.

не стоял. Предприятия, занимавшиеся рыбными промыслами, не владели информацией о рыбных запасах, оптимальном их использовании, не располагали экономическими расчетами по добыче, потреблению, переработке;

— в-пятых, слабая техническая база рыбного хозяйства: примитивные орудия лова, отсутствие подсобных механизмов и транспортных средств, недостаток тары и соли, устаревшие технологические способы обработки рыбы.

Таким образом, рыбное хозяйство существовало исключительно благодаря труду местного населения (на долю которого приходилась большая часть добычи рыбы) и наемных рабочих, которые в тяжелейших условиях добывали, проводили первичную обработку и отправку рыбы, получая мизерную плату за свой труд. Рыбное хозяйство края утратило в 1920-х гг. свою лидирующую роль в системе хозяйства Тобольского Севера и относилось по всем признакам к экстенсивному типу.

2.2.2. Пушной промысел

Другим важным промыслом для населения Севера оставалась **охота**. Промысловую территорию Тобольского округа можно условно разделить на две зоны: тундровую и лесную. Промысловая фауна тундровой зоны состояла из горностая, песца, зайца, волка, росомахи. В лесной зоне водились белка, ласка, горностай, соболь, куница, киндус, лисица, рысь, выдра, речные бобры. Копытные животные были представлены лосем и северным оленем.

К середине 1920-х гг. количество организаций, занимавшихся скупкой пушнины, было ограничено. На долю государственных предприятий приходилось 75% скупаемой пушнины, а на долю кооперативных — 25%. Е.И.Гололобов считает, что активная роль государства в организации пушного промысла способствовала стабилизации этой отрасли северного хозяйства и ее дальнейшему росту[168].

[168] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 163

Таблица 15

Ассортимент и количество добытой пушнины на Тобольском Севере в 1923/24—1925/26 гг.[169]

Наименование	1923/24 гг.	1924/25 гг.	1925/26 гг.
Белка	726 280	984 400	605 634
Песец	13 462	9 061	17 194
Лисица	1 539	2 306	3 370
Соболь	454	1 622	1 334
Горностай	9 381	17 663	15 448
Колонок	1 669	9 520	14 732

В ассортименте добытой пушнины преобладали белка и песец. Соболь находился под угрозой истребления, о чем свидетельствует снижение его добычи[170]. В 1925—1926 гг. на Севере было добыто пушнины на сумму 1 млн. 58 тыс. руб., а также продукции птицеводства на 150 тыс. руб.[171]

Значительному развитию охотничьего хозяйства и его крупному удельному весу среди других промыслов Севера во второй половине 1920-х гг. способствовала весьма благоприятная рыночная конъюнктура с пушниной и ее валютное значение в торговых сношениях с заграницей, что выдвинуло охотничий промысел на первое место в системе хозяйства Тобольского Севера. Экспортная доля Тобольского Севера по песцу составляла 24%, по соболю — 10% всего российского вывоза за границу[172]. Однако разница в спросе и ценах на пушнину и рыбу привела к значительному сокращению пушных и уменьшению добычи рыбных богатств Тобольского округа.

В уральском экспорте пушнина занимала первое место. В 1925—1926 гг. пушнина в общем объеме экспорта занимала 20%, а до войны — 4%. Д.Бобылев указывал, что наиболее ценные

---

[169] Там же.
[170] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 164.
[171] Сигов М. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала в первом квартале 1927/28 года // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 116.
[172] Веллер Р. Уральский экспорт // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 110.

породы пушных зверей нуждаются в охране от окончательного истребления[172].

Оптовые цены заготовителей в рублях в 1926—1927 гг. составляли 1 руб. 10 коп., оптовые цены на внутреннем рынке — уже 1 руб. 50 коп., а оптовые цены на внешнем рынке в Лейпциге — 3 руб. 38 коп. Государство на пушнине зарабатывало в 3 раза больше, чем вкладывало в закупку сырья[174].

Экономическая выгода заставляла государственные органы уделять значительно большее внимание развитию пушного промысла на Севере. 50% бюджетных средств Тобольского округа тратилось на нужды охотничьего хозяйства[175].

На пушнине государство зарабатывало большие деньги, но особой заботы о Севере не проявляло. Обеспокоенность создавшимся положением прослеживается в выступлении Ф.Локацкого на бюро Уральского обкома ВКП (б) в 1927 г. Вот что он говорил: «Как заготовляют пушнину на Тобольском Севере? Зарабатывают на ней очень хорошо. Но что получает Тобольский Север? Абсолютно ничего. А мы что-то должны дать. Мы ежегодно на Тобольский Север отпускаем средства, в прошлом году — 900 тыс. руб. взяли со Свердловского, Пермского, Тобольского, В-Камского округов.

В текущем году эту сумму увеличили до 1 млн. 100 тыс. руб., а пенки снимают экспортные организации. Отсюда обком должен взять линию и заставить организации, работающие на экспорт, вкладывать деньги, особенно на Тобольский Север»[176].

Благоприятная конъюнктура рынка спровоцировала массовую переориентацию экономически активного населения с рыболовства на пушной промысел как наиболее рентабельный, в результате чего на Тобольском Севере к середине 1920-х гг. обнаружились экономические изменения.

---

[173] О положении уральского экспорта // Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927. С. 157.
[174] Веллер Р. Уральский экспорт... С. 110.
[175] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 164.
[176] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 14. Л. 423.

Таблица 16

Товарная продукция по действительным ценам приемки товаров и сырья от производителей на Тобольском Севере[177]

Промысел	1913 г., руб.	Удельный вес, %	1924/25 гг., довоенный руб.	1924/25 гг., по отношению к 1913 г., %	1924/25 гг., червонный руб.	Удельный вес, %
Рыболовство	2 465 500	81	1 526 200	62	1 374 100	52,5
Пушной промысел	366 500	19	508 000	90	1 235 700	47,5

Стабилизация северного промыслового хозяйства произошла на фоне общего сокращения объемов продукции рыболовства и пушного промысла на 33%. Сокращение это в большей степени затронуло рыболовство (на 38% меньше довоенного уровня) и в меньшей степени пушной промысел (на 10% меньше довоенного уровня). Существовавшее в начале XX в. соотношение между товарной продукцией рыболовства и пушным промыслом (4,2:10) сменилось соотношением, близким к равенству. Причем, стоит отметить, что увеличение доходов от реализации пушнины на рынке происходило на фоне абсолютного сокращения ее добычи.

Анализируя динамику объемов добычи пушнины, Е.И.Гололобов обратил внимание на необходимость учета резких колебаний интенсивности приплода, которые регулярно здесь проявлялись. В благоприятные годы (урожай кедрового ореха) белка приносит два приплода в год по 6—8 бельчат, а в неблагоприятные годы — один приплод из 2—3 бельчат. Белка, лисица и песец, способные в благоприятные годы интенсивно размножаться, еще могут восстановить свою численность, а вот интенсивная охота на другие виды животных, обладающих меньшей плодовитостью, приводит к их полному уничтожению. Примером могут служить соболь и бобер[178].

Данные с мест свидетельствовали о быстром и неуклонном сокращении и истощении пушных ресурсов. В Кондинском районе отмечалось сокращение выхода пушнины по сравнению с

---

[177] Гололобов Е.И. Пушной промысел. С. 164.
[178] Там же. С. 166.

довоенным временем в среднем в два раза. В Сургутском районе в 1920-е гг. соболь почти не встречался. В елово-лиственной приобской полосе Березовского района наблюдалось ежегодное сокращение добычи пушнины, в таком же положении находился и район Северной Сосьвы. В рассматриваемый период небольшие пушные ресурсы сохранились в тундровой зоне (бассейн Казыма и Надыма), а верховья Сосьвы и Конды стали последним пристанищем соболя[179]. Наличие бобров удалось установить В.В.Васильеву в ходе его поездки на Тобольский Север в 1926 г. Он обнаружил животных в 36 речках и установил приблизительное их количество — около 300 штук[180]. В 1927 г. В.Васильев представил в Государственный Комитет по охране природы доклад «О речных бобрах Тобольского Севера», который внес большой вклад в разработку природоохранных мероприятий в крае и способствовал постановке вопроса о создании там заповедника[181].

Наряду с колебаниями интенсивности приплода пушных зверей, на их численность оказывали влияние пожары, вырубка лесов и эпизоотии. Но все-таки главной причиной катастрофического сокращения пушных ресусов, безусловно, являлось интенсивное истребление промысловых животных без соблюдения каких-либо правил и ограничений. Основными нарушениями были: несоблюдение сроков охоты, добыча невыходной пушнины, использование самоловных приборов и способов массового истребления животных. К ним можно отнести: ловлю лисьего молодняка во время половодья и травлю лисиц стрихнином, охоту на лося по весеннему снегу, использование засек, капканов, слопцов и других самоловов. Значительный ущерб промыслу лисы приносило использование стрихнина. Лисица, съевшая стрихнин, погибала далеко от привады, заносилась снегом, и обнаружить ее охотнику было трудно, ее труп поедали другие лисицы и, соответственно, заражались.

Охотоведы понимали опасность складывавшейся ситуации и давали ей соответствующую оценку, предупреждая о полном исчезновении объекта охоты. Три четверти пушного зверя, добы-

---

[179] Там же. С. 167.
[180] Куклин С. Речные бобры на Тобольском Севере // Уральское краеведение. 1927. № 1. С. 84—85.
[181] ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 143.

вавшегося на Севере, погибало совершенно бесцельно, не попадая в руки охотнику[182].

В.Евладов, применительно к 1926 г., писал о снижении цен на песца при сохранении прежних цен на белку. Это приводило к тому, что самоедское хозяйство терпело убытки. Он видел укрепление песцового промысла в организации питомников, изучении его физиологии, совершенствовании и упорядочении способов лова[183].

Стремительное сокращение пушных ресурсов Тобольского Севера требовало незамедлительного осуществления комплекса мероприятий по восстановлению ресурсной базы охотничьего хозяйства и его рационализации. Восстановительные мероприятия осуществлялись по трем основным направлениям: меры природоохранного характера, разграничение охотничьих угодий и их закрепление за объединениями охотников, развитие пушного звероводства.

В Уральской области стала формироваться природоохранная законодательная база, учитывавшая особенности северных территорий. В первую очередь, необходимо было воспрепятствовать хищническим способам охоты. Ставился вопрос об установлении твердых сроков охоты и запрещении скупки невыходной пушнины, введении штрафов за нарушение правил производства охоты и запрещении самоловных приборов. Однако не всегда среди специалистов имелось единство мнений по этим вопросам. Важную роль в охране пушных ресурсов Тобольского Севера сыграло обязательное постановление Уральского облисполкома № 23 от 22 февраля 1926 г. «Об охоте». В нем нашли свое отражение проблемы, которые стояли перед промысловым охотничьим хозяйством Севера. На Севере были установлены сроки охоты, соответствующие климатическим условиям. На пушных животных охота разрешалась с ноября по март, когда зверь приобретает хорошую полноценную шкурку. Категорически запрещалось применение самоловных приборов и способов массового истребления животных. В качестве исключения Тобольскому окрисполкому предоставлялось право разрешать ловлю уток перевесами в Обдорском,

---

[182] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 168—169.
[183] Евладов В. Пути развития... С. 65.

Березовском, Самаровском и Сургутском районах, где население все лето питалось соленой уткой.

На территории Уральской области запрещалась добыча, продажа и скупка шкурок незрелого песца, белки и других пушных животных. Коренному населению Тобольского Севера разрешалось несоблюдение установленных сроков и способов охоты, кроме опасных, но только для удовлетворения своих потребностей в пище[184].

Составной частью природоохранных мероприятий являлось создание заповедников. Первый из них — Кондо-Сосьвинский — был создан в конце 1920-х гг.[185] Важное место в природоохранной деятельности занимала работа по разграничению охотничьих угодий и закреплению их за объединениями охотников. Охотничьи угодья предполагалось разделить на фонды постоянного пользования и резервные, используемые в случаях стихийных бедствий. Были разработаны и определены критерии распределения и закрепления за населением охотничьих угодий: ресурсная емкость угодий, количество охотников, удельный вес охоты в бюджете населения. Угодья передавались населению только при условии трудового их использования и не должны были служить источником эксплуатации и наживы. 18 октября 1929 г. при Облесотделе состоялось совещание по охотоустройству на Тобольском Севере. С докладом выступил начальник охотоустроительного отряда Костин, который доложил о проделанной работе[186].

Растущий спрос на пушнину в 1920-е гг. вступал в противоречие с ограниченностью природных ресурсов северных территорий, что заставило региональные власти практически подойти к вопросу об организации пушного звероводства в крае. Повышенное внимание к отрасли со стороны государственных организаций определялось тем, что пушной промысел являлся одной из важнейших статей советского экспорта в 1920-х гг., имел большое хозяйственно-экономическое значение для страны. Это определило его ведущую роль в системе хозяйства Тобольского Севера.

---

[184] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 170.

[185] Протокол № 22 заседания Коллегии Наркомзема от 26 апреля 1929 года. См.: ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 149.

[186] ГАХМАО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 1. Л. 137—138.

2.2.3. Оленеводство

В самых северных районах Тобольского округа местное население занималось оленеводством, которое распространялось главным образом на территорию Обдорского, частично Березовского и еще меньше Сургутского районов. В отечественной историографии почти нет трудов, рассматривающих вопросы положения оленеводства в первой половине 1920-х гг. Историки начинали изучение состояния отрасли с 1926 г., поскольку до Приполярной переписи 1926—1927 гг. точных сведений о количестве оленей, дифференциации оленеводческих хозяйств и их численности на Тобольском Севере не было.

П.Востряков и М.Броднев попутно касались проблемы первоначальных мероприятий советского правительства по оленеводству. Ими отмечено сокращение поголовья оленей в период гражданской войны и разрухи, поскольку из-за нехватки хлеба население вынуждено было прибегать к забою большего числа животных. Они считают, что стадо оленей в Обдорском крае насчитывало не более 200 тыс.[187]

Источниковая база также очень скудна и содержит лишь отрывочные сведения об оленеводстве. В информационном отчете Тобольского окружкома ВКП (б) за июнь—июль 1924 г. сообщалось, что «...оленеводство находится в условиях ведения его примитивным способом. Твердый учет оленей сделать при обширности пространства и кочевого образа жизни оленеводов не представляется возможным. Предположительно в Обдорском районе 140 500 голов»[188]

В руководстве Уралобласти в 1924 г. распространенным было мнение об оленеводстве как отрасли, переживающей глубокий упадок. Сокращение поголовья оленей, которое по сравнению с дореволюционным временем уменьшилось на 75%, рассматривалось как весомый аргумент. Д.Шайн в статье «Падеж оленей на Тобольском Севере» писал: «Голоса представителей туземного населения о катастрофическом состоянии оленеводства докатились до окружного и областного съездов Советов»[189]. Констатация тяжелого положения оленеводства, однако, не означала, что

---

[187] Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. Тюмень, 1964. С. 8.
[188] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 110.
[189] Наш край. 1924. № 2. С. 28.

представители власти спешили оказать помощь Северу. Как известно, стремления органов власти и многочисленных хозяйственных и кооперативных организаций были направлены на получение пушнины. Оленеводству отводилась скромная роль в системе хозяйства Тобольского Севера.

Впервые проблеме состояния северного оленеводства было уделено внимание на заседании ВЦИК 11 февраля 1924 г., которое постановило: организовать проверку материалов в самих тундрах; постепенно и планомерно создавать сеть подвижных ветучастков; подготовить на постоянных курсах кадры ветфельдшеров из зырян и самоедов; подготовить ветврача из местного населения путем отпуска стипендий; создать опытно-показательное племенное стадо оленей[190]. Однако реальных действий для выполнения намеченных мероприятий почти не предпринималось.

Первоочередной задачей в тех условиях рассматривалось выяснение состояния оленеводства. Для этого планировалось установить постоянный ветнадзор на Севере. Тобольский окружной земельный отдел пригласил ветврача для Обдорска, где открывался ветучасток с бактериологическим кабинетом. В обязанности врача входило оказание врачебной помощи в районе, осмотр туш на оленьих забойках и собирание паталогоанатомического материала, а также посильное изучение заболеваний[191]. Понятно, что один ветврач не мог обеспечить ветобслуживание на столь огромной территории. Необходимо было установить численность оленей, маршруты кочевок, обследовать места захоронения животных и т.п. Очевидно, что собрать эту информацию в тех условиях было невозможно.

Периодически вопросы состояния оленеводства поднимались на различных собраниях и заседаниях партийных, советских и хозяйственных организаций Тобольского округа. Так, в материалах Тобольской окружной партконференции (сентябрь 1925 г.) подчеркивалась необходимость изучения вопроса о возможности кредитования оленеводов Севера, высказывалась мысль снабжения оленеводов-бедняков ссудами, но все эти решения не были

---

[190] Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. С. 9
[191] Там же.

подкреплены практическими действиями[192]. Тобольский окружком ВКП (б) отмечал, что кормовые ресурсы Севера давали возможность значительного расширения стада оленей. Причинами, сдерживавшими развитие оленеводства, следовало, по их мнению, считать слабость экономических стимулов, падеж оленей, крупные «травежи» от волков и других хищников.

В 1926 г. А.А.Дунин-Горкавич по заданию Тобольского Комитета Севера подготовил работу «О состоянии торговли на Тобольском Севере», в которой поместил раздел об оленеводстве. Говоря о Березовском районе, он писал: «Точное количество оленей в этом районе указать трудно, так как никакой систематической регистрации оленеводства не производилось»[193]. Там же он указал, что, по сведениям Тарасова (1913 г.), на Ямале численность оленей составляла до 100 тыс. голов. Александр Александрович предполагал, что в Обдорском районе поголовье насчитывало 250—300 тыс. голов. Таким образом, установить точное количество стада в первой половине 1920-х гг. на Тобольском Севере не представляется возможным, так как исследователи приводят сведения, которые весьма отличаются (от 100 до 300 тыс. голов).

Вопрос о количестве оленьего стада оставался спорным и во второй половине 1920-х гг. По данным профессора Грюнера, стадо насчитывало 505 тыс. голов (в 1925 г.). Благоволин и Обдорская специальная комиссия выдвинули цифру в 450 тыс., на этих же данных остановились налоговые органы Тобольского округа, включив в эту цифру 30% на недоучет и 30% на сокрытие.

Первая проведенная перепись (1926 г.) зарегистрировала 227 934 взрослых оленей, а вместе с молодняком — 343 097 оленей. Д.М.Бобылев, заведующий обработкой материалов статпереписи по Северу, на основе анализа полученного материала и личных впечатлений считал, что недоучет оленеводческих хозяйств может быть выражен в 5—10%, а сокрытие приблизительно в 30%. Таким образом, по его мнению, численность поголовья была около 450 тыс.[194]

---

[192] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 205. Л. 9.

[193] Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995. С. 185.

[194] Пиньжаков В. Оленеводство Тобольского Севера как сырьевая база северной промышленности // Хозяйство Урала. 1928. № 5—6. С. 148.

Согласно данным Всесоюзной переписи, состояние общего стада оленей на конец 1926 г. исчислялось поголовьем в 343 тыс. голов. Стада оленей главным образом находились на Ямале — 127 тыс. голов, на Урале — на территории огражденной Карат, Байдаратской губой и рекой Щучьей — 70 тыс. голов, на Тазу — 55 тыс. голов и на Обь-Надымской полосе — до 33 тыс. голов[195].

Таблица 17

Распределение оленеводческих хозяйств на Тобольском Севере (по материалам переписи 1926 г.)

Всего хозяйств	Оседлых	Кочевых
3 288	1 533	1 755
Всего оленей	**У оседлых хозяйств**	**У кочевых хозяйств**
336 810	39 969	296 841

Перепись 1926 г. отметила явное преобладание по количеству оленей кочевых хозяйств над оседлыми[196]. Среднее количество животных на одно хозяйство на Тобольском Севере у оседлых — 26, у кочевых — 169[197].

По данным переписи 1926—1927 гг. на одно хозяйство, проводившее лето не севернее широты материкового основания Ямала и Гыдана (в пределах лесотундры), приходилось в среднем от 43,8 до 49 оленей; на хозяйство, летовавшее в тундре — 140—210 оленей. При этом на семью северной группы оленеводов Ямала в среднем приходилось 238 оленей, средней группы — 217, южной — 76.

В меридиальном отношении население Ямала также выглядело неоднородно: в восточной и центральной областях концентрировались многооленные хозяйства, в западной — слабообеспеченные, выходившие к побережью для проведения рыболовства и морского зверобойного промысла.

Ненецкое население северной части Гыданского полуострова подразделялось на явайскую, юрибейскую, ныдаямскую и танамскую группы, причем если хозяйство танамской группы владело в

---

[195] Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов (конец XIX—XX вв.). Этнографические очерки. М., 1993. С. 15—17.

[196] Составлена по: Гулевский А.Н. Традиционные представления... С. 15—17.

[197] Там же.

среднем 685 оленями, юрибейской и ныдаямской — 150—200, то явайская группа, занимавшая северные приморские районы Гыдана, была наименее обеспечена оленями (группа из 5 семей, располагавшаяся на самом Севере Явая, имела лишь 26 оленей[198].

Эпизоотии в оленеводстве и февральское постановление ВЦИК обусловили создание в Обдорске Бактериологического института, позже реорганизованного в ветеринарную научно-исследовательскую станцию[199]. С 1926 г. сотрудники этого учреждения предпринимали поездки в тундру для изучения состояния оленеводства и оказания ветеринарной помощи[200]. В тяжелых условиях, при скудном финансировании и оснащении, небольшой коллектив работников ветбакинститута начал работу по налаживанию ветеринарного обслуживания на Дальнем Севере.

В.Евладов, рассматривая состояние хозяйства Обдорского края, с горечью констатировал, что оленеводство почти не изучено, «олень выпал из поля зрения хозяйственных организаций»[201]. Чуть позже он предпринял попытку дать обзор состояния дел в оленеводстве Тобольского Севера 1920-х гг.[202] В.Евладов писал, что оленеводы влачат жалкое существование, и оленеводство не играет никакой роли в уральском экспорте. Автор сетовал на непонимание аборигенами ситуации заготовок оленины. Им приводилось размышление зажиточного оленевода: «Зачем оленей бить? Деньги мне не надо, их никто не видит, а олени гуляют — я на них смотрю, и ты видишь». Он считал, что поголовье насчитывало около 500 тысяч оленей. В.Евладовым была предпринята попытка установить экономические категории оленеводческих хозяйств. Он выделял пять групп хозяйств:

1. «Безоленные» — 5%;
2. «Малооленные» — 30% (стадо в пределах 150 голов);
3. Середняцкие — 45% (стадо от 150 до 400 голов);
4. Зажиточные — 15% (стадо 400—1 200 голов);

---

[198] Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 75.
[199] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 104. Л. 4.
[200] Там же. Л. 7—17.
[201] Евладов В. Пути развития... С. 65.
[202] Евладов В. Оленеводство Уральской тундры и экономическое расслоение самоедских хозяйств // Хозяйство Урала. 1927. № 5.

5. Богатые хозяйства кулацкого типа — 5% (свыше 1500 голов)[203].

Автор сделал вывод, что оленеводство не играет сколько-нибудь значительной роли в экономике страны, а носит местное значение и эффективно лишь в группах зажиточных и бедняцких хозяйств[204]. Общая стоимость продукции оленеводства в 1925—1926 гг. оценивалась суммой в 548 тыс. руб.[205]

Краевед В.Т.Поспелов привел сведения о социальной дифференциации хозяйств оленеводов. Он писал: «В 1923 г. количество оленеводческих хозяйств на Ямале, имевших стада оленей до 150 голов (беднейшие), достигало 72%, имевших до 500 голов (середняцкие) — 18,5% к общей численности хозяйств. Зажиточные хозяйства, каждое из которых владело стадом от 500 голов и выше, составляли 9,5%. Около 100 хозяйств имели от 1 000 до 5 000 голов скота, а родовые старшины Вануйто и Мабе — по 10 000 оленей каждый»[206].

Приведенные им сведения по имущественной дифференциации оленеводческих хозяйств весьма отличаются от той, что представил В.Евладов. Показатели по оленеводству Ямала не могут отражать положение с оленеводством в других частях Обского Севера, так как сегодня хорошо известно, что в экономической структуре хозяйства у разных территориальных групп ненцев роль оленеводства не одинакова[207]. Так, А.В.Головнев выявил следующие типы оленеводства у населения Северо-Западной Сибири:

1. Тундровое крупностадное оленеводство, распространенное среди ненцев и северных хантов Полярного Урала, Ямала и Гыдана (200—250 голов);

2. Лесотундровое оленеводство, представленное ненцами и хантами криволесья от Урала до водораздела Таза и Енисея (до 100 голов);

---

[203] Там же. С. 152.

[204] Там же.

[205] См.: Районы Уральской области. Свердловск, 1928.

[206] Поспелов В.Т. Оленеводство и оленеводы Севера в первой трети XX века // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 252; Он же. Хозяйственная деятельность ненцев в первой трети XX века // Самодийцы. С. 150.

[207] Карапетова И.А. Место оленеводства в хозяйственном комплексе лесных ненцев // Самодийцы. Тобольск, Омск, 2001. С. 207.

3. Таежное оленеводство, характерное для хантов, северных селькупов и лесных ненцев (стада 10—20, редко до 100 голов);

4. Горно-таежное отгонное животноводство, представленное предуральскими манси и хантами (до 100 голов)[208].

В.Пиньжаков в работе «Оленеводство Тобольского Севера как сырьевая база северной промышленности» писал: «Наши представления об Ямальском и Гыданском оленеводстве в связи с работами Бакинститута и опорно-зоотехнического пункта в Обдорске, проведенной в 1926—1927 гг. государственной переписи, благодаря поступлению материалов от экспедиций, становятся более отчетливы»[209].

В.Новицкий, обращаясь к вопросу о состоянии оленеводства на Уральском Севере, отмечал: «Перепись показала, что оленеводство Уральского Севера находится в более худшем состоянии, чем во многих других оленеводческих районах, по приплоду, количеству молодняка, приросту стада из 12 оленеводческих районов СССР Уральский Север на 9 месте»[210].

Перепись позволила получить информацию о числе оленеводческих хозяйств, их доле в системе хозяйства Тобольского округа, среднем количестве голов в стаде.

Таблица 18

Оленеводство в среднем на одно хозяйство по районам Тобольского Севера[211]

Районы	% оленеводческих хозяйств	Число оленеводческих хозяйств	Среднее количество голов в стаде
Обдорский	64,4	2 123	136
Сургутский	21,5	318	51
Березовский	31,5	775	45
Самаровский	26.2	75	21
Кондинский	—	—	—

[208] Головнев А.В. Говорящие культуры... С. 86—87.
[209] Хозяйство Урала. 1928. № 5—6. С. 148.
[210] На путях социально-технической реконструкции оленеводства Уральского Севера // На социалистической стройке. 1931. № 5—6. С. 7.
[211] Там же.

Сведения таблицы подтверждают лидирующую роль оленеводов Обдорского района, в котором сосредотачивалось 2/3 всего оленного поголовья. Наиболее важными и показательными характеристиками оленеводства являются размер стада, маршруты и амплитуда кочеваний, приемы выпаса, использование оленей и продуктов оленеводства. Идеалом оленеводческого хозяйства была большая семья с числом молодых мужчин-родственников в 6—7 человек активных работников. Для эффективного ведения оленеводства стадо 2 000—2 500 голов считалось оптимальным вариантом, так как такое стадо лучше нагуливается, воспроизводится и управляется. Такое стадо составляло надежность отрасли. Если же не набиралось нужного количества оленей, то несколько хозяйств объединялись, собирали одно стадо и организовывали одно стойбище. Хозяйства со средним числом оленей получали возможность содержать собственных животных в благоприятных условиях и увеличивать поголовье[212]. А.Н.Гулевский считает, что убой составлял 10% выходного поголовья стада. Непроизводственная убыль животных происходила по двум основным причинам: эпизоотии (сибирская язва и копытка), уносившие ежегодно до 40% оленей, и бескормица[213]. Руководство Тобольского округа считало, что численность оленьего стада по сравнению с довоенным временем, сократилась приблизительно на 1/3. Товарная продукция оценивалась во второй половине 1920-х гг. в 200 тыс. руб. в год. Олень на Севере стоил 20 руб., но и эта цена была весьма условна, так как никто по ней не покупал[214]. Оленеводство оставалось вне хозяйственной политики, однако обеспокоенность властей его состоянием и возможностью использования на благо социалистического строительства имели место. Среди мер, предлагаемых Уралобкомом ВКП (б) по развитию оленеводства, были следующие: улучшение породы оленя, борьба с эпизоотиями, обеспечение промышленного сбыта продукции оленеводства[215]. Таким образом, к концу 1920-х гг. оленеводство не играло существенной роли в системе хозяйства Тобольского Севера и остава-

[212] Гулевский А.Н. Традиционные представления ... С. 25, 51.
[213] Там же. С. 51.
[214] Пути развития и основные задачи... С. 52.
[215] Там же.

лось традиционным занятием, главным образом, ненцев Ямала, обеспечивая их привычное существование.

2.3. Кустарное производство и кооперативы

Оживление хозяйственной жизни на Севере с конца 1922 г. повлекло за собой активизацию деятельности промышленных и кооперативных организаций. Кроме перечисленных основных занятий, население занималось промыслами второстепенного характера: сбором орехов, ягод, рубкой дров и др. Общая доходность от этих промыслов по данным переписи 1926 г. составляла до 156 тыс. руб. в год[216].

2.3.1. Промышленные предприятия

На Тобольском Севере промышленное производство почти отсутствовало, все промышленные товары и необходимые продукты традиционно завозились и обменивались на пушнину и рыбу. В сводке Тобольского окружкома (август 1924 г.) указывалось, что в Самаровском районе отсутствуют промышленные заведения и рабочий класс[217]. Точно также можно было определить состояние промышленности и по всем другим районам Тобольского Севера. Однако именно с 1924 г. начали создаваться небольшие, условно говоря, промышленные предприятия, которые носили мелко-кустарный характер[218а].

Одним из важнейших ресурсов края являлся лес, который мог стать основой для развития лесной промышленности. Территория Тобольского Севера представляла собой колоссальный запас лесов. Советские экономисты предполагали, что по исчерпании собственных ресурсов Канада и США вынуждены будут обратить свои взоры на лесной фонд СССР. Для грамотного и рационального использования древесины необходимы были строгий учет имевшихся ресурсов и четкая организация лесного хозяйства. За годы гражданской войны прежние лесничества были выведены из экономической жизни, требовалось создание новых организаций.

---

[216] Сигов М. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала в первом квартале 1927/28 года // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 118.

[217] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 126.

[218а] Там же.

В частности, в сентябре 1924 г. было организовано Сургутское лесничество.

Леса Сургутского района были расположены по преимуществу вдоль рек. Ширина их массивов колебалась от нескольких метров до 26 км. Ценные и удобные для рубки леса располагались ближе к берегам Оби. На юге преобладал кедр, на севере — сосна. Значительная часть лесов была расположена в непосредственной близости от рек, пригодных не только для сплава, но и для движения пароходов с баржами. При должном развитии транспортной инфраструктуры и наличии необходимого количества квалифицированных кадров лесные ресурсы региона можно было отправлять на экспорт. Однако потенциальные возможности Сургутского лесничества в рассматриваемый период не были востребованы. Это в первую очередь объяснялось недостаточным функционированием лесного хозяйства на Тобольском Севере в целом. Личный состав лесной стражи увольнялся со службы вследствие низких окладов, совершенно не обеспечивавших существование семьи. Это приводило к текучке и постоянной нехватке кадров[2185].

Тобольское окружное лесничество в различных отчетах неоднократно указывало на то, что нормальное функционирование лесного хозяйства возможно только при увеличении зарплаты сотрудникам лесничеств до норм, дающих возможность существовать лесному работнику и его семье хоть сколько-нибудь сносно[219].

Первыми предприятиями, начавшими возникать при новой власти на Севере, были лесопильные заводы. В информсводке Тобольского окружного отдела ГПУ от 10 января 1925 г. сообщалось о работе лесопильного завода № 1. В документе указывалось, что машины работают с перебоями. Пиленый материал перетаскивается с места на место несколько раз. Рабочие работают с неохотой. Зарплата выплачивается с опозданием на 2 месяца,

---

[2185] Гололобов Е.И. Сургутское лесничество в 1924—1925 гг. // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2001. С. 73—75.

[219] Там же

выдавался аванс — 5 руб.[220] Имелся лесопильный завод № 2, однако он был остановлен на ремонт[221].

В Тобольске в 1925 г. начал производственную деятельность кондитерский промкомбинат, на котором работало 27 человек. В упомянутой выше сводке о его состоянии говорилось: «Жалованье выплачено только за ноябрь. План выполнен на 150, 120 и 100% за последние 3 месяца»[222]. Вскоре предприятие получило название «Тобольский промкомбинат». В 1926 г. он расширил производственную деятельность. Основные изделия: производство пиломатериалов, типографские работы, переработка кож, а также производство товаров продуктовой группы (пиво, хлебопекарные, кондитерские, колбасные изделия)[223]. Промкомбинат состоял из отдельных небольших цехов. В пивоваренном цехе работало 13 человек, в хлебопекарном и кондитерском — 11[224].

В Тобольске располагалась консервная фабрика Обь-Тазовского рыбного треста, которая тоже была небольшим предприятием с числом рабочих, едва превышающим 30 человек. Для ремонта и технического обслуживания пароходов имелась слесарно-механическая мастерская, в которой работало 10 человек[225]. Все работы выполнялись вручную. Современные станки отсутствовали.

О работе лесопильного завода в Обдорске сообщала газета «Северянин» от 15 июля 1926 г.: «Показательным ростом развертывающейся промышленности является лесопильный завод Обьтреста. Завод построен летом, а пущен в ход в ноябре 1925 г. На заводе сейчас работает 19 человек в одну смену. В течение зимы выработано около 60 000 кубических футов материалов, в том числе клепки ящичной на 25 000 рыбных ящиков, клепка обошлась по 51 коп. на ящик... Одновременно население имело

---

[220] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 13.
[221] Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927. С. 210
[222] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 13.
[223] Весь промышленный... С. 202.
[224] Там же. С. 211.
[225] Там же. С. 208.

возможность приобретать пиленый лес... Кроме того, эта же лесопилка освещает село»[226].

Таким образом, видно, что кустарные производства только начинали налаживаться, предприятий было мало, они характеризовались низкими производственными показателями, сосредотачивались в Тобольске, поэтому край оставался потребителем привозных промтоваров и продуктов. Требовалось создание перерабатывающих производств на основе местного сырья, однако в управленческих структурах Уральской области и Тобольского округа в 1920-х гг. вопрос о развитии промышленности на Севере почти не рассматривался.

Кустарная промышленность в северных районах была слабо выражена и сводилась, в основном, к обработке дерева, изготовлению одежды, кожевенно-меховому производству.

Экономическое развитие края сдерживалось также отсутствием дорог. Север был, проще говоря, бездорожный, не считая речных сообщений и зимников, протяженность которых составляла свыше 2 тыс. км. Северная часть Тобольского округа по зимним дорогам имела выход по следующим путям:

1. Зырянский транзитный путь: через Урал от Обдорска через Елец и до Ижмы.

2. От Мужей до реки Усы (приток Печоры).

3. Сибиряковские дороги: через север Сосьвинского и Березовского края выходит на Урал.

4. Левобережная Обь, тяготеющая к уральским заводам: имелся выход по дорогам: Березово-Сартынья, Няксимволь-Ивдель, другая дорога связывала Обь с Тагильским севером, направляясь на Кондинское через Пелым на Верхотурье (Гаринский тракт).

Южным выходом для Тобольского Севера служила зимняя дорога Обдорск-Тобольск, идущая вдоль течения Оби и Иртыша, имеющая ответвление от Самарово на Сургут.

Однако важнейшими дорогами все же были:

1. Тобольский тракт протяженностью 272 км, соединявший Тюмень с Тобольском, и Обдорский тракт протяженностью 1 314 км, проходивший через Тобольск, Самарово, Березово и Обдорск[227].

---

[226] Наш край: Хрестоматия по истории Тюменской области (1917—1970 гг.). Свердловск, 1973. С. 117.

2. С севера на юг в Тобольск и Тюмень зимой тянулись обозы с рыбой, кедровым орехом, пушниной и ягодами, а с юга на север — с хлебом, мануфактурой, железом и охотничьими припасами. В периоды распутицы из-за отсутствия дорог прерывались все нити товарооборота и хозяйственных связей[228].

Таким образом, в 1920-х гг. Север Уральской области оставался прежде всего сырьевой базой, обеспечивая индустриальный Урал продуктами, а государство — ценным экспортным сырьем, по сути, ничего не получая взамен. На Севере не велось строительство, не развивались производства, руководство области и округа шло по пути наименьших затрат. Потребительское отношение к Северу сохранялось. Хозяйство территории оставалось традиционным.

2.3.2. Формы кооперации, основная деятельность и роль в системе хозяйства Тобольского Севера

Деятельность кооперативных организаций в 1920-е гг. на Севере можно проследить по архивным источникам, которые представлены протоколами Обь-Иртышского Союза кооперативов, Интегральной кооперации, протоколами заседаний партийных комитетов, многочисленными сводками Тобольского окружкома ВКП (б) и ОГПУ, материалами низовых кооперативов. К середине 1920-х гг. кооперативная работа стала носить более упорядоченный характер, чему в некоторой степени способствовали принятые руководящими партийными и советскими организациями нормативные акты.

В первой половине 1920-х гг. в экономической жизни края преобладала потребительская кооперация. Весной 1924 г. планировалось начать проведение реорганизации потребительских обществ на добровольных началах. Стояла задача кооперировать 20% домохозяев[229]. Лидером кооперации на Тобольском Севере выступал Северосоюз, являвшийся окружной конторой и сосредоточивший в своих руках торгово-закупочную деятельность, которая сводилась к следующим моментам:

---

[227] Степанов П. Уральская область с приложением очерка: Башкирская АССР. М., 1928. С. 77

[228] Там же.

[229] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 74. Л. 98.

В 1925—1926 гг. Северосоюз был преобразован в Обь-Иртышский окружной союз кооперативов. Правление находилось в Тобольске и объединяло 56 сельских и 1 городской кооператив. Численность членов составляла 12 300 человек. Сумма паевого капитала — 63 000 руб. Союз имел 98 лавок. Собственные средства на 1 октября 1926 г. составляли 457 000 руб., заемные — 2 699 000 руб. В 1925—1926 гг. окрсоюз закупил товаров на 1 858 000 руб. Заготовки были осуществлены на сумму 1 001 000 руб.[238]

Тобольский окружком ВКП (б) отмечал, что «кооперативы пользуются большим доверием, так как отпускают предметы лова, продукты и т.д.»[239]. Однако обращал внимание на скудность средств Северосоюза, который не мог удовлетворить всех потребностей населения. Местные жители высказывали пожелание, чтобы Северосоюз принимал рыбу — главный продукт их промысла. Сбыть рыбу кроме кооперации население Севера никуда не могло[240]. Если бы промышленных товаров и продуктов было достаточно, то «кооперация вполне могла поднять рыбное дело на высоту»[241], но в условии ограничений, введенных в конце 1925 г.[242], возиться с рыбой крупным государственным организациям, имевшим материальные и финансовые средства, экономи-

---

[238] Весь промышленный... С. 251.

[239] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 133, 135.

[240] Там же. Л. 136.

[241] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 2. Л. 15.

[242] Хозяйственное развитие северного края обуславливалось принятыми законодательными актами конца 1925 г., которые не только отменяли для коренных жителей налоги, но и вместе с ними ограничивали права заготовителей, в особенности частных, на работу по пушнозаготовкам и торговле. См.: ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 11. К заготовкам и торговым операциям допускались кооперация, Госторг и акционерное общество «Сырье». См.: ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 31. В 1926 г. были приняты ограничения по распространению на Тобольском Севере спиртных напитков. См.: ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 43. Вместе взятые, введенные меры привели к ухудшению экономической ситуации в 1926 г. Уралгосторг констатировал общую финансовую депрессию и считал преждевременным полное запрещение частной торговли на Севере, поскольку кооперативные и государственные организации не справлялись с удовлетворением товарного спроса. См.: Там же. Л. 22. Запрещение торговли спиртом имело также негативные последствия. Уральский Комитет Севера дважды рассматривал этот вопрос в июне и в августе 1926 г., ходатайствуя о разрешении ввоза и торговли спиртными напитками, но с некоторыми ограничениями. См.: ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 110. Л. 20, 30.

ческого интереса не было, так как пушнина давала значительно большую прибыль по сравнению с рыбой и без лишних хлопот.

1926 г. был для кооперации сложным из-за принятия законодательных актов в конце 1925 г., ограничивших их деятельность. Я.Кошелев сообщал, что в 1926 г. на Севере работало 43 кооператива трех видов: потребительские, сельскохозяйственные и охотничье-промысловые. Однако по-прежнему преобладала потребкооперация (70%)[243]. Экспедиция В.Евладова на Дальний Север в 1926 г. представила неутешительные сведения о кооперативах: «Работа потребкооперации в тундровой зоне не чувствуется вследствие ее хронической финансовой слабости, потери авторитета среди населения, частого отсутствия первостепенно важных товаров»[244]. Там же сообщалось, что Северосоюз заключает договора, выгодные прежде всего ему, финансово закабаляет первичные кооперативы, забрасывает неходовые товары. «Старая задолженность взыскивается Северосоюзом через милицию при помощи исполнительных листов судебных органов и не признается населением»[245].

В 1927 г. кооперация вступила с большим грузом проблем. Не было достаточно кредитов, без которых все останавливалось, так как кооперативы по-прежнему не располагали собственными средствами. Кредиты, предоставляемые государственными организациями, были краткосрочными, а оборот — медленным в силу высоких цен на промышленные и продовольственные товары и низкой покупательной способности населения из-за неулова рыбы в 1927 г.[246]

В 1927—1928 гг. вместо трех работавших на Севере заготовительных организаций разрешалось работать только Госторгу. Этим, по мнению руководства округа, устранялась между ними ожесточенная конкуренция[247]. Кооперация оказалась не просто в сложном положении, а без объекта деятельности, поскольку все заготовительные полномочия передавались Госторгу. Требовалась перестройка деятельности кооперативов, которая связыва-

[243] К вопросу практического разграничения функций между отдельными видами кооперации Тобольского округа // Тобольский край. 1926. № 1. С. 15—16.
[244] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 87. Л. 102 об.
[245] Там же. Л. 103.
[246] Там же. Д. 98. Л. 13—13 об.
[247] Там же. Л. 3.

лась с их реформированием. Так возник Интегралсоюз (организация, образовавшаяся в 1927 г. из слияния потребительской и охотничье-рыбацкой кооперации).

В 1926—1927 гг. вышло несколько документов, в которых разъяснялся смысл и назначение новой формы кооперации. На заседаниях Уральского Комитета Севера 27 и 30 ноября 1926 г. слушались основные положения по организации интегральной кооперации на Севере Тобольского округа[248], где отмечалось: «Низовая северная кооперация должна протекать в форме интеграла в системе потребкооперации (Северосоюза) с промыслово-производственным уклоном и учетом: рода хозяйствования в той или иной местности (охотничий, промысловый, селькустарный); потребностей кредитования туземного населения Севера»[249].

14 декабря 1926 г. на заседании Комитета Севера вновь слушался вопрос об организации интегрального кооператива на Севере Тобольского округа[250]. В «Положении по организации интегрального кооператива» были отражены следующие моменты:

«В связи со специфическими особенностями туземного Севера единственной формой кооперирования может быть только первичный интегральный кооператив.

1. Задачи кооператива:
   - — снабжение туземного населения товарами потребительского значения;
   - — снабжение предметами производственного значения;
   - — кооперирование сбыта продуктов промысла и охоты;
   - — организация производственного, целевого кредита туземным хозяйствам;
   - — организация питомников оленеводческих и пушного зверя;
   - — организация ветпунктов;
   - — организация мероприятий культурно-просветительного характера.
2. Туземный кооператив должен быть приближен к кочевым районам и местам выхода туземцев.

---

[248] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 110. Л. 62.
[249] Там же. Л. 55.
[250] Там же. Л. 56.

3. Переходной стадией к кооперированию туземцев должна стать фактория, организованная на принципах вовлечения туземного населения в управление делами фактории[251].

Документы центральных органов власти, принятые в первой половине 1927 г., окончательно решили вопрос с кооперацией на Севере в пользу ее интегрирования. Постановление СНК РСФСР «О системе кооперации в районе Севера и ее организационных формах» гласило: «Поручить местным коопсоветам разработать вопрос о закопченном формировании сети первичных кооперативов на Крайнем Севере и перспективный план в трехлетний срок. Вследствие особых условий северных окраин признать необходимость существования там интегрального вида кооперации с промысловым уклоном»[252].

Коллегия Наркомторга РСФСР от 10 марта 1927 г. приняла резолюцию по организационному строительству кооперации в районах Крайнего Севера: «Низовые кооперативные организации различных видов реорганизовать в интегральные кооперативы с функциями снабжения, заготовок, организации туземных промыслов и кредита. Запретить частным лицам заготовку и торговлю пушниной во всех северных районах РСФСР, а также признать недопустимым пользование госзаготовителей услугами частной агентуры. Снабженческие операции частного торгового капитала и заготовок сырья (кроме пушнины) и продуктов промыслов в северных районах допустить с разрешения органов Наркомторга РСФСР в отношении отдельных районов с местными органами Комитета Севера»[253].

Новая реорганизация кооперативов вызывала озабоченность местных органов. Так, по проекту Уралторга «О реорганизации торгового аппарата на Тобсевере» тобольские руководители заявляли: «Не реорганизация предлагается Уралторгом, а полная ломка всего существующего кооперативного устройства»[254].

В «Тезисах о кооперативном строительстве на Тобольском Севере» указывалось: «Для системы интегральной кооперации должна быть максимально использована существующая уже

---

[251] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.
[252] Там же. Л. 36.
[253] Там же. Л. 47—47 об.
[254] Там же. Л. 61.

ныне сеть потребительской и промыслово-охотничьей кооперации, то есть не должна иметь места организация новой системы, а реорганизация двух существующих систем путем: а) их слияния; б) их перевода на интегральный устав»[255].

В постановлении Уралоблисполкома «По вопросу о реорганизации кооперации на Тобольском Севере в интегральную кооперацию» подчеркивалось, что вся работа по реорганизации низовой сети и союзов должна быть закончена к 20 февраля 1928 г. с тем, чтобы новый интегральный союз мог провести своими силами заброску товаров в навигацию[256]. Там же для интегральной кооперации устанавливался хозяйственный год — с 1 апреля[257]. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о смешанных (интегральных) кооперативных объединениях на Крайнем Севере» законодательно закрепило существование новой формы кооперации[258].

В отечественной историографии создание и деятельность интегральной кооперации оценивались достаточно высоко. А.Б.Бакланова придерживалась мнения, что проблема снабжения и эффективного обслуживания кооперативами объяснялась условной специализацией кооперации, поэтому потребовалось создать интегральный кооператив. «Дублирование функций было экономически невыгодным. Требовалась реорганизация всей кооперативной системы Севера»[259]. Экономист сделала вывод, что «интегральная кооперация явилась той переходной формой, в рамках которой происходило разрушение традиционного натурального производства и формирование элементов товарного хозяйства как непременного условия перехода к социально-экономическому прогрессу»[260].

М.Е.Бударин писал, что целесообразность на Севере интегральной кооперации объяснялась «большой распыленностью

---

[255] Там же. Л. 63.
[256] Там же. Л. 113.
[257] Там же. Л. 98.
[258] СУ РСФСР. 1928. № 2. Ст. 13; № 58. Ст. 564.
[259] Бакланова А.Б. Интегральная кооперация как переходная форма социалистического строительства на Крайнем Севере // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977. С. 11.
[260] Там же. С. 15.

малых народностей на огромных просторах Крайнего Севера. В такой обстановке более всего подходила всеохватывающая, смешанная универсальная кооперация, которая к тому же сочетала в себе различные элементы объединения»[261]. В.Н.Увачан определял значение создания интегральной кооперации как «новую ступень на пути перестройки местного хозяйства», считал ее «средством приобщения коренного населения к социализму»[262].

Интегральная кооперация, вобрав в себя существовавшие ранее потребительские общества, в 1928 г. развернула деятельность формально в новом состоянии. Пропаганда ориентировала население на восприятие интегральной кооперации как наиболее верной формы кооперативного строительства на Севере. В газетах тех лет звучала мысль, что «Интеграл» укрепился во всех районах. В циркулярном письме Тобольской окружной конторы «Интеграла» от 8 августа 1928 г., направленном в райисполкомы Тобольского округа, сообщалось: «...Кооперация за истекший год показала большую устойчивость, увеличила свои обороты, в большинстве случаев привела в нормальное состояние торговые расходы, наценки и проч. Одним словом, мы имеем налицо ряд положительных явлений в работе северной интегральной кооперации. <...> Мы имеем ряд сообщений с мест, что в силу развития местных кооперативов роль Госторга отмирает, так как кооперация пробивается все дальше и дальше, территориально вытесняя Госторг. Однако пока это вытеснение в значительной степени носит именно территориальный характер, так как одновременно в полной мере заменить госторговлю с ее материально-товарными ресурсами кооперация не всегда может, так как не имеет их в достаточном количестве в силу своих финансовых возможностей. В результате значительного расширения клиентуры кооперативов за счет Госторга последний вынужден оставлять не реализованными большие товарные фонды. Причем этих именно фондов у кооперации одновременно не хватает, что ставит последнюю в невыгодное положение»[263].

---

[261] Бударин М.Е. Путь... С. 169.

[262] Увачан В.Н. Переход малых народов Севера от родового строя к развитому социализму (к 45-летию образования национальных округов и окружных партийных организаций) // Летопись Севера. М., 1977. Т. VIII. С. 25.

[263] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 292. Л. 198.

В.А.Зибарев указывал, что в 1928 г. на Тобольском Севере действовало 16 интегральных кооперативов, в которых состояло 3 354 человека из числа коренных народов[264]. Общее число кооперативов было значительно больше в округе. Так, только в Березовском районе работало 10 отделений интегральной кооперации[265].

В 1929 г. на Тобольском Севере действовало 100 торгово-заготовительных пунктов интегральной кооперации. Отделения располагались в районах в следующем виде: Обдорском — 25; Березовском — 20; Кондинском — 11; Самаровском — 29; Сургутском — 15[266].

Об увеличении роли интегральной кооперации в торговых операциях и снабжении населения свидетельствует таблица завоза товаров на Тобольский Север по плану 1929—1930 гг.

Таблица 20

Снабжение Тобольского Севера Интегральной кооперацией и Госторгом в 1929/30 г. (в %)[267]

Район	Интегральная кооперация	Госторг
Обдорский	36	64
Березовский	66	34
Самаровский	82	18
Сургутский	66	34
Кондинский	80	20
В среднем	58	42

С объединением всех кооперативных организаций впервые за период 1920-х гг. влияние Госторга было существенно потеснено. В денежном выражении предполагалось завезти товар на сумму в 4 млн. 525 тыс. 700 руб., то есть не более чем в предыдущие годы. Однако политика твердых цен для северной кооперативной сети была убыточной. Установление предельных наценок на товары постановлением Уралоблторга от 24 сентября 1929 г. для

---

[264] Зибарев В.А. Советское ... С. 76.
[265] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 292. Л. 199.
[266] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 824. Л. 66—67.
[267] Гожанский А. Завоз товаров на Тобольский север // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С. 140—145.

интегральной кооперации было неприемлемым, кооперация оказалась на стадии разорения, а многие отделения находились под угрозой ликвидации[268]. Самыми слабыми признавались кооперативы: Обдорский, Хэнский, Полноватский, Сухоруковский, Мало-Атлымский. Указывалось, что все они работают за счет чужих средств, и весьма велики административно-управленческие расходы[269].

Наиболее неблагоприятным районом с точки зрения интегральной кооперации являлся Обдорский. «Кооперативы самые северные, с малым оборотом средств и товаров, вследствие чего вынуждены держать громадные запасы товара, в то же время выплачивать суммы за пользование кредитом»[270]. Руководством Тобольского Интеграла предлагалось провести наценку на себестоимость товара, что гарантировало бы рентабельность операций[271].

Основная деятельность кооперативов сводилась к торговле и заготовкам. В протоколе № 1 заседания правления Обь-Иртышского Союза кооперативов от 4 января 1924 г. сообщалось о том, что в Уралконторе отобраны товары на сумму 46 тыс. руб. и реализовано рыбы Уралконторой в Тюмени и Екатеринбурге 16 766 пудов. В документе указывалось, что нереализованной продукции оставалось 12 000 пудов, из них 7 500 были не выкуплены из госпароходства, сообщалось, что местное население отказывалось сдавать пушнину по ценам Союза Кооперативов, поэтому Союз временно, до выяснения вопроса в Уралконторе, повысил цены на белку с 27 декабря до 88 коп. и с 1 января — до 1 руб.[272] Реализацию сырья Союз проводил на комиссионных началах — 8% в свою пользу[273].

В информсводке Тобольского окружкома от 18 марта 1924 г. отмечалась «удовлетворительная работа таких кооперативных организаций, как Северосоюз и Сельхозсоюз». Однако цены на товары в указанных кооперативах оставались высокими, постоянно присутствовал «товарный голод», поэтому оба Союза не

---

[268] ТФГАТО. Ф. 492. Оп. 1. Д. 257. Л. 6—7.
[269] Там же. Л. 10.
[270] Там же.
[271] Там же. Л. 15.
[272] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—2.
[273] Там же.

могли снабдить товарами в достаточном количестве население[274]. «Товаро-продуктов мало и цены на некоторые из них выше рыночных. Средств не хватает. Торговля протекает вяло»[275].— указывалось в документе.

Торговые операции стали постепенно приобретать плановый характер. Все покупки проходили на основе заблаговременно составленных месячных товарных заявок, увязанных с общим финансовым состоянием, путем рассмотрения и утверждения их на заседании правления Тобсеверосоюза[276]. В 1925 г. были введены ежемесячные и поквартальные отчеты по потребительским обществам[277].

Ассортимент и качество товаров постепенно стали улучшаться. Однако случаи закупки недоброкачественных продуктов все же имели место. Так, в 1925 г. было закуплено плохое харьковское печенье и махорка. Часть товаров закупалась несвоевременно по ряду причин, а следовательно, не успевала доставляться в навигацию (масло, чай, дробь). Наблюдались затруднения в покупке муки, овса, масла, кож и отчасти мануфактуры. Условия закупки товаров были не из легких. Хозяйственные и торговые предприятия требовали крупный задаток или полный расчет[278]. Отпуск товаров по снабжению производился под договора, на условиях «долгосрочного» (от 4 до 6 месяцев) кредита и по специальным товарным лимитам — под срочные векселя. При отпуске товаров по договорам Союзом в 1925 г. использовался 6-месячный товарный кредит Уралоблсоюза в сумме 100 тыс. руб.[279] Основным сбытовым аппаратом Союза выступала Тюменская контора[280].

Товары, доставляемые на Север с большим трудом, на месте облагались кооперативом наценкой. Так, в 1925 г. «наложение» составило по товарным группам: мануфактура — 6,7%; галантерея — 20%; бакалея — 13%; железо-скобяные изделия — 11%;

---

[274] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 25.
[275] Там же
[276] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 77. Л. 22 об.
[277] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 39. Л. 1, 2, 3.
[278] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 77. Л. 23.
[279] Там же. Л. 25.
[280] Там же. Л. 31.

хлебофураж — 6%; орудия промысла — 12,2%[281]. Приведенные факты позволяют заключить, что наценка вполне умеренная. Однако это нереально в условиях товарного дефицита. Стало быть, изначально отпускные цены были весьма высоки. Быстрый оборот давала следующая группа товаров: сливочное масло, соль, хлебопродукты, керосин, мануфактура, сахар. Залеживались товары из групп железо-скобяных изделий, сельхозорудий, постельного белья[282].

Закупка пушнины в обмен на товары кооперации происходила на ярмарках. Довольно крупной была ярмарка в Ларьяке, проводившаяся два раза в год — зимой и летом. На ярмарке лета 1924 г. наблюдалась огромная наценка на кооперативные товары. Представитель правления Союза, командированный в Ларьяк, провел уценку товаров на 12%. За время ярмарки кооператоры заготовили 20 тыс. штук белки. Цена держалась не ниже 1 руб. за штуку или 10 фунтов муки, или 3,5—4 аршин ситца. В Ларьяк было заброшено большое количество мануфактуры[283].

Кроме торговли, операционно-хозяйственный план Северосоюза предусматривал заготовку разного сырья. Не стоит думать, что торговля осуществлялась ради самой торговли, многочисленные документы свидетельствуют, что все торговые операции совершались с одной целью — заготовить как можно больше пушнины на выгодных условиях. На 4-ой Тобольской окружной конференции ВКП (б), проходившей 8—13 сентября 1925 г., подчеркивалось: «Север играет со своим рыбным и пушным делом большую роль в хозяйственной жизни округа»[284],— и это было совершенно справедливо.

Главный предмет заготовки (пушнина) состоял в основном из белки и песца. Песца добывали исключительно аборигены, на их долю приходилось также 70% белки[285]. В 1925 г. необходимо было заготовить сырья на сумму 1 447 852 руб. По отдельным видам заготовки располагались следующим образом: продукция сельского хозяйства — на сумму 120 620 руб.; кустарные изделия — 22 000 руб.; продукция лесных богатств — 47 840 руб.; пушнина

[281] Там же. Л. 24 —24 об.
[282] Там же.
[283] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 133.
[284] Там же. Д. 205. Л. 4.
[285] Северянин. 1924. 22 июня.

— 400 150 руб.; дичь — 2 800 руб.; рыба соленая — 357 374 руб., рыба мороженая — 299 435 руб.; икра — 13 600 руб. Пушнина в общем объеме заготовок составляла 35%, а рыба — 50%[286].

Данный план был выполнен на 64%. Среди причин, по которым план не был выполнен, указывались стихийные бедствия, повлекшие за собой неулов рыбы и невыход пушнины; несоответствие между лимитными и рыночными ценами; нездоровая конкуренция со стороны госхозорганов; недозавоз нужных товаров (масло, чай, кожаные изделия)[287].

Союз заключал договора на заготовку пушнины и рыбы с такими крупными хозяйственными организациями, как Госторг и Уралоблсоюз. Так, с Госторгом договор был заключен на 200 тыс. руб. на следующих условиях: Госторг выдает товары и дензнаки на указанную сумму, на которую Союз обязан сдать пушнину до 1 апреля. Пушнина сдавалась по средним ценам рынка, за пользование капиталом Северосоюз в конце должен был заплатить 3%[288].

В указанном документе содержится информация о ценах кооператива для заготовительной кампании осени 1925 г.: белка — 1 руб. за штуку; выдра — 30 руб., горностай Березовский — 2 руб. 50 коп., горностай Тобольский — 2 руб., кидус Уральский — 25 руб., колонок Тобольский — 3 руб. 40 коп., куница мягкая Уральская — 18 руб., лисица Тобольская — 20 руб., песец Обдорский — 42 руб., росомаха темная — 18 руб., рысь Сибирская — 22 руб.[289]

Весьма любопытно проследить цены на мясо оленя, шкуры и рыбу осенней заготовительной кампании кооператива в 1925 г.

---

[286] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 77. Л. 21.
[287] Там же.
[288] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 404. Л. 139.
[289] Там же.

Таблица 21

Заготовительные и рыночные цены Обь-Иртышского союза кооперативов осенью 1925 г.[290]

Наименование	Заготовительные цены (за 1 пуд)	Продажные цены кооператива (за 1 пуд)
Мясо оленье		
1 сорт	4 руб.	4 руб. 60 коп.
2 сорт	3 руб.	3 руб. 60 коп.
3 сорт	1 руб. 80 коп.	2 руб. 20 коп.
Шкуры оленьи		
1 сорт	4 руб.	3 руб. 50 коп.
2 сорт	3 руб.	2 руб.
3 сорт	1 руб. 50 коп. — 1 руб. 60 коп.	1 руб.
Рыба		
Осетр	6 руб.	9 руб.
Муксун	5 руб.	6 руб.
Нельма	5 руб.	6 руб.
Налим	90 коп.	1 руб. 20 коп.

В среднем заготовительные цены по мясу оленины были ниже продажных на 12%; заготовка шкур была делом убыточным; цены на осетрину приносили 30% прибыли, остальная рыба давала доход 20%. Участвовали в заготовках, конкурируя с кооперацией, и другие организации, например, «Хлебопродукт», отделения которого были во всех северных районах.

Так, Березовская окружная контора «Хлебопродукт» в 1924 г. на покрытие заготовок имела товары: муку, крупчатку, чай, соль, сахар, мыло, керосин, мануфактуру, вина, мед, бисер, котлы, топоры и многое другое, что имело спрос у населения[291]. Можно предположить, что солидные хозяйственные организации имели лучшие товары, с достаточно широким ассортиментом, пользующиеся хорошим спросом, а значит, аборигены везли пушнину, в первую очередь, туда, где были нужные им товары.

С открытием навигации отношения центральных контор с низовыми кооперативами заметно активизировались. Весь товар,

---

[290] Там же. Л. 41.
[291] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 2. Л. 3.

который имелся на складах, отправлялся на Север. Это было бойкое время. Советские кооператоры стремились за пушниной на Север, а население с нетерпением ждало открытия навигации, прибытия пароходов и барж, приезда с «Большой земли» торговцев; начиналась активная обменная, торговая жизнь, которая заканчивалась в октябре.

Товара требовалось много, его спешили переправить, от этого зависел успех кампании. Сводки по кооперации содержали краткие, но понятные сведения: «Из Уралцентросоюза получена партия мануфактуры 2 700 аршин. От Упродкома получено 9 тыс. пудов муки. Все отправляется на север»[292]. В отдаленные районы (Обдорский и Березовский) товары поступали позднее и не всегда в нужном количестве и ассортименте: «...дело кооперации будет обстоять хуже, так как кроме муки и соли туда предназначены к отправке пароходом «Могучим» мережа и мануфактура, которые все еще не упакованы и не представлены на пассажирскую пристань»[293].

Проблем в работе кооперации было достаточно. Первая из них — финансовая. Северосоюз не располагал собственными средствами, поэтому для организации деятельности брал кредиты у хозяйственных организаций. В 1924 г. кооператив взял кредит на 35 тыс. руб. в Тобольском отделении Госбанка и целевой кредит на муку — 5 тыс. руб. в Тюменском отделении сельхозбанка[294].

Уже в самом начале своей деятельности у Северосоюза имелась задолженность перед Уралоблсоюзом на сумму 250 тыс. руб., но это не являлось препятствием для заключения новых договоров, поскольку кооператив заготавливал и поставлял продукцию через свои отделения и лавки центральным конторам и нередко — государственным предприятиям. Договор на поставку рыбы был заключен на сумму 90 тыс. руб., причем на эти цели Уралоблсоюз дополнительно выделял 100 тыс. рублей[295]. В «Обзоре» Тобольского окружкома за март—апрель 1924 г. отмечалась экономическая слабость кооперации, стремление к быстрому составлению капиталов путем высоких наценок на товары, отсут-

[292] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 9.
[293] Там же. Д. 404. Л. 139.
[294] Там же.
[295] Там же. Л. 140.

ствие хорошо налаженного сбыта и необходимого ассортимента товаров[296].

Второй проблемой была острая конкуренция с различными хозяйственными организациями, осуществлявшими заготовки на Севере. В информационных сводках Тобольского окружкома ВКП (б) сообщалось, что «на Севере по-прежнему отмечаются трения между кооперативными и другими хозяйственными организациями. Северосоюз настаивает на разрешении вывоза своей рыбы, а Областьрыба не разрешает. Северосоюз считает договор с Областьрыбой кабальным. ...Кооперативные организации на севере не имеют в достаточном количестве хлеба для снабжения и обмена его на рыбу и пушнину»[297].

У Облрыбы были трения не только с Союзом кооперативов, но и с такой важной организацией, как «Хлебопродукт»[298]. «Взаимоотношения Облрыбы с «Хлебопродуктом» — враждебные, видят в друг друге злейшего и заклятого врага своего. «Хлебопродукт» в лице Облрыбы видит лишь только сильного и опасного конкурента. Зав. Самаровским отделением «Хлебопродукта» Леонид Киселев оштрафован за систематическое пьянство на 350 руб. золотом ... 12 июля по прибытии каравана Облрыбы в юргы Аремзянские рабочие во главе с зав. караваном А.И.Уженцевым были все пьяны; местная же власть не только что приняла какие-либо меры к прекращению этого пьянства, но наоборот, председатель Сазонов принял в этом пьянстве самое горячее участие»[299].

Различные нарушения и злоупотребления в работе кооперации также были свойственны ей. В 1924 г. были проведены инструкторские ревизии кооперативов, которые обнаружили недостачу в 27 кооперативах на общую сумму 12 801 руб. 31 коп. Хищения осуществлялись заведующими лавками и членами правлений. По 11 кооперативам дела были переданы в суд. По трем делам расстратчики приговорены к лишению свободы от 1 года до 1,5 лет, групповые иски были удовлетворены на сумму 1 744 руб.[300]

---

[296] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 45.
[297] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.
[298] Там же. Д. 21. Л. 28.
[299] Там же.
[300] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 77. Л. 19 об.

В протоколе № 56 от 21 сентября заседания бюро Обдорской районной партийной ячейки за 1925 г. содержится акт ревизии о деятельности Хэнской кооперации. В документе отмечалась неудовлетворительная работа заведующего лавкой Аринычева, который работу вел «самым халатным образом, дневник лавки велся на клочках бумаги, товары инородцам отпускал по ценам на 50—100% выше существующих. Пушнину брал по низким ценам. Председатель правления Пиденко выписывал и брал из кассы крупные суммы по 100—450 рублей и т.д.»[301].

Весьма сложной проблемой в деятельности кооперативных организаций оставалась транспортная. Как правило, госпароходство выделяло несколько судов для хождения по Оби и Иртышу на период разгара заготовок, но плавсредств явно было недостаточно. В информационной сводке Тобольского окружкома (1924 г.) прямо указывается на данную проблему. «Северосоюз и Уралцентросоюз получили от госпароходства в аренду пароход № 154 и баржу № 851 для снабжения рыбацкого населения Самаровского и Сургутского районов с намерением зайти в районы рек Юган и Вах для заброски туда продовольствия и вывозки оттуда имеющейся там сушеной рыбы и пушнины. Муки отправлено в Самаровский район 1 090 пудов. В Сургутский — 1 164, а всего грузов на сумму 38 тыс. рублей»[302]. В 1925 г. Северосоюз имел в своем распоряжении собственные суда: катера «Моряк» и «Кооперация» и три баржи, а также арендовал пароход «Красная звезда»[303]. Катера использовались для прохода по речкам, где пароходы проплыть не могли.

Как можно оценить роль кооперации в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-х гг.? В середине 1920-х гг. прозвучала официальная оценка деятельности кооперации на Тобольском Севере. Это произошло на окружной партийной конференции (сентябрь 1925 г.), где было отмечено, что, «несмотря на имевшиеся трудности и проблемы в работе кооперации, она укрепляется»[304].

---

[301] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.
[302] Там же. Д. 21. Л. 19.
[303] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 30 об.
[304] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 192. Л. 5.

В резолюции партконференции было акцентировано внимание на проблемах в работе кооперации. Конференция обязывала кооперацию выполнить следующие мероприятия: усилить вовлечение народностей Севера в кооперативное строительство; ускорить проработку вопросов о лучших организационных формах кооперирования туземцев; принять меры для ускорения получения кооперативными организациями долгосрочных кредитов на восстановление рыбного хозяйства Севера; своевременно заботиться о снабжении орудиями лова[305].

Таким образом, преобладающими направлениями в деятельности кооперации были определены — кооперирование туземцев и поддержка рыбного хозяйства. Однако работа кооперации во второй половине 1920-х гг. показала, что с указанными задачами она не справилась. Приоритетным полем деятельности оставалась торговля в обмен на пушнину и заготовки пушмехсырья. Кооперативы сосредоточили всю деятельность на торговле и заготовках. В те годы они не рассматривали вопросы стимулирования населения, вступившего в кооперативы. Никаких преимуществ у членов-пайщиков не было. Очевидным является факт поддержки государством кооперативного движения, без финансов которого на этапе становления вряд ли можно было наладить работу кооперативов. Вопрос об объемах заготовок по той системе, которая сложилась, наводит на мысль, что и кооперативы, и хозяйственные организации работали преимущественно с одним и тем же сырьевым ресурсом, однако по отчетности получалось, что эти объемы сугубо индивидуальны.

Выводы

Итоги первого советского десятилетия для хозяйства Тобольского Севера историками оцениваются неоднозначно. В.А.Зибарев считал, что к концу 1920-х гг. в хозяйственной жизни малых народностей произошли существенные изменения. Он подчеркивал, что народы были освобождены от зависимости частного капитала, прекратился упадок хозяйства, ускорилось разложение патриархального уклада[306]. Собственно этот вывод был характерен для всех трудов советского времени, сформулированный в русле концепции

[305] Там же. Л. 66.
[306] Зибарев В.А. Советское строительство... С. 77.

перехода малых народностей от патриархальщины к социализму. Так, в четвертом томе «Истории Сибири» сказано: «Большие изменения произошли в жизни народов Севера... Советское правительство осуществило в 20-х годах обширную программу по защите их от эксплуатации, улучшению их материального положения, поднятию промыслов и оленеводства»[307].

А.В.Головнев считает, что в 1917—1931 гг. в хозяйственно-экономических и общественных отношениях сохранялись традиционые черты[308]. Соглашаясь с А.В.Головневым, мы бы хотели подчеркнуть, что следует обратить внимание на наличие двух периодов в состоянии хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг., которые позволяют выделить существенные черты экономического положения.

1. 1917—1925 гг. — время, характеризовавшееся сложнейшими политическими событиями. Хозяйство Севера находилось в прямой зависимости от политического положения. В 1918—1921 гг. в условиях гражданской войны и Западно-Сибирского восстания хозяйство края переживало самые тяжелые времена. 1922—1923 гг. стали переходными (от военных действий — к мирной жизни), когда северяне сами решали свои экономические проблемы, организовывали кооперативы, развертывали торговый обмен. Центральная власть в тот период ничего для их экономической поддержки сделать не могла, более того, ввела различные налоги и увеличила размеры заготовок.

Кризис северного хозяйства был очевиден. Переход к нэпу на Тобольском Севере проявился прежде всего в активизации частной торговли, что способствовало оживлению деятельности промышленников. 1924—1925 гг. по сравнению с предыдущими годами были, безусловно, успешнее. Войдя в состав Уральской области, Тобольский Север оказался под пристальным вниманием ее руководства. Начался завоз товаров, активизировалась деятельность хозяйственных организаций и кооперативов. Аборигенов принуждали к увеличению добычи пушнины, в то время как рыбу никто, кроме кооперации, не принимал, цены на нее были бросовыми. В северном хозяйстве обнаружились серьезные дис-

[307] История Сибири. Т. IV. С. 292.

[308] Северная Сосьва (Исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 39.

пропорции. В конце 1925 г. правительство приняло ряд ограничений по торгово-заготовительной деятельности и освободило коренных жителей от всех налогов.

В целом вся деятельность хозяйственных и кооперативных организаций была направлена только на получение прибыли; в создание и развитие перерабатывающих предприятий средств почти не вкладывалось, о проблемах местного населения говорили очень много, но не решали их.

2. Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась тем, что в 1926—1927 гг. в управлении северным хозяйством проявилась тенденция по урегулированию и упорядочению торгово-закупочной деятельности, начался плановый северный завоз. Наметились хозяйственные организации, которые стали лидерами в экономической жизни края, прежде всего, Госторг. Однако несогласованность и дублирование деятельности, нехватка средств и транспорта вносили хозяйственную неразбериху, срывали планы завоза, не обеспечивали население в достаточной степени хлебом и т.д.

В сложное положение попала кооперация, не обеспеченная средствами, попавшая в зависимость к Госторгу, она находилась на стадии развала и ликвидации. 1928—1929 гг. стали временем реорганизации кооперации в рамках единой интегралсистемы. Административное переустройство рассматривалось как необходимое условие ее будущего существования, однако содержание и методы работы оставались прежними, то есть к качественным изменениям реформа не привела.

Таким образом, обнаруженные изменения, касавшиеся экономики края, не приводили к сбалансированному развитию, не учитывали специфики традиционного хозяйства и запросов старожильческого населения. Отношение к северному хозяйству оставалось прежним — потребительским. Областные, окружные и местные органы власти, подстегиваемые циркулярами сверху, были обеспокоены лишь тем, как больше взять ресурсов с Севера, особо не вмешиваясь в отношения собственности и формы хозяйствования, сохранившие до начала 1930-х гг. традиционные черты. Экономические отношения государства и коренных жителей можно определить в те годы как допустимо либеральные, ненасильственные. На рубеже 1929—1930 гг. в общем контексте «великого перелома» Тобольский Север и его хозяйственный уклад оказались на пороге радикальных преобразований.

Глава 3. АКТИВИЗАЦИЯ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ В 1930—1941 гг.

3.1. Крестьянская ссылка. Роль спецпереселенцев в хозяйственном освоении Севера

3.1.1. Ссылка и размещение раскулаченных крестьян

1930 г. для Тобольского Севера был последним годом существования края в рамках традиционно цельной, веками существовавшей хозяйственной территории. Планы нового административного деления по созданию национальных округов на Севере уже созревали. Неудачи советских реформаторов в 1920-е гг. на Тобольском Севере заставили искать выход из создавшегося положения. Методы и средства, направленные на внедрение социалистических основ и работавшие во всей остальной части страны, здесь оказались малорезультатны. Все неудачи советскими функционерами приписывались несознательности туземцев и относились на счет их отсталости. Поэтому решение о выделении народов, населявших Север Западной Сибири, в «самостоятельные» округа явилось своего рода спасением для режима, возможностью показать обществу заботливое и снисходительное отношение к аборигенам. На благоприятный исход советизации Севера прямое влияние оказали ссыльные крестьяне. Раскулачивание и ссылка десятков тысяч крестьян помогли реализовать задачи тотальной модернизации Севера и всего уклада жизни его жителей.

Начало 1930-х гг. прошло в борьбе органов власти за попытку начать коллективизацию на Севере и решить вопросы, связанные с обустройством ссыльных крестьян и применением их труда. Северные районы Уральской области являлись одними из основных в СССР для массового переселения семей раскулаченных крестьян. Первая волна спецпереселенцев на Тобольский Север была в 1930 г. В феврале—апреле 1930 г. все пересыльные пункты и железнодорожные станции были забиты ссыльными. «Переброска кулацких семей с мест выселения фактически началась с половины февраля месяца и в большей массе была закончена к концу марта месяца. <...> По шести округам..., принимающим ссылку, отправка кулацких семей производилась гужом на под-

водах»[1]. В Тобольский округ было отправлено из округов Уральской области:

— из Тюменского — 1 351 семья, 6 0 38 человек,
— из Ирбитского — 587 семей, 2 316 человек,
— из Тагильского — 166 семей, 667 человек
— из Ишимского — 1 197 семей, 6 309 человек
— из Шадринского — 305 семей, 1 391 человек.

Всего 16 720 человек[2]. Это были уральские крестьяне. Наряду с ними были высланы жители западных районов, о чем в том же документе приводятся сведения. Для расселения в северных районах Уральской области прибыло 17 197 семей, 82 945 человек[3]

Местные власти не были готовы принять такое большое количество народа. В директиве Тобольского окружкома ВКП (б) секретарям райкомов партии от 10 февраля 1930 г. говорилось: «Наш округ является в числе других мест Союза местом, куда предположено большое выселение кулацких семей не только из числа уральских кулаков, но из пределов других областей СССР. По предварительным сведениям, к нам должно быть выселено до 10—12 тысяч кулацких семейств. На каждый дом в северных районах приходится выселить не менее 3—4 чел., или но одной семье. Эти выселенцы должны будут выселены принудительным порядком...

Выселение кулачества в административном порядке имеет, безусловно, временный характер. С наступлением лета будут предприняты все меры со стороны хозяйственных организаций, а также и за счет их собственного труда, о постройке жилищ и т.д. с учетом полного использования этой кулацкой силы на рыбозаготовках, лесоразработках и других работах. Что касается кулачества местного, всем будут даны специальные указания дополнительно...»[4].

24 марта 1930 г. состоялось совещание при президиуме Тобольского окрисполкома по вопросу «Об использовании в округе

---

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929—декабрь 1930. С. 437.

[2] Подсчитано по: Трагедия советской деревни... С. 437.

[3] Там же.

[4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 54. Л. 40.

труда переселенцев», на котором было принято следующее решение:

«1. В соответствии с направлением хозяйства в северных районах округа признать, что основная масса труда переселенцев должна быть использована в области лесного и рыбного хозяйства.

2. Исходя из имеющихся материалов о расположении по округу лесных масивов, производственного плана леспромхоза на 1930—1931 гг., считать, что по лесоразработкам может быть использовано 6 тыс. семей в следующих районах округа: в Кондинском районе — урочище Мавра-Суй — 100 семей; Самаровском районе — по речке Яркиной — 100 семей; Сургутском районе — по реке Лямину — 3 500 семей и в Покурско-Ларинской даче — 750 семей; Березовском районе по притокам реки Северной Сосьвы — Тапсую, Волье, Непсе, Лонсинье, Манье и Лепле — 1 550 семей.

3. Констатировать, что развертывание рыбозаготовок дает возможность по линии Рыбтреста использовать на рыбопромыслах в Березовском и Обдорском районах 7 500 семей, а в частности — по течению реки Северной Сосьвы от устья до села Сартыньи — 500 семей; от устья Ляпина до села Няксимволь — 500 семей; в Обдорском районе по течению реки Оби в 34 пунктах — 2 500 семей; в Березовском районе по течению реки Оби в 48 пунктах — 4 000 семей.

4. Признать, что расселение в туземных районах, в частности, по реке Северной Сосьве, не должно затрагивать интересов туземного населения.

5. В случае неотпуска специальных средств на проведение сельхозколонизации поставить перед областными организациями вопрос о начале в текущем году постройки железной дороги Тавда—Тобольск, где представится возможность использования значительного количества рабочей силы.

6. Указать леспромхозу и Рыбтресту на необходимость, где это представится возможным, использования для своих нужд одних и тех же рабочих.

7. Предложить ОКРЗУ срочно проработать и окончательно определить пункты по сельскохозяйственной колонизации.

8. Предложить ОКРОНО, ОКРЗДРАВУ и ветотделу не позднее 27 марта представить в Плановое бюро схему развертывания в

местах расселения сети школьных, больничных и ветеринарных учреждений.

9. Предложить Стройконтролю совместно с ОКРместхозом не позднее 27 марта представить в Планбюро свои соображения о типах жилых построек для переселенцев, ориентируясь в основном на бараки.

10. Признать, что расходы, связанные с переброской переселенцев в места расселения, а также по обеспечению их продовольствием, жилищем и прочим, должны пойти за счет организаций, в распоряжение которых предоставляется рабочая сила, и предложить названным организациям составить календарный срок переброски и расселения и немедленно сделать заявку Госпару на потребное количество тоннажа.

11. Предложить Планбюро не позднее 28 марта произвести подсчеты всех расходов, связанных с расселением и особо осветить вопросы обеспечения переселенцев лошадьми и прочим.

12. Ввиду крупного расширения по округу лесных заготовок и, в частности, по экспортному лесу, поставить перед областными организациями вопрос о форсировании строительства на Севере лесопильно-целлюлозных заводов.

13. Ввиду неясности до настоящего времени вопроса о правовом положении переселенцев, просить областные организации ускорить разрешение этого вопроса»[5].

По плану переселения на Тобольский Север в течение 10 месяцев предполагалось выселить 3 557 семей, 18 465 человек[6]. На 1 мая 1930 г. в Березовском и Обдорском районах оказалось 3 000 семей, 14 950 человек переселенцев[7]. В Сургутском районе было размещено 5 502 человека[8]. О первой группе ссыльных, прибывшей в Сургут, известно: «Первая партия прибыла к нам 6 июня, бросить ее сразу на работу не удалось, к 18 июля на работу удалось направить почти всех. Идет заготовка бревен под строительство, нет инструментов, только пилы и топоры... Стройсезон уходит, необходимо начать расселение колонистов в устье Лямина и по берегу Оби от Сургута до Сильярово, где имеются сено-

[5] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 824. Л. 38—38 об.
[6] ТФГАТО. Ф. 492. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.
[7] Там же. Л. 2.
[8] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 972. Л. 31.

косные угодья с расчетом использования здесь небольших лесных массивов»[9].

В Докладной записке ПП ОГПУ по Уралу «О результатах проведения операции по массовому выселению и расселению кулацких семей» от 9 мая 1930 г. сообщалось, что по Уральской области выселение проходило по 12 округам, всего выселено 13 708 семей, 66 115 человек[10].

Всего в Тобольский округ было выселено 8 920 семей, 43 758 человек[11] — это был первый этап ссылки. В документе говорилось, что «впредь до переброски к местам поселения указанное количество кулацких семей расселено в Тобольске и районе, Уватском, Сургутском, Березовском и Кондинском районах. С открытием навигации до 3 тыс. кулацких семей будет переброшено в Обдорский район для использования на рыбных промыслах по договору с Рыбтрестом... Наиболее серьезным вопросом является получение своевременно необходимого тоннажа для переброски водным путем кулацких семей в пункты окончательного расселения. В случае тормозов с получением для этой цели пароходов, использование других средств переброски гужом и др. затянет дело с переселением, следовательно, поставит под угрозу вопрос с использованием кулацкой ссылки на работах по выполнению летнего плана работ хозорганизаций, а также и колонизации с своевременным оборудованием помещений в пунктах поселения»[12].

В том же документе сообщалось о возможном применении труда ссыльных крестьян. Указывалось на заключение договоров с хозорганизациями, которые предусматривали следующие условия:

«1. Предоставление работ всем трудоспособным членам кулацких семей.

2. Предоставление бараков для жилья в местах поселения с переброской туда семей не позднее 15 мая с.г.

3. Снабжение продовольствием всех занятых фактически на работах лиц.

---

[9] Там же. Л. 31 об., 33.
[10] Трагедия советской деревни... С. 437.
[11] Там же.
[12] Там же.

4. Отведение специальных участков земли под огороды в размерах, обеспечивающих полностью удовлетворение овощами семей высланных

5. Содержание в местах поселения необходимых в благополучном санитарном отношении поселков за счет самообложения кулацких семей»[11]

С открытием навигации в райисполкомах северных районов готовились принять ссыльных и прорабатывали все возможные варианты их устройства и размещения на первое время. К примеру, в постановлении Сургутского РИКа от 25 мая 1930 г. всем сельсоветам говорилось: «С приходящими пароходами из Тобольска будут прибывать эшелоны кулацких семейств, которые по плану Учлесхоза будут расселяться по указанным в плане местам, а потому Вам надлежит представителям Учлесхоза оказывать всевозможные содействия в смысле их расквартирования в момент высадки с парохода, а также и расселения по установленным местам»[14]

Директор Самарского леспромхоза В.М.Чарков вспоминал: «Летом 1930 г. к основной программе прибавилось еще строительство. Леспромхоз получил 5 000 семей спецпереселенцев. В течение лета им требовалось построить дома для жилья, школы, детские учреждения, больницы и т.д. По дислокации в Сургутском районе было построено четыре поселка: Сытоминский, Погорельский, кажется, Кедровый и еще какой-то, не припомню. Леспромхоз с этой задачей справился успешно...»[15].

В докладной записке С.А.Мессинга председателю комиссии СНК СССР по устройству выселенных кулаков второй категории от 26 сентября 1930 г. сообщалось, что в Уральскую область было вселено 31 543 семьи, 151 249 человек, из них уральских кулаков, переброшенных внутри области,— 13 855 семей, 66 774 человека[16].

В документе констатировалось, что «вопросы хозустройства и правового положения ссыльных кулаков разбирались на многих комиссиях и обсуждались на многочисленных совещаниях, однако

---

[13] Там же. С. 444.

[14] Яцун К.С. Организация спецпоселков в Сургутском районе (1930 г.) // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2001. С. 81—82.

[15] Цит. по: Там же.

[16] Трагедия советской деревни... С. 652—653.

положительных результатов до сих пор не достигнуто. В результате отсутствия необходимого повседневного руководства и нажима из одного специально организованного центра, ведающего хозустройством кулаков, дело зашло в тупик»[17]. Предлагалось создать единый руководящий «особо уполномоченный орган».

Приток спецпереселенцев был огромный. Необходимо было быстро решать все возникавшие вопросы. Однако трудности отправки на место пребывания, проблемы снабжения спецпереселенцев самым необходимым сделали трудным налаживание хоть сколько-нибудь упорядоченного их учета. Значительную часть спецпереселенцев направляли на рыбные участки. 25 сентября 1930 г. в протоколе заседания секретариата Тобольского окружкома отмечалось, что «нет точного учета фактически переданных рыбтресту по договору переселенцев. Все цифровые данные перепутаны»[18]. Первоначально к Рыбтресту из группы сосланных было предписано 3 000 семей[19]. В докладной записке С.А.Мессинга сообщалось, что в Обдорский район для Рыбтреста было выслано 1 130 семей, 5 419 человек[20]. Список переселенцев для постоянного местожительства по линии Рыбтреста на 29 декабря 1930 г. включал уже 11 468 человек[21].

Таблица 22

Распределение переселенцев на Тобольском Севере на конец сентября 1930 г.[22]

Наименование организации	Количество переселенцев
Обдорский район	
(Рыбтрест)	462 семьи
(Леспромхоз)	2 451 семья (9 915 человек)
Березовский, Сургутский	
Самаровский районы	5 036 человек

Сведения, представленные в таблице, неполные. Неясно, сколько человек были приписаны к рыбтресту, в какие организа-

[17] Там же.
[18] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 972. Л. 1.
[19] Трагедия советской деревни... С. 650.
[20] Там же.
[21] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 8—8 об.
[22] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 972. Л. 2—3.

ции или сферы деятельности были направлены спецпереселенцы Березовского, Сургутского и Самаровского районов.

Всю навигацию на Север шли баржи с ссыльными, поэтому к концу года число спецпереселенцев значительно возросло. В докладной записке в окрколхозотдел от 4 декабря 1930 г. сообщалось, что на Тобольский Север завезено 46 000 переселенцев[23]. В Справке Особого отдела ОГПУ о количестве вселенных кулаков 2-й категории и «одиночек» от 10 декабря 1930 г. сообщалось, что в Уральскую область было вселено 30 474 семьи, 145 205 человек. Ссыльные были из Белоруссии, Северо-Кавказского края, Крыма[24]. Треть всех сосланных на Урал крестьян оказалась на Тобольском Севере.

Наиболее массовое переселение крестьян осуществлялось весной и летом 1931 г. — это был второй этап ссылки, когда в 33 района Уральской области было вывезено 47,1 тыс. семей[25]. В 1931 г. председатель Остяко-Вогульского окрисполкома Я.М.Рознин обозначил ситуацию так: «В пределах округа находится значительное количество спецпереселенцев... Мы должны использовать их для колонизации громадных неосвоенных просторов Севера, используя их как рабочую силу для экономического возрождения села»[26].

Несмотря на то, что трудовой занятости спецпереселенцев уделялось большое внимание, место работы в большинстве случаев находилось в десятках, а то и в сотне километров от спецпоселка. На работу ходили пешком, получая в дорогу 400 г хлеба. Какая уж тут работа! Люди на производственные участки добирались обессилевшими. Рабочий день на промыслах в летнее время достигал 11 часов. В некоторых ЛПХ встречалась безработица. Были и лесоучастки, где работали вообще бесплатно. Общественное питание почти отсутствовало. На 1 марта 1932 г. на

---

[23] Там же. Л. 24.

[24] Трагедия советской деревни. Документ № 268.

[25] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 53.

[26] Алексеева Л.В. О раскулаченных спецпереселенцах в северных районах Уралобласти (начало 1930-х гг.) // Открывая Родину, узнаем себя. Излучинск, 1999. С. 24.

лесозаготовках в Самаровском районе было открыто 3 столовых, в Сургутском — 2. Цены на обед были высокие[27].

За всеми ссыльными осуществлялся строгий контроль. Ежедневно учитывалась производительность труда. В целях исправительно-трудового воздействия на спецпереселенцев, не выполнивших нормы выработки, Тобольский комендантский отдел организовал 24 апреля 1931 г. штрафную команду[28]. Для штрафников установлен 10-часовой рабочий день[29]. Проблемы с обеспечением спецпереселенцев продуктами питания заставили ОГПУ разослать в августе 1931 г. инструкцию «О порядке выдачи спецпереселенцам и погашения ими ссуд на лесохозяйственное освоение», которая предусматривала выдачу средств на приобретение сельхозинвентаря, семян, скота и возведение построек[30].

В феврале 1932 г. до Севера докатилась третья волна крестьянской ссылки: в Березово и Сургут прибыли тысячи ссыльных. В апреле, по данным ОГПУ, в Остяко-Вогульском округе находилось 6 459 семей спецпереселенцев. Это 30 243 человека, из них 9 296 — женщины, а 11 402 — дети в возрасте до 16 лет. Они были расселены в 56 новых поселках на территории Березовского, Самаровского и Сургутского районов. Около трети из них (почти 7 тыс. мужчин и 2,5 тыс. женщин) были заняты на производстве, в основном, лесном и рыбном хозяйствах[31].

Все спецпереселенцы делились на 5 групп: 1 — способные к выполнению любых работ; 2 — только легкие физические работы; 3 — неспособные к физической деятельности, но которые могут быть использованы на легких кустарных промыслах и заготовках грибов и ягод; 4 — неспособные к труду; 5 — дети до 16 лет[32]. Со второй половины 1932 г. выселение крестьян 2 категории прекратилось.

Трудраспределение шло по трем направлениям: Рыбтрест, лесозаготовки и сельское хозяйство. Высылаемые в северные

---

[27] Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.) Екатеринбург, 1993. С. 115—117.

[28] ТФГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 306. Л. 14.

[29] Там же. Л. 14.

[30] Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышском Севере (1920—1960-е гг.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 235.

[31] Там же. С. 234.

[32] Раскулаченные спецпереселенцы... С. 13.

районы крестьяне предназначались, главным образом, для освоения обширных лесных массивов и создания сельскохозяйственных колоний. На лесозаготовки ежегодно приходилось завозить временную рабочую силу не только из южных районов Урала, но и из Нижегородского края, Башкирии, Татарии и других районов страны. Все это было связано с большими трудностями и срывом производственных заданий.

Поэтому «спецпереселенцы, предписанные к лесной промышленности, должны были колонизировать малонаселенные районы со слабо эксплуатируемыми, а в некоторых случаях — мертвыми лесными массивами, в целях вовлечения их в эксплуатацию, с одной стороны, а с другой — иметь постоянные кадры лесорабочих»,— так указывалось в официальных документах[33]. Вероятно, государству в лице его руководства казалось, что массовая переброска спецпереселенцев позволит решить грандиозные экономические планы в кратчайшие сроки. Между тем, обнаружившиеся проблемы свидетельствовали, что нужны меры по урегулированию как производственных, так и социальных вопросов спецпереселенцев.

В секретном письме секретаря Обско-Иртышского обкома партии (1934 г.) обращалось внимание на положение ссыльных: «Несмотря на вполне ясные и четкие директивы и распоряжения правительства об уделении особо серьезного внимания кулацкой ссылке — данное положение на местах учитывается недостаточно серьезно. <...> Анализируя состояние спецссылки по нашей области, видно, что последняя находится в чрезвычайно тяжелых условиях. На спецпереселенцев смотрят лишь только как на принудительную рабочую силу. Райисполкомы в большинстве своем хозорганами, использующими труд спецпереселенцев, в достаточной степени не руководят, их не контролируют, не проверяют, как используется спецрабсила, как поставлена культурно-массовая работа среди спецпереселенцев, каковы их жилищные и бытовые условия, санитарное состояние поселков, медобслуживание и т.д., в то время, как по области мы имеем факты безобразного положения в спецссылке. Спецрабсила используется не полностью, нерационально, отсутствуют производственные планы, задания не доводятся персонально до каждого рабочего спец-

[33] Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка. С. 236.

переселенца, налицо низкая производительность труда, чрезвычайно слабо используется труд малотрудоспособных.

Все это вместе взятое ведет к систематическому недовыполнению производственной программы в целом по той или иной организации, и на почве явно неудовлетворительных материально-бытовых условий спецпереселенцев рождаются политические акцессы. В отведенных лесоучастках лес плохого качества, не дающий возможности выполнять задания на 100%. В большинстве нормы трудодня выполняются от 40 до 70% (Самаровский и Сургутский леспромхозы).

Слабо развито трудсоревнование и ударничество, не ведется никакой работы по рационализации на производстве, отсутствует техучеба. Снабжение спецпереселенцев, как работающих, так и членов их семей, поставлено неудовлетворительно, паек выдается несвоевременно, не по нормам, что приводит к таким фактам, что люди вынуждены употреблять в пищу суррогаты, трупы павших животных, собачье мясо. На почве недоедания возникли заболевания опухолью, тифом, цингой, что влечет за собой большую смертность (Сургутский район).

<...> Зарплата систематически не выплачивается. Задолженность по зарплате возрастает, и на сегодняшний день дошла до 500 000 рублей. Никаких решительных мер к ликвидации таковой не принимается. Вопросами сельхозустройства спецссылки окружные и районные организации (земельные органы) не занимаются. Работа по освоению земель проводится без участия райорганизаций, силами райкомендатур ОГПУ.

Кустарных промыслов организовано недостаточно. Последние в своей деятельности не обеспечивают полного охвата малотрудоспособных... До настоящего времени спецпереселенцы в ряде районов живут в землянках. В связи с чем санитарное состояние в ссылке неудовлетворительное (грязь, вошь, на почве этого — заболевания) (Уватский район)

<.. > Обком ВКП (б) считает, что по получении данного письма должна быть коренным образом пересмотрена Ваша линия поведения и Ваша практическая работа, и практические мероприятия в отношении спецпереселенцев с тем, чтобы в ближайшее время коренным образом было пересмотрено и поведение соответствующих хозорганизаций, имеющих рабсилу. В силу вышеизложенного Вам надлежит: немедленно на закрытых бюро

райкомов и окружкомов ВКП (б) и на президиумах окр. и райисполкомов заслушать доклады хозяйственников, использующих труд спецпереселенцев. Особое внимание обратите на проработку вопроса о принятии решительных мер в сторону улучшения снабжения спецпереселенцев. Лиц, допустивших безобразное отношение к спецссылке, привлечь к партийной и уголовной ответственности»[34].

В документе достаточно полно отражены существовавшие проблемы крестьянской ссылки на Севере Западной Сибири, предложены меры по их урегулированию. Обско-Иртышская область просуществовала всего один год, и мероприятия по выполнению данного письма в округах проследить не удалось.

3.1.2. Роль спецпереселенцев в сельскохозяйственном освоении края

В результате трех этапов крестьянской ссылки в сельское хозяйство на Обь-Иртышский Север было распределено 11 400 человек[35]. Однако по мере увеличения производственных планов для сельского хозяйства и в связи с высокой смертностью среди спецпереселенцев осуществлялась внутренняя переброска ссыльных с одного объекта на другой. К марту 1932 г. на территории Остяко-Вогульского округа наблюдалось увеличение числа спецпереселенцев, приписанных к сельскохозяйственным колониям. Их насчитывалось 3 982 семьи, или 16,1 тыс. человек[36]. Только в Сургутском районе было размещено свыше 8 тыс. спецпереселенцев[37], в Кондинском районе — 840 человек[38], использовать которых предполагалось в сельском хозяйстве.

До крестьянской ссылки земледелие почти не было распространено. В 1929 г. посевные площади составляли 545,5 га. Неоднократные попытки, предпринимаемые энтузиастами для развития сельского хозяйства на Севере во второй половине XIX и в начале XX вв., не привели к внедрению этой отрасли в экономику

---

[34] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.
[35] Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.
[36] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 165. Л. 222.
[37] Акмент О.К. Аграрные преобразования... С. 80.
[38] ГАХМАО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—35.

края"[39]. Сельскохозяйственное освоение стало возможным в связи с переселением на Север раскулаченных крестьян.

Земледелие было распространено в Остяко-Вогульском округе. Расширение посевных площадей шло за счет раскорчевок, однако корчевальных машин не было, поэтому тайга распахивалась ссыльными вручную. Большая группа спецпереселенцев была занята в первые годы ссылки именно на раскорчевке леса под пашню. В 1932 г. ссыльными было раскорчевано 1 544 га. Расширение земельных участков и подготовка их под посев позволили в первые годы ссылки увеличить размеры посевных площадей едва ли не в 10 раз! Общий посевной клин в 1932 г. составлял 1 634 га. В 1932 г. произошло увеличение посевных площадей и расширение состава посевов в Самаровском, Сургутском, Кондинском районах. Посевная площадь составила 3 250 га. Удельный вес спецпереселенческого сектора в сельском хозяйстве составлял в 1932 г. 55,5%, в 1933 — 57,7%, в 1934 — 56,98%, в 1935 — 59,21%[40]. Состав посевов характеризовался наличием овощных (морковь, капуста, картофель) и зерновых культур (озимая и яровая рожь). Причем, 2/3 посевных площадей отводилось под зерновые культуры[41].

Урожайность по зерновым культурам не была, да и не могла быть высокой. Отсутствовали морозоустойчивые сорта, в зависимости от погодных условий урожай мог быть чуть выше или ниже, иногда посевы вымерзали. Урожайность в 1932 г. составляла (с 1 га): пшеница — от 0,5 до 1,25 т, озимая рожь — от 1 до 1,5 т. Урожайность неприхотливых овощей была вполне удовлетворительной: картофель — от 4 до 7 т, морковь — от 5 до 10 т, капуста — от 2 до 8 т.[42]

Техническое оснащение обработки пашни и посевов, а также уборки оставалось крайне низким. В 1932 г. в Остяко-Вогульском округе для обработки 4 097 га пашни имелось следующее количество орудий труда: плуг конный — 993; борона зубовая — 611; борона дисковая — 11; сеялка — 19; жатка-самосброска — 7; плуг-окучник — 57; картофелесажалка — 3; молотилка — 7; сор-

[39] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 17. Л. 140—141.
[40] Там же. Л. 2.
[41] Там же.
[42] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 29, 30.

тировка — 17; веялка — 5; триеры — 3; сенокосилка — 72; грабли конные — 46[43]. Все указанные орудия труда работали на применении конной тяги.

По аналогии с сельскохозяйственными районами страны на Севере приступили к организации машинно-тракторных станций. Первая МТС (Реполовская) была создана 1 июля 1931 г. В ней было 6 тракторов, 5 плугов, 13 борон. В 1934 г. в 4 МТС (Реполовская, Кондинская, Сургутская, Микояновская) было 50 тракторов, 13 комбайнов, 72 плуга, 22 сеялки, 21 культиватор. Однако МТС были маломощны и обслуживали лишь близлежащие колхозы[44]. Отсутствие запчастей, нехватка горючего, отсутствие паромов (для доставки трактора на другой берег реки) затрудняли применение имевшейся техники.

Помимо общественного сельскохозяйственного производства, в спецпоселках ссыльными разрабатывались участки под зерновые и огородные культуры, заводился скот. В документах 1932 г. в связи с эпидемией цинги спецпереселенцам даже было рекомендовано выращивать овощи, хотя до этого времени в некоторых поселках особо рьяные комендanты запрещали ссыльным заниматься не только огородничеством, но даже сбором ягод и грибов. «Обязать хозорганы в трехдневный срок разбить план посева по спецпоселкам и довести до спецпоселков, артелей и отдельных спецпереселенцев недостаточное количество семян, сельскохозяйственного инвентаря, фуража, покрыть за счет мобилизации внутри резервов»[45]. Следует оговорить, что фактически заниматься земледелием ссыльные крестьяне стали уже в первую весну, то есть в 1931 г. Так, по сведениям, которые приводит Н.И.Загороднюк, в Сургутском районе было выделено 105 га под огороды, Самаровском — 7 га, Обдорском — 33,2 га, Березовском — 205,1 га[46].

В 1933 г. было проведено санитарное обследование спецпоселков Сухой, Боровой, Сосновый и Ямской Сургутского района.

---

[43] Иваненко А.С. История механизации сельского хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Ханты-Мансийск; Сургут, 2000. С. 40—41.

[44] Иваненко А.С. История механизации... С. 40—41.

[45] ГАХМАО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 11. Л. 48.

[46] Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10. С. 34—35.

В отчете констатировались такие факты: «В 1933 г. в поселках было посажено немного своих овощей и хлебных злаков (ячмень, овес). В 1933 г. площадь огородов и яровых посевов увеличилась на 100%. Огородных овощей, таких, как картофель, капуста, морковь, огурцы и другие, вполне достаточно с хорошей урожайностью, а особенно в поселках Ямской и Боровской. Спецпоселки имели своих животных: коров, телят, лошадей, хотя не каждая семья, но процент имущих большой. Среди них организованы неуставные артели. Они охватывают 45% всего населения поселков»[47]. Из 5 292 хозяйств спецпереселенцев, занимавшихся сельским хозяйством, 4 245 хозяйств объединились в 49 неуставных артелей, что составляло 80,2% от общего числа спецпереселенческих хозяйств[48].

В период с 1931 по 1935 гг. спецпереселенцы выращивали огородных и зерновых культур почти в два раза больше, чем колхозы, организации и единоличные хозяйства[49]. Схожего мнения придерживаются екатеринбургские историки С.В.Горшков и Н.Н.Попов, указывая, что на долю спецпереселенцев приходилось около половины выращиваемых в Остяко-Вогульском округе овощей и картофеля, свыше половины озимой ржи[50].

Для Самаровского рыбоконсервного комбината, развернувшего производственную деятельность в начале 1930-х гг., были необходимы овощи. В связи с этим в 1934 г. было начато строительство спецпоселка около села Реполово. В том же году было засеяно 95 га под овощные культуры. Планировалось, что хозяйство должно дать 300 т овощей в год. Выращивали картофель, морковь, свеклу, огурцы, помидоры, турнепс и другие овощи, которые отправляли на рыбоучастки в Аксарку, Анти-Паюту, Мужи, Новый Порт, Салехард и др. Кроме того, в совхозе солили капусту, зеленые помидоры, огурцы, а также делали творог, масло. Совхоз отгружал овощи на консервный комбинат в Самарово, а комбинат давал совхозу рыбную муку для скота (совхозное стадо насчитывало 200 голов крупного рогатого скота, из них — 48 дойных коров и столько же лошадей). К концу 1930-х гг. совхоз

[47] ГАХМАО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.
[48] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 17. Л. 282.
[49] Там же. Л. 2.
[50] Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка... С. 236.

«Реполовский» стал крупным хозяйством, в 1939 г. он стал дипломантом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Наряду с земледелием началось развитие общественного животноводства. В Остяко-Вогульском округе в 1931 г. числилось 15 834 голов лошадей и 14 108 голов крупного рогатого скота. В 1932 г. количество крупного рогатого скота возросло на 25% и составило 17 741 голов, а вот численность поголовья лошадей несколько сократилась — 15 647 [51].

Скот в первую очередь распределялся по колхозам и совхозам, однако большая часть поголовья была сосредоточена в хозяйствах единоличников. Спецпереселенцы при первой же возможности стремились обзавестись скотом.

Таблица 23

Распределение скота по хозяйствам Остяко-Вогульского округа в 1931—1932 гг.

Вид хозяйства	Лошади 1931 г.	Лошади 1932 г.	Крупный рогатый скот 1931 г.	Крупный рогатый скот 1932 г.
Колхозы	3 531	5 164	3 209	8 072
Спецпереселенцы	371	1 063	340	1 633
Пригородные	—	27	—	100
Единоличники	11 940	11 349	10 561	8 876
Всего	15 842	17 603	14 100	18 741

Распределение крупного рогатого скота в 1932 г. показывает, что в частном секторе и в руках спецпереселенцев было сосредоточено 10 509 голов, то есть 60% от численности всего поголовья. Частный сектор по поголовью лошадей превосходил общественный более чем в два раза[52].

Как известно, в дореволюционный период на Севере почти не было свиней и овец, теперь эти животные также стали объектом производственной деятельности. В 1931 г. поголовье свиней насчитывало 651, в 1932 — 3 273; поголовье овец в 1931 г. — 8 061, в 1932 — 10 020[53]. Таким образом, в начале 1930-х гг. благодаря

[51] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 23.
[52] Там же. Л. 23 об.
[53] Там же. Л. 24.

труду ссыльных крестьян были заложены основы для создания и развития сельскохозяйственной отрасли.

В 1934 г. северные округа оказались в составе вновь образованной Обско-Иртышской области. В марте 1934 г. обком партии Обско-Иртышской области направил в округа секретное письмо, в котором доводился план освоения новых земель для спецссылки на весну 1934 г. «Весной текущего года по спецссылке области дан план освоения 9 500 га земли, в том числе раскорчевки 3 500 га. Осенью должно быть освоено новых 8 000 га. Данные планы раскорчевки и освоения земель должны быть выполнены безоговорочно не только в количественном отношении, но и по качеству, также должны быть выполнены и контрольные цифры по урожайности...»[54].

Однако выполнить намеченный план не удалось, так как физических сил и материальных средств для его осуществления не было. Далее в письме особо уделялось внимание положению дел в период весенней посевной кампании: «...в данное время вопросами подготовки к севу ни хозорганизации, ни органы земельных управлений не занимаются, в то время как в ряде районов не достает семматериала, с/х орудий. Нынешняя весенняя посевная кампания должна явиться решающим фактором, от которого будет зависеть дальнейшее хозяйственное освоение спецссылки и закрепление ее на постоянной работе»[55].

В 1935 г. территория отошла к Омской области. В дальнейшем Омский обком партии регулярно обращался к вопросам развития сельского хозяйства в национальных округах[56]. Площадь посевов в Остяко-Вогульском округе в середине 1930-х гг. достигла почти 10 тыс. га (9 446,4 га). Структура посевов распределялась следующим образом: зерновые культуры — 4 925,5 га; корнеплоды — 641,2 га; картофель — 2 808,3 га; огородные — 1 071,4 га; количество парниковых рам — 2 337; тепличное

---

[54] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 13. Л. 112—115.

[55] Там же.

[56] Так, в августе 1936 г. на бюро обкома партии был поставлен вопрос о мероприятиях по развитию хозяйства в северных районах. В решении бюро обкома от 4 августа 1936 г. нашли отражение мероприятия по оседанию кочевых колхозов, проведению землеустройства, развитию животноводства и земледелия в Остяко-Вогульском округе. См.: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1463. Л. 19.

хозяйство — 460 кв. м[57]. Половину в посевном клине составляли зерновые культуры.

В Ямальском округе сложнее было развивать сельское хозяйство, однако и там предпринимались попытки по развитию овощеводства и скотоводства. Потребность округа в овощах исчислялась в 3 000 т ежегодно с учетом прибывшего контингента ссыльных. Выращивание овощей было начато в 1933 г. Спецпереселенцы принесли с собой опыт обработки земли, агрономические знания, были одними из тех, кто активно занимался сельскохозяйственными опытами в условиях тайги и лесотундры. Как указывает Ю.П.Прибыльский, основы устойчивого земледелия в приполярной тундре заложили первый агроном округа Б.В.Патрикеев и селекционер Д.М.Чубынин. Ими совместно с Ямальской зональной научной сельскохозяйственной станцией были выведены, апробированы и переданы хозяйствам акклиматизированные, скороспелые урожайные сорта овощных, зерновых, кормовых и технических культур[58].

Сложно обстояло дело с разведением и содержанием скота. К 1 января 1935 г. насчитывалось 986 голов, в т.ч. 602 коровы[59]. Вес животных был неудовлетворительным (2,5—3 ц). Содержание и питание также оставляли желать лучшего. Не хватало сочных и грубых кормов, а о концентратах вопрос вообще не стоял. Отсюда — прямая зависимость продуктивности животных. Средние удои были от 1 000 до 2 000 л в год. Имели место случаи заражения животных инфекционными заболеваниями (иногда привозили закупленный больной скот). Отмечено заражение бруцеллезом[60]. Таким образом, без учета природно-климатических условий насаждение сельского хозяйства в Ямало-Ненецком округе было затратным и неэффективным, с точки зрения экономики, дешевле было привести готовые продукты, чем производить их на месте.

---

[57] Тарасенков Г.Н. Перспективы хозяйственного развития Обского Севера // Народное хозяйство Омской области. 1937. № 1—2. С. 78.

[58] Прибыльский Ю.П. Первостроители Ямало-Ненецкого округа // Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000. С. 306.

[59] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1463. Л. 36.

[60] Там же.

3.1.3. Спецпереселенцы в рыбной, лесной промышленности и строительстве

В лесное хозяйство, строительство, рыбную промышленность в Остяко-Вогульский округ было направлено около 26 тыс. спецпереселенцев[61], в Ямало-Ненецкий — около 9 тыс. человек. Рыбное производство оставалось важнейшей отраслью в обоих северных округах — Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком.

Таблица 24

Улов рыбы на Обском Севере в 1930—1934 гг.[62]

Год	Количество рыбы (в ц)
1930	205 670
1931	248 320
1932	225 810
1933	169 648
1934	186 200

Сведения, представленные в таблице, позволяют увидеть колебание размеров уловов в разные годы, что, в первую очередь, зависело от природных условий. Средний показатель — 200 тыс. ц рыбы в год.

Использование спецпереселенцев на рыбных промыслах находилось в числе приоритетных. Реки Иртыш и Обь, пересекающие Остяко-Вогульский округ, большое количество их притоков и озер давали большие перспективы в развитии рыбной промышленности. Рыбодобыча сосредотачивалась почти целиком на предприятиях Госрыбтреста, который кроме лова обрабатывал сырец и реализовывал соленую и вяленую рыбу, заготавливаемую Интегральной кооперацией.

За системой Обьгреста в Остяко-Вогульском округе было закреплено 2 913 семей, 13 442 человека, проживающих в 22 поселках[63]. Из них в Самаровском районе один поселок с населением 533 чел., в Сургутском районе 6 поселков с общим числом насе-

---

[61] Кондрашова Л. Влияние ссыльных крестьян на хозяйственное развитие округа // Югра. 1994. № 5. С. 136—138.

[62] Назаров М.Н. Рыбное хозяйство Обского Севера // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4. С. 66.

[63] Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка... С. 236.

ления 3 696 чел., в Березовском районе 12 поселков, в которых проживало 7 666 чел., и 2 поселка в Шурышкарском районе с населением 1 547 человек[64]. Спецпереселенцы работали на рыбоучастках и в рыболовецких артелях.

Зам. председателя Уральского госрыбтреста Рейсман докладывал в сентябре 1930 г., что спецпереселенцы не умеют ловить рыбу, боятся сесть в лодку. В 1930 г. среди спецпереселенцев Тобольского, Уватского и Кондинского районов было всего 35 человек, знающих рыболовство. Проблема кадров решалась путем целенаправленной высылки из Волго-Каспийского и Азово-Черноморского промысловых районов семей рыбаков в распоряжение Уралгосрыбтреста. В 1931 г. в трест прибыло 950 семей раскулаченных промысловиков. Получение профессиональных навыков осуществлялось через различные курсы, которые существовали на всех предприятиях лесной и рыбной промышленности. К 1 июня 1932 г. курсы окончили 853 человека.

В докладной записке Ямальскому окружкому ВКП (б) и окрисполкому от 27 июля 1935 г. сообщалось, что в Ямальском округе трудпоселенцы закреплены за Обьтрестом, на который возложены вопросы их трудозанятости и быта. Однако Обьтрест с возложенными на него обязанностями не справился. Всего в округе числилось 886 трудопоселенческих хозяйств, в которых значилось 3 759 человек[65].

Всего в обоих округах в рыболовстве было занято в 1932 г. 8 114 человек, из них 4 338 человек — спецпереселенцы[66]. В 1935 г. количество занятых сократилось почти вдвое — 4 735, из них спецпереселенцы составляли 2 527 человек. Трест сокращал завоз рабочей силы, так как применение труда спецпереселенцев частично решало проблему. В 1934 г. Управляющий Рыбтрестом Н.Угланов сообщал в Москву: «Спецпереселенцы работают бригадирами, кормщиками, приемщиками, солильщиками, на судах матросами, мотористами»[67].

Трест имел 10 рыбозаводов, расположенных в 2 округах. В 1932 г. всего было добыто 226 тыс. ц, в 1933 — 148 тыс. ц, в 1934 г. —

---

[64] Там же.
[65] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.
[66] Там же.
[67] Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев... С. 34.

220 тыс. ц[68]. Из средств механизации лова у треста имелось всего 12 мотолебедок, 1 трактор, 2 неводных самолета, 51 конный ворот[69]. К.Г.Кузаков совершенно необоснованно писал, что в 1931 г. у рыбтреста имелось 74, а в 1932 г. — 111 единиц моторного флота[70].

«По данным экспедиций североустроительной партии, производительность ловцов из местного населения, работающих на песках треста, значительно выше производительности гословцов. Например, вылов местного рыбака в Надымском районе в 1934 г. составил 3,5 тонны, тогда как рабочий дал 1,8. Из отчета треста за 1934 г. видно, что гословцы свою программу выполнили на 71,2%, в то время как местные — на 164,8%. Выловленный гословцами центнер обошелся в 1933 г. в 115 руб. 39 коп., в 1934 г. — 121 руб. 74 коп., а выловленный артелями — 59,95 и 68,14 соответственно»[71].

Таким образом, спецпереселенцы на рыбопромыслах в первые годы ссылки составляли основную часть трудовых ресурсов, обслуживающих отрасль.

Большая часть ссыльных предназначалась к использованию на лесозаготовках. В распоряжение Уралобьлестреста было направлено в Остяко-Вогульский округ 2 249 семей спецпереселенцев, или 10 084 человека. Из них взрослых мужчин — 3 099, женщин — 3 200[72]. За лесопромышленными хозяйствами округа был закреплен 21 спецпоселок.

На территории округа образовались мелкие лесозаготовительные участки: Погорельский, Черемховский, Урманный, Песчаный, Озерный и другие. В 1931 г. на базе мелких лесоучастков были организованы Самаровский и Сургутский леспромхозы. В Самаровском ЛПХ было 9 спецпоселков, в которых проживало 4 970 спецпереселенцев, в Сургутском ЛПХ было также 9 поселков с населением 3 718 человек, в Березовском ЛПХ было 3 поселка с населением 1 396 человек[73].

---

[68] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 17.
[69] Там же. Л. 25.
[70] Национальные округа Севера СССР. М., 1964. С. 27.
[71] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 22—23.
[72] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 217. Л. 7.
[73] Там же. Д. 214. Л. 7.

Производительность труда была низкой не только из-за неквалифицированности спецпереселенцев и отсутствия механизмов, но и из-за ужасных условий, в которых жили рабочие на лесозаготовительных участках. Бараки, в которых их расселяли, не имели ни печей, ни умывальников. Спать приходилось прямо в верхней одежде. Плохо было налажено снабжение продуктами, рабочие голодали. Не обеспечивались они зимней одеждой и обувью. В условиях сибирской зимы, тяжелой работы в лесу это было первой необходимостью. «Из-за недостатка зимней одежды и обуви, а в особенности валенок, фуфаек, брюк и рукавиц, рабочие лесозаготовок в зимний период не могут быть использованы процентов на 25—30 совершенно, отчего неизбежны вынужденные простои и прогулы»[74]. Несмотря на трудности и лишения, некоторые лесоучастки выполняли и даже перевыполняли производственные планы. «В зиму 1932 г. лесозаготовительные пункты досрочно выполнили задания по лесозаготовкам: Нялинский, Добринский и Урманный. Нялинский производственный участок, где все работы были выполнены спецпереселенцами, за выполнение задания от Самаровского ЛПХ получил переходящее знамя за достижение высокой производительности труда»[75]. В первые два года ссылки спецпереселенцы заготовили различной древесины 27 418 тыс. фестметров.

Таблица 25

Лесозаготовки на Обь-Иртышском Севере в 1931—1932 гг. (в тыс. фестметров)[76]

	1931	1932
Деловая древесина	17 986	11 858
Дрова	15 223	12 195
Всего	33 209	24 053

В строительстве производственных, жилых, социально-культурных объектов роль спецпереселенцев была определяющей. Первую партию ссыльных крестьян весной 1930 г. бросили на возведение Самаровского рыбоконсервного комбината.

[74] ГАХМАО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
[75] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 50. Л. 55.
[76] Уральское хозяйство в цифрах. 1931—1932 гг. Свердловск, 1933. С. 92.

Строили из кирпича разобранной церкви, который скоро закончился, потому пришлось организовать кирпичный завод. Одновременно, не без усилий Якова Рознина, председателя окрисполкома, было разрешено строить жилье спецпереселенцам тут же рядом, в густом лесном массиве.

Спецпереселенцы построили не только рыбоконсервный комбинат. Все строительные работы в округе осуществлялись их силами. Переселенцами строились и обустраивались спецпоселки. Более 150 поселков возникло на территории округа. В них возводились жилые дома, общественные и административные здания. Например, в 22 поселках Уралгосрыбтреста за 1930—1931 гг. было построено 968 жилых 4-квартирных домов, одна школа-семилетка, 14 фельдшерских пунктов, 22 ларька, 4 бани[77].

Самой большой стройкой Остяко-Вогульского округа в 1930-е гг. был Остяко-Вогульск — окружной центр. На строительство окружного центра спецпереселенцев направляли из разных спецпоселков и хозорганизаций. Эта записка была адресована Самаровскому стройучастку рыбтреста: «Предлагаю вам к 3 часам дня сегодня выделить из колонистов, переданных вам учлеспромхозом: пильщиков 2 человека, плотников 2 человека, в связи с постройкой нового города»[78]. В 1934 г. на строительстве Остяко-Вогульска работало 153 семьи спецпереселенцев, из них взрослых мужчин — 373 человека, женщин — 216 человек[79]. В жилые дома, которые строили спецпереселенцы, их не поселяли. Им отвели специальный район, где они могли строить себе жилье. Этот район-поселок для строителей был назван Перековка. В 1934 г. здесь было 75 одноквартирных, 27 двухквартирных домов. Сегодня от тех первых домов почти ничего не осталось, снесли и потемневшее от времени здание комендатуры[80]. Кроме жилых домов, здесь находились комендатура, магазин, школа, клуб для спецпереселенцев. 10 декабря 1934 г. в поселке насчитывалось 74 семьи, 374 человека.

Кустарная промышленность в Тобольском округе к концу первой пятилетки была представлена незначительным числом

---

[77] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 23. Л. 80.
[78] ГАХМАО. Ф. 45. Оп. 2. Д. 7. Л. 10.
[79] ТОЦДНИ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 214. Л. 7.
[80] Патранова В. Аура Перековки // Новости Югры. 2001. 30 октября.

мелких предприятий при различных организациях. Наиболее успешной была деятельность тех мастерских, которые находились в ведении Интегралсоюза. Неуставные промысловые артели были созданы практически во всех спецпоселках леспромхозов и Рыбтреста. В них преимущественно работали подростки, инвалиды, больные — те, кто не мог заниматься тяжелым физическим трудом. Неуставные промысловые артели Остяко-Вогульского округа производили кирпич, смолу, деготь, лодки, бочки, сани, телеги и др. Имелось несколько мастерских по производству мебели и предметов домашнего обихода. Продукция шла не только на нужды округа, но и в соседний Ямало-Ненецкий округ.

Кустарная промышленность в Остяко-Вогульском округе была представлена на 1932 г. различными предприятиями. Имелось четыре кирпичных завода (3 в Самаровском районе и 1 в Березовском). Недалеко от устья Оби и Иртыша стоит и ныне поселок Кирпичный, начало которому было положено в 1930 г., когда первые ссыльные начали строительство сараев под будущий кирпичный завод. Производительность всех вместе кирпичных предприятий была небольшой и составляла 2 900 тыс. штук кирпича в год. Работало 333 человека.

Функционировали смолодегтярные установки, число которых достигло 20, на них работали более 100 человек. Бондарно-кадочное и клепочное производство было представлено 15 мастерскими, в которых работало 176 рабочих. Изготовлено 54,3 тыс. бочек и 2,2 тыс. кадок. Столярных мастерских имелось 8, количество рабочих — 96 человек. Произведено мебельной продукции на сумму 60 тыс. руб. В Кондинском районе, например, кустарные промыслы в 1934 г. дали продукции на сумму 153 тыс. руб. Вырабатывались: смола, скипидар, деготь, древесный уголь, бондарные изделия, лыко-мочальная продукция, кирпич[81].

В 1933 г. в округе насчитывалось 46 крупных промартелей с числом рабочих 328 человек, число мелких артелей не было учтено. Изделия кустарного производства, выполненные спецпереселенцами, выделялись отличным качеством, что не осталось не замеченным даже партийными органами: «Имеются люди, умеющие и желающие их производить,— отмечалось в доклад-

[81] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 17; Ханты-Манчи-Шоп. 1935. 5 апреля. Новости Югры. 2002. 6 июля.

ной записке Омского обкома ВКП (б) в январе 1936 г. — Качество изделий, в частности, производимых неуставными артелями трудпоселенцев, очень высокое. Но производство их остается в большей части незначительное, т.к. ведется в порядке индивидуальных заказов... Организованного сбыта нет»[82].

Много талантливых людей встречалось среди ссыльных. В Тобольский округ в 1930 г. из Богородского р-на Молотовской области была выслана семья Жарковых (33 человека). Позднее К.П.Жарков о годах, проведенных в ссылке, вспоминал: «Отец наш был хороший мастер по дереву, мог любую вещь из дерева сделать. Когда в Октябрьском организовались артели, отец с сыновьями стал изготовлять мебель. Стулья, столы для исполкома, горкома партии, даже для музея специально сделал два стула. Это ремесло и спасло нашу семью в дальнейшем»[83]. Земляки восхищались золотыми руками братьев Жарковых, которые и мельницу могли починить, и машину наладить. Жители Нового Покура помнят М.А.Кудряшова, который построил в поселке ветряную мельницу. Он же сделал конную терку для перемолки картофеля, который перемалывали, сушили и получали крахмал.

Изучая архивные источники, опубликованные исследования, анализируя динамику хозяйственного развития края в начале 1930-х гг., можно сделать вывод: спецпереселенцы представляли основную производительную силу, благодаря которой на Севере Западной Сибири возникли новые отрасли экономики. Началось развитие сельского хозяйства, кустарных промыслов, лесоразработок, рыбоперерабатывающей промышленности, строительства.

3.2. Коллективизация, колхозное и совхозное производство

Советский северовед Л.Е.Киселев считал, что коллективизация на Севере прошла три периода:

1. 1929—1934 гг. — создание простейших производственных товариществ и объединений;

2. 1935—1938 гг. — организационно-хозяйственное укрепление ПТТ;

---

[82] Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: *социоэтнический аспект* // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 242—243.

[83] Цит. по: Тобольская правда. 1991. 11 ноября; Варта. 1992. 4 апреля.

3. 1939—1941 гг. — постепенный перевод ПТТ на устав сельскохозяйственной и рыбацкой артели[84].

Л.Е.Киселев сделал акцент на более продолжительном отрезке времени, в рамках которого осуществлялось создание коллективов на Севере, по сравнению со сроками коллективизации в СССР, а также указал на создание специфических форм коллективных хозяйств — простейших производственных товариществ.

Исследование проблемы выявило не только очевидные этапы в коллективизации, но и позволило выделить специфические особенности каждого из них по двум национальным округам с учетом своеобразных черт в проведении коллективизации у разных групп населения: оседлых, полуоседлых и кочевых.

3.2.1. Планы и темпы коллективизации. Формы создания коллективов

С осени 1929 г. местные власти взяли курс на форсирование коллективизации. На 1 октября 1929 г. в южной части Тобольского округа было коллективизировано 2% хозяйств. Намечалось в течение 1930 г. охватить коллективизацией 23% индивидуальных хозяйств. Однако в декабре 1929 г. Уральский обком ВКП (б) пересмотрел планы коллективизации и счел возможным вовлечь в колхозы Тобольского округа не менее 66,3% хозяйств[85]. В первой половине 1930 г. Тобольскими окружными организациями несколько раз рассматривался вопрос о коллективизации на Севере. В Постановлении № 74 от 1 января 1930 г. Тобольского Комитета Севера указывалось: «При проработке плана коллективизации Тобольского Севера взять установку на сплошную коллективизацию бедняцко-середняцких хозяйств с охватом в наиболее доступных районах Дальнего Севера и кочевых оленеводов»[86].

В протоколе пленума Тобольского окружкома ВКП (б) от 5 января 1930 г. по вопросу коллективизации на Севере прослеживалось требование к решительным действиям «против туземного кулака, ликвидации его как класса». Пленум признал, что населе-

---

[84] Киселев Л.Е. КПСС — организатор... С. 314.

[85] Загороднюк Н. Деревня в «год великого перелома» // Югра. 1997. № 11. С. 24.

[86] Базаров А. Ненцы всех стойбищ, соединяйтесь! // Югра. 2000. № 12. С. 48.

ние Севера так же, как и на юге, готово к коллективным формам ведения хозяйства[87].

В материалах заседания бюро Тобольского окружкома ВКП (б) (протокол № 102 от 6 апреля 1931 г.) подчеркивалось, что «коллективизация среди кочевого и полукочевого туземного населения должна проводиться при непременном условии наличия вполне окрепших тузсоветов, тузрикомов»[88]. Таким образом, партийным руководством округа делалась одна существенная оговорка — для коллективизации необходимо было наличие дееспособной советской власти в лице туземных советов. План коллективизации для северных районов был разработан и представлен Тобольским окружным земельным управлением.

Таблица 26

План по коллективизации на Тобольском Севере на 1930—1931 гг. (в %)[89]

Район	План охвата колхозами хозяйств северных районов на 1930—1931 гг.
Самаровский	86
Сургутский	44
Кондинский	53
Березовский	94
Обдорский	36

Представленный план носил волюнтаристский характер и совершенно не учитывал особенностей населения и хозяйства Севера. В объяснительной записке к плану рекомендовались типы (формы) колхозов: товарищество, артель, коммуна. Указывалось на необходимость заброски работников для организации колхозов, поэтому решили, что 29 человек будет достаточно. Там же для работы в качестве председателей и секретарей предлагалось иметь резерв в 149 человек[90]. Однако, откуда планировалось взять резерв и за счет кого его создавать, умалчивалось.

---

[87] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 675. Л. 1, 16.
[88] Там же. Д. 790. Л. 20.
[89] Там же. Л. 294.
[90] Там же. Л. 344.

Первые артели создавались в Самаровском и Кондинском районах, как наиболее южных, где основная масса населения жила оседло, разводила скот и выращивала овощи. В 1930 г. в деревне Старый Катыш на реке Конде организовалась рыболовецкая артель под председательством Сидора Даниловича Пьянкова — малограмотного, но опытного и смышленого в хозяйственных делах человека. Артель занималась неводным промыслом несколько месяцев в году — с того момента, как после ледохода река входила в берега, и до того, как появлялась шуга. За одну тонь добывали примерно 50 кг рыбы: сорожняк, язь, щука, окунь[91]. В мансийском селении Учинья Кондинского района была образована сельскохозяйственная артель «Красный путь». Тогда же прошло раскулачивание. У самых домовитых мужиков описали имущество и передали в колхоз[92]. В 1930 г. были созданы первые 5 рыболовецких артелей в Ларьякском туземном районе[93]. В письме в Томский окружком ВКП (б) от 30 ноября 1930 г. секретарь Александровского РК ВКП (б) отмечал, что в районе в декабре планируется проведение недели коллективизации. Перед райкомом стояла задача: провести самоочищение созданных артелей от чуждого элемента[94].

10 ноября 1930 г. на заседании бюро Тобольского окружкома вновь в центре внимания стоял вопрос о коллективизации на Севере, по которому было отмечено, что «вопрос коллективизации Севера за последнее время лишь начинает принимать форму движения. Вопросу коллективизации до сего времени не уделялось такого внимания, которое нужно было уделять. Перспективы коллективизации все налицо. Рыбацкие артели, групповая охота на зверя и т.п., имели и имеют форму бытового объединения, но эта форма не соответствует социалистическим формам организации труда... Характер северного хозяйства и самый быт туземцев предопределяют формирование коллективизации на Севере»[95].

В принятой резолюции «О новых задачах советов в связи с широко развертывающейся коллективизацией» отмечалось:

---

[91] Неводьба на Конде // Югра. 1993. № 4. С. 19.
[92] Северская Т. Две истории, одна судьба // Новости Югры. 2001. 18 октября.
[93] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 12.
[94] Там же. Л. 9.
[95] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 346. Л. 9.

«Широко развертывающаяся сплошная и массовая коллективизация крестьянских хозяйств, решительная политика ликвидации кулачества как класса, сопровождающаяся ожесточенной массовой борьбой, обязывает исполкомы и советы принять меры к быстрейшей перестройке работы советов и исполкомов округа...»[96]. При создании колхозов одновременно шло раскулачивание, но здесь, на Севере, оно не приобрело такого размаха, как в целом по стране. Подверглись раскулачиванию в большей мере жители Кондинского и Самаровского районов.

В Самаровском районе в 1930 г. в соответствии с отчетом райисполкома числилось 136 кулацких хозяйств, в 1931 г. — 121 (15 хозяйств были переданы в другую категорию). На 6 съезде советов Самаровского района 21 января 1931 г. отмечалось, что выселено 40 крестьянских хозяйств. Циркуляром Самаровского райисполкома от 26 декабря 1930 г. и 11 января 1931 г. предписывалось сельским советам изъятые при раскулачивании ценные вещи присылать в район. К предметам роскоши были отнесены: швейные машины, граммофоны, зеркала, стулья, диваны, шкафы, столы, сепараторы, железные кровати, часы, ковры, барометры, гармони[97].

Коллективизация активно развернулась на Обь-Иртышском Севере с 1932 г. В постановлении 2-го пленума Остяко-Вогульского окрисполкома отмечалось, что «...вопросы колхозного строительства стали получать внимание только с организации округа, до этого не было внимания...»[98]. В Ямало-Ненецком округе процесс создания колхозов развернулся позднее.

26 июня 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О работе в национальных районах Крайнего Севера», в котором ЦК партии вскрывал причины искривления партийной линии в политическом, хозяйственном строительстве среди северных народов. В документе указывалось, что местные организации не создали элементарных предпосылок для коллективизации, не учли специфических особенностей и механически перенесли формы колхозного движения южных областей на Крайний Север.

---

[96] Там же. Д. 347. Л. 29.

[97] Набокова Л. «Я причислен к классу кулаков» // Новости Югры. 2001. 20 октября.

[98] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 34.

1 сентября 1932 г. появилось постановление «О формах коллективизации в районах народов Крайнего Севера». Здесь говорилось о недопустимости проведения сплошной коллективизации в сжатые сроки у коренных народов Севера, для них допускались лишь первичные формы производственного кооперирования[99]. Уровень коллективизации на Севере был тогда самым низким по стране — 15,2%[100].

17 декабря 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О рыболовецких колхозах», которое должно было стимулировать процесс коллективизации у рыбаков Севера. Пакет постановлений 1932 г. призван был устранить ошибки в коллективизации народов Севера и рекомендовал партийным комитетам сосредоточить внимание на организации простейших форм кооперирования. Организация артелей разрешалась только в районах с высоким хозяйственным и политическим уровнем. Во всех других районах артели предлагалось перевести на устав простейших производственных объединений. Организация коммун была категорически запрещена. В отношении зажиточной части населения подтверждалась политика ограничения и вытеснения.

Первый Ямальский окружной съезд советов принял план коллективизации на 1932 г. В нем указывалось, что процент охвата тундровиков колхозами должен составить 12,4. К концу 1932 г. были организованы первые коллективы, охватившие 9% хозяйств. В 12 колхозах имелось 12 770 оленей, из которых 22% были обобществленными, а остальные получены колхозами за счет долгосрочных ссуд. Бедняки в колхозах составлялли 74,5%, батраки — 12,7%, середняки — 7,6%[101].

Необходимость разъяснительной работы среди оленеводов по агитации их к вступлению в колхозы была очевидна. Как правило, собирали на стойбище несколько семей и через переводчика объясняли задачи текущего момента. Туземцы задавали много вопросов. Протоколы подобных собраний свидетельствуют о том, насколько мудро н просто туземцы контраргументировали тезисы

---

[99] Кантор Е. Север зовет // Революция и национальности. 1932. № 10—11. С. 35.

[100] Никитин Д.Н. Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930—1937 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 237.

[101] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 28—32.

власти. Резолюции таких собраний носили одобрительный характер мероприятий советской власти. Например, собрание, состоявшееся 21 июля 1932 г. в местности Сабетто-Ягаторка Ямало-Ненецкого округа, постановило, несмотря на дискуссию, одобрить взятую линию партии и советской власти в деле переустройства хозяйства Севера[102].

Коллективизация в округе тормозилась. Основные проблемы колхозного строительства, по мнению Ямальского окружкома, сводились к следующему: недостаточность мероприятий, направленных на организационно-хозяйственное укрепление существующих колхозов; слабое проведение разъяснительно-массовой работы среди тундровой бедноты и середнячества; недостаточное ветеринарно-зоотехническое обслуживание колхозных стад; сильная кулацко-шаманская агитация против колхозов; отсутствие работы по колхозному строительству в двух районах (Таз, Ямал) из-за слабой освоенности[103]. В ходе коллективизации предпринималась одновременно попытка по созданию оленеводческих и овоще-животноводческих совхозов. Первым был организован Саранпаульский оленеводческий совхоз в 1931 г.[104] В.Е.Иваненко в числе первых называет Надымский и Катуписанский совхозы (1931 г.)[105]. В Остяко-Вогульском округе в Березовском районе организовался оленеводческий совхоз с поголовьем 8 629 оленей[106].

В.А.Зибарев считал, что в 1933—1935 гг. перегибы в колхозном строительстве были устранены, и основной формой коллективных хозяйств у тундровых оленеводов стали простейшие производственные объединения[107]. ППО — специфическая форма коллективов, рекомендованная Центром и подхваченная организаторами нового порядка на Севере, проявилась только здесь. Она была необходима для того, чтобы показать властям, что коллективизация на Севере идет, но приобрела специфическую форму,

---

[102] Судьбы народов... С. 196—197.
[103] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.
[104] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 153.
[105] Животноводство Ямало-Ненецкого округа // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 187.
[106] Здоровяк С.М. К вопросу о животноводстве на Обском Севере // Омская область. 1937. № 7. С. 43.
[107] Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 78.

которая вполне соответствует особенностям хозяйства коренного населения. В.А.Зибарев подчеркивал: «В простейших производственных объединениях обобществление средств производства не проводилось. Промысловые орудия складывались лишь на время промысла. Олени объединялись для совместного выпаса, остальные члены ППО занимались рыболовством и охотой»[108]. На деле все обстояло как обычно, оленеводы вели свой традиционный образ жизни. ППО создавались в течение зимних месяцев там, где сосредотачивалось несколько стойбищ, а весной оленеводы начинали движение в тундру и никакого дела им до колхозов не было. Наблюдалось чисто формальное создание коллективов («колхозы на бумаге»), поэтому в 1932 г. колхозное строительство на Ямале в 1932 г. еще не приобрело размаха[109].

27 марта 1933 г. состоялся 4 пленум Остяко-Вогульского окружкома, где по оценке Уралобкома работа по коллективизации была признана неудовлетворительной. Сравним темпы коллективизации в обоих округах в 1930-е гг. (однако стоит оговорить, что в различных источниках данные по темпам коллективизации часто расходятся):

Таблица 27

Темпы коллективизации в Ямало-Ненецком и Остяко-Вогульском округах в 1932—1940 гг. (в %)[110]

Округ	1932	1933	1934	1935	1936	1937*	1938	1939	1940
Ямало-Ненецкий	10,9	14,5	18	23	33	46.7	59,5	72,2	94
Остяко-Вогульский	41	47,2	49,2	42,5	58,3	74.5	81.4	82.5	98,8

* В.А.Зибарев приводил меньший процент коллективизации в Ямальском округе в 1937 г. (35%). См.: Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 80.

---

[108] Там же. С. 79.

[109] Там же

[110] Составлена по: Ретунскии В.Ф. Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири (1917—1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1967. С. 315; Омская область. 1937. № 6. С. 44; ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 56; ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 11; Киселев Л.Е. КПСС — организатор... С. 331.

В первой половине 1930-х гг. Ямало-Ненецкий округ по темпам коллективизации значительно отставал от Остяко-Вогульского. Во второй половине 1930-х гг. темпы коллективизации в Ямальском округе существенно возросли, что было связано с политическими событиями. Нельзя не признать, что коллективизация на Крайнем Севере шла с большим опозданием по сравнению с общими планами коллективизации страны[111]. Особую обеспокоенность вызывала затянувшаяся коллективизация оленеводов.

М.Е.Бударин утверждал, что 1935—1936 гг. были временем массового объединения в колхозы[112]. В.Ф.Ретунский считал, что перелом в северной коллективизации наступил в 1938 г. Тогда же начался перевод товариществ на устав сельскохозяйственных и рыбацких артелей[113]. Однако ни один из исследователей-североведов советского времени не сделал акцент на том, что в конце 1930-х гг. оленеводы Ямала оставались вне колхозов.

В статье В.Новицкого, посвященной оленеводству, приводилось мнение А.Е.Скачко о коллективизации оленеводов: «...поспешно и неумело проведенная «сплошная» коллективизация может в корне разорить это хозяйство (разрушив оленеводство) и обратить всех туземцев в иждивенцев государства. В настоящий момент на Севере можно и должно проводить коллективизацию, но отнюдь нельзя ставить задачу немедленной сплошной коллективизации»[114]. Там же подчеркивалось, что самым больным вопросом оленеводства является обеспечение в достаточном количестве кадрами специалистов-организаторов хозяйства, зоотехников, ветеринаров. На первом этапе коллективизации вопрос о производстве и его проблемах практически не ставился, так как задача состояла в обобществлении стад. По наивности руководство полагало, что это удастся сделать так же быстро, как и в сельскохозяйственных районах страны.

---

[111] Например, в Ямальском и Приуральском районах первые колхозы появились лишь в 1934 г. См.: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 10.

[112] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 137.

[113] Никитин Д.Н. Журнал «Революция... С. 238.

[114] Цит. по: Новицкий В. На путях социально-технической реконструкции оленеводства Уральского Севера // На социалистической стройке. 1931. № 5—6. С. 9.

Особенностью коллективизации в Ямало-Ненецком округе являлось создание колхозов преимущественно у рыбацкой части населения и у бедных оленеводов. Артели и товарищества были созданы в прибрежных районах Оби, где оленеводство развито слабо (по переписи 1926 г. было учтено 45 тыс. голов) и где низовые органы советской власти были более или менее укреплены (рики, нацсоветы). В районах по преимуществу оленеводческих, где артелей и товариществ не было, нацсоветы были или очень слабы (Гыдоямский, Тамбейский), или вовсе отсутствовали (Нсйтинский, Теутейский), поэтому колхозы там создать не удалось[115].

По вопросу колхозного строительства в северных национальных округах в 1939 г. Омским обкомом ВКП (б) ставилась задача перевода ППО в северо-смешанные артели (или товарищества — ССТ; ССПО — северо-смешанные производственные объединения) и создание собственной продовольственной базы в течение 2—3 лет[116].

Рассмотрим численность колхозов и охват ими индивидуальных хозяйств отдельно по каждому из округов:

Таблица 28

Коллективизация в Остяко-Вогульском округе (1932—1939 гг.)[117]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Всего колхозов	132	140	152	234	269	297	291	341
В них хозяйств	3 435	4 231	4 686	4 789	6 055	7 132	6 985	10 539

Число колхозов в 1932—1934 гг. росло очень медленно. Резкое увеличение произошло в 1934—1935 гг. Число хозяйств, вошедших в колхозы, удвоилось, по сравнению с 1932 г., только в 1937 г. и оставалось почти без изменений в течение двух после-

[115] Об этом более подробно см.: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 105—117.

[116] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796. Л. 19—20.

[117] Составлена по: ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 11; Д. 32. Л. 33; Д. 4. Л. 11.

дующих лет. В 1939 г. число хозяйств увеличилось на треть. Какие формы колхозов были характерны для Остяко-Вогульского округа, показывает следующая таблица.

Таблица 29

Формы колхозов в Остяко-Вогульском округе в 1932, 1939 гг.[118]

	На 1 сентября 1932 г.	На 1 января 1939 г.
Сельхозартели	—	82
Северные смешанные производственные объединения	100	63
Рыбартели	42	57
Простейшие производственные объединения	8	139
Всего	155	341

В начале коллективизации преобладали простейшие производственные объединения (ППО) и рыбацкие артели, а на этапе завершения — ППО, северные смешанные производственные объединения и сельхозартели. Таким образом, преобладающей формой колхозов оставались простейшие производственные товарищества.

Колхозы округа обслуживались (план, учет, руководство, заготовки и т.д.) двумя организациями: рыбакколхозсоюзом (в 1938 г. обслуживал 118 коллективных хозяйств) и окружным земельным управлением (в 1938 г. обслуживало 231 колхоз)[119]. На 1 января 1940 г. в Остяко-Вогульском округе было коллективизировано 11 746 хозяйств, процент коллективизации составил 93,8. Всего было 347 колхозов. Из них: сельхозартелей — 151, рыбацких артелей — 134, ППО — 62[120].

Коллективизация в Ямало-Ненецком округе в 1930-е гг. представлена также по двум параметрам: число колхозов и в них хозяйств.

---

[118] Составлена по: ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 31.

[119] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 14—14 об.

[120] Там же.

Таблица 30

Коллективизация в Ямало-Ненецком округе (1931—1939 гг.)[121]

	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939*
Колхозов	5	12	14	18	24	49	58	112	122
В них хозяйств	154	св. нет	309	485	706	1 023	1 139	2 680	3 249

*Число колхозов, установленное в 1939 г., значительно меньше, чем предлагает официальная статистика. Подсчитано по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 158—167.

Рост числа колхозов происходил очень медленно вплоть до 1936 г. Перелом наступил в 1938 г., когда число хозяйств, вошедших в колхозы, превысило вдвое показатели 1936—1937 гг. По данным комплексного обследования работы Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б), состоявшегося в августе 1940 г., количество колхозов на 1 сентября 1940 г. составляло 104. Из них: простейшие производственные товарищества — 51, рыбацкие артели — 36, сельхозартели — 13[122]. Преобладающей формой колхозов в Ямало-Ненецком округе, как и в Остяко-Вогульском, оставались простейшие производственные объединения.

Коллективизация в Ямало-Ненецком округе состоялась, но не завершилась в 1930-е гг. Большая часть населения Ямала оставалась вне колхозов, а там, где они были созданы, хозяйства носили форму ППО, что не означало обобществления средств производства. Производственная деятельность ямальских колхозов основывалась на традиционных занятиях населения: оленеводстве и рыбном промысле.

Коллективизация в северных районах Западной Сибири определялась политико-экономическими факторами государства, а не тузсмными традициями; прссслсдовала одну цель создание коллективных хозяйств и обобществление имущества; в ее ходе коренное и старожильческое население утрачивали права на землю, пользование угодьями и собственность. В этом последствия северной коллективизации были схожи с аналогичными процес-

[121] Составлена по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 56, ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 92, ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 9; Омская область. 1937. № 6. С. 44; Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории... С. 69.

[122] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2386. Л. 38.

сами в остальной части страны. Однако коллективизация на Севере имела существенные отличия:

— замедленные темпы коллективизации;
— завершение коллективизации в Остяко-Вогульском округе к началу Великой Отечественой войны, то есть на несколько лет позже, чем в целом по стране;
— вопреки официальной статистике коллективизация к началу войны не получила завершения в Ямало-Ненецком округе. В колхозы не было вовлечено все население края, тундровые ненцы оставались вне колхозов, объединены в колхозы были главным образом рыбаки и бедняки-оленеводы.
— большая часть колхозов имела форму простейших товариществ и объединяла население только для выполнения совместных работ, без обобществления собственности (в большей степени коснувшееся рыболовецких и сельскохозяйственных коллективов).

Интересы государства и населения края были столь различны, что причины особенностей развития Северо-Западной Сибири, по справедливому замечанию А.В.Головнева, следует искать не в ней самой, а за ее пределами — в общегосударственной политике[123].

3.2.2. Производственная деятельность колхозов и совхозов

Вопросы организации труда, управления, распределения нашли недостаточное отражение в отечественной историографии, поскольку историки большее внимание уделили проблемам колхозного строительства. Большинство североведов высказывалось за позитивное влияние коллективизации на производство. В.А.Зибарев указывал, что коллективизация сопровождалась рационализацией и технической реконструкцией промыслово-оленеводческого хозяйства. Имелись в виду единичные машинно-тракторные станции, организованные в Остяко-Вогульском округе (МТС), и моторно-промысловые станции, созданные в обоих округах (МПС).

О производственном состоянии первых колхозов говорилось на заседании бюро Тобольского окружкома ВКП (б) в конце

[123] Головнев А. В. Говорящие культуры... С. 88.

1930 г.: «...организованный колхоз по ловле рыбы, по окончании лова делит свою рыбу между членами колхоза, причем большая часть рыбы отдается большаку... В данных колхозах имеется ряд отрицательных сторон: низкая степень обобществления средств производства и незначительное накопление собственных средств; малое отличие колхозов от бытовых артелей; недостаточная организация труда, невовлечение в труд женщин, отсутствие правил внутреннего распорядка; низкая производительность труда; засоренность антисоветским элементом; неправильное распределение продукции; убыточность и закредитование отдельных колхозов»[124]

В первой половине 1930-х г. с началом коллективизации остро встала проблема землеустройства территорий создаваемых колхозов и совхозов. Землеустройство в сельскохозяйственных районах Уральской области к концу первой пятилетки не было полностью завершено. В Тобольском округе землеустройством в 1930 г. было всего охвачено 4,4% территории[125].

В 1932 г. в аппаратах национальных округов были сформированы земельно-промысловые отделы, на которые возлагалась работа по коллективизации и землеустройству[126]. Однако специалистов-землеустроителей были единицы, и они не могли охватить работами столь огромную территорию[127].

В начале 1930-х гг. центральными органами власти был принят ряд документов[128], касающихся проблем землеустройства на Севере. По постановлению ВЦИК от 10 сентября 1930 г. в первую очередь угодья предоставлялись колхозам и производственным кооперативным организациям, во вторую — бедняцким и

[124] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 346. Л. 9.

[125] Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. С. 46—47.

[126] ГАХМАО. Ф. 43. Предисловие к фонду.

[127] Там же. Оп. 1. Д. 199. Л. 20.

[128] Например, постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР», в котором были представлены общие положения, основания и порядок первоначального земельно-водного устройства и подчеркивалось, что документ «является сплошным и обязательным» для народов Крайнего Севера (Судьбы народов... С. 177—179).

середняцким хозяйствам и в третью — всем остальным хозяйствам. Раньше землеустроительные работы начались в Самаровском районе, о чем свидетельствуют раздельные записи[129].

Л.Е.Киселев писал, что с появлением «Положения о первичном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР» начались соответствующие работы, которые сводились к следующим моментам: изъятие земель у кулаков и шаманов; передача земель артелям, товариществам, беднякам; создание государственных земельных фондов. Историк считал, что работы по землеустройству были завершены к 1936 г[130], с чем согласиться нельзя.

Первичное земельно-водное устройство в Остяко-Вогульском округе началось в 1932 г. и включало в себя ознакомление с имеющимися угодьями с целью выявления фондов для колхозов и совхозов[131]. Государство отпускало на землеустройство северных округов мизерную сумму — 90 тыс. руб.[132]

9 июня 1932 г. Госземтрест принял постановление «О землеустройстве национальных районов», в котором главное внимание уделил необходимости усиления работ по проведению землеустройства, повышению их качества и усилению надзора[133]. Документы на проведение землеустройства в Самаровский, Березовский, Ларьякский районы были выданы в марте 1932 г., а в Шурышкарский, Кондинский и Сургутский — в августе 1933 г.[134]

Остяко-Вогульский окружной земельно-промысловый отдел в 1933 г. довел до районов главную задачу землеустройства: «...чтобы установленный при землеводоустройстве порядок пользования угодиями был действительно закреплен. Сельсоветам, рикам давать решительный отпор, вплоть до привлечения к уголовной ответственности кулацко-шаманской части населения за попытки вернуться к вотчинному порядку пользования угодиями». В документе разъяснялось: «Вслед за первоначальным земельно-водным устройством провести более углубленное устройство территории и тем самым уже закрепить проделанные

[129] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.
[130] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 149—150.
[131] ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 199. Л. 34.
[132] Там же. Д. 68. Л. 18.
[133] Там же. Л. 103.
[134] Там же. Д. 138. Л. 73.

работы. На углубленное устройство добиваться перед центральными организациями соответствующих кредитов при одновременном участии в этих работах средств населения. Кроме того, необходимо поставить вопрос перед центральными организациями об ассигнованиях необходимых средств (32 тыс. руб.) на издание карты округа, систематизацию материалов земельно-водного устройства и издание хозяйственно-экономического очерка округа»[135]

15 сентября 1932 г. Ямальский окрисполком принял постановление «О перераспределении земельно-водных промысловых угодий в районах». В документе подчеркивалось: «В ряде районов, особенно отдаленных и в частности Ямальском, Тазовском, до сих пор не было произведено переразделa земельно-водных угодий, песцовых мест, ягельников, рыболовных озер, и по сие время в этих районах землепользование производится на основе родового феодального права... В целях пресечения земельной эксплуатации бедноты и батрачества со стороны родофеодальной знати и скорейшей ликвидации родо-сословных взаимоотношений в тундре ... постановляет: в период октября—декабря во всех районах округа провести перераспределение тундровых земельно-водных угодий...»[136]

Работы по землеустройству в Ямальском округе частично были начаты в 1933 г. Проекты составили по 4 районам, но дальше этого дело не пошло. Между колхозами и предприятиями Рыбтреста возникали постоянные споры из-за угодий. Например, постоянным объектом спора являлись салмы (вид рыбоугодий) у селения Хэ между артелью «Промышленник» и гословцами. Во избежание широко распространенных конфликтов, «...окружные организации решили впредь до проведения землеводоустройства закрепить за населением временно часть рыбоугодий, которые ими осваиваются»[137]

27 июля 1934 г. Ямало-Ненецкий окрисполком принял постановление «О правилах производства рыбного промысла в водоемах Ямальского округа». Рыболовецкие колхозы и рыбаки-единоличники допускались к рыболовству по договорам, заклю-

---

[135] Там же. Л. 77.
[136] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 7.
[137] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 4.

ченным с председателем Интегрального кооператива, руководителями заготовительных организаций[138]. Данное постановление снимало ограничения на пользование рыболовными угодьями для единоличников и частных ловцов. Нерешенность вопроса о пользовании земельными и водными ресурсами в округе создавала неразбериху в отношениях между рыбтрестом, колхозами и аборигенами-частниками, что осложняло и без того непростую ситуацию в рыбном хозяйстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что землеводное устройство территории не было решено в первой половине 1930 х-гг. В докладной записке по Ямальскому округу (1940 г.) отмечено, что в 1933—1937 гг. было проведено первичное землеводоустройство[139]. В Остяко-Вогульском округе землеустройство также не было завершено. В 1939 г. Октябрьский райисполком в объяснительной записке к плану землеустроительных работ отмечал: «первичное землеводное устройство скорее стремилось к выявлению фондов, нежели к регулированию землепользования»[140]. Там же говорилось о спорах на земли, о необходимости распланировки центральных усадеб колхозов.

В докладной записке инспектора Управления землеустройства Омского ОБЛЗО Баженова (1940 г.) землеустройство в Ямало-Ненецком округе признано неудовлетворительным. «Сейчас на очереди стоят работы по предъявлению колхозам землеустроительных проектов, составленных Северо-Уральской экспедицией»,— отмечалось в документе[141]. Таким образом, землеустройство на Севере Западной Сибири к началу Великой Отечественной войны не было завершено.

Создание коллективных предприятий, в которых произошло обобществление средств производства или было сформировано общественное хозяйство (закуплен скот, инвентарь и т.д.), требовало наладить производственную деятельность. Организация производства руководителями области и округов была начата с внедрения плановой отчетности в хозяйствах. В 1931—1932 гг. Уралоблфинотдел провел большую работу по организации

---

[138] ТОЦДНИ Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 57—58.
[139] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 67.
[140] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.
[141] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23. Л. 64 об.

финансового хозяйства в колхозах, что диктовалось постановлением ЦК ВКП (б) от 21 августа 1931 г. «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов». Устанавливалась обязательная отчетность по декадам и вводились годовые отчеты. Облфинотдел снабдил бланками плановой и отчетной документации все колхозы Остяко-Вогульского округа, поставив, таким образом, под контроль их хозяйственную деятельность[142]. Финорганы должны были обеспечить полное получение с колхозов обязательных платежей: страховка, погашение производственных ссуд, выполнение плана мобилизации средств колхозников. Тогда же в районах были сформированы финансовые отделы, которые ведали производственно-финансовыми планами и отчетами колхозов[143].

В 1932 г. система интегральной кооперации начала кампанию по составлению производственных планов в колхозах Крайнего Севера. Однако ей не удалось осуществить повсеместное внедрение планирования: «В прошлом году составление производственных планов в большинстве северных колхозов прошло неудовлетворительно. Основными дефектами являются: недопустимое запоздание в составлении планов — в апреле месяце, а в некоторых случаях даже в мае и недостаточно активное участие самих колхозных масс, что приводило к кабинетному планированию и вело к тому, что колхозное производство протекало независимо от плана»[144]. В 1933 г. Интеграл продолжил работу по введению единых форм производственных планов, для чего в колхозы были отправлены «Краткие инструктивные указания к производственно-финансовому плану колхоза», в которых предлагалось в форме таблицы составить план производственной деятельности колхоза. План необходимо было составить на календарный год с 1 января 1933 г. по 1 января 1934 г. Перед началом составления плана колхозы получали от Интегралсоюза контрольные задания по основным отраслям общественного хозяйства: по увеличению поголовья и продуктивности скота, улову рыбы, расширению посевов, урожайности, кустарным промыслам и т.д. Задания подле-

[142] Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф. 7. Оп. 3. Д. 3. Л. 60—61.
[143] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 100. Л. 3—31.
[144] Там же. Л. 35.

жали обсуждению на производственных и общих собраниях, уточнялись и составляли основу производственно-финансового плана. Планы обсуждались на заседании правления и принимались общим собранием колхозников[145]. Стоит заметить, что при изучении многочисленных документов не удалось обнаружить ни одного протокола производственного или общего собрания колхозников, где бы обсуждался план по контрольным заданиям интегральной кооперации.

В 1933 г. началась реорганизация рыбацко-колхозной системы, выразившаяся в упразднении «Уралрыбакколхозсоюза» и создании межрайонных союзов, которые должны были организовать снабжение и работу рыболовецких колхозов. В округах были созданы рыбакколхозсоюзы в рамках Наркомзема, которые регулировали деятельность рыболовецких колхозов. В их обязанности входило руководство и снабжение орудиями лова, рассмотрение и утверждение производственно-финансовых планов и отчетов, учет работы. Окружной рыбакколхозсоюз имел достаточно разветвленную структуру, включавшую несколько отделов: общий, производственно-распорядительный, финансово-отчетный, планово-экономический, снабженческий[146].

Таким образом, в 1933 г. существовало несколько видов отчетности в колхозах национальных округов Западной Сибири (по линии финансового отдела, интегральной кооперации, рыбакколхозсоюза), которые, по мнению руководства, должны были нормализовать производство в колхозах и поставить его на плановую основу.

Среди колхозов, обладавших обобществленными средствами производства, были рыболовецкие. В 1931—1932 гг. на Обь-Иртышском Севере шел процесс создания рыбоучастков в колхозах и рыбозаводов, которые вели приемку рыбы у колхозников[147]. Отчетная документация представлена довольно полно по рыбозаводам Остяко-Вогульского округа за период с 1931 по 1934 гг.[148]

---

[145] Там же. Л. 36 об.
[146] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 140.
[147] ГАХМАО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 8.
[148] Там же. Д. 9—10.

Так, в те годы в округе было создано 6 рыбозаводов и 13 рыбоучастков[149].

Рыболовецких колхозов в Ямало-Ненецком округе в начале 1930-х гг. почти не было. Лов рыбы и закупку ее у населения осуществляли две хозяйственные организации: Обьтрест и Интегралкооперация. В Ямало-Ненецком округе рыбозаводы для приемки рыбы стали создаваться несколько позже — в 1933—1934 гг. В середине 1930-х гг. в округе имелось всего четыре рыбозавода: Ново-Портовский, Пуйковский, Ныдинский и Аксарковский[150]. В 1939 г. в Ямало-Ненецком округе работало 7 рыбозаводов, которые вели приемку рыбы у 76 колхозов[151]. Производственные планы рыболовецких колхозов прослеживаются с 1938—1939 гг. Планы уловов предусматривали, в каком месяце, какой вид рыбы и сколько нужно выловить[152]. Нередко вводились дополнительные планы по добыче рыбы[153]. Колхозы Ямало-Ненецкого округа в 1938—1939 гг. добывали 40% всей рыбы в округе. Остальные 60% приходились на долю государственных предприятий и единоличников[154]. Вопрос с угодьями окончательно решен не был. «Рыбоугодия до сих пор за колхозами не закреплены»[155].

В 1933—34 гг. в колхозах начался повсеместно перевод колхозников на бригадную организацию труда. Бригадная форма труда как основное звено в организации труда в колхозах была закреплена в постановлении ЦК ВКП (б) «Об очередных мероприятиях по административно-хозяйственному укреплению

[149] Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 12. В 1933 г. в Остяко-Вогульском округе стали возникать рыбацкие колхозы у коренного населения. Например, возникла артель у хантов Больше-Тарховского туземного совета, в нее вошли юрты Соромнские, Пылинские, Кирилкины. Председателем стал Григорий Степанович Натускин. В конце года из артели вышли Сорокинские и Пылинские юртовые хозяйства, обозначив себя как индивидуальные. В 1934 г. на базе Больше-Тарховской артели был создан колхоз им. Микояна, председателем стал А.Сигильетов. См.: Галкина К. Журавлиные юрты // Югра. 2000. № 4. С. 48.

[150] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 2—5.

[151] Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 154, 156—167.

[152] Там же. Д. 22. Л. 205—211.

[153] Там же. Л. 214.

[154] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 98; ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 36. Л. 45.

[155] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 10.

колхозов» (4 февраля 1932 г.)[156]. Как правило, создаваемые бригады были двух типов: специализированные и комбинированные. «Работа в колхозах бригадная. Всего трудится в колхозах 7 634 человека. В органах управления колхозов — 990 человек. Ударных бригад — 90, в них 433 человека. Участвуют в соревновании 70 человек. Сдельщина введена на 70,5% от общего числа колхозов»[157],— указывалось в документах интегралкооперации. Там же сообщалось о состоянии и организации труда в колхозах Ямало-Ненецкого округа: «Вопросами организационно-хозяйственного укрепления артелей и товариществ окружные организации и районные не занимаются. Артели и колхозы предоставлены сами себе. Их опыт не изучается и не обобщается. Не известен состав хозяйств по классовому принципу. Никто не знает, сколько кулаков, бедняков, середняков»[158].

Бригада Омского обкома ВКП (б), совершившая обследование хозяйства северных округов, констатировала: «О крайней слабости организации труда в товариществах и отсутствии руководства ими можно судить по таким фактам: 5 хозяйств товарищества «Промышленник» своих оленей сдают на выпас не в стадо товарищества, а единоличникам, оплачивая по рублю с головы; в товариществе им. Куйбышева пастуху оплата производится членами товарищества натурой — 4 пуда рыбы или пуд рыбьего жира, независимо от количества голов в стаде. Никакой ответственности пастухов перед членами товарищества не установлено»[159].

Условия труда были очень тяжелые во всех колхозах и совхозах: сельскохозяйственных, рыболовецких, оленеводческих. В общественном животноводстве работали в основном женщины. В числе передовиков в конце 1930-х гг. значились: Мария Ивановна Терентьева, Лукерья Васильевна Логинова (колхоз «Красный Октябрь»); Анна Алексеевна Витязева (колхоз «Памяти Чапаева»). Труд животноводов не из легких, а в те годы и в тех условиях был каторжным. Представление о тяготах труда телятницы можно получить, познакомившись с описанием условий труда и трудовыми обязанностями Прасковьи Фоминичны Карнауховой

---

[156] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 314—343.

[157] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 32—34.

[158] Там же. Л. 7—8.

[159] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 6.

(Салехардский совхоз): «Ферма не имеет специального помещения для содержания телят. Полы и стенки клеток моет через один день, протирает тряпкой. Температура у пола — 10—12 градусов. Ежедневно меняет подстилку, чистит телят щетками, подмывает загрязненные места теплой водой. Посуду моет. На каждого рожденного теленка составляет акт по форме. Распорядок дня с 5 часов утра до 9 часов вечера»[160].

В 1936 г. в Салехарде был образован овоще-животноводческий совхоз, о котором писали все газеты того времени как о невиданном достижении социалистического хозяйства. Реально ситуация выглядела следующим образом. Стадо животных было представлено 81 головой крупного рогатого скота, 90 свиньями и 30 лошадьми. Все поголовье было беспородное и малоценное по своим продуктивным качествам. Стадо было скомплектовано из выбракованного скота Тобольского отделения «Союззаготкож». Средний живой вес коровы составлял 230 кг. Надой не превышал 1 215 кг на корову. Средний живой вес телят при рождении составлял 14,5 кг. Совхоз не был обеспечен производственными помещениями, скот содержался в неприспособленных постройках, которые не соответствовали зоотехническим и ветеринарным требованиям. В них стоял жуткий холод, было очень сыро. Нормы кормления были очень низкими[161]. В докладной записке по состоянию общественного хозяйства Ямала за 1940 г. отражено: «Прошлую зиму большинство колхозов не были обеспечены полностью кормами. Помещения не подготовлены, скот в холодных конюшнях. В летнее время скот выпущен в лес. Как он пасется, никто этим не интересуется. Точного учета оленей нет»[162]. Таким образом, условия для развития общественного производства можно определить как неудовлетворительные. Организация труда не носила планового, научного характера.

Сложной оставалась проблема учета труда и распределения доходов в коллективных хозяйствах. Состоявшийся в марте 1931 г. VI съезд советов СССР рекомендовал колхозам распределять доходы по количеству труда колхозников на основе сдель-

[160] Марков Б.М. Методы работы стахановок МТФ Салехардского колхоза и совхоза // Омская область. 1939. № 7. С. 57—58.
[161] Здоровяк С.М. К вопросу о животноводстве на Обском Севере // Омская область. 1937. № 7. С. 57.
[162] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 13.

ной работы, оцениваемой в трудоднях[163]. Состоявшийся в апреле 1931 г. пленум Уралобкома ВКП (б), исходя из рекомендаций съезда, предложил Уралоблзу перевести все колхозы области на сдельную работу, оцениваемую в трудоднях[164]. Областные решения распространялись на колхозы северных округов в той же степени, что и на остальные районы области.

В первой половине 1930-х гг. не было строго выдержанного распределения в колхозах Севера. Так, для немногочисленных колхозов Ямало-Ненецкого округа в 1932 г. было характерно нерациональное использование рабочей силы, запутанность при распределении доходов, отсутствие премиально-сдельной оплаты труда[165]. Иногда колхозники все добытое просто делили между собой. Например, председатель Чучелинской рыбацкой артели Иван Трифонов доказывал начальству: «...Рыбы нет, рыба не ловится». «А на самом деле,— докладывал уполномоченный,— рыба была и ловилась, но вся она пожиралась ловцами. К широкому разверыванию рыбозаготовок мер не принималось. Возможно, что так продолжалось бы еще, но на днях, с помощью правления интеграла установлено, что Трифонов — кулак, скрывающийся от раскулачивания. Трифонов вычищен из артели»[166].

Только с середины 1930-х гг. можно проследить распространение трудодней в учете труда и распределении. Документы свидетельствуют, что с трудоднями была полная неразбериха. Так, «...в Шурышкарском много говорят в колхозе об учете трудодней, но записывают их в книжки 1 раз в год. Колхозники не знают о порядке оплаты за сверхплановые работы»[167].

Стоимость трудодня в 1934 г. в среднем по Ямало-Ненецкому округу составляла 6 руб., в 1935 г. — 6 руб. 60 коп., в 1936 г. — 7 руб. 28 коп[168]. Это было значительно выше, чем в Остяко-Вогульском округе.

---

[163] Съезд Советов в документах. Т. 3. С. 188.
[164] Уральская новая деревня. 1931. № 19—20. С. 29—30.
[165] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.
[166] Враг разоблачен // Ханты-Мансийская правда. 1933. 28 декабря.
[167] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.
[168] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 56.

Таблица 31

Средняя денежная стоимость трудодня в колхозах Остяко-Вогульского округа в 1934—1938 гг.[169]

Год	Стоимость трудодня (в руб.)	Распределено зерна на один трудодень (в кг)
1934	2-99	5,6
1935	4-15	4,2
1936	4-70	3,1
1937	5-11	3,7
1938	6-10	3,5

Снижение стоимости трудодня в Остяко-Вогульском округе объяснялось работниками окрколхозсоюза тем, что отдельные колхозы округа в 1935 г. перешли на дневную оплату труда по всем отраслям хозяйства, включая рыбу и пушнину. Другими причинами низкой стоимости трудодня являлись, по их мнению, отсутствие правильного планирования в колхозах и занижение норм выработки[170].

В 1937—1938 гг. в ряде северных смешанных артелей отдельные промысловые работы по оплате были переведены на трудодни, примерных нормативов на которых не было. В Кондинском районе за 1 рубль проданной рыбы насчитывалось 0,33 трудодня, в колхозе «Заря» — 0,22. Комиссия, обследовавшая колхозы, рекомендовала: «Оплата труда в промыслах — от суммы стоимости сданной продукции в колхоз, отчислять 30—40%, остальные средства распределять между участниками производства, охотники отчисляют в артель 10% от стоимости проданной пушнины». Отдельные колхозники зарабатывали неплохо. Так, Конев Александр — колхозник Коневского колхоза — в 1938 г. заработал 501 трудодень и получил деньгами 3 056 руб. 10 коп. Конев Феофан из того же колхоза заработал 343 трудодня (2 092 руб. 30 коп.). «Колхозник со средним заработком С.А.Куклин сдал пушнины за год на 1 068 руб., на эту сумму ему начислено 358 трудодней и деньгами 1 768 руб.»[171].

---

[169] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 12.
[170] Там же. Л. 12—12 об.
[171] Там же. Л. 12 об.; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1798. Л. 52, 58, 59.

В докладной записке «О состоянии и мероприятиях по дальнейшему развитию хозяйства Ямальского национального округа» (1935 г.) говорилось, что «Организация труда и распределение доходов оставались без руководства со стороны окрисполкома и риков. Даже в лучшей артели «Красный Октябрь», в которой оплата труда производится в основном сдельно, имеют место такие ненормальности: из 139 человек, работавших в 1934 г., заработали 200 и более трудодней только 36 человек. В разгар сенозаготовок 39 членов артели и 22 члена семей заготовляли сено для своего личного скота, не согласившись участвовать в общих сенозаготовках. В товариществе им. Смидовича на 10 хозяйств имеется освобожденный председатель Няруй Иван, который получает из всей рыбодобычи одинаковый пай. Характерно, что рядом работающая на песке Худоби артель единоличников 8 человек никого из освобожденных не имеет, получая таким образом на ловца больше. В товариществе «Едай-Сер» председатель Семлин Иван получает 2% от валового дохода. В июне получил 400 руб.»[172].

Большая часть коллективных хозяйств на Севере имела форму простейших производственых объединений, где обобществление средств отсутствовало. В таких коллективах распределение осуществлялось по принципу личного вклада в общее дело добычи, наличия орудий лова и их роли в промысле. Остяко-Вогульский окружком докладывал в Уралобком ВКП (б) в марте 1933 г.: «Окружком и райкомы прошли мимо стихийно и в массовом масштабе организующихся простейших производственных объединений по совместному выпасу оленей, лову рыбы (путем покупки на паях неводов). В результате этого кулаки имеют в неводе по 2—3 пая, а бедняк — половину пая или один пай, по которому фактически распределяется улов рыбы, и, таким образом, эти товарищества являются товариществами по совместной работе на кулака. Окружком и райкомы не организовали производственного кредитования этим объединениям, жизненно необходимого для вовлечения всей трудоспособной части населения в лов рыбы, улучшения материального благосостояния, борьбы с

[172] Судьбы народов... С. 206

кулацкой кабалой. Этот вопрос даже не обсуждался в окружкоме и райкомах»[173].

В том же документе подчеркивалось: «Учет и отчетность в товариществах почти отсутствуют. Нет простейших записей. Людей грамотных тоже нет. Содержание счетоводов во многих товариществах, да и в отдельных артелях, невозможно из-за малочисленности объединяемых хозяйств (из 32 артелей и товариществ 22 объединяют менее 20 хозяйств каждое). Форма отчетности, установленная Интегралом, слишком сложная, требует высококвалифицированного счетного работника»[174].

Проблема организации труда и учета в значительной мере зависела от укомплектования соответствующими кадрами, однако, положение с ними оставалось критическое. «Из 29 председателей артелей и товариществ, 19 неграмотны, остальные малограмотны. Бригадиры почти поголовно неграмотны. Рост организаторов колхозного хозяйства из среды коренного населения является фактом исключительного значения. Однако помощи им не организовано. Не принято никаких мер к ликвидации неграмотности — этой основной беды артелей и товариществ»[175].

Плохой учет труда, уравниловка, несоответствие затрат получаемому вознаграждению отрицательно влияли на колхозное производство: не создавали заинтересованности колхозников в работе, ослабляли дисциплину. Иногда колхозники вообще не выходили на работу. Так, в Саранпауле 68 хозяйств «в течение10 дней под угрозой кулачества не выходили на сенокошение («голову косой рубить будем»,— заявляло кулачество), а парторганизация и советы до приезда оргпартгруппы ничего не предприняли»[176].

Отчеты из колхозов Остяко-Вогульского округа прослеживаются с 1933 г., а из колхозов Ямало-Ненецкого округа — с 1934 г. В отчетах представлен удельный вес в доходах от различных видов деятельности: оленеводство, рыболовство, охота, извоз, огородничество, животноводство, кустарные промыслы и др. По долевому доходу можно лишь установить преобладающее направ-

---

[173] Там же.
[174] Там же
[175] Там же. С. 207.
[176] Там же.

ление хозяйственной деятельности. Так, 16 колхозов из 23 Ямальского округа являлись преимущественно рыболовецкими, в 4 основное занятие было оленеводство, в 2 — извоз и в одном — охота[177]. Представленные отчеты свидетельствуют, что колхозы были бедняцкие, оленей в них было мало, государство старалось перераспределить стадо и пополнить, таким образом, колхозы.

Валовый доход колхозов Остяко-Вогульского округа показывает положительную динамику, что свидетельствует об их укреплении к концу 1930-х гг.

Таблица 32

Валовый доход колхозов Остяко-Вогульского округа в 1934—1937 гг.[178]

Год	Сумма дохода (в тыс. руб.)
1934	3 845,9
1935	6 598,4
1936	9 822,0
1937	12 241,7

На этапе становления доходы колхозов были незначительные, спустя четыре года, в 1937 г., они возросли в 3 раза. В Кондинском, Самаровском районах основные доходы шли от сельскохозяйственного производства, в Сургутском — от сельского хозяйства и охоты, а в Березовском и Ларьякском — от рыболовства и охоты[179].

Однако отчеты от колхозов поступали несвоевременно, а иногда правление вообще не отчитывалось ни перед колхозниками, ни перед районными и окружными организациями. Так, в 1938 г. из 349 колхозов Остяко-Вогульскогго округа отчеты представили только 189[180]. В Ямальском округе дело с отчетами обстояло еще хуже.

Колхозы и немногочисленные совхозы экономически были настолько слабыми, что любая хозяйственная кампания вызывала у руководства головную боль. Особо нуждающимся хозяйствам выдавали ссуды, но на очень короткое время, расплатиться в

[177] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 3—4.
[178] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
[179] Там же.
[180] Там же. Л. 14.

течение хозяйственного года хозяйства не успевали, поэтому в хозяйствах образовывалась задолженность[181].

Для сельскохозяйственных колхозов Остяко-Вогульского округа вторая половина 1930-х гг. стала временем их хозяйственного укрепления. В большей степени земледелие было распространено в колхозах южных районов Остяко-Вогульского округа — Самаровском и Кондинском.

Таблица 33

Посевные площади в Остяко-Вогульском округе в 1935—1940 гг. (в тыс. га)[182]

1935	1936	1937	1938	1939	1940
9,6	9,6	9,7	10,4	10,4	9,6

Во второй половине 1930-х гг. не наблюдалось расширения посевных площадей, как это имело место до 1935 г., происходившее за счет освоения новых земель и вовлечения их в сельскохозяйственный оборот. В среднем из общего посевного клина на долю колхозов приходилось 75%. В 1938 г. колхозами было посеяно 7 492 га, убрано 7 162 га. Рожь, пшеница, ячмень составляли 6 тыс. га. Остальные 330 га были неубраны по причине гибели и недозрева посевов[183]. К концу 1930-х гг. посевная площадь в Остяко-Вогульском округе исчислялась 10 тыс. 44 га. Прирост к 1935 г. составил 8,8%[184]. На долю зерновых в 1939 г. приходилось 4 тыс. 734 га[185]. Урожайность была вполне удовлетворительная и в отдельные годы не ниже, чем в средней полосе России. В 1936—1939 гг. по ржи, ячменю и овсу она составила в среднем 10 ц с га, по пшенице — 8[186]. Колхозы им. Ленина и им. Калинина за высокую урожайность (от 15 до 30 ц) занесены во Всероссий-

---

[181] Скрипов И. О перспективах развития сельского хозяйства Омской области в третьей пятилетке // Омская область. 1937. № 3. С. 36.
[182] Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за 5 лет. Омск, 1939. С. 14.
[183] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.
[184] Хозяйственное и культурное строительство... С. 14.
[185] Говоров А. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа // Омская область. 1940. № 3. С. 41.
[186] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 42. Л. 14—27.

скую книгу почета, в 1939 г. явились участниками выставки ВССВ[187].

Парниковое и тепличное хозяйство находилось в Остяко-Вогульском округе в стадии зарождения, а вот в Ямало-Ненецком оно получило большее распространение.

В артели «За освоение Севера» в теплицах и на полях выращивали картофель и овощи для северян[188]. Под руководством Д.М.Чубынина проводились опыты по акклиматизации в Заполярье ржи, овса, ячменя, пшеницы и кормовых культур. В 1935 г. под овощами было занято 20 га, имелось 1 200 рам, площадь теплиц равнялась 1 140 кв. м. В 1936 г. на Ямале имелось 1 292 парниковых рамы и 1 360 кв. м теплиц. Было засеяно 30 га овощей в открытом грунте[189]. В 1936 г. урожай в закрытом грунте составлял: огурцов в парниках — 7—8 кг с одной рамы, в теплицах — 5—6 кг с 1 кв. м, лука — 10 кг и помидор — 4 кг с 1 кв. м[190].

В районе Салехарда выращивали в открытом грунте самые неприхотливые овощи: редис, турнепс, свеклу. Напомним, что Салехард находится на уровне 66 градуса с.ш., севернее 60 градуса сельского хозяйства нет нигде в мире! В коньюнктурном обзоре хозяйства Ямало-Ненецкого округа за 1939 г. указывалось, что «...сельское хозяйство до сего времени развивается еще крайне слабо». Планы посевов недовыполнены (92,3%). Планировалось посеять на 189,36 га, фактически — на 174,92 га. Развитие сельского хозяйства было характерно для Шурышкарского, частично Приуральского района и Салехарда[191]. На долю колхозов и совхозов приходилось 155,25 га посевных площадей или 80% всего посевного клина округа[192].

Несмотря на увеличение распространения картофеля, в 1939 г. своими семенами округ был обеспечен только наполовину[193].

---

[187] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2387. Л. 30.
[188] Тюменская правда. 1988. 14 декабря.
[189] Тарасенков Г.Н. Перспективы хозяйственного и культурного развития Обского Севера // Народное хозяйство Омской области. 1937. № 1—2. С. 78; ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1463. Л. 20.
[190] 30 лет Ямало-Ненецкого округа. Свердловск, 1960. С. 57.
[191] Там же.
[192] Патрикеев Б.В. Выращивание картофеля в полярных условиях // Омская область. 1939. № 4. С. 28.
[193] Там же.

Опытными работами по возделыванию картофеля занимался Д.М.Чубынин. В 1939 г. он получил урожай картофеля 335 ц с га, за что был удостоин участия в выставке 1940 г. в Москве в павильоне «Сибирь», награжден золотой медалью и занесен в Книгу Почета ВСХВ[194].

В 1940 г. в Ямальском округе было выращено 624 т овощей и картофеля[195]. Средняя урожайность картофеля в округе, по сведениям Б.В.Патрикеева, составляла 80—90 ц с га[196]. Агроном выращивал сорта, присланные ему из Всесоюзного института растениеводства[197]. Наиболее удачными оказались: «Шестинедельный», «Вермонт», «Азия 5», «Снежинка 2», которые дали урожайность от 250 до 320 ц с га[198]. Б.В.Патрикеев испытывал и томаты и сделал вывод, что томаты можно вырастить только в тепличных условиях[199].

Достижения салехардских опытников были представлены на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве и отмечены золотой медалью. Салехардский совхоз стал дипломантом выставки 1940 г. Работниками совхоза было освоено 67 га целинной тундры.

Колхозное животноводство, сосредоточенное в Остяко-Вогульском округе за период 1930-х гг., существенно увеличилось. В 1932 г. численность крупного рогатого скота в округе составляла 18 741 голов, из них в колхозном секторе находилось 8 072 голов, или 45%[200]. В 1940 г. численность скота в округе составляла 19 964. Из них в колхозах имелось 18 633[201]. Таким образом, наблюдается не увеличение числа поголовья в животноводстве (оно было незначительным), а перераспределение скота из частного сектора в колхозный. Случаев приобретения скота

---

[194] Иваненко А.С. Д.М.Чубынин — первый агроном Приполярья // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 185.

[195] Прибыльский Ю.П. Первостроители... С. 306.

[196] Патрикеев Б.В. Агротехника культуры картофеля на Крайнем Севере // Омская область. 1940. № 5. С. 43.

[197] Там же.

[198] Патрикеев Б.В. Выращивание картофеля. С. 28.

[199] Патрикеев Б.В. Сортоиспытания томат в Ямало-Ненецком округе // Омская область. 1939. № 4. С. 48.

[200] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 23—24.

[201] Марков Б.М. Акклиматизация и метизация крупного рогатого скота на Обском Севере // Омская область. 1940. № 6. С. 42—45.

колхозами почти не обнаружено, поскольку на этапе становления колхозы были очень бедными. Например, в протоколе заседания Ларьякского тузрайисполкома от 28 марта 1932 г. содержится запись о том, что Савкинская уставная артель изъявляет желание приобрести для своего колхоза 10 коров, 8 лошадей, 10 овец и просит указанный тузрик закупить скотину в рассрочку сроком на пять лет, так как вновь организованному колхозу все сразу не выкупить[202]. Других документов о приобретении скота коллективными хозяйствами не обнаружено.

Таблица 34

Численность скота в колхозах Остяко-Вогульского округа в 1939—1940 гг.[203]

Скот	1939	1940
КРС	17 327	18 633
Лошади	13 903	14 785
Овцы	4 820	4 735
Свиньи	2 060	2 429

Скот в колхозном секторе сосредотачивался на животноводческих фермах. В 1939 г. в колхозах Остяко-Вогульского округа значилось 234 конефермы, 116 МТФ (молочно-товарные фермы), 28 СТФ (свиноводческие товарные фермы) и 34 ОТФ (овцеводческие товарные фермы)[204].

7—9 октября 1939 г. проходил III пленум Омского областного комитета партии. Из Остяко-Вогульского округа на пленуме выступил Ернов, сделавший доклад о развитии животноводства в округе. Он привел следующие данные: в округе 248 колхозных ферм, на них крупный рогатый скот — 17 320 голов, овцы — 4 820, свиньи — 2 060. Он отметил, что есть карликовые фермы, которые не дают никакого дохода. Высказал просьбу о ссуде для развития оленеводства[205]. Продуктивность скота была низкой. В Микояновском районе в колхозе им. Калинина надои на корову местной породы составляли всего 991 л в год, а Тагильской —

---

[202] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[203] Марков Б.М. Акклиматизация и метизация .. С. 42—45
[204] Там же. С. 42.
[205] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3304. Л. 38—41.

в два раза больше — 1 800 л в год. В планах отдельных районов стояла задача — добиться надоев на 1 фуражную корову в размере 1 500 л, на продуктивную — 3 000 л в год[206].

Поголовье скота в Ямальском округе было незначительным, однако по сравнению с началом 1930-х гг. его поголовье увеличилось. В отличие от Остяко-Вогульского округа, скот сюда завозился, главным образом, из Тобольска. По сравнению с 1932 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось почти в 3 раза.

Таблица 35

Поголовье скота в Ямало-Ненецком округе в 1935—1940 гг.[207]

Год	КРС	Овцы	Свиньи
1935	925	—	299
1936	1055	—	399
1937	1247	128	476
1938	2 346	495	196
1939	2 408	505	341
1940	2 269	473	456

Обследование скота в Приуральском районе Ямало-Ненецкого округа в 1940 г. на МТФ «Красный Октябрь» выявило: отсутствие распорядка дня, снабжения концентратами и минеральной подкормкой. Коровы Ярославской породы давали там 5—7 л молока в сутки, кормились луговым сеном (10—12 кг), надой в 1938 г. составил 1 017 л, в 1939 г. — 1 018 л. Телята выращивались подсосным методом. Скот, завезенный на ферму, был почти без надзора. В животноводстве Ямало-Ненецкого округа весьма остро стояли проблемы содержания животных, ухода и кормления. Бесхозяйственность, имевшая место в колхозах и совхозах, вела к падежу животных, низкой продуктивности и, в конечном итоге, к убыткам, что не оправдывало тех затрат, которые вкладывало государство в развитие животноводства округа.

Оленеводческие совхозы Ямало-Ненецкого округа не играли решающей роли в общественном хозяйстве округа из-за экономической слабости и их незначительного числа. В 1939 г. функционировали совхозы: Мужевский, Пуровский, Надымский, Сам-

[206] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 5. Л. 4
[207] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 76; 140

бургский[208]. Нехватка кадров (опытных пастухов, бригадиров, ветзооперсонала), проблема летних пастбищ свидетельствовали о низкой компетентности тех, кто возглавлял совхозы[209]. В 1932—1933 гг. удельный вес оленей в совхозах составлял 7,7% всего поголовья, а в колхозах и ППО — 12,9%[210]. В 1934—1935 гг. единоличники имели 260 тыс. оленей, а совхозы и колхозы — 22 тыс. голов[211]. Таким образом, в первой половине 1930-х гг. основное поголовье оленей было сосредоточено не в общественном, а в частном секторе.

7 августа 1934 г. Обско-Иртышский обком принял постановление «О состоянии оленеводческих совхозов», в котором отмечалось некоторое улучшение руководства совхозами со стороны Ямальского окружкома ВКП (б). В постановлении нашли отражение следующие положения:

«1. К 1 сентября закончить переход всех пастушеских бригад на сдельно-премиальную систему оплаты труда, ввести выдачу премий за перевыполнение годовых планов оленями.

2. Укрепить пастушеские бригады парторгами.

3. Обязать заготскот обеспечить немедленную посылку во все приемочные пункты специалистов-приемщиков и инструкторов по разделке туш и съемке шкур.

4. Вести борьбу со всеми видами хищений.

5. В целях поднятия квалификации немедленно развернуть подготовительные работы по проведению в зимний период курсов переподготовки с полным охватом всех пастухов и работников чумов.

6. Констатировать, что совхозы еще не стали для колхозников и единоличников образцом в ведении хозяйства»[212].

Постоянной проблемой в исследовании оленеводства являлся вопрос о численности стада. Точно ответить на этот вопрос никто не мог. Сведения по поголовью оленей были весьма противоречивы.

---

[208] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 28.
[209] Там же.
[210] Там же.
[211] Там же.
[212] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3305. Л. 210—211.

На Север Ямала от коллективизации бежали владельцы крупных стад. К началу 1930-х гг. они даже на зиму старались не перекочевывать к югу — именно с этим обстоятельством, а не с привлекательностью вновь созданных факторий (как об этом писали в своих отчетах чиновники), связано прекращение северными ненцами сезонных миграций. Бегство на север было по существу началом *мандалады* — именно Север Ямала с этого времени стал центром повстанческого движения. В марте 1935 г. мандалада была подавлена, а восемь ее руководителей арестованы.

Советское строительство на Ямале продолжалось. В стенограмме I областного съезда советов (январь 1935 г.) отмечено, что «лицо оленеводческого хозяйства на Севере изменилось коренным образом. Уже нет кулака-оленевода, преобладающее количество поголовья в совхозах и колхозах»[213], но несмотря на давление и репрессии, олени по-прежнему были сосредоточены в руках своих владельцев.

Таблица 36

Распределение оленей по типам хозяйств в 1936 г. (в тыс. голов)[214]

Округ	Совхозы	Артели	Единоличники	Всего
Ямальский	22,6	25,5	201,4	249,5
Остяко-Вогульский	12,3	23,4	53,3	99,0
Итого	34,9	48,9	254,7	348,5
В процентах	10	14,0	76,0	100

В 1936 г. в общественном секторе обоих округов состояло 24% поголовья оленей, остальные были в руках единоличников. В.Е.Иваненко считает, что к 1940 г. поголовье оленей возросло до 382,3 тыс. голов[215]. Обслуживание колхозного и частного стада ветеринарами оставалось проблемным. Существовало 7 ветучастков и 16 ветпунктов. В 1938 г. работало 18 ветврачей и 29 фельдшеров. Потребность в ветврачах определялась в 25 человек, в среднем ветперсонале — в 40[216]. По масштабам края данный персонал в количественном отношении был недостаточен. Для под-

---

[213] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 23. Л. 7.
[214] Там же.
[215] Иваненко В.Е. Животноводство Ямало-Ненецкого округа // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 187.
[216] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 103.

держки оленеводческих колхозов и совхозов на государственные средства приобретались олени, но сохранность стада была неважной, падеж животных был высок, а также имели случаи хищения.

«Составляя ежегодно планы развития оленеводства, округ по существу не имел аппарата для доведения плановых заданий до оленеводов и для наблюдения за выполнением этих заданий. Для обслуживания стад единоличников не построено ни загонов для ветеринарного осмотра, сортировки и выбраковки, ни промежуточных баз на путях касланий. Интегральная кооперация, которая обязана была бы прежде всего позаботиться об этом, проявляет полную неспособность решать крупные вопросы организации промыслового хозяйства»[217]

В августе 1938 г. Совнарком СССР обязал Наркомзем своим постановлением разработать план мероприятий на 1939—1940 гг. по созданию собственной продовольственной сельскохозяйственной базы в районах Крайнего Севера. Третий пятилетний план по Омской области в числе первостепенной проблемы для Крайнего Севера рассматривал вопросы развития сельского хозяйства, упор делался на развитие животноводства и оленеводства[218], поскольку становилось очевидным, что земледелие не может давать высоких доходов. Между тем, стремление своими силами решить проблему снабжения края продуктами питания не оставлялось властями. Многочисленные проекты по максимальному развитию оленеводства рассматривались как центральные в решении продовольственной проблемы. Вынашивалась даже идея организации оленеводческих ферм с целью приучения оленя к дойке[219].

Однако к тому времени все человеческие ресурсы спецссылки для экстенсивного развития земледелия были исчерпаны, для дальнейшего увеличения посевов требовалась техника, но ее было недостаточно. Как мы уже указывали, в Остяко-Вогульском округе работали три МТС. Две машинно-тракторные станции относились к системе Наркомзема и одна к ГУСМП (Реполово,

---

[217] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 14.

[218] Скрипов И. О перспективах развития сельского хозяйства Омской области в третьей пятилетке // Омская область. 1937. № 3. С. 36.

[219] Проф. Колмаков. Об организации оленеводческих молочных товарных ферм в северных национальных округах // Омская область. 1937. № 3. С. 38—39.

Леуши, Кондинское)[220]. В двух МТС — Реполовской и Кондинской — имелось 16 тракторов, 17 плугов, 4 дисковые бороны, 3 сеялки, 2 катера, ни одной корчевальной машины. «Механизация сельскохозяйственных работ далеко отстает от темпов, установленных правительством, ремонт не обеспечен. Так, обточку коленчатых валов делали в Тюмени. Перебои с горючим. Средствами передвижения и связи не обеспечены, катера старые. Хозяйственное состояние МТС тяжелое, не отвечает задачам развития сельского хозяйства округа»[221].

В 1939 г. в округ было завезено 4 газогенераторных трактора ЧТЗ, и 4 комбайна, в 1940 г. — 1 комбайн. «Производственная мощность во всех МТС крайне низкая, срывает выполнение заданий по расширению посевных площадей за счет освоения новых земель»[222]. В 1930-е гг. работали на Севере две моторно-рыболовные станции. Одна из них — Обская — была создана в 1933 г. в Самарово. Станция занималась изготовлением и ремонтом снастей, проводила курсы мотористов и судостроителей. В 1938 г. было обучено 29 человек по специальностям: моторист, башлык, плавич[223]. Кроме производственного, станция занималась культурным обслуживанием колхозов. Работники станции проводили беседы, показывали кино[224]. В 1938 г. станция обслуживала 15 колхозов, а в 1939 г. — 20. В 1939 г. МРС имела 2 катера, на которых развозила материалы и горючее по колхозам. Квалификация мотористов была неудовлетворительная, с катерами обращались неумело, часто случались аварии[225]. Катера использовались и для перевозки руководящих работников. Скорость катеров против течения была 6—7 км/ч, расстояние до колхозов 300—450 км. С указанной скоростью прибыть к месту назначения можно было лишь спустя 2—3 суток. Станция жила за счет кредитов Госбанка, задолженность которому исчислялась суммой в 1 млн. руб. Все эти факты показывают сложное хозяйственное положение станции[226]. В.А.Зибарев высоко оценивал

---

[220] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 47.
[221] Там же. Л. 47—49.
[222] Там же. Л. 29, 33.
[223] Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 517. Л. 1—2.
[224] Там же. Л. 2.
[225] Там же. Л. 2 об.
[226] Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3. Л. 6—64.

деятельность МТС и МРС. Он писал: «Велико было значение этих станций как опорных пунктов социализма»[227].

Таким образом, колхозное и совхозное производство к середине 1930-х гг. стало налаживаться. Особенно это касалось сферы сельского хозяйства. Однако прироста производства в земледелии во второй половине 1930-х гг. не наблюдалось. Возможности для экстенсивного развития были исчерпаны. Наблюдалась стабилизация животноводческой отрасли в колхозах Остяко-Вогульского округа. Колхозы и совхозы Ямало-Ненецкого округа накануне войны не стали основными производителями продукции. Они существовали наряду с индивидуальными хозяйствами, роль которых в оленеводстве была определяющей. Ямальское оленеводство сохраняло свои традиционные черты, в общественном секторе находилась незначительная часть поголовья оленей.

3.3. Развитие промышленности, строительства и транспорта

Экономическое развитие представляет собой многофакторный процесс, отражающий как эволюцию хозяйственного механизма, так и смену на этой основе экономических систем. Вместе с тем, это противоречивый и трудно измеряемый процесс, который не может происходить прямолинейно, по восходящей линии. Само развитие происходит неравномерно, включает периоды роста и спада, количественные и качественные изменения, положительные и отрицательные тенденции. Вероятно, экономическое развитие должно рассматриваться за средне- и долгосрочные периоды времени. Уровень экономического развития — понятие историческое. Каждый этап развития национальной экономики вносит те или иные изменения в состав его показателей. Экономический рост[228] есть составляющая экономического развития. Факторами экономического роста[229] являются труд, земля, капитал,

---

[227] Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 79.

[228] Свое выражение экономический рост находит в увеличении реального валового внутреннего продукта как в абсолютном объеме, так и на душу населения. Быстрый или, наоборот, нулевой и даже отрицательный экономический рост не всегда говорит о быстром экономическом развитии, топтании на месте или экономической деградации.

[229] В зависимости от характера роста (количественного или качественного) факторы делят на интенсивные и экстенсивные. В зависимости от преобладания

предпринимательская способность, научно-технический прогресс.

В СССР в первые десятилетия советской власти была осуществлена глубокая структурная перестройка в пользу индустриального развития, что вывело страну по важнейшим промышленным показателям на передовые рубежи, но нарушило баланс в структуре экономики, ее эффективном и устойчивом росте. Определяющими инструментами в развитии советской экономики стали административные средства государственного регулирования, базировавшиеся на силе государственной власти и включавшие меры запрета, разрешения и принуждения[230].

Применительно к экономике Северо-Западной Сибири наличие природных ресурсов (пушнина, рыба, лес) стало определяющим для развития хозяйственного механизма в первые десятилетия советской власти. Определяющим фактором в развитии экономики Севера стала ссылка десятка тысяч крестьян, что позволило получить дешевую рабочую силу и положило начало созданию новых отраслей в хозяйстве края. К середине 1930-х гг. экономическая и политическая ситуация в округах стабилизировалась. Тогда же произошла реформа нового административного деления, по которой Север Западной Сибири оказался в составе Омской области.

Протоколы заседаний Оргбюро ЦК ВКП (б) Омской области и бюро Омского областного комитета ВКП (б) с января по июль 1935 г. почти не содержат вопросов, касающихся экономических проблем. В условиях формирования нового аппарата при укрупнении области в основном занимались оргвопросами: введение в должность секретарей райкомов (Надымский р-н — Михаил Георгиевич Швецов, Тазовский — Николай Сергеевич Овчинников, Ямальский — Роберт Петрович Стиберклис, Шурышкарский — Федор Иванович Щербаков и т.д.), вели подготовку к проведению районных партконференций, подбирали и утверждали штат окружкомов и др.[231]

факторов говорят о типе экономики. При экстенсивном типе развития экономический рост достигается путем количественного увеличения факторов производства, а при интенсивном — путем качественного совершенствования и лучшего использования.

[230] Экономика / Под. ред. А.С. Булатова. М., 1999. С. 265—380.

[231] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3307. Л. 13, 61, 112.

К тому времени выстроился некий график рассмотрения основных хозяйственных вопросов и кампаний. В начале года рассмотрению и утверждению подлежали производственные планы колхозов и совхозов, промышленных предприятий, а ближе к осени — их выполнение. С началом навигации на повестке дня областных и окружных структур появлялся вопрос о северном завозе и подготовке к весенней путине"[232]. Попутно рассматривались вопросы сельскохозяйственого развития и заготовки. Учитывая, что осенью и весной примерно на четыре месяца связи с округами не было, то проконтролировать ситуацию и получить своевременно сведения не всегда представлялось возможным. Организация производственных компаний сопровождалась одними и теми же проблемами: нехватка средств, отсутствие нужных материалов и снастей, несвоевременный завоз, проблемы в продуктовом снабжении, дефицит одежды и обуви"[233].

3.3.1. Предприятия государственной промышленности

Рыбная отрасль оставалась ведущей в промышленном производстве округов. Рыбное хозяйство обладало определенной структурой, в которой выделялись рыбоучастки, рыбозаводы и комбинаты. Основной государственной организацией, действовавшей на Обь-Иртышском Севере, оставался Обьтрест. «В 1933 г. Обьтрест потерпел убытку около 4,5 млн. руб. Производственная программа выполнена на 60%, вылов составил 70 тыс. ц. План по приему рыбы от интегральной кооперации выполнен на 22%, по обработке рыбы на консервных заводах — на 44%»[234],— писала северная газета. В 1934 г. производственный план был выполнен на 68%[235].

2 апреля 1934 г. Обско-Иртышский обком ВКП (б) принял постановление по докладу Обьрыбтреста «О подготовке к путине 1934 г.», в котором отмечалось неудовлетворительное финансовое

---

[232] Там же. Л. 190—191.

[233] Г.Д.Вербов писал из фактории Тамбей 10 мая 1936 г.: «Совершенно вопиющим является отсутствие хлеба в Се-Яге и Тамбее, где отпуск его ненцам почти прекратился, а спрос совершенно неограниченный, точнее — безграничный... Сушка здесь очень важный товар, которой давно нет, масла тоже, чай почти кончился, сахар совсем вышел...». См.: Судьбы народов... С. 259.

[234] Советский Север. 1934. 25 февраля.

[235] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3307. Л. 20.

положение треста. «При поступлении средств в первую очередь произвести выплату зарплаты, страхвзносы, выкуп материалов, необходимых к путине, и погашение задолженности колхозам за сданную рыбу в 1933—34 г.»[236]. К концу 1935 г. Обьтрест оказался на грани банкротства. Возможно, это произошло из-за того, что караван судов с рыботоварами не успел дойти до Тобольска в установленный срок, лед встал, и, не доходя до Тобольска 600 км, караван вмерз, что дало убытку около 2 млн. руб.[237] Однако в первой половине 1930-х гг. ассортимент рыбной промышленности, по сравнению с периодом 1920-х гг., расширился. Стали производить больше консервов, а также деликатесы: балык и копчености.

Таблица 37

Виды продукции, выпускаемой рыбной промышленностью Ямало-Ненецкого и Остяко-Вогульского округов в 1930—1933 гг. (в тоннах и %)[238]

Год	Соленая и сухая рыба		Балык		Копченая рыба		Консервы		Мороженая рыба
1930	14 259	52	51	0,2	332	1,2	2002	7,3	36.6%
1931	17 899	62,6	34	0,1	361	1,2	4 228	14.8	18.7%
1932	16 693	65	362	1.4	667	2,6	4 100	16,0	12,5%
1933	13 839	69	216	1,0	588	2,9	2 410	12.0	23,3%

Поставку рыбы обеспечивали рыбозаводы, куда приезжали приемщики Рыбтреста. Закупленная рыба отправлялась на консервные предприятия. Нередко приемщики работали из рук вон плохо. Прием рыбы от рыбаков на песках происходил крайне небрежно. Пользовались грязной посудой и тарой. Весы никогда не мылись, с рыбаками обращались грубо. Были случаи не только грубостей, но и порчи орудий лова[239].

Число рабочих на рыбозаводах показывает, что это были небольшие предприятия. Рыбозаводы стремились организовывать приемные пункты в местах наиболее выгодных с точки зрения

---

[236] Там же. Д. 3305. Л. 22—25; ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 23. Л. 268.
[237] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 974. Л. 13.
[238] Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4. С. 76—79.
[239] ГАХМАО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 22. Л. 74.

рыбодобычи. Работники рыбозаводов занимались мойкой и сортировкой рыбы, засолкой и отправкой.

Таблица 38

Рыбозаводы Остяко-Вогульского округа[240]

Название	Год сдачи в эксплуатацию	Валовая стоимость продукции (в тыс. руб.)	Число рабочих
Березовский	1930	554	494
Нахрачи	1936	278	59
Ларьякский	1930	277	128
Кондинский	1930	875	449
Сургутский	1930	1 056	507
Самаровский	1931	2 558	608

В Ямало-Ненецком округе в период с 1933 по 1937 гг. работали четыре рыбозавода, на которых рабочая сила, за исключением нескольких человек коренного населения, была представлена государственными рабочими[241]. Ежегодно производилась вербовка рабочих в Тобольске[242]. К концу 1930-х гг. число рыбозаводов удвоилось. Самый крупный был Тазовский рыбозавод, дававший 22 400 ц рыбы[243]. Райсоветы на время путины отправляли на рыбозаводы работников из районных организаций для обеспечения, с их точки зрения, более эффективного труда и результатов[244]. Средние цифры по лову рыбы Обьтрестом составляли 60—70 тыс. ц в год. Это составляло 60% всей рыбодобычи Ямало-Ненецкого округа. План в Ямальском округе по рыбе в 1938 г. был выполнен на 100,8%[245]. Однако на окружной партконференции 1939 г. отмечалась плохая работа рыбозаводов.

Рыбодобыча в Остяко-Вогульском округе в 1939 г. составляла более 100 тыс. ц. В августе 1939 г. дирекция Сургутского рыбозавода приняла решение об организации работы рыбоучастка в Варьегане, в восточной части округа, где ловили рыбу ваховские

[240] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 982. Л. 13—20.
[241] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 48. Л. 2—5.
[242] Там же. Д. 31. Л. 99.
[243] Там же. Д. 22. Л. 154.
[244] Там же. Д. 31. Л. 100.
[245] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 43.

ханты (около 250 человек). Организовывать приемный пункт был отправлен Петр Константинович Коновалов[246].

Для организации лова не хватало необходимого снаряжения и снастей. Орудия лова в Рыбтресте, которыми снабжались рыбаки, оставались примитивными: неводы распорные, стержневые, соровые, салмочные, сележьи, сети плавные, ставные, режевки, оханы, самоловы, переметы[247]. Механизация лова почти отсутствовала. В Ямальском округе в 1935—1936 гг. работали 3 трактора, обслуживавшие рыбопромыслы, 3 мотолебедки и 36 воротов[248]. Так, в путину 1936 г. не было завезено достаточно свинца для плавных сетей. Поэтому в качестве грузил привязывали всевозможные гайки[249]. Техническое оснащение оставалось на низком уровне. На окружной Ямало-Ненецкой партконференции в 1939 г. отмечался острый недостаток моторного, изотермического флота[250]. Ремонт флота не осуществлялся должным образом и из-за нехватки запчастей ремонтировался частично, некоторые суда оставались без ремонта и не использовались во время путины[251]. Таким образом, накануне войны принципиальных технических изменений в обслуживании рыболовства не произошло. М.Е.Бударин придерживался противоположного мнения. Он писал, что в предвоенные годы призошла смена старой и примитивной техники новыми крупными орудиями лова. «Появились большие неводы. Крупные стержневые неводы обслуживались механизмами. Прежде замет невода отнимал много сил. Приходилось завозить его на лодках, тянуть руками. Теперь стали выметывать невод с катера, моторной лодки. На берег невод тянули лебедкой, воротушкой, трактором»[252].

Условия труда и быта на рыбозаводах оставались тяжелыми. В докладной записке начальника политчасти Обьгосрыбтреста сообщалось за 1938 г. о состоянии партмассовой работы в партийных организациях и предприятиях области. В документе подчеркивалось, что подавляющее большинство рабочих — спецпересе-

---

[246] Атаманенко А. Начальник Варьегана // Новости Югры. 2000. 30 ноября
[247] Омская область. 1937. № 3. С. 63.
[248] Там же. С. 81.
[249] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 982. Л. 123, 127.
[250] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 45.
[251] Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.
[252] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 118.

ленцы[253]. «У рабочих от наколов заболевания пальцев (на мойке рыбы)»[254], так как работали без перчаток. Медикаментов для лечения гнойных ран не было. Зарплата рабочих на рыбных промыслах в 1940 г. составляла в Ямало-Ненецком округе от 150 до 200 руб. Трудились 8-часовой рабочий день[255]. Снабжение рыбаков одеждой и обувью осуществляла Ямальская МПС. Ежегодно проблемы с одеждой повторялись, не хватало прежде всего специальной обуви — бродней[256]. К путине 1940 г. в Надымском районе обувью рыбаки были обеспечены всего на 51%[257].

Нерешенный вопрос с пользованием угодьями также осложнял рыбопромысловую деятельность[258]. Основными предприятиями рыбной промышленности являлись рыбоконсервные фабрики в Салехарде и Остяко-Вогульске, а также Нангинская фабрика в Ямало-Ненецком округе, которая действовала только летом. Она производила консервы высшего и первого сорта[259]. Поставку рыбы для консервных фабрик обеспечивали Рыбтрест и Интегральная кооперация. До крестьянской ссылки Обдорский консервный комбинат испытывал недостаток рабочей силы[260]. На II Уральской областной партконференции (январь 1932 г.) докладывалось об успехах социалистического переустройства на Севере.

---

[253] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1799. Л. 14.

[254] Там же. Д. 2045. Л. 10.

[255] Прибыльский П. Рыбное хозяйство Ямальского округа // Омская область. 1940. № 11—12. С. 37.

[256] Там же.

[257] ТОЦДНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.

[258] 27 июля 1934 г. Ямало-Ненецкий окрисполком принял постановление «О правилах производства рыбного промысла в водоемах Ямальского округа». Рыбацкие колхозы и рыбаки-единоличники допускались к рыболовству по договорам, заключенным с председателем Интегралкооператива, руководителями заготовительных организаций. См.: ТОЦДНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 57—58.

[259] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 22. Л. 170.

[260] На бюро Уральского обкома ВКП (б) при обсуждении плана экспорта на 1929—1930 гг., отмечался недостаток рабочей силы для работы на консервном комбинате на Севере. «Большая ненормальность заключалась в том, что на консервную фабрику до сих пор рабочих возят из Тобольска. Из Тобольска везут месяц и обратно месяц. Это стоит дорого и мы по существу нарушаем национальную политику советской власти, совершенно не втягивая туземное население в эту работу. Считается, что туземцы не могут работать и потому не втягиваются в это дело. Благодаря нашему неумению работать в этом году может получиться срыв экспорта на 1,5—2 млн.». См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 32. Л. 28.

В числе достижений назывались консервные предприятия. О них с трибуны конференции было сказано так: «Построено несколько крупных консервных заводов»[261]. Программа по выпуску консервов была велика и не учитывала технических возможностей предприятий, поэтому не выполнялась. В 1933 г. план был выполнен на 42%.

Таблица 39

Салехардский комбинат и его продукция в 1931—1933 гг.[262]

Год	Число консервов (в шт.)
1931	1 041 600
1932	1 607 969
1933	2 143 335

Цех утилизации при Обдорском комбинате вступил в эксплуатацию в августе 1932 г., однако работал с перебоями, так как не всегда имелось необходимое сырье и материалы для работы. Цех выпускал пищевой и технический жир, клей, кормовую муку[263]. Производство консервов увеличивалось из года в год, но планы составлялись с таким учетом, что каждый год их пересматривали в сторону увеличения, без реальных производственных возможностей. Динамика в производстве консервов была положительная, однако производственные планы не выполнялись, и комбинат часто являлся объектом критики руководства округа и области.

Консервное производство на Салехардском рыбокомбинате по объему было меньше, чем на Самаровском. Самый большой показатель был достигнут в 1936 г., когда производство составило около 5 млн. банок[264]. Казалось бы, результаты более чем впечатляли. Однако председатель Омского облисполкома Кондратьев направил в Москву в Наркомпищепром Микояну телеграмму, в которой сообщил о том, что согласно арбитражному решению, с Обьтреста взыскивается старая задолженность 396 тыс. руб. Поскольку платить было нечем, то на 29 декабря были назначены

[261] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3876. Л. 13.
[262] Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4. С. 76—79
[263] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 8.
[264] Например, предприниматель Плотников в 1914 г. вырабатывал 625 тыс. банок в год. См.: Омская область. 1937. № 3. С. 63.

торги по продаже имущества Обьтреста. Независимо от этого трест имеет задолженность по зарплате 400 тыс. руб. и свыше 2 млн. просроченных кредитов банку. Кондратьев просил ускорить разрешение вопросов финансирования Обьтреста[265]. Вероятно, вскоре деньги были получены, так как в ответной телеграмме из Обдорска сообщалось: «Двести тысяч получены. Пошли на погашение отсрочки. Необходимо прислать специальные средства на зарплату консервному комбинату и др. рыбозаводам»[266].

В другой телеграмме от 1 июня 1936 г. сказано, что на авансирование рыбаков-контрактантов получено всего 35 тыс. руб. вместо 135[267]. Сообщалось о постоянных задержках по зарплате рабочим консервного комбината. Для поиска и наказания виновных было сфабриковано дело по обвинению группы ответственных работников Рыбтреста. В 1936 г., после ареста Н.Угланова, начальника треста, Омским обкомом партии было принято постановление «О ликвидации последствий вредительства в Обьрыбтресте». В документе все производственые проблемы связывались с вредительской деятельностью Угланова и его команды.

«Вредительская деятельность Угланова была направлена на срыв мероприятий партии и правительства по освоению Обского севера и на развал рыбного хозяйства»[268]. Во время суда, в Новом Порту, произошло возгорание плавучей фабрики, ущерб составил 753,559 руб., что было руководством области связано с делом Угланова[269]. После арестов и суда новым руководством рыбтреста были приняты следующие меры по стабилизации: «...на рыбозаводах проведен перерасчет по имевшим место массовым обсчетам рабочих; утвержден план закрепления рабочей силы по Ямалу на 1937 г. — 100 семейств; вывезена рыба с рыбозаводов улова 1933—1936 гг.; выдвинуты помощниками директоров 5 техников Тобольского рыботехникума; разрешается вопрос об изменении договорных отношений между трестом и Союзрыбсбытом с тем, чтобы усилить ответственность и контроль последнего как получателя рыбопродукции над качеством рыбы и сохранности ее во время транспортировки. Прекращено двойное планирование

[265] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 982. Л. 40.
[266] Там же. Л. 77.
[267] Там же. Л. 164.
[268] Там же. Д. 974. Л. 12.
[269] Там же. Л. 14.

предприятий, устанавливаются определенные лимиты — нормативы в соответствии с единым планом»[270].

В 1939 г. Ямальским окрисполкомом было проведено обследование производственной деятельности консервного комбината. В акте отмечалось неодинаковое техническое оснащение производственных цехов. Так, жестяно-баночный цех, механическая мастерская и утильзавод были вполне механизированы, а вот консервный цех содержал большую долю ручного труда. «...Механизация консервного цеха в стадии рыборазделки, расфасовки и окончательной обработки банки-этикировки совершенно отсутствует. Аналогичное положение в рыбообрабатывающем цехе, где выгрузка из плашкоутов и все процессы по обработке рыбы происходят исключительно вручную»[271].

Переработкой рыбы в Остяко-Вогульском округе занимался Самаровский рыбоконсервный комбинат, который начал производственную деятельность в конце 1931 г.[272] Газета «Советский Север» от 26 ноября 1930 г. писала: «Пуск Самаровского комбината — это новая значительная победа... Самаровский комбинат по своей мощности далеко превосходит Тобольскую фабрику. При работе с полной нагрузкой выработка комбината будет составлять 40 000 банок в сутки». Однако фактически производственную деятельность комбинат начал через год — в конце 1931 г. К началу 1932 г. в состав комбината входили цехи: консервный, рыбообрабатывающий, утилизирующий, жестяно-закаточный, бондарно-ящичный, столярная мастерская, кузница и лесопилка[273]. В 1931 г. стоимость средств комбината оценивалась в 848,8 тыс. руб.

Таблица 40

Численность рабочих Самаровского рыбоконсервного комбината в 1932—1935 гг.[274]

Год	1932	1933	1934	1935
Число рабочих	556	508	484	508

[270] Там же. Л. 18.
[271] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23. Л. 12.
[272] ГАХМАО. Ф. 60. Предисловие к фонду.
[273] Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
[274] Там же. Л. 4.

Основная рабочая сила комбината состояла из спецпереселенцев. Количество рабочих на комбинате оставалось почти неизменным. Сложным вопросом был кадровый. Отсутствие специалистов заставляло руководство комбината заниматься подготовкой кадров для рыбной промышленности. С 1932 г. организовывались курсы по подготовке рабочих. Рабочая программа включала в себя по цеху консервирования следующие вопросы: приемка рыбы, процесс разделки, посол, обжарка и полировка, укладка, закатка, стерилизация, охлаждение, приготовление соуса. По окончании курсов проводились испытания. Вопросы группировались по билетам[275]. Например, билет № 1 включал вопросы: Что такое консервы и их производство? Какие виды консервирования? Какие основные цели развития консервного производства на Севере? Всего было скомплектовано 12 билетов[276]. Тогда же начали комплектоваться заочные рыбохозяйственные курсы и заочный рыбный техникум Мосрыбвтуза[277]. На Самаровском комбинате не соблюдалась техника безопасности, нарушались производственные технологии и санитарно-гигиенические нормы. Можно сказать, что на комбинате господствовала антисанитария[278]. В таких условиях осуществлялось производство.

Таблица 41

Продукция Самаровского комбината в первые годы существования (1931—1932 гг.)[279]

Год	План (в тыс. банок)	Выполнение	% выполнения	Себестоимость 1 банки (в коп.)	Брак (в %)
1931	5 012	2 569,6	51,2	45,8	1,3
1932	4 480	2 920*	65,6	46,3	1,2

*По другим данным, в 1932 г. было произведено 3 441 тыс. штук консервов См.: ГАХМАО. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

[275] Там же. Д. 11. Л. 60—65.
[276] ГАХМАО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 71.
[277] Там же. Л. 131.
[278] Там же. Л. 90—92.
[279] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 15.

Планы но производству консервов были выполнены наполовину. Однако очевидно увеличение производства консервов почти на 20%. Производственный брак незначителен.

Таблица 42

Выпуск консервов Самаровским комбинатом в 1933—1938 гг.[280]

Год	Выпуск консервов (в тыс. шт.)	План выполнения (в %)
1933	2 048	51,2
1934	3 198	91.4
1935	4 294	104,7
1936	5 807	128,4
1937	7 192	124
1938	5 887	81,2

Сведения, приведенные в таблице, свидетельствуют об увеличении производства консервов на комбинате. Начиная с 1934 г., комбинат прилагал максимум усилий для выполнения производственных планов, о чем свидетельствует положительная динамика консервного производства. Чем больше производил комбинат продукции, тем выше давался очередной план, не учитывая состояние оборудования, технические и технологические возможности. Так произошло в 1937 г., когда был достигнут максимальный уровень в производстве, что обернулось завышением плана на будущий год и, как следствие, его невыполнением. Другой причиной являлось, как было установлено проверкой рыбокомбината[281], перебои в его работе. «В 1938 г. комбинат работал с перебоями, недостаток жести для банок, плохая работа флота, вовремя не подвозится сырье. Станки и механизмы требуют ремонта или замены. В 1939 г. комбинат работал лучше»[282]. Однако в предвоенном 1940 г. производственные показатели

---

[280] Составлена по: ГАХМАО. Оп. 1. Д. 52. Л. 2, Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

[281] Первым секретарем Омского обкома в 1940 г. был избран И.П.Култышев. По его инициативе в 1940 г. состоялось комплексное обследование работы Остяко-Вогульского окружкома бригадой Омского обкома ВКП (б), в докладной записке по результатам обследования содержатся материалы по экономическому состоянию округа, в том числе и о рыбном комбинате в Остяко-Вогульске. См.: Касьян А.К. Омск социалистический (1917—1940). Омск, 1971. С. 157.

[282] Там же

Самаровского комбината говорят о значительном сокращении продукции.

Таблица 43

Производство продукции Самаровского комбината в 1939—1940 гг.[283]

Продукция	1939	1940
Консервы (в тыс. шт.)	7 400	3 104
Рыботовары (в ц)	2 976	2 891
Соленая продукция (в ц)	4 114	4 082
Утильпродукты (в ц)	3 914	1 718

Производство консервов в 1940 г. уменьшилось более чем в два раза по сравнению с 1939 г. Что явилось причинами столь резкого снижения, установить не удалось.

Таким образом, в состоянии государственной промышленности национальных округов обнаружились следующие черты:

— Обьтрест оставался единственной государственной организацией, работавшей на Севере Западной Сибири;
— в ведении Обьтреста находились рыбозаводы и консервные комбинаты. Сырье добывалось как государственными рабочими Обьтреста, так и трудпоселенцами, а также велась закупка рыбы у колхозов;
— основной доход Обьтресту приносило консервное производство, которое осуществлялось на двух главных фабриках — в Остяко-Вогульске и Салехарде;
— проблемами в деятельности Обьтреста оставались: слабая организация труда и недостаточная материальная база; отсутствие техники, примитивные способы лова; нехватка рабочих и специалистов, нерешенность социальных проблем рабочих, тяжелые условия труда.

Несмотря на серьезные проблемы в рыбном хозяйстве, рыбная промышленность края вернула утраченные ранее (в 1920-е гг.) позиции и стала основой экономики в северных национальных округах.

---

[283] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2387. Л. 3, 18.

3.3.2. Местная и кустарная промышленность

К предприятиям местной промышленности относились небольшие предприятия, создаваемые на средства местного бюджета и поставлявшие изделия по разнарядкам в учреждения края. Для руководства местной промышленностью в округах были созданы окрпромотделы, а затем их переименовали в окрместпромы, документы которых прослеживаются с 1936 г.[284]

В Остяко-Вогульском округе возникли предприятия, которые были небольшими как по численности рабочих, так и по объемам выпускаемой продукции. Одним из первых предприятий местной промышленности стал Самаровский лесозавод, являвшийся подсобным предприятием консервного комбината. Лесозавод имел два цеха: лесопильный и бондарный. Производственную деятельность завод начал в 1932 г. В некоторых пунктах Самаровского и Кондинского районов были сооружены небольшие маслозаводы, где имелся сепаратор, перерабатывавший молоко в сливки, а затем в масло. Так, в одной из заметок в окружной газете сообщалось о подобном предприятии в Цингалах: «В течение 2—3 лет с Цингалинского маслозавода в виде отходов за бесценок шли паста, творог, простокваша и другие продукты. Сейчас же из «отходов» вырабатываются сырковая масса, шоколадная паста, топленый сыр, мороженое, сырки»[285]. Незадолго до войны в селе Нахрачи был построен небольшой экстракто-варочный завод, который являлся вторым в Советском Союзе. Предприятие должно было работать на местном сырье, принимая от населения ягоды. В основном использовалось сырье Кондинского района, однако возможности завода позволяли использовать значительно большее количество ягод. Задача состояла в том, чтобы заготавливать ягоды с других районов округа и организовать бесперебойное снабжение. Однако транспортные и финансовые проблемы не позволили решить эту задачу. В 1939 г. завод выпустил следующие виды продукции: кондитерские изделия — 66 ц, вино — 1 100 л, варенье — 70 ц, джем — 48 ц[286].

---

[284] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 43. Л. 21.

[285] О товарах и продовольствии из местного сырья // Сталинская трибуна. 1941. 11 марта.

[286] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.

В 1936 г. в Остяко-Вогульске начало работать предприятие по производству сургуча, который был необходим для нужд почтовых отделений и советских учреждений.

В Ямало-Ненецком округе предприятий местной промышленности было еше меньше, чем в Остяко-Вогульском. Предприятия местной промышленности имелись только в Салехарде. Все работы выполнялись примитивным способом[287]. Имелся лесопильный завод, который обслуживал Салехардский рыбоконсервный комбинат. Главным продуктом являлась изготовленная тара под рыбу — ящики и бочки[288]. С производственными планами лесопильному заводу справляться было сложно, так как не было необходимой древесины и постоянно ощущался недостаток рабочей силы[289]. Имелись два небольших кирпичных предприятия. Ими в 1935 г. было выпущено всего 489 штук кирпича, то есть можно заключить, что так называемые кирпичные заводы почти не работали[290]. Имелись мастерские по ремонту орудий труда и механизмов, кузница, а также косторезная мастерская[291]. Производились в незначительном количестве столярные изделия, а также известь. Производство местной промышленности составляло сумму в среднем не более полумиллиона руб. в год. Окрместпром Ямало-Ненецкого округа в 1938 г. выполнил производственный план на 91,6%. Выполнение планов по местной промышленности за 1939 г. осуществили известковый завод, хлебобулочная, колбасно-коптильное предприятие. План не был выполнен кирпичным заводом и столярной мастерской[292].

Таким образом, предприятия местной промышленности в обоих округах находились в зачаточном состоянии и играли незначительную роль в экономике округов.

Предприятия кустарной промышленности в основном были представлены артелями трудпоселенцев. Они занимались производством хозяйственных и промышленных товаров, строительных и столярных изделий. Среди кустарных предприятий можно выделить несколько видов: промартели, кустарные промысловые

---

[287] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 22. Л. 98—99.
[288] Там же. Д. 38. Л. 7 об.
[289] Там же. Л. 5.
[290] Омская область. 1937. № 1—2. С. 79.
[291] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 22. Л. 13.
[292] Там же.

артели, неуставные промартели, артели инвалидов. В 1935 г. кустарная промышленность была представлена бондарным, смолокуренным, лодочным, гончарным, мебельным производствами, в Остяко-Вогульском округе производство кустарных изделий исчислялось суммой в 327,8 тыс. руб. Кирпичный завод, столярно-слесарная мастерская, пошивочная мастерская в Березове дали продукции на сумму 254,1 тыс. руб.

Таблица 43

Кустарные предприятия Остяко-Вогульского округа в 1935—1937 гг.[291]

Наименование предприятия	Состав производства
Промартель пос. Кирпичный (119 рабочих)	Кирпич, гончарные изделия, столярные, бондарные и щепные изделия, смола, деготь.
Промартель «25 октября» (20 рабочих)	Швейное производство (пальто, костюмы, платья), пошив и ремонт обуви.
Кустарно-промысловая артель им. 12 декабря	Деревообработка, столярные, бондарные изделия, лодки, сани (дровни), мебель (шкафы, тумбочки, стулья, столы).
Самаровская артель инвалидов (52 рабочих)	Белошвейные изделия, пошив одежды, обуви, ремонт обуви; производство кваса, кренделя, пряников, булочных изделий.

Кустарная промышленность в Ямало-Ненецком округе также характеризовалась незначительным развитием: в среднем ее производство исчислялось суммой не более 500 тыс. руб.[294] Например, скорняжно-пошивочное производство дало продукции на 89 тыс. руб., сапожное — на 44,7 тыс.[295] В партийных документах подчеркивалось, что кустарные промыслы развиты очень слабо[296].

[293] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 121. Л. 5—145.
[294] Омская область. 1937. № 1—2. С. 79.
[295] Там же
[296] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 36.

В Ямало-Ненецком округе имелось шесть кустарных артелей, где использовался труд спецпереселенцев: «Труженик Севера», «За освоение Севера», «Заря», «Заполярный строитель», «Заполярная», «За лучший труд». Артели по характеру производства были смешанными, в их задачи включалось восполнение недостатка строительных материалов, предметов быта, продуктов питания для нужд жителей самого поселка и частично местного населения. Например, в 1936 г. члены неуставной артели «За лучший труд» занимались деревообработкой, кирпичным производством, заготовкой дров, а также огородничеством и животноводством. В 1939 г. в артели «Труженик Севера» шили кожаные и меховые изделия, имелась своя парикмахерская. В артели «За освоение Севера», помимо изготовления швейных, кожаных, меховых изделий, занимались металло- и деревообработкой, транспортными перевозками и др. Всего в этот период в артелях работало 323 человека, из них — 287 рабочих[297].

В январе 1936 г. ВЦИК и СНК приняли ряд документов, в которых ставилась «...задача максимального расширения производства предметов широкого потребления»[298]. Омская областная плановая комиссия направила циркулярные письма в округа, в которых промысловой кооперации вменялось в обязанность развертывание новых кустарных промыслов, исходя из наличия местного сырья[299]. В стенограмме 4 пленума Облисполкома (март 1936 г.) вопрос о необходимости развертывания кустарных промыслов прозвучал вновь. Давыдов (Ямал) в выступлении отметил: «По постановлению президиума Облисполкома, вынесенного в августе, Т.Величутин был обязан организовать и развернуть кустарную промышленность в Ямальском округе. Т.Величутин выехал в сентябре, доехал до Остяко-Вогульска и дальше не поехал»[300]. Предложения Давыдова по развитию кустарной промышленности свелись к следующему:

«1. Нужно развивать крендельное дело. Крендель завозили в прошлом году из Тюмени и Тобольска, в пути он портился, к нам

---

[297] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 21, 36—37; Д. 24. Л. 21—24.
[298] Там же. Л. 11.
[299] Там же.
[300] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 63. Л. 53.

приходит заплесневелым и его приходилось выбрасывать. Необходимо строительство собственной пекарни.

2. Нужно пошивочное производство. Организовать изготовление, покраску и починку одежды.

3. В Салехарде организовать фотографию.

4. Открыть парикмахерскую.

5. Необходимо производство безалкогольных напитков. Мы на Севере не имеем даже квасу»[301].

Суровый климат требовал теплой обуви, но она на месте не производилась, хотя об этом говорилось неоднократно: «Большая потребность населения нашего округа в валяной обуви требует создания в округе пимокатной промышленности. Для создания пимокатных мастерских в нашем округе имеются все условия»[302]. Производство валенок налажено не было.

25 июля 1936 г. президиум Ямало-Ненецкого окрисполкома принял постановление «Об организации кустарно-промысловой кооперации». Ввиду большой работы и загруженности Интегральной кооперации по основной производственной деятельности, президиум разрешал в своем постановлении приступить к организационной работе в районах округа Тобольскому межокружному многопромсоюзу. Эта организация должна была начать создание промартелей из коренного населения округа, а также в трудпоселках из нетрудоспособной рабочей силы. В первую очередь рекомендовалось налаживать работу по бытовому обслуживанию населения (пошивочные, сапожные, слесарные мастерские) и предметов домашнего обихода, а также орудий и приспособлений для промыслов. Там же давались контрольные цифры на 1937 г. по развитию кустарной промышленности[303]. Накануне войны кустарная промышленность была представлена 5 артелями, подчинявшимися Тобольскому многопромсоюзу[304]. В предвоенные годы кустарное производство увеличилось. На местах появилось производство мебели, столярных и щепных изделий, швейной продукции и др. Разнорядки отделов окрисполкомов свидетельствовали о том, что на местное производство возлага-

[301] Там же.
[302] Остяко-Вогульская правда. 1940. 3 февраля.
[303] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12. Л. 21—22.
[304] Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 36. Л. 38—39.

лись большие надежды в обеспечении предприятий, учреждений, школ-интернатов мебелью, одеждой и прочими нужными вещами[305].

Таким образом, местная и кустарная промышленность в значительной степени активизировались во второй половине 1930-х гг. в связи с соответствующими распоряжениями вышестоящих органов власти. Предприятия местной и кустарной промышленности были нужны населению края, поскольку необходимых предметов потребления в государственной торговой и кооперативной сети часто не имелось. Предприятия использовали ручной труд, размещались в неприспособленных помещениях, но вносили определенный вклад в производство товаров широкого потребления.

3.3.3. Строительство, энергетика и транспорт

Состояние архитектуры всегда отражало уровень и характер развития общества, поскольку архитектура является той материально-пространственной средой жизни людей, в которой происходят все трудовые, бытовые и культурные процессы[306]. Однако активное развитие архитектуры советского государства могло быть связано только с реальным строительством, которое по существу развернулось лишь в годы первой и последующих пятилеток[307]. В связи с массовой коллективизацией деревни (1929—

[305] Там же. Д. 22. Л. 111—113.

[306] Социалистические преобразования ломали старый уклад жизни. Центрами коммун, сельскими клубами и школами становились бывшие помещичьи дома, сельсоветами, конторами колхозов, избами-читальнями, столовыми, детскими яслями — дома зажиточных крестьян.

Таким образом, начало процесса становления советской архитектуры в первые годы новой власти было связано с использованием существовавшего и конфискованного у свергнутых классов фонда зданий и сооружений для потребностей пролетариата, крестьянства, чиновников советского государства.

В эти годы зародились и стали формироваться новые социальные типы архитектурных объектов, отразившие массовые потребности людей: дома-коммуны, клубы, детские дошкольные учреждения, избы-читальни и др. Одновременно происходило отмирание объявленных классово-чуждыми типов зданий и сооружений, служивших многие века удовлетворению интересов населения России: дворцы, церкви, доходные дома и т.д.

[307] Начало планомерному сельскому строительству было положено в 1924 г., когда Наркомзем и НКВД СССР составили «Обязательные правила о распланир-

1932 гг.) выдвинулись задачи строительства и реконструкции зданий и сооружений различного назначения, перепланировка сел и деревень[108]. С 1934 г. вопросами сельскохозяйственной архитектуры стала заниматься Академия архитектуры СССР, уделяя главным образом внимание МТС. Были выполнены типовые схемы функциональной планировки машинно-тракторных станций.

Сложнее обстояло дело с сооружениями животноводческих помещений. В начале 1930-х гг. основной объем производственного строительства на селе составляли небольшие временные коровники (на 30—50 голов), которые не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям[107]. Однако в реальной жизни повсеместное внедрение проектов осуществлялось не в 1930-е, а в 1950-е гг. Новые типы сельских жилых домов стали разрабатываться в созданных в середине 1930-х гг. проектных организациях[110].

Таким образом, советская архитектура 1920-х—1930-х гг. на этапе своего становления двигалась в направлении поисков и

рований селений и их застройке», сопровожденные схемами планировки деревень, которые обусловили принципы организации сельских населенных мест. Так, в центре села рекомендовалось размещать площадь определенных размеров с памятником в центре и со зданиями Народного дома, сельсоветов, магазином и общественным колодцем; вводилась квартальная система застройки, выделение зон для культурно-бытовых зданий, производственных построек, предписывались определенные противопожарные и санитарные мероприятия. Введенные правила послужили основой преобразования сел Подмосковной, Смоленской, Уральской областей и др.

[108] Колхозцентр разработал специальный альбом проектов для застройки колхозов. В альбоме были представлены варианты генеральных планов застройки сел, проекты двух- и трехквартирных домов, то есть намечалась перспектива развития архитектурного облика современного села.

Указанный альбом содержал проекты основных типов сельских производственных зданий: свинарников, двурядных коровников и др.

[109] В 1937 г. Наркомат земледелия издал альбом рекомендуемых проектов, где были чертежи коровников на 50, 100 и 200 голов, свинарников на 25, 50 и 75 стойл, птичников, мастерских различного профиля, складов, кирпичного завода и т.д. Новые производственные здания проектировались с учетом их специализации, соблюдения технологических и зоогигиенических требований, на основе прогрессивной секционной планировки.

[110] Наркомзем СССР и Сельхозпроект обобщили проектную практику этих лет и выпустили «Альбом колхозных жилищ». Академия архитектуры СССР приступила к изучению опыта колхозного строительства и особенностей народной архитектуры.

создания жилищ и производственных помещений так называемого нового, социалистического типа. Жилище теперь рассматривалось не как изолированный архитектурно-строительный объект, а как составная часть сельских жилых комплексов с учреждениями культурно-бытового назначения и с местами производственной деятельности[311].

Строительство в 1920-е гг. на Тобольском Севере не велось, оно развернулось в начале 1930-х гг., главным образом, в Остяко-Вогульске, где строились объекты хозяйственного (консервный комбинат), культурного (Дом культуры, школа, Дом туземца) назначения, помещения для размещения окружных организаций и жилые постройки: бараки, дома, землянки. Медленно развивалось строительство в Ямало-Ненецком округе, где отмечалась нехватка специалистов, рабочих, а главное — материалов для строительства. Тем не менее, в начале 1930-х гг. в Салехарде были построены: Дом советов, интернат педтехникума, заразный барак, один жилой дом (в 1933 г.)[312]. Во второй половине 1930-х гг. Салехард заметно преобразился благодаря расширенному строительству. В 1938 г. там работали четыре строительные организации: Окрстрой, стройучасток ГУСМП, стройучасток Обьтреста и артель «Заполярный строитель». Общий объем строительных работ исчислялся 5 млн. руб., количество рабочих в названных организациях составляло почти 1 тыс. человек[313]. Наряду с производственными, административными и культурными зданиями требовалось строить жилье. Жилищная проблема стояла очень остро. В 1938 г. в Салехарде проживало 15 тыс. человек. В среднем на 1 человека приходилось 2,8 кв. м жилья. Под жилые здания переоборудовали старые складские помещения, конюшни и другие мало-мальски пригодные сооружения. Работники консервного комбината (трудпоселенцы) в Салехарде не имели квартир, жили в бараках[314]. Увеличение населения требовало строительства школ и детских садов[315]. С середины 1930-х гг. развернулся процесс перевода коренных народов на оседлость, стягива-

[311] Курбатов В.В. Советская архитектура. М., 1988. С. 7—35.
[312] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 11 об.
[313] Там же. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 28.
[314] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 5.
[315] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 30.

ния мелких населенных пунктов с целью их укрупнения. Стала внедряться планировка улиц в новых поселках[316].

Накануне войны активизировалось промышленное строительство. В Остяко-Вогульске в 1939 г. началось строительство мельницы и электростанции[317]. Для завершения строительства выделялось 250 тыс. руб.[318] Энергетика развивалась очень медленно. Освещение было лишь в окружных и некоторых районных центрах, в большинстве населенных пунктов электричества не было. В Салехарде имелась одна поселковая коммунальная электростанция, состоящая из 3-х маломощных генераторов, из которых два были по 17 квт и один в 15 квт. Такая мощность не позволяла не только удовлетворить нужды населения, но и обслужить самые необходимые учреждения (окружную больницу, амбулаторию, общежития учащихся, дома рабочих). Некоторые дома и учреждения вообще были лишены освещения. На предприятиях (консервном комбинате, лесозаводе, затоне ГУСМП и Обьтресте) имелись собственные небольшие электростанции, которые обслуживали производства. Поэтому первоочередной проблемой было строительство новой, более мощной электростанции. Однако средств на ее строительство не имелось[319]. Требовалось строительство насосной станции для подачи воды, так как водопровод в Салехарде отсутствовал. Проблемы на месте не решались, поэтому поселковый совет направил в Москву Булганину письмо с просьбой о помощи[320].

В Остяко-Вогульске мощности электростанции также не хватало. Рекомендовалось использовать лампы с меньшим количеством ватт. «С 25 января 1940 г. устанавливается следующая максимальная мощность электрических ламп при пользовании электроэнергией в пос. Остяко-Вогульск. а) Для квартир, школ, больниц не свыше 60 ватт. б) Для учреждений в рабочих комнатах не свыше 100 ватт. в) Для коридоров, кухонь, лестничных клеток и т.п. не свыше 25 ватт. Потребители, нарушающие указанные пределы, будут отключаться без предупреждения. Потребители,

---

[316] Станкевский В.Д. Строительство в Тюменской области за 50 лет советской власти. Тюмень, 1967. С. 10.
[317] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1983. Л. 20, 30.
[318] Омская область. 1939. № 7. С. 10.
[319] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 310.
[320] Там же.

имеющие задолженность электростанции, до погашения ее включены не будут. Электростанция»[321]. Радиосвязь была еще редким явлением. В Ямало-Ненецком округе действовало всего 2 радиостанции. Телефонная сеть находилась в стадии зарождения[322].

В транспорте начали появляться новые виды и средства, хотя основные пути оставались водные. Действовал речной флот НИУРТа и Омского территориального управления ГУСМП, не справлявшихся с грузоперевозками. В 1933 г. Президиум Ямало-Ненецкого окрисполкома принял постановление «О современном состоянии транспорта и связи и перспективах развития их во вторую пятилетку». В документе отмечалась совершенно неудовлетворительная ситуация с развитием транспорта в округе[323].

С начала 1930-х гг. было положено начало распространению авиации в крае. В феврале 1931 г. в Сургуте было изыскано место для посадочной площадки, очищено от снега, и был принят первый самолет. После этого в Сургут эпизодически стали залетать самолеты Р-1, Р-2, У-2. Самолет У-2 стал выпускаться в стране с 1927 г. как многоцелевой. Вес 890—1 100 кг, скорость 120 км/час. Имея короткий разбег, он эксплуатировался на площадках ограниченных размеров. В марте 1935 г. был совершен первый рейс Сургут-Самарово. До 1938 г. сургутская площадка для приема самолетов входила в состав Главного управления Северного морского пути, затем была передана в состав аэрофлота. Тогда регулярных и плановых полетов не проводилось, только по специальным заданиям для нужд Главсевморпути. Например, за 1936 и 1938 гг. выполнено всего 109 самолето-вылетов, перевезено 129 пассажиров, 1 115 кг багажа, 210 кг почты[324].

В начале 1930-х гг. установилась воздушная линия Свердловск-Салехард. В 1932—1933 гг. движение открылось только в январе. «Главная цель — вывоз пушнины»[325]. С 1932 г. стала действовать воздушная линия Тюмень-Салехард[326]. 12 июля 1934 г. воздушная линия была передана ГУСМП. С осени 1934 г. начались регулярные полеты. Длина линии составляла около 2 тыс. км.

---

[321] Остяко-Вогульская правда. 1940. 25 января.
[322] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 2.
[323] Там же. Л. 1.
[324] Пономарев Г. День за днем в небе голубом // Югра. 1999. № 8. С. 6.
[325] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 38. Л. 1 об.
[326] Омская область. 1937. № 3. С. 64.

Советские самолеты АНТ-7, Ф-17, АИР-6 впервые в течение зимы совершали регулярные рейсы в северных условиях до 15 апреля. С 15 апреля по 5 мая был перерыв. С 15 июня начинались летние рейсы. План зимних полетов 1934 г. был выполнен на 185%. Общее полетное время составило 600 летных часов. Расстояние — 180 тыс. км. Лучшими летчиками были: Антюшев, Задков, Щитков. С 15 июня 1934 г. стали использовать новые восьмиместные гидросамолеты МПС-1. Аэропорты базировались в Тюмени (сухопутный) и на Андреевском озере близ Тюмени (летний), где имелись: домик, беседка, склад-гараж, телефон и радио. В Тобольске, Самарово, Березове и Салехарде построены дома с комнатами для летчиков и пассажиров. На всех аэродромах подавалась горячая пища. В Тюмени пассажиры доставлялись из города на аэродром автомашинами, в Тобольске, Самарово, Березове и Салехарде — катерами. В Тюмени тогда же начал строиться новый аэропорт (теплый зимний ангар, бензинохранилище, мастерские и жилой дом). С открытием навигации на Север первым рейсом забрасывали запас горючего и продовольствие для рабочих, летчиков и пассажиров[327].

В январе 1935 г. в Остяко-Вогульск прибыл первый самолет АИР-6, самолетом управлял начальник управления воздушной линии Тобольск-Обдорск Н.А.Целебеев. Расстояние Тобольск-Самарово было преодолено за 2 ч.17 мин.[328]

2 января 1939 г. шестой пленум Ямало-Ненецкого исполкома направил в Главное управление гражданского воздушного флота выписку из протокола и письмо о выделении для округа 2 самолетов для полетов за полярный круг до Тамбея и Гыды. «На севере остается невывезенной пушнина и требуется заброска крайне нужных промышленных и продовольственных товаров, на одни поездки и перевозки округ в течение года расходуст свыше миллиона рублей... Единственно необходимым средством связи в течение всего года и наиболее реальным являются самолеты...»[329]. Однако использование авиации для доставки грузов населению и их перевозке стало осуществляться только в эпоху нефтяного освоения.

---

[327] Народное хозяйство Омской области. 1935. № 3. С. 102—103.
[328] Ханты-Манси-Шоп. 1935. 18 января.
[329] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 146. Л. 5—6.

«Хорошо организованный транспорт — одно из условий реконструкции всего хозяйства, подъема культуры советской торговли и культурного роста населения»,— справедливо отмечалось в областном экономическом журнале"[330]. Однако основные перевозки осуществлялись по рекам. Грузооборот к концу 1930-х гг. на Обь-Иртышском Севере по сравнению с 1913 г. увеличился в 15 раз"[331].

Развернувшаяся модернизация хозяйства края была бы немыслима без титанического труда ссыльных и коренных жителей. К середине 1930-х гг. среди всех категорий рабочих и колхозников стали развивать социалистическое соревнование. Появились стахановцы, которые в Ямало-Ненецком округе были представлены рабочими консервного комбината. Первые документы, где приводились сведения о стахановцах, датируются 1934 г. В частности, сообщалось о выполнении норм выработки стахановцами консервного комбината: Ковалев — 199%, Горбунова — 155%, Леткеман — 183%, Остякова — 157%, Даренская — 138%. Среднемесячная зарплата стахановцев была оглашена на третьем Ямало-Ненецком окружном съезде советов, где указывалось, что в 1935 г. она составляла от 107 до 202 руб., в 1936 г. — от 218 до 367 руб.[332] Кроме названных стахановцев, в числе передовиков на консервном комбинате были: Груздалин, Черкасова, Абрамова.

В северных смешанных артелях также выделяли тех колхозников, кто больше сдал рыбы и пушнины. Среди охотников Ямало-Ненецкого округа стахановцами являлись: Теткин Василий, Тогачев Петр; среди рыбаков: Лырмин Никита, Шушаков Григорий, Харючи Николай, Пальчи Степан[333]. В каждом районе накануне войны была группа передовиков. Так, стахановцами в Надымском районе были рыбаки: Нядонги Модак, Валеев, Того Пуля, Ненянг Алиман и др. Охотники-стахановцы: Канев Иван, Шестаков, Худи Ляку[334].

---

[330] Транспортная экономика рек Северной Сосьвы и Ляпин // Омская область, 1939. № 1. С. 45.
[331] Там же
[332] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.
[333] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 4;
[334] Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 220.

В 1937 г. в Самаровском ЛПХ был 71 стахановец[335]. В Остяко-Вогульском округе также были стахановцы из числа коренных народов — рыбаки-колхозники и охотники.

Таблица 44

Стахановцы в Остяко-Вогульском округе в 1937 г.[336]

Предприятие и фамилия стахановца	Краткая характеристика достижении
ППО им. Сталина (Березовский район)	
1. Д.З.Тоголмазов	Ханты. Член юртового объединения, середняк. 25 лет, выполнил план 4 квартала на 190%
2. К.К.Сайнахов	Манси, сдал пушнины на 950 руб., выполнив план на 450%, занесен в Книгу почета
ППО им. Ворошилова	
1. Н.Е.Сминкин	Манси, член Сартыньянского совета, 56 лет, выполнил план на 162%, сдав пушнины на 1 454 руб.
ППО «1 мая»	
1. П.С.Гоголев	Манси, 42 года, сдал пушнины на 1 767 руб., выполнив план на 184%.

Однако каких-либо привилегий стахановцы на Севере не имели: «...заботы о бытовых и производственных нуждах стахановцев и их семей не проявляется»,— указывалось в постановлении заседания исполкома Ларьякского национального совета 20 января 1940 г.[337]

Выводы

Таким образом, к концу 1930-х гг. усилия, предпринимаемые властями всех уровней к преобразованию северного хозяйства дали некоторые результаты:

1. Проведение коллективизации. Прежнее поколение историков-североведов однозначно считали, что коллективизация охва-

[335] ГАХМАО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 3
[336] Народное хозяйство Омской области. 1936. № 4. С. 78
[337] ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 15

тила почти все население северных округов. Исследование показало, что коллективизация к концу 1930-х гг. распространилась на значительную часть населения Остяко-Вогульского округа и не менее половины Ямало-Ненецкого. Коллективизация на Севере осложнялась тем, что проводили ее и руководили ею работники, воодушевленные наилучшими намерениями, но пришедшие со стороны, не знавшие ни языка, ни обычаев коренных народов.

В сроках завершения коллективизации советские историки придерживались мнения, что она закончилась в 1937—1938 гг.[338] Исследование позволяет заключить, что коллективизация к началу войны не была завершена.

Советские североведы связывали с коллективизацией огромные хозяйственные успехи. М.Е.Бударин одним из самых главных достижений колхозов считал развитие сельского хозяйства у коренных народов. Исследование не подтвердило вывод М.Е.Бударина, поскольку главную роль в создании сельскохозяйственной базы сыграли спецпереселенцы, а не коренные народы. В.А.Зибарев связывал итоги коллективизации с установлением колхозно-кооперативной собственности на средства производства, с устранением социального неравенства, эксплуатацией бедных богатыми, с созданием основ колхозного строя в оленеводстве. Л.Е.Киселев разделял мнение В.А.Зибарева о произошедших изменениях и писал, что колхозное строительство привело к революционной перестройке веками сложившихся форм и методов хозяйствования, образа жизни народностей Севера, явилось решающим средством социалистического преобразования их хозяйства и культуры. Коллективизация промыслового хозяйства способствовала ликвидации политической, хозяйственной и культурной отсталости аборигенов[339].

2. Советской власти удалось наладить общественное производство, однако, вопреки утверждению Л.Е.Киселева, считавшего, что коренные народы были его активными участниками, исследование показало, что они были лишь частично втянуты в него.

---

[338] М.Е.Бударин считал, что коллективизация на Северо-Западе Сибири была завершена в 1937—1938 гг. В.А.Зибарев подчеркивал, что к 1937 г. завершилась в основном коллективизация рыболовецко-охотничьего населения, что коренным образом, по его мнению, изменило экономику и общественные отношения.

[339] Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972. С. 80; Киселев Л.Е. КПСС — организатор... С. 336—337.

Колхозы Севера не были подготовлены к выполнению своих производственных задач, им не хватало опыта, средств, умелых руководителей. Создание общественного животноводства показало, что перераспределение скота от частников в колхозы и совхозы не решило проблемы увеличения производства. Требовалось строительство производственных помещений, жилищ, общественных знаний — все это было отнюдь не легким делом, когда ресурсы страны были подчинены выполнению программы индустриализации. Тем не менее, советскому государству в целом колхозы должны были обеспечить большее поступление продукции в виде заготовок. У коллективных хозяйств было меньше возможностей уклониться от сдачи продуктов. В этом смысле свою задачу колхозы выполнили.

3. Особенностью северной коллективизации явилось колхозное строительство у оленеводов. Попытка создать подобные колхозы у оленеводов в первой половине 1930-х гг. не увенчалась успехом. Колхозы были бедняцкими, с небольшим поголовьем оленей и существовали только в зимнее время, весной эти колхозы растворялись в тундре, зов которой был сильнее всего на свете. Еще меньше социалистические преобразования затронули ненцев Ямала, которые сохраняли традиционный жизненный уклад.

Из советских историков только В.А.Зибарев обращал внимание на специфику коллективизации оленеводов Ямала. Среди современных ученых распространены в целом отрицательные оценки социалистических преобразований, которые негативно отразились на состоянии оленеводства в 1930-х гг.[340]

Ю.П.Прибыльский и А.В.Головнев считают, что, несмотря на все попытки административного и экономического давления советской власти, ненецкое оленеводство сохранило свои основные черты. Ни конфискации, ни перераспределение оленей, ни пря-

[340] В.Т.Поспелов считает, что оленеводческое хозяйство Северо-Западной Сибири в первой трети XX в. находилось в стадии крайнего упадка. См.: Оленеводство и оленеводы Севера в первой трети 20 века // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000. С. 252. С.В.Лезова высказала мение, что создание государственного сектора болезненно сказалось на традиционном хозяйстве тундровиков. См.: Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Тобольск, Омск, 2001. С. 132.

мые репрессии против наиболее зажиточных оленеводов не смогли нарушить главных принципов оленеводства на Ямале[341].

4. Решение задач модернизации Севера было обеспечено использованием трудовой силы ссыльных крестьян. К концу 1930-х гг. трудпоселенцы составляли 80—90% общей численности работников государственных предприятий, 60—70% работников сельского хозяйства и кооперации[342]. В результате государственной политики спецколонизации на протяжении 1930-х гг. и в последующие десятилетия была создана новая производительная сила, которая стала определяющей в экономическом развитии края[343]. Получили развитие новые отрасли: сельское хозяйство, рыбопереработка, лесная промышленность, кустарные производства.

В образе жизни и занятиях коренных жителей особых изменений не произошло, хотя их активно использовали на рыбных и пушных промыслах, объединяли в товарищества, в большинстве случаев насильно включая в общественное производство.

---

[341] Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. С. 43; Сегодня более 13 тысяч ненцев Ямало-Ненецкого округа ведут кочевой образ жизни. ЯНАО — крупнейший оленеводческий центр. На его территории выпасается самое крупное в мире стадо северного домашнего оленя — более 500 тыс. голов. Большая часть оленей — 62% находится в личной собственности, 38% — в общественной. См.: Съезд оленеводов России // Новости Приобья. 2002. 28 февраля.

[342] Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.) Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 3, 19.

[343] Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: социоэтнический аспект // Русские старожилы. Тобольск, Омск, 2000. С. 243.

Глава 4. НАЛОГИ, ЗАГОТОВКИ, ТОВАРООБМЕН В 1920—1941-х гг.

4.1. Государственные и местные налоги

Финансово-экономическая реформа 1922—1924 гг. не только помогла восстановить и упорядочить денежное обращение, но и способствовала разработке бюджетов 1923—1924 гг., возобновила и упорядочила налогообложение. Фактическое доминирование Народного комиссариата финансов в экономической жизни страны являлось характерной чертой первых лет нэпа. От деятельности НКФ, по существу, зависел весь ход развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер[1]. Продолжением финансово-экономической реформы стала финансовая политика, одним из направлений которой была налоговая сфера, призванная обеспечить твердые налоговые поступления в бюджет[2].

К сожалению, исследование проблемы налогообложения на Тобольском Севере почти не нашло отражения в исторической литературе. Источниковая база, изученная нами, позволила несколько лучше представить ситуацию с налогами в 1920-е гг. Со времени образования национальных округов имеющиеся сведения не позволили выстроить динамику сбора налогов, выявить общий объем платежей. Фонды финансовых отделов районов[3] Остяко-Вогульского округа и окружного финансового отдела содержат сводки о наложении твердых заданий на лиц, лишенных избирательных прав, годовые отчеты сельхозартелей, материалы по переподготовке кадров финансовых работников. Что же касается налогов, то сведения по ним весьма отрывочны и не позволяют полно представить происходящее, однако изученные документы все же дают возможность выявить главные тенденции и характерные черты налоговой политики в национальных округах в 1930-х гг. После революции 1917 г. население Севера платило

---

[1] Мау В. Реформы и догмы. 1914—1929. Очерки становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. С. 138.

[2] Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994. Т. 1. С. 226.

[3] ГАХМАО. Ф. 4. Ханты-Мансийский окружной финансовый отдел. Ф. 16. Самаровский рик. Ф. 102. Финансовый отдел Сургутского рика. Ф. 112. Березовский райфо. Ф. 133. Ларьякский райфо. Ф. 166. Финансовый отдел Кондинского рика.

несколько налогов: промысловый, общегражданский, трудгужевой, а также гербовый сбор[4]. В период военного коммунизма практически все доходы и поступления с мест направлялись в распоряжение губернского центра (Тюмень), оттуда поступавшие средства распределялись по государственным учреждениям уездов и волостей. В годы гражданской войны и Западно-Сибирского восстания сбор налогов в Тюменской губернии был осложнен. И.Кайдалов подчеркивал, что «продразверстки времен военного коммунизма наш север почти не видел»[5]. Налаживание сбора налогов стало возможно только после подавления повстанцев весной—летом 1921 г. Одновременно начала меняться экономическая политика в стране. При переходе к нэпу поступление продуктов и денежные вливания из Тюмени значительно сократились. Приказ № 64 Тобревкома и райпродкомитета Севера от 6 июля 1921 г. подтверждает данный вывод: «Введение взамен разверстки продналога уменьшает более чем наполовину количество питания и сырья, причитающихся к сдаче государству и значительно облегчает тягости населения, но вместе с этим считать выполнение налога обязательным и подлежащим сдаче в полном размере. Между тем, получаемые от продконтор сведения показывают крайне слабое поступление масла и яиц и свидетельствуют о нежелании волисполкомов, сельсоветов и самого населения выполнить свой государственный долг»[6]. Продналог для Севера в 1921—1922 гг. выразился в проведении некоторых натуральных сборов и пушном налоге. Особенности северного хозяйства не подходили под нормы вводимых государственных налогов в РСФСР, а затем в СССР.

В системе государственных налогов 1922—1923 гг., предписанных к уплате населению Тобольского Севера, были: общегражданский, подворный и самообложение[7]. В 1922—1923 гг. был введен подворный налог по раскладочной системе в смешанной форме (денежной и натуральной)[8]. И.Кайдалов писал, что в 1922—1923 гг. Тобольский Север платил подворный, общеграж-

[4] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 62—62 об.
[5] Кайдалов И. О налогообложении Тобольского Севера // Тобольский край. 1926. № 2. С. 40.
[6] ТОЦДНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 52.
[7] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
[8] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 62 об.

данский и трудгужевой налоги[9]. В архивных документах подчеркивается, что в 1922—1923 гг. население Севера выплачивало главный налог — подворный[10].

Например, Хэнский сельсовет в 1922—1923 гг. проводил налоговую кампанию в форме самообложения для кочевого населения (5 копеек с одной головы оленя). Указаний из губернского и уездного центров по проведению сбора налогов не поступило. Сколько собирать, никто не знал. Деньги были собраны незначительные и потому оставлены в сельсовете на текущие нужды, а пушнина и сырье направлены в Обдорский волисполком. Кроме того, в том же сельсовете собирали подворный и общегражданский налог. Была составлена налоговая комиссия. Все население разделили на 4 категории по степени экономической мощности хозяйства.

Таблица 45

Размер подворного налогообложения в Хэнском сельсовете в 1922/23 г.[11]

Категория хозяйства	Самообложение (в руб.)	Подворный налог (в руб.)
Первая	7 руб. 50 коп.	7 руб. 50 коп.
Вторая	12 руб. 50 коп.	12 руб. 50 коп.
Третья	20 руб.	20 руб.
Четвертая	27 руб. 50 коп.	27 руб. 50 коп.

Размер налога достаточно высокий. Налог для четвертой группы выше почти в 4 раза, чем для первой.

Общегражданский налог в Хэнском сельсовете проводился по системе деления населения на две группы: торгующие и неторгующие. «Налог по изъятию ясака прошел удовлетворительно»,— отмечалось в отчете сельсовета[12]. Однако не везде сбор налогов проходил организованно. Собираемость налогов во многом зависела от прочности советской власти и степени ее влияния в том или ином населенном пункте. В поселениях, где преимущественно проживало оседлое население, сбор налогов проходил

[9] Кандалов И. О налогообложении... С. 40.
[10] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 93. Л. 61.
[11] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
[12] Там же. Л. 54—54 об.

значительно организованнее, а с кочевых хозяйств собрать налог было фактически невозможно. Так, в Кушеватской волости сбор налогов за 1923 г. «прошел с кочевых зырян очень плохо»[13].

Циркуляры и постановления Тюменского губернского финансового отдела 1923 г. ориентировали местные советы на обеспечение гербового сбора, которому придавалось важное значение. Гербовый сбор «должен явиться одной из крупнейших статей Государственного бюджета»,— подчеркивалось в одном из циркуляров финотдела[14]. Гербовый сбор устанавливался по постановлению Наркомата финансов от 16 февраля 1922 г.[15] 30 августа 1923 г. вышло постановление Совета Труда и Обороны СССР «О ставках простого гербового сбора», который установил твердые ставки гербового сбора: 1 руб. 25 коп., 75 коп., 10 коп., 5 коп.[16] За 1923 г. Мужевским волисполкомом было собрано гербового сбора на сумму 25 747 руб. 11 коп.[17] Ставки простого гербового сбора в течение 1923 г. неоднократно повышались.

14 ноября 1923 г. НКФ СССР принял постановление «О порядке последующей и дополнительной уплате гербового сбора»[18]. Оплата документов гербовым сбором производилась посредством гербовой бумаги или гербовых марок, погашаемых установленным порядком. Разрешалось оплачивать гербовый сбор наличными деньгами[19]. После уплаты гербового сбора на документ ставился штамп об уплате[20].

10 марта 1924 г. Уральский областной финансовый отдел в своем распоряжении вновь обратил внимание на порядок оплаты гербового сбора, подчеркивая, что следует оплачивать гербовой бумагой, марками или наличными деньгами[21]. Гербовый сбор в денежном выражении в 1924 г. был определен в 3 руб.[22]

---

[13] Там же. Л. 48.
[14] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.
[15] Там же. Л. 5.
[16] Там же. Л. 4.
[17] Там же. Д. 10. Л. 22 об.
[18] Там же. Л. 5.
[19] Там же. Д. 2. Л. 10.
[20] Там же. Л. 5.
[21] Там же. Л. 8.
[22] Там же. Л. 7.

Кроме гербового сбора, следовало еще уплачивать канцелярский сбор, который был введен постановлением СНК СССР от 27 июля 1923 г. В постановлении СТО СССР от 31 августа 1923 г. «О ставке канцелярского сбора» до учреждений доводилась вся его важность[23] и определялся его размер. Тобольский окрфинотдел в мае 1924 г. направил в районы округа циркулярное письмо, в котором советских работников обязывали «подробно информировать все государственные учреждения и должностных лиц, находящихся в вашем районе, о порядке взымания канцелярского сбора». Ни одна бумага, выдаваемая государственным учреждением, не могла быть вручена без канцелярского сбора[24]. Мужевским волисполкомом в 1923 г. было собрано канцелярского сбора на 1 237 руб. 50 коп.[25]

Для обеспечения аккуратного и повсеместного поступления гербового и канцелярского сборов финансовыми инспекторами по распоряжению областного финотдела и неоднократных распоряжений НКФ, помещенных в «Вестнике финансов», проводились гербовые ревизии. Все имеющиеся предприятия и учреждения обязаны были представить учетные книги и квитанции по указанным сборам[26].

На пленуме губернского экономического совещания 10 августа 1923 г. развернулась оживленная дискуссия по налоговым мероприятиям в северных уездах, в ходе которой пришли к возможности допущения в качестве уплаты налогов пушнины и другого натурального сырья по установленному эквиваленту. Там же принималось решение о введении единого налога для внегородского населения Севера. «Единый налог принят в форме денежного обложения каждого отдельного хозяйства, сообразно его мощности в размерах, не выше тех минимальных ставок, которые падают в обшей совокупности всех налоговых обложений на отдельное крестьянское хозяйство, в земледельческой полосе губернии»[27].

Таким образом, к моменту районирования Севера там было введено несколько государственных налогов, размер которых не

---

[23] Там же. Л. 4.
[24] Там же. Л. 9.
[25] Там же. Д. 10. Л. 22 об.
[26] Там же. Д. 2. Л. 21.
[27] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 298. Л. 25.

всегда был точно установлен, поэтому в некоторых случаях регулировался местными органами советской власти.

В конце 1923 г. вместо нескольких натуральных и денежных налогов в государстве был введен «единый сельскохозяйственный налог», который исчислялся с годового дохода крестьянского хозяйства. Облагаемый доход рассчитывался на основе так называемых «норм доходности», устанавливавшихся в законодательном порядке для каждого вида скота и сельскохозяйственных угодий[28]. В официальных публикациях тех лет и в трудах советских североведов указывалось, что единый сельскохозяйственный налог на население Дальнего Севера не распространялся из-за отсутствия признаков обложения. Однако документы говорят об обратном — сельскохозяйственный налог был введен на Тобольском Севере. Так, в Кушеватской волости для сбора сельскохозяйственного налога 12 января 1924 г. была создана комиссия, которая должна была распределить налог. Налогу подлежало 320 хозяйств села Кушеват. В среднем на одно хозяйство получалось 20 руб. 32 коп. Раскладка налога проводилась по экономической мощности хозяйства[29]. В январе 1924 г. Мужевский волостной исполком составил списки плательщиков единого сельскохозяйственного налога с раскладкой суммы 6 100 руб.[30]

Во второй половине 1920-х гг. главным источником поступления финансовых ресурсов в СССР, по мнению Д.Боффа, выступала не прибыль от промышленных предприятий и сельскохозяйственного производства, а прямые и косвенные налоги[31], с чем нельзя не согласиться.

Другим источником были государственные займы, размещаемые среди населения. Их выпуск начался в 1926 г. Постепенно займы сделались обязательными.

В 1926 г. в СССР была проведена реформа подоходного налога, а в 1928 г. — промыслового. После реформы 1930 г. промысловый налог стал платежом исключительно частного сектора. Для оформления налоговой системы в эффективную фискальную структуру с 1928 г. правительство страны приступило к полно-

[28] Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Налоговая политика в деревне в 1930—1935 гг. // Октябрь. 1990. № 7. С. 161.
[29] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.
[30] Там же. Л. 11.
[31] Боффа Д. История Советского Союза. С. 340.

масштабным реформам. С 1928 по 1934 гг. ЦИК, Совнарком и Совет Труда и Обороны издали свыше тридцати постановлений, касающихся налогообложения[32].

Реформа сельскохозяйственного налога была проведена в 1928 г. на основе директив XV съезда партии, к обложению стали привлекаться все неземледельческие доходы. Было введено индивидуальное обложение кулачества, что позволило в следующем году снизить налог с середняков. Обложение колхозов производилось на тех же основаниях, что и единоличных хозяйств.

В 1930 г. этих поступлений перестало хватать. Местные партийные организации захлестнул поток инструкций с требованием усилить фискальные сборы. 2 сентября 1930 г. в СССР провели налоговую реформу. К тому времени на территории СССР действовало 56 государственных и местных налогов и сборов, а также обязательное страхование. В результате реформы произошло сокращение действовавших многочисленных налогов, замена их другими постоянными налогами (единый сельскохозяйственный налог, самообложение, подоходный и ряд других)[33]. Однако меньше платить не стали, напротив, количество поступлений от населения возросло.

Со следующего года главным источником бюджетных поступлений стал налог с оборота, начисляемый на цену всех товаров в розничной торговле, а стало быть, взимаемый автоматически. В 1931 г. была введена пониженная ставка налога для сельхозартелей — 3%. В среднем на 1 двор в колхозах налог в 1932 г. составлял 9,8 руб. против 26,9 руб. у единоличников и 313,7 руб. у кулаков. В 1931 г. введены единовременные налоги и сборы на нужды хозяйственного и культурного строительства, которые стали постоянной частью налоговой системы[34].

В 1932 г. общее количество платежей, выполняемых населением Остяко-Вогульского округа, доходило до 20. Подписка на займ, проводимая советскими активистами среди хантов, осуществлялась административным путем, человека принуждали заплатить, проведя предварительно разъяснительную работу. В Ларьякском туземном районе 6 октября 1932 г. состоялось собрание

---

[32] Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство... С. 102.
[33] Там же.
[34] История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. С. 480—481.

граждан юрт Ромкиных, где уполномоченный туземного райисполкома выступил с докладом «О мобилизации средств», в результате чего туземцев обязали подписаться на займ и внести деньги[35]. Принудительное страхование начало распространяться среди жителей северных округов с 1932 г. Протоколы собраний местных советов свидетельствуют, что их руководители принуждали в обязательном порядке вносить деньги за так называемые добровольные платежи: «Не уплатившие за облигации и страховку — немедленно уплатить»,— приказывалось одним уполномоченным[36]. Так, за 1932 г. жители Ларьякского туземного района, как колхозники, так и единоличники, должны были внести платежей на сумму 69 033 руб.[37]

Налогообложение второй половины 1930-х гг. на Севере Омской области проводилось в соответствии с государственными нормативными документами. 2 июня 1935 г. вышло постановление Омского облисполкома «О проведении сельхозналога в 1935 г.», в котором населению северных округов предоставлялись льготы. В документе отмечалось: «В целях содействия дальнейшему развитию сельского хозяйства в северных районах освободить от сельскохозяйственного налога:

1. Колхозы, хозяйства колхозников и трудовых единоличников Ямало-Ненецкого округа за исключением кулацких хозяйств из русско-зырянского населения;

2. Посевы картофеля и овощей в колхозах и хозяйствах колхозников Остяко-Вогульского национального округа;

3. Хозяйства, находящиеся на территории Остяко-Вогульского округа: остяков, вогулов, ненцев и других малых народностей Севера»[38].

Накануне войны население Севера уплачивало налог с рабочих и служащих, культсбор, подоходный налог с колхозов, сельхозналог и культсбор с колхозников, самообложение, налог со строения, земельную ренту, госналог с лошадей, обязательное окладное страхование — это группа обязательных платежей. Кроме этого, существовала так называемая группа добровольных

[35] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
[36] Там же. Л. 15.
[37] Там же. Л. 18—19.
[38] Народное хозяйство Омской области. 1935. № 3. С. 112.

отчислений: свободное окладное страхование, личное страхование, страхование домашнего имущества, страхование имущества общественного сектора. Наконец, третью группу платежей составляли займы и вклады[39].

Мобилизация средств населения накануне войны проводилась ежеквартально. Ее обеспечивали райфинотделы, сельские советы и налоговые агенты. Так, в Ларьякском национальном районе выполнение плана мобилизации средств за четвертый квартал 1939 г. выразилось в следующих показателях: подоходный налог с колхозов — 77%, самообложение — 53,3%, госналог на лошадей — 21,8%, обязательное окладное страхование — 85%, сельхозналог — 323%. На 1940 г. план мобилизации средств по району был утвержден в сумме 113,6 тыс. руб., в том числе: по обязательным платежам — 35,3 тыс. руб., по добровольным видам платежей — 78,3 тыс. руб.[40]

Государственная налоговая система должна была обеспечить поступление средств в бюджет страны, чтобы решить глобальные задачи индустриализации. Население Севера не было исключением и платило государственные налоги. Налогообложение в предвоенное десятилетие менялось в сторону увеличения, прежде всего, для зажиточной части населения, разоряя хозяйство единоличников и принуждая их тем самым к вступлению в колхозы, обеспечивая при этом поступление необходимых денежных средств.

4.1.1. Местные налоги и сборы

Наряду с центральными существовала значительная группа местных налогов. Весной и летом 1921 г. вместо продразверстки было введено большое количество различных натуральных налогов: мясной, сенной, молочный, пушной и т.п.,— которые регулировались Тобольским военно-революционным комитетом и носили местный характер. Приказ № 30 Тобольского ВРК и Продкомитета Тобольского Севера от 18 мая 1921 г. «О натуральном налоге на молочные продукты в сезон 1921 г.» гласил, что в пределах Тобольского, Березовского, Сургутского уездов вводился налог на молочные продукты. Налог предписывалось

[39] ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 151. Л. 90.
[40] Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

уплатить маслом. Так, хозяйство, имевшее 1 корову, должно было уплатить 8 фунтов, 2 коровы — по 10 фунтов с каждой, 3 — по 12 фунтов, 4 и выше — по 14 фунтов. Выполнение налога определялось в два срока: к 1 августа 1921 г. — 75% и к 1 ноября — остальные 25%. Приказ № 40 от 1 июня 1921 г. Тобольского ВРК и Продкомитета Тобольского Севера. вводил натуральный налог на куриные яйца. Налогу подлежали хозяйства как имевшие пахотные земли, так и безземельные при условии, если имеют не менее 20 кур[41].

Приказы Тобольского ВРК доводились до уездных центров, те, в свою очередь, издавали собственные приказы. Приказ № 2 Березовского ВРК, кроме налога на масло в 1921 г., предписывал налог на шерсть и ягоды[42]. Все продукты предписывалось сдавать в кооперативы[43].

Важнейшим местным налогом был ясачный, который был установлен в 1923—1924 гг.[44] Его еще называли промысловым налогом. До революции ясак являлся главным и единственным налогом коренных жителей Севера, собирали налог во время ярмарок, когда туземцы выходили из тундры. Например, в Обдорске самоеды очень охотно платили налог, рассматривали его как священную обязанность и не считали человека мужчиной, если он не платил ясак. Органы советской власти приказали собирать ясак прямо в факториях и населенных пунктах. Право собирать пушнину получили едва ли не все торговцы, каждый из них норовил взять ясак, что вызвало у аборигенов недоверие к налогу, поскольку его собирали бесконечное число раз. Теперь туземцу уже не нужно было ехать в Обдорск — ведь пушнину забрали, началось снижение роли Обдорска как центра обмена. Раньше жители Обдорска и приезжие могли по сходной цене выменять у туземцев сырье, изделия, а теперь все увозилось в Тобольск, и местного рынка не стало. Продукты самоедских промыслов резко подорожали[45].

---

[41] ТОЦДНИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
[42] ГАЯНАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
[43] Там же.
[44] Кайдалов И. О налоговом обложении Тобольского Севера // Тобольский край. 1926. № 2. С. 40.
[45] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 68.

Охватить всех жителей Дальнего Севера налогом не представлялось возможным. Слабый учет населения, дальность расстояний, плохое знание маршрутов кочевок, отсутствие оленей и других средств не позволяли работникам райисполкомов и местных советов охватить все население края и обеспечить поступление налогов. Работники на местах считали, что нужно «совершенно изменить постановку налогового дела на дальнем Севере»[46].

Устанавливался ясак по окладочной системе, большей частью в денежной форме, с допущением в исключительных случаях по желанию налогоплательщиков части налога пушниной по установленному эквиваленту[47]. Ясак не был регламентирован каким-либо законодательным актом центра и проводился по инициативе местных властей. Иногда он взымался вместо сельхозналога с предоставлением плательщикам налоговых льгот по другим видам[48].

Взымание ясака как явления нежелательного для политики государства в отношении северных народов в советской историографии замалчивалось. Так, в пятитомной истории Сибири эта проблема вообще не затронута, а у В.А.Зибарева содержится утверждение, что ясак был окончательно упразднен в начале 1920-х гг., что центральные и местные органы в целом ряде случаев избавляли коренное население от внесения налогов и выполнения повинностей[49].

Обнаруженные новые документы не позволяют согласиться с выводами В.А.Зибарева. В Березовском уезде с кочующих оленеводов размер ясака взимался в 1923—1924 гг. в сумме от 9 до 23 копеек за одну голову оленя. Средняя ставка налогообложения по Тобольскому Северу рекомендовалась от 7,5 до 23 копеек[50].

Наряду со взыманием ясака имело место самочинное обложение местными органами власти коренных жителей натуральным налогом[51]. Ясачный налог был установлен по постановлению Президиума Областного экономического совета от 23 ноября 1923 г., постановлению Уралоблисполкома от 13 февраля 1923 г

---

[46] Там же. Л. 69.
[47] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 62 об.
[48] Каидалов И. О налоговом обложении... С. 40.
[49] Зибарев В.А. Советское строительство... С. 70.
[50] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 11—12.
[51] Там же. Л. 18.

с последующим доведением Наркомату финансов РСФСР 8 марта 1924 г. за № 13307[52]. За первую половину 1924 г. поступившие по налогу суммы были переданы: 20% в окружной бюджет и 80% в районные бюджеты. В денежном выражении сумма составила 72 264 руб. 51 коп., пушниной на сумму 37 976 руб. 72 коп. Таким образом, проведенный ясачный налог заменил собой сельхозналог и волостной сбор и позволил покрыть дефицит райбюджетов[53].

Проблема налогообложения Севера прорабатывалась Центром, областными и окружными организациями[54]. На губернском экономическом совещании 10 августа 1923 г. вопрос об упорядочении налоговой системы прозвучал довольно отчетливо. Там же отмечалось «злостное уклонение от платежа промыслового налога во всех видах». Губэкосо предложило Губфинотделу усилить контроль за сбором налога и издать специальное постановление «по точному наблюдению за тем, чтобы не было уклонений от платежа налогов»[55]. Особое внимание вопрос налогообложения

---

[52] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 63.

[53] Там же.

[54] Центр счел необходимым издать для Севера специальный декрет, разработку проекта поручил областному центру, обязав его указать в документе основные признаки экономики северного хозяйства. Предложения по обложению Севера были разработаны окружным центром и сводились к следующему: «Население разбить на две группы: оседлое, полуоседлое и частью кочевое, специально кочевое — оленеводы». Это вызывалось необходимостью учета хозяйств разной экономической мощности для выработки системы обложения налогом. В первую группу хозяйств входили оседлые и полуоседлые рыбаки, звероловы и кочевые малооленные хозяйства (до 400 голов), которые должны облагаться по старой системе в порядке раскладки на общем собрании граждан. Предполагалось взять среднюю ставку налога 15—16 руб. При раскладке налога на каждое отдельное хозяйство должны приниматься во внимание количество добытой за год рыбы и пушнины, скот, другие заработки и наличие трудоспособных членов семьи. Вторая группа хозяйств — оленеводы, имеющие стадо свыше 400 голов, облагались по числу оленей в хозяйстве. Чем больше стадо, тем выше ставка налога на одну голову оленя. «Взымание налога установить в срок от 1 ноября до 1 апреля. Налог будет единым. Никакие самообложения и т. п. местные районные сборы проводиться не будут. Арендная плата за рыбоугодия будет отменена. Весь сбор этого налога должен пойти в местные средства окружного бюджета. Большая часть будет дана в районные бюджеты для восстановления районного хозяйства и поднятия культурной жизни севера». См.: ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 93. Л. 61 об.—62.

[55] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 298. Л. 25.

получил в 1924—1925 гг., когда Тобольский Север отошел к Уральской области. Вторая сессия облисполкома, рассмотревшая вопрос по обложению на Урале в 1924—1925 гг., поручила президиуму Уралоблисполкома установить принципы налогового обложения северной части Урала[56].

Разработка налоговой системы происходила весьма активно весной 1924 г. Предложения по налогообложению на Севере были выдвинуты на президиуме Уралплана 31 марта, затем секция Севера внесла вопрос об установлении принципов налогового обложения Дальнего Севера. Спорным был вопрос, касающийся сбора налога деньгами. Чиновники считали возможным такой налог при условии обеспечения сбыта пушнины под деньги[57].

9 июля 1924 г. состоялось заседание Тобольской окружной плановой комиссии, где рассматривался вопрос об обложении Тобольского Севера единым налогом (ясаком). С докладом выступил Прибыльский. Он предлагал «предоставить населению право производить выплату причитающегося налога пушниной, поручив окрфинотделу выработать эквивалент замены денежного налога на пушнину»[58]. На заседании была представлена докладная записка по вопросу об обложении налогом в 1924—1925 гг. 6 районов северной части округа, в которой подчеркивалось, что обложение оленеводов должно производиться только по количеству оленей в хозяйстве. Если число оленей находилось в размере от 400 до 1000, то предлагалось брать 12 коп. с головы, а если выше, то применялось прогрессивное обложение и в денежном выражении соответствовало диапазону от 15 до 38 коп. за голову[59].

В «Тезисах к докладу об обложении налогом в 1924—1925 гг. населения северных районов Тобольского округа» отражены основные этапы разработки данного вопроса. Ставился вопрос: каким «путем извлечь те средства, которые советское правительство полагает получить от населения, то есть каким путем произвести обложение каждого северного хозяйства, чтобы ставка налога соответствовала экономической мощи последнего»[60].

---

[56] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 3
[57] Там же. Л. 25—26
[58] Там же. Л. 47
[59] Там же. Л. 50—52
[60] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 93. Л. 61

На 1924—1925 гг. налог устанавливался для северных районов Тобольского округа в сумме 170 908 руб. 24 коп. Налог предполагалось провести по раскладочной системе как с оседлого, так и с кочующего населения. Все население делилось на две группы: оседлое, полуоседлое и частью кочевое с чисто промышленными занятиями; и кочевое население — оленеводы, имеющие крупные стада оленей от 400 голов и выше. Налог для 1 группы в среднем на 1 хозяйство был исчислен в 14 руб. 32 коп., а для второй группы: от 400 до 1 500 оленей — 13 коп., от 1 500 до 3 000 оленей — 23 коп., от 3 000 оленей и выше — 33 коп.[61]. В документе указывалось, что налог должен быть проведен исключительно в денежной форме без права замены натурой. Все поступления от налога должны были зачисляться в местные средства Тобольского окрисполкома. Сроки взымания для Александровского, Обдорского и Сургутского районов устанавливались с 1 ноября по 1 апреля 1925 г., а для Самаровского, Кондинского районов — с 1 ноября по май 1925 г.[62]

Ясак был главным местным налогом на Тобольском Севере. В докладе Мужевского сельсовета за февраль 1924 г. отмечалось, что вся работа была направлена на сбор ясака. «Собрали червонцами 4 162 руб. 80 коп. и пушниной 77 руб. 40 коп»[63]. Единый денежный налог был собран пушниной. «Белками — 600 шт. — на сумму 1 200 руб., горностаем — 332 шт. — на сумму 6 640 руб., оленьими кожами — 22 шт. — на сумму 176 руб., песцами — 5 шт. — на сумму 40 руб. ...»[64] и т.д.

В информсводке Тобольского окружного отдела ГПУ от 17 января 1925 г. сообщалось о налогообложении в Сургутском районе. «Сумма налога на каждое хозяйство в среднем приходится по 11—12 руб. 50 коп. Инородцы ясак платят по 23 белки с человека, что для них является обременительным. Уплатив ясак, набрав необходимых продуктов, огнеприпасов, табаку и прочего, начинают покупать все, что им понравится»[65].

В сводке от 15 марта 1925 г. сообщалось об удовлетворительном поступлении налога в селах Нижневартовском и

[61] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 22. Л. 64—65.
[62] ТОЦДНИ. Там же. Л. 64 об.
[63] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
[64] Там же. Л. 22 об.
[65] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 35.

Н-Никольском Александровского района. Там же обращалось внимание на тяжелое материальное положение жителей. «Положение населения плохое. Нет рыбы, в силу чего населению придется терпеть материальную нужду»[66].

Схожей была ситуация с уплатой налога у рыбаков почти повсеместно. Так, в Обдорском районе по данным сводки от 17 января 1925 г. сообщалось, что «ясак ниже прошлогоднего на 50% и поступление его слабое. Причина — ножницы цен на рыбу, пушнину и продукты, промтовары"[67]. В Самаровском районе «получился антагонизм на почве расклада ясака между кулацким и бедняцким населением. Кулаки говорят: «На нашей шее едут лентяи»[68].

Население Севера платило налог на рыбоугодья, который также относился к группе местных налогов. В 1923 г., по утверждению И.Кайдалова, на Тобольском Севере была введена плата за пользование рыбоугодьями[69]. Доход зачислялся в местные бюджеты райисполкомов, собственностью которых считались угодья. Сумма определялась без учета фактической доходности угодий и распределялась различными способами. Так, в Самаровском районе был применен раскладочный способ, а в Обдорском — на основе договора.

Таблица 46

Арендная плата за угодья на Тобольском Севере в 1924/25 г.[70]

Район	Сумма (в руб.)	В среднем на 1 хоз-во (в руб.)
Самаровский	15 860	8 руб. 18 коп.
Кондинский	9 485	6 руб. 70 коп.
Сургутский	1 920	2 руб.
Березовский	4 226	1 руб. 76 коп.
Обдорскии	6 000	3 руб. 72 коп.

Арендная плата за угодья была выше в тех районах, где имелся дефицит угодий (Самаровский, Кондинский), а в северных

[66] Там же. Л. 87.
[67] Там же. Л. 37.
[68] Там же. Л. 77.
[69] Там же. Оп. 2. Д. 298. Л. 25.
[70] Там же. Л. 25.

районах плата была значительно ниже. Население часто не понимало разницы между ясаком и налогом на рыбоугодья. И.Кайдалов — инспектор Тобольского окружного финансового отдела — размышлял: «Арендная плата как фискальный источник не годится еще и потому, что рыбоугодья на Севере имеют такое же значение, как земля в земледельческих районах, и по аналогии должна быть отдана в безвозмездное пользование населению»[71].

К середине 1920-х гг. наблюдалась тенденция постоянного увеличения и введения новых налогов. На основании временного положения о местных финансах, утвержденного ЦИК СССР 29 октября 1924 г., Тобольский окрисполком 10 октября 1925 г. вынес постановление о налогообложении в сельской местности: налог со строений, с транспортных средств (с выездной лошади — 15 руб., с рабочей — 2 руб., с лодки — 1 руб., с парома и грузовой лодки — 5 руб. в сезон) и ряд других налогов и сборов[72]. Тем же постановлением были введены надбавки к государственному промысловому налогу, охотничьему сбору, судебной пошлине, подоходному налогу, нотариальным сборам.

Например, местный сбор по Кушеватскому сельскому совету проводился на основе постановления общего собрания граждан. Общая сумма местного сбора была определена в 2 115 руб. Из него шло финансирование на содержание служащих исполкома, отопление школы и исполкома, содержание совгоньбы, ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, канцелярские расходы, уборку нечистот, содержание штата школы, приобретение медикаментов. На инородческое население этот сбор не распространялся[73]. Кочевое и полукочевое население северных районов Тобольского округа от уплаты всех местных налогов и сборов освобождалось[74].

Уралобком, рассматривая неоднократно положение с налогообложением на Севере, вынужден был признать, что необходимо упорядочение в данном вопросе[75]. Подводя итоги налоговой политики в середине 1920-х гг., И.Кайдалов писал: «Двухлетняя практика проведения налогообложения показала полную несо-

[71] Кайдалов И. О налоговом обложении... С. 41.
[72] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
[73] Там же. Д. 10. Л. 83 об.
[74] Там же. Д. 2. Л. 2.
[75] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 298. Л. 25.

стоятельность. До сего времени рыбак не знает, какой налог придется ему платить»[76].

Налоговая система в 1921—1925 гг. по мысли государственных деятелей должна была стимулировать развитие и подъем производительных сил. Однако на Севере это вылилось в хищническую эксплуатацию населения со всеми вытекающими последствиями. В октябре 1925 г. ЦИК и СНК СССР освободили коренные народы от всех прямых общегосударственных налогов и сборов[77]. Вначале был предложен проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об освобождении от общегосударственных и местных прямых налогов и сборов туземных племен северных окраин РСФСР», в котором сообщалось, что ввиду тяжелого экономического положения туземных племен следует временно освободить эти племена от всех прямых налогов и сборов, как общегосударственных, так и местных. Предписывалось всем органам власти на местах немедленно прекратить сборы ясака, сельскохозяйственного, промыслового и всех других видов промысловых налогов[78]. Постановление «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины СССР» было принято 20 сентября 1925 г.

С 1926 г. основным местным налогом для населения Севера выступало самообложение[79], которое вводилось постепенно в крупных населенных пунктах, где проживало оседлое население. Областные власти ежегодно принимали постановления и публиковали инструкции по сбору налога в Уральской области. 14 января 1928 г. Уралобкомом ВКП (б) и 16 января президиумом Уралоблисполкома был рассмотрен вопрос о самообложении[80]. С 1928 г. самообложение стали вводить в северных районах более настойчиво, что по существу означало отступление от налоговых льгот для коренного населения. Самообложение рассматривалось

---

[76] Кайдалов И. О налоговом обложении... С. 41.

[77] СУ. 1925. № 74. Ст. 543.

[78] Куриков В. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой — в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000. С. 37.

[79] Самообложение — местный налог, который собирался с жителей населенного пункта на общественные нужды: строительство школ, больниц, дорог, мостов, ветпунктов и т.д. Самообложение раскладывалось подворно. См.: Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство... С. 108.

[80] РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 288. Л. 35.

как необходимая поддержка для «привлечения средств населения для удовлетворения его собственных нужд». Решение на введение налога объяснялось правительством общим повышением материального состояния, предыдущим освобождением от всех налогов и сборов, что, по мнению властей, позволяло туземцам уделить часть средств на свои внутренние потребности. В.А.Зибарев писал, что самообложение вводилось постепенно и осторожно, сопровождалось разъяснительной работой. Он же указывал, что введение самообложения по классовому принципу встречало недовольство, особенно у зажиточных[81].

О ходе самообложения окружкомам приказывалось еженедельно телеграфировать в обком[82]. 19 ноября 1928 г. президиум Уралоблисполкома утвердил инструкцию о порядке проведения в Уральской области самообложения в 1928—1929 гг. Самообложение проводилось во всех населенных пунктах области, за исключением городов и рабочих поселков. Рекомендовалось установить размер налога не более 25% суммы сельскохозяйственного налога. К самообложению привлекались как отдельные граждане, так и коллективные хозяйства, а также постоянно проживающие в сельском населенном пункте жители, не занимавшиеся сельским хозяйством. Форма самообложения предпочиталась денежная, но допускалась замена натуроплатой и даже отработками[83]. Очень скоро самообложение из местного налога превратилось в одно из средств пополнения госбюджета, утратив свою первоначальную суть. Местные советы лишались права распоряжаться собранными средствами. Накануне войны самообложение в северных районах проводилось ежегодно, налог собирали по частям — в первом и втором полугодии[84]. Если в начале 1930-х гг. окружные власти пытались каким-то образом упорядочить систему местных налогов (например, на втором окружном пленуме Ямальского окрисполкома в постановлении было отмечено: «Немедленно рикам и советам прекратить всякое местное налоготворчество»[85]), то во второй половине 1930-х гг. они в большинстве случаев утратили эти полномочия. Однако районное

[81] Зибарев В.А. Советское строительство... С. 224—225.
[82] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 30. Л. 25.
[83] Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство... С. 110.
[84] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—2.
[85] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

начальство все же вводило поборы. Постоянный дефицит денежных средств заставлял их вводить единовременные налоги на самые необходимые нужды. Например, оргкомитет Микояновского района в постановлении № 1 от 7 января 1939 г. отразил введение сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства с сельского населения района в 1939 г. Предполагалось установить нижнюю планку сбора — 10 руб., а затем, в зависимости от экономического положения, поднимать ее по усмотрению сборщиков[86].

Таким образом, в налогообложении населения Тобольского Севера 1920-х — 1941 гг. просматривается две тенденции:

1. В 1920-х гг. органы власти пытались проводить налогообложение на Севере, как в форме какого-либо общесоюзного массового налога и группы дополнительных налогов, сборов и платежей, так и посредством создания особой системы, по возможности, приближенной к местным условиям, учитывавшей особенности северного хозяйства.

2. В 1930-х гг. налогообложение северян находилось в полном соответствии с принятыми законодательными актами правительства, распространявшимися на все население СССР.

Налогообложение являлось эффективным инструментом регулирования экономических и политических процессов, источником пополнения доходной части бюджета. На Севере Западной Сибири налоговая политика государства неоднократно претерпевала изменения. Прослеживается наличие нескольких этапов, для каждого из которых были характерны особенности в налогообложении северян.

1. 1917—1922 гг. — В эти годы население Севера наравне со всеми гражданами РСФСР платило все налоги и сборы, которые вводила советская власть.

2. 1922—1929 гг. — Оформление системы налогов в государстве, введение налоговых льгот для коренных народов Севера, перенос тяжести налогового бремени на зажиточную часть населения.

3. 1930-е гг. — Новая налоговая реформа, увеличение различных платежей, мобилизация средств населения в бюджет страны, усиление налогового бремени.

---

[86] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

4.2. Заготовки

4.2.1. Заготовительные организации и заготовки пушнины

В годы хозяйственной стабилизации (1922—1925 гг.) основными заготовительными организациями на Тобольском Севере выступали: Госторг, Хлебопродукт, Северосоюз и ряд других.

Уралгосторг в 1920-х гг. являлся основной государственной организацией на Севере, которая занималась заготовкой пушнины. Первоначально при разработке вопроса о деятельности Госторга планировалось предоставить ему «монопольное право на эксплуатацию всей Приполярной промысловой зоны, в том числе и создание факторий[87]. Тобольская окружная контора Уралгосторга была образована в 1922 г. с целью развития производительных сил Тобольского округа[88]. Для развертывания своей деятельности Уралгосторг создал сеть агентств, отделений, факторий. Для обеспечения приема пушнины в Кондинском районе (село Нахрачи) действовала фактория, а в Самарове, Березове, Обдорске и Сургуте — агентства. Штат служащих в Тобольске насчитывал 15 человек, а на местах — 23. Причем, на время заготовок он, как правило, увеличивался[89]. Самаровское отделение Уралгосторга производило заготовку пушнины посредством пяти факторий, находившихся в селах Вершинском, Селияровском, Краснинском, Белогорском и Солынском. Предполагалось заготовить в сезон 1924—1925 гг. 69 440 белок[90].

Другой мощной хозяйственной организацией выступал «Хлебопродукт», который имел свои отделения во всех районных центрах Тобольского Севера. Так, Самаровское отделение вело заготовку пушнины в Самаровском, Кондинском, Сургутском и

---

[87] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 96.

[88] Данная организация существовала до 1931 г., неоднократно меняла свое название. До 1 августа 1924 г. называлась Тоболо-Северная контора Уралгосторга; с 1 октября 1924 г. по 1 февраля 1928 г. — Тобольское представительство пушно-сырьевой конторы Уралгосторга; с 1 февраля 1928 г. по 9 марта 1928 г. — Тобольская окружная контора АО «Госторг», с 9 марта 1928 г. по 21 мая 1928 г. — Тобольское представительство Уралгосторга; с 21 мая 1928 г. по 1931 г. — Тобольская окружная контора Уралгосторга. См.: ТФГАТО. Ф. 393. Предисловие к фонду.

[89] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 141. Л. 118.

[90] Там же. Оп. 3. Д. 138. Л. 16.

Александровском районах. План заготовок по заданию областной конторы составлял в начале 1925 г. 400 тыс. белок. У Самаровской конторы имелось четыре агентства: в Самарово, Елизарово, Реполово и в деревне Мойке. Все складские помещения считались вполне оборудованными, хищений не отмечалось. Тем не менее, в февральской сводке ОГПУ за 1925 г. сообщалось, что «акционерное общество «Хлебопродукт» работает крайне пассивно. На 5 февраля план заготовок пушнины выполнен на 50%. Замечаются частичные хищения товаров из складов»[91].

Вместе с государственными организациями в заготовках участвовали кооперативы. Потребительское общество «Севприкрай» сформировалось в конце 1922 г. и действовало в Обдорском районе. 1922—1923 гг. были весьма удачны в хозяйственной деятельности, так как был хороший выход пушнины, поэтому общество активно торговало, но будучи ограничено в средствах, не могло позволить открывать долгосрочных кредитов охотникам, что, в свою очередь, не позволило завоевать их на свою сторону как постоянных сдатчиков. В 1923—1924 гг. общество добилось получения кредита у Северосоюза, но товарные поставки были незначительные и не могли удовлетворить спрос. Всего для зимней заготовительной кампании общество располагало товарами: масло — 50 пуд., сахар — 20 пуд., табак — 17 пуд., сушка — 100 пуд., мануфактура — 17 000 аршин. Товар пришел с опозданием, что отразилось на заготовительной кампании. Работники общества не успели организовать фактории, им пришлось торговать в Обдорске[92]. Между тем, торговля в Обдорске, по сравнению с предыдущими годами, протекала слабо, так как товар преимущественно сосредотачивался агентами на факториях, и туземцы не ехали в Обдорск.

В связи с заготовками был важен вопрос о кредитовании. Уралплан неоднократно в 1924—1925 гг. обсуждал проблему кредитования Севера. Затем вопрос был вынесен на специальное совещание в Уралоблисполкоме. Результатом стало принятие президиумом Уралоблисполкома документа, в котором оговаривались особые виды кредитования для Севера. Как известно, раздаваемые в кредит орудия промысла и продукты требовалось

[91] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 78.
[92] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

погашать в течение очень короткого срока. В случае плохого выхода зверя или неулова рыбы у населения возникала задолженность. Теперь же было решено предоставлять краткосрочные кредиты сроком до 9 месяцев и долгосрочные (целевые) на снабжение промыслового населения орудиями промыслов сроком до 2 лет[93].

В сезон 1923—1924 гг. заготовкой пушнины на Севере Урала занимались Союз охотников, Центросырье, Хлебопродукт, Кожсырье, Уралгосторг, Северосоюз, Сельскосоюз, Уралтекстиль, Облгоррыбторг, Давритполь, потребкооперация и частные лица. Такое обилие покупателей пушнины приводило к резким колебаниям цен. В сезон 1923—1924 гг. цена на белку колебалась от 25 копеек до 1 руб. 30 коп., на лисицу — от 8 руб. до 30 руб., на куницу — от 12 руб. до 40 руб. и т.д. Причем заготовительные организации преследовали исключительно коммерческие цели (купить подешевле, продать подороже), действуя по принципу «цель оправдывает средства», особенно не обременяя себя заботами об охотниках[94].

В госинформсводке «О состоянии Тобольского округа» от 18 марта 1924 г. сообщалось, что организации и частные лица в сильной степени конкурируют между собой. Север имеет возможность сбыть пушнину на выгодных для себя условиях, но наряду с этим имеется масса пунктов, где нет конкуренции, так как работает одна какая-либо организация, и в этих-то местах происходит хищнический грабеж инородцев представителями заготовительных организаций пушнины. Автором сводки, уполномоченным Кузнецовым, зафиксировано «абсолютнейшее отсутствие спроса на рыбу. Северный рыболов лишен возможности приобрести что-либо необходимое для существования. Рыбацкое население тянется к охоте»[95]. Заготовка пушнины в общем масштабе заготовок велась самым хищническим и беспорядочным путем. Обвешивания, обмеривания, обсчеты, спаивание спиртными напитками были широко распространены[96].

---

[93] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 3. Л. 21—21 об.
[94] Гололобов Е.И. Пушной промысел... С. 163.
[95] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 23—24.
[96] Там же. Л. 24.

Н.Александров, докладывая во ВЦИК об административно-хозяйственном устройстве самоедов 14 октября 1924 г., сообщал о преобладании в заготовках пушнины. В частности, он писал: «Сейчас кооперация работает преимущественно на дорогих сортах продукции самоедских промыслов — пушнине»[97]. Не всегда кампания по заготовке пушнины проходила успешно. В газете «Северянин» от 18 июня 1924 г. сообщалось, что некоторые заготовители пушнины понесли крах (например, Хлебопродукт и Швейпром) из-за недостаточного подбора ассортимента товаров.

Помимо государственных и кооперативных организаций в заготовках участвовали частные лица, как правило, из числа бывших торговцев, хорошо знавших Север. Таким образом, в погоне за пушниной на Севере развернулся полный беспредел, добывали пушнину все, кто мог, применяя различные средства. Для упорядочения заготовок СНК РСФСР 16 июля 1924 г. подписал декрет[98], по которому право заготовок и торговли предоставлялось только государственным и кооперативным организациям. Передав права на заготовки хозяйственным и кооперативным организациям, в 1924—1925 гг. ВЦИК и СНК приняли специальные постановления по данному вопросу с тем, чтобы свести до минимума торговую деятельность частного капитала на Севере[99].

Кооперация имела преимущества перед госорганами, она не только пользовалась услугами бывших торговых агентов, но и вовлекала местное население. Госорганы всецело опирались на торговых агентов, то есть бывших скупщиков, которые в первые годы нэпа собрали значительные капиталы. Государственные, торговые, заготовительные организации не подчинялись местным органам власти. Только центр мог принять к ним административные или иные меры.

Количество торгово-заготовительных организаций по постановлению президиума Уралоблисполкома от 18 июля 1924 г. ограничивалось четырьмя, на них возлагались и снабженческие функции[100]. С осени 1924 г., как писал В.Ф.Ретунский, вводились плановые заготовки пушнины и устанавливалась цена[101].

---

[97] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
[98] СУ. 1924. № 31. С. 605.
[99] Зибарев В.А. Советское строительство... С. 71.
[100] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
[101] Ретунский В.Ф. Предпосылки и начало перехода... С. 224.

Таблица 47

Заготовка пушнины на Тобольском Севере в 1923/24 — 1925/26 гг. (в шт.) [102]

Ассортимент	1923—1924 гг.	1924—1925 гг.	1925—1926 гг.
Белка	726 280	984 400	605 634
Песец	13 462	9 061	17 194
Лисица	1 539	2 306	3 370
Соболь	454	1 662	1 334
Горностай	1 669	17 663	15 448
Колонок	—	9 520	14 732

Преобладание в заготовках белки и песца очевидно. Наблюдается снижение роли соболя и полное отсутствие бобра. Заготовки пушнины на Тобольском Севере в 1924—1925 гг. были проведены на сумму 1 213,7 тыс. руб.[103]

В докладе на окружной партконференции в сентябре 1925 г. секретарь Тобольского окружкома ВКП (б) Лайус отметил, что «заготовка пушнины хозяйственными организациями ведется нерационально»[104]. Расходы на заготовки пушнины составляли 20% стоимости пушсырья[105], выгода была настолько очевидной, что не могла остановить разразившийся пушной беспредел.

В конце 1925 г. Уральский Комитет Севера рассмотрел вопрос о запрещении частным лицам скупки пушнины в районах Тобольского округа с тем, чтобы у государственных и кооперативных организаций не было конкуренции в лице частника[106]. 13 ноября 1925 г. 3-я сессия Тобольского окрисполкома постановила: «1. Воспретить ведение пушных заготовок частными лицами в пределах всего округа, за исключением Тобольского рынка; 2. Запретить разъездную торговлю и заготовку пушнины разъездными агентами госзаготовителей и вести заготовку пушнины только в населенных пунктах и факториях; 3. Считать недопус-

[102] Гололобов Е.И. Пушной промысел ... С. 164
[103] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 19.
[104] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 138. Л. 4.
[105] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
[106] ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 110. Л. 3.

тимым использование частной контрагентуры госзаготовителями»[107].

Тобольский окрисполком в циркулярном письме в северные районы от 19 декабря 1925 г. сообщал о праве на заготовки следующих организаций: Госторг, Акционерное общество «Хлебопродукт», Акционерное общество «Сырье», ЦАТО. Акционерное общество РАСО, Сельскосоюз, Обьтрест, Северосоюз, Охотсоюз, Кожсиндикат. Заготовки частникам запрещались[108]. Там же оговаривались методы заготовительной работы: «Все заготовители ведут заготовки своим аппаратом непосредственно или через кооперацию; товарообменные операции путем натурального обмена не допускаются; воспрещается разъездная торговля и заготовка пушнины разъездными агентами; воспрещается пользоваться услугами контрагентов»[109]. Таким образом, к концу 1925 г. деятельность частников на Севере была окончательно запрещена.

Большая часть пушнины Тобольского округа добывалась в Обдорском районе. РАСО, Сырье, Госторг, Потребкооперация. Союз охотников, Хлебопродукт и Рыбтрест — заготовительные организации Обдорского района, осуществлявшие заготовки в 1924—1926 гг. Размеры заготовленной ими пушнины представлены ниже.

Таблица 48

Заготовительные организации Обдорского района в 1924/25 г. — 1925/26 г. и заготовки (в руб.)[110]

Наименование организации	1924/25 хозяйственный год	1925/26 хозяйственный год
РАСО	6 930	54 143
Сырье	68 800	193 803
Госторг	35 552	31 929
Потребкооперация	26 862	139 910
Союз охотников	—	9 171
Хлебопродукт	119 130	—
Рыбтрест	479 380	625 909

[107] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
[108] ГАХМАО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.
[109] Там же. Л. 12.
[110] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 19.

Основным заготовителем в Обдорском районе выступал в 1924—1926 гг. Рыбтрест. На его долю приходилась половина всей заготовленной пушнины. В Обдорском районе в 1924—1925 гг. было заготовлено 600 тыс. шт. белки и 4 тыс. шт. песцов[111].

Вторая половина 1920-х гг. ознаменовалась тем, что количество заготовительных организаций на Тобольском Севере резко уменьшилось. Заявки на участие в заготовительной кампании 1926—1927 гг. были поданы от Северосоюза, Обьтреста, Госторга, РАСО и охотсоюза[112]. В качестве заготовителей пушнины в 1926—1927 гг. были допущены Северосоюз, Охотсоюз, Госторг и Обьтрест. Однако, несмотря на запрещение деятельности по заготовкам пушнины прочим организациям, они все же ее осуществляли. Например, в Березовском районе заготовки осуществляли хозяйственные организации: Госторг, «Сырье», Обьтрест, «Пухперо» и кооперативные: «Экономия», Товарищество охотников, а также потребительские общества: Кондинское, Шеркальское, Чемашевское, Б-Атлымское и М-Атлымское[113].

Заготовительные организации Обдорского района в 1926—1927 гг.: Госторг, Потребкооперация, Союз охотников. Заготовки ими были проведены на сумму 66 766 руб., 107 436 руб., 26 959 руб., соответственно[114]. Заготовки пушнины на Тобольском Севере были проведены в 1927—1928 гг. на сумму 1 318 тыс. руб.[115]

12 января 1927 г. вышло постановление СНК СССР «Об отчислении в доход местных советов доли прибыли предприятий, ведущих сырьевые заготовки». Отчисления производились в размере 10% чистой прибыли от операций по заготовке и сбыту товаров[116]. Данное мероприятие призвано было улучшить материальное положение советов.

А.Вайсбрейт в статье «Итоги и перспективы пушно-меховых заготовок на Уральском Севере» представил информацию о

---

[111] Тобольский край. 1926. № 2. С. 50.
[112] В окрторге // Тобольский край. 1926. № 1. С. 74.
[113] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 292. Л. 169.
[114] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 19.
[115] Сигов М. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала в первом квартале 1927—1928 года // Хозяйство Урала. 1928. № 2. С. 116.
[116] Куриков В. Ханты-Мансийский... С. 39.

состоянии заготовок во второй половине 1920-х гг. Он подчеркнул, что пушнина занимала в экспортном балансе области 3 место.

Таблица 49

Заготовки пушнины на Уральском Севере в 1927/28 — 1929/30 гг.[117]

Хозяйственный год	Заготовка пушнины (в руб.)
1927—28	1 564 663
1928—29	1 855 688
1929—30	2 213 280

Увеличение заготовок пушнины происходило во второй половине 1920-х гг. ежегодно. В 1929—1930 гг. увеличение произошло на треть по сравнению с 1927—1928 гг.

Таблица 50

Доля заготовительных организаций на Тобольском Севере в заготовках пушнины в 1927/28—1930/31 гг.[118]

Хозяйственный год	Госторг	Интегральная кооперация	Сельскохозяйственная кооперация	Всего
1927/28	1 054 026	654 029	147 633	1 855 688
1928/29	898 382	585 150	81 131	1 564 663
1929/30	1 435 609	732 281	45 380	2 213 280
1930/31	1 241 500	738 700	—	1 978 500

Главными заготовителями в конце 1920-х гг. стали Госторг и Интегральная кооперация, которые постепенно вытеснили другие организации. Заготовки Госторга в Обдорском районе составили: в 1926—1927 гг. — 7 670 пуш. ед., в 1927—1928 гг. — 16 800 пуш. ед. Заготовительная цена песца достигала 40 руб. за шкурку[119]

Основными районами заготовки пушнины являлись Березовский и Обдорский. Так, в Березовском районе добывалось 90% белки, а в Обдорском — 70% песца от общего количества добы-

[117] На социалистической стройке. Межрайонный краеведческий журнал Тобольского бюро краеведения и Музея Уральского Севера. 1931. № 4. С. 12

[118] Там же

[119] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 50 а. Л. 4

ваемой пушнины Тобольского округа. Удельный вес в заготовках отдельных видов пушнины составлял: белка — 52%; песец — 26%; остальные виды — 22%[120]. Из всех перечисленных объектов охоты наибольшее промысловое значение имели песец и белка, их заготовка составляла 84% в общей массе заготовок, что было связано с кедровым годом, а значит, с хорошим выходом белки[121].

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. происходило увеличение пушнозаготовок. По сравнению с первой половиной 1920-х гг. их увеличение произошло на 70—80%. Резкое увеличение заготовок в конце 1920-х гг. объяснялось необходимостью увеличения экспорта пушнины для приобретения дорогостоящей техники, станков и механизмов за границей на нужды индустриализации. Организации, заготавливавшие пушнину, совершенно не считались с качеством товара. Вследствие большого количества заготовителей и конкуренции друг с другом процесс заготовки пушнины приобрел стихийные черты. Наряду с Госторгом весьма сильное влияние в пушнозаготовках в конце 1920-х гг. приобрела Интегральная кооперация, которая «показала расширение своего влияния в первый же год своего существования: широко развернула свою заготовительную деятельность и превзошла плановые задания»[122].

Заготовки в 1930-х гг. представляли собой титаническую борьбу партийных и советских функционеров за их выполнение и колоссальный труд десятков тысяч людей, результаты которого нашли отражение в многочисленных сводках о выполнении заготовительных планов по декадам, месяцам, кварталам, полугодиям, годам. 1930 г. по заготовкам был проблемным. Руководство Уральской области и Тобольского окружкома ВКП (б) занималось вопросами ссыльных, на какое-то время внимание к заготовкам было ослаблено, что сразу же сказалось на выполнении заготовительных планов.

21 декабря 1930 г. бюро Уралобкома ВКП (б) приняло постановление «По вопросу об усилении пушнозаготовок по Уралу», в котором указывалось, что заготовки пушнины проходят крайне неудовлетворительно и составляют на 25 декабря всего 69,7%

---

[120] На социалистической стройке. 1931. № 4. С. 13.
[121] Сигов М. Конъюнктурный обзор хозяйства... С. 116.
[122] ГАХМАО. Ф. 111. Оп. 4. Д. 292. Л. 198 об.

плана. «Всех охотников, заключивших договора с заготовителями на поставку твердого количества пушнины, освободить от всяких мобилизаций на другие работы»[123]. Учитывая важность экспорта пушнины, обком ВКП (б) обращал внимание Тобольского окружкома ВКП (б) на исключительно важное государственное значение пушно-меховых заготовок: «Принять меры и периодически освещать на страницах областной печати ход пушно-мехозаготовок... Поручить Тобольскому окружкому принять меры к недопущению спекуляции спиртом среди туземцев и установить контроль за ходом реализации спирта на Севере»[124]

Документы низовых партийных, советских, хозяйственных организаций показывают напряженную ситуацию вокруг заготовки пушнины на Севере Уральской области. В письме неизвестного автора секретарю Александровского райкома ВКП (б) Перепелицину от 16 апреля 1930 г. говорилось: «Заготовки пушнины понемногу двигаются вперед. Туземцы в Ларьяк с вершины Ваха и Колун-Егана не поехали. Доехали до Корликов. Набрали запасы ржаной муки и вернулись обратно, услышав о том, что в Ларьяке отпускают товар по норме, а не сколько хочешь. Этим самым вместо того, чтобы выкачать пушнину, она осталась на руках туземцев. Не только Сибторг, а также и кооперация не выполняют своих планов по заготовкам»[125]. Таким образом, одним из сдерживающих факторов в пушно-заготовках оставалась нехватка необходимых товаров, ограничение по их приобретению. Иногда туземцы настаивали, чтобы с ними рассчитывались если не деньгами, то водкой или листовым табаком. Матрена Прасина (Больше-Тарховский туземный совет) на собрании 20 марта 1932 г. говорила: «Мой муж контрактовал в интегральное товарищество, а пушнину повезет в Сибторг, потому что в Интеграле нет вина и табаку, а нам это нужно»[126].

В «Известиях Уралоблисполкома» от 15 июля 1931 г. подчеркивалось, что пушно-меховое сырье — один из основных видов уральского экспорта. Для усиления заготовок облисполком подтвердил свое прежнее решение об освобождении от лесозагото-

[123] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 29. Л. 151.
[124] Там же. Л. 152.
[125] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 97. Л. 35.
[126] Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

вок и других трудовых повинностей охотников-промысловиков, принявших на себя обязательство сдать пушнины на сумму не менее 200—250 руб.[127]

Каких-либо конкретных мер для оказания помощи охотникам-промысловикам не предпринималось. Уралобласть требовала увеличения пушнозаготовок, но реальной поддержки не оказывала. В результате промыслы пушнины снизились, планы по пушнозаготовкам в начале 1930-х гг. в северных округах не выполнялись.

Таблица 51

Выполнение планов по заготовкам пушнины в начале 1930-х гг. в Ямало-Ненецком и Остяко-Вогульском округах (в %)[128]

Округ	1931 г.	1932 г.
Остяко-Вогульский	89,8	54,1
Ямало-Ненецкий	46,3	77,9

Средний показатель по обоим округам означает, что план по заготовкам пушнины в 1931—1932 гг. был выполнен наполовину. Однако в сводном отчете Уральской области по итогам первой пятилетки показатель по заготовкам пушнины свидетельствует не только о выполнении плана пятилетки, но и о его перевыполнении. План по пушнине в Уральской области в 1932 г. был выполнен на 111,6%, или на сумму 7 791 500 руб.[129]

В 1933 г. план по пушнозаготовкам удалось выполнить Ямало-Ненецкому округу (на 109,3%)[130], а вот в Остяко-Вогульском округе планы по пушнине в 1933—1934 гг. не выполнялись прежде всего по причине постоянного их пересмотра в сторону увеличения. В постановлении Обско-Иртышского обкома ВКП (б) от 4 октября 1934 г. (№ 31) подчеркивалось, что «самым отсталым по пушмехзаготовкам является Остяко-Вогульский округ, годовой план выполнен на 32,4%»[131]. Основные заготовительные организации, в начале 1930-х гг. действовавшие на Обь-Иртышском Се-

[127] Бюллетень Уралобкома. 1931. № 54.
[128] Составлена по: ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Оп. 3. Д. 38. Л. 9; ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 19, 21.
[129] ЦДООСО. Ф. Оп. 10. Д. 273. Л. 76.
[130] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
[131] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3306. Л. 49.

вере. были представлены уральскими и частично сибирскими организациями: Интегралсоюз, Уралпушнина, Северпуть, Сибторг. Со времени вхождения Обь-Иртышского севера в состав Омской области заготовки в крае стали осуществлять омские организации, а уральские вынуждены были покинуть объект промысла. Заготовки на севере Омской области во второй половине 1930-х гг. осуществляли следующие организации: Союззаготпушнина, Интегралцентр, Облпотребсоюз, ГУСМП[132].

Протоколы заседания президиума Омского облисполкома за 1935 г. содержат сведения о состоянии пушнозаготовок в области. «Пушно-меховые заготовки по Ямальскому округу осуществляли Ямалсоюз, Омпушнина, Комсеверопуть. Постройка факторий Главсевморпути Тамбей, Дровяная, Се-Яга дала возможность ненцам интенсивно промышлять песца в этой части полуострова, что способствовало увеличению заготовок. В пушнине Ямала преобладал песец — 91,3% от общего уровня добычи. Охота на песца велась хищническим образом, без должной обработки шкурок. Охотпромышленники при добыче и первичной обработке пушнины теряют значительные суммы на качестве. Песцовые ловушки малопригодны. Почти ничего не сделано для инструктирования населения о том, как нужно снимать шкурку зверя. Обезжиривать ее, выправлять и т.д. Научной работы и работы по упорядочению охотхозяйства не ведется. В округ нужны охотоведы»[133]. Первое место в Ямало-Ненецком округе по добыче пушнины занимал Ямальский район — 43,61% ко всей заготовленной пушнине; второе — Приуральский — 22,8%; третье — Тазовский — 21,22%; затем Надымский — 10,54% и Пуровский — 1,85%[134]. В протоколе № 14 от 29 марта 1935 г. заседания президиума Омского облисполкома отражен вопрос о выполнении плана первого квартала и мероприятиях по заготовке весенних видов пушнины в Омской области. Отмечено, что план выполнен на 62%[135]. Невыполнение планов по пушнине подвигло руководство Омской области с весны 1935 г. вынести решение о

[132] Народное хозяйство Омской области. 1935. № 5. С. 81.
[133] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 31.
[134] Там же. Л. 30.
[135] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 2. Л. 131.

наложении твердых заданий на зажиточную часть населения северных округов на время заготовок[136].

Таблица 52

Заготовки пушнины в национальных округах Омской области в 1935—1936 гг. (в тыс. руб.)[137]

Округ	1935 г.	Первая половина 1936 г.
Ямало-Ненецкий	2 716,9	3 441,1
Остяко-Вогульский	5 332,9	5 668,2
Итого*	8 049,8	9 109,3

* Подсчитано нами.— *Л.А.*

В денежном выражении заготовки середины 1930-х гг. выше заготовок конца 1920-х гг. в четыре раза. Однако нужно учитывать, что к этому времени советский рубль обесценился в несколько раз. По сравнению с началом 1930-х гг. заготовки в денежном выражении выросли на 15% в 1935 г. и на 20% в 1936 г. Введение твердых заданий привело к увеличению заготовок. Истребление животных продолжалось и могло иметь необратимые последствия для природы Севера. Окружкомы, с одной стороны, должны были обеспечить выполнение планов, а с другой, принять меры к упорядочению пушнозаготовок. В одном из постановлений Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) отмечалось: «Воспретить хозяйственным и торгово-заготовительным организациям и учреждениям посылать своих уполномоченных в тундру без ведома ОК и райкомов»[138], но проследить за всеми было невозможно. Личная выгода заготовителей опережала инициативы руководства округа, а чаще — игнорировала их.

Таблица 53

Пушнозаготовки Остяко-Вогульского округа во второй половине 1930-х гг. — 1941 гг. (в млн. руб.)[139]

1936	1937	1938	1939	1940	1941
5,1	5,7	6,8	5,6	4,0	4,9

[136] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 об.
[137] Омская область. 1937. № 1—2. С. 77.
[138] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 51. Л. 140, 139 об.
[139] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 17—18.

Пушнозаготовки во второй половине 1930-х гг. характеризовались значительным колебанием, а накануне войны — снижением. В Ларьякском районе, например, план заготовок первого квартала 1940 г. был выполнен только на 6,8%. Охотников не снабдили необходимыми продуктами и охотприпасами на время промысла, что не позволило им начать охоту в установленные сроки. Кроме того, накануне войны в пушнозаготовках перешли на контрактацию[140] по аналогии с земледельческими районами страны. Контрактовали на Обь-Иртышском Севере две организации: Главпушнина и Заготконтора. Своевременно расчеты с охотниками не производились. Так, в Ларьякском районе задолженность государства перед охотниками была не погашена с 1937 г.[141]

Лидером среди заготовительных организаций в Ямальском округе в конце 1930-х гг. стала пушная контора «Комсеверпуть». В 1938 г. ее заготовительная сеть состояла из факторий, построенных организациями, работавшими в прежние годы на заготовке пушнины. Заготовительная сеть была представлена 35 факториями, где по существу происходила вся заготовка пушнины округа. Как следствие этого — выполнение планов по заготовкам пушнины. В 1937 г. план был выполнен на 111%, а в 1938 г. — на 118,3%[142].

Таким образом, в 1930-х гг. заготовки пушнины являлись для государства столь же важной частью доходов в бюджет, что и в 1920-х гг. В северных национальных округах заготовки пушнины оставались по-прежнему одним из основных направлений деятельности хозяйственных организаций, колхозов и охотников-единоличников.

---

[140] Массовая контрактация в СССР развернулась в 1928—1929 гг. Она предусматривала договоры государства и крестьянских хозяйств на поставку сельхозпродуктов. Контрактация обеспечивала государству в планово-организационном порядке поступление заготовительной сельхозпродукции. См.: Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство... С. 101—102.

[141] ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 15—17.

[142] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 104—105; ТОЦДНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 76. Л. 23 об.

4.2.2. Рыбозаготовки. Заготовки незерновых продуктов и прочего сырья

Внимание рыбозаготовкам в первой половине 1920-х гг. почти не уделялось. По сравнению с пушниной, они не давали больших доходов, а требовали трудоемкости, что в условиях хаотичного рынка 1922—1925 гг. не могло сделать их объектом деятельности со стороны хозяйственных организаций. И лишь кооперативные организации в силу своего слабого экономического положения вынуждены были принимать рыбу в незначительных количествах у рыбацкого населения. На Тобольской окружной партконференции 1925 г. подчеркивалось: «Все бросились на пушнину, оставив в стороне рыбное дело. Рыбное дело на Севере находится главным образом в руках Облгосрыбпрома. В прошлом году работали 3 тыс. заготовителей, которые заготовили 150 тыс. пудов рыбы. Из области был получен кредит на 70 тыс. руб. и роздан низовым кооператорам, но он не дает возможности поднять рыбное дело с выгодой населению. Улов рыбы в 1924—1925 гг. составил 350—400 тыс. пудов на сумму 1 млн. 200 тыс. руб.»[143].

Отношение к рыбозаготовкам постепенно стало меняться во второй половине 1920-х гг. Индустриальный Урал являлся потребителем обской рыбы, поэтому уральские организации активизировали деятельность по налаживанию рыбозаготовок на Тобольском Севере с 1925—1926 гг. Основными рыбозаготовителями являлись Госторг, Интегралсоюз, Обьтрест и кооперация. Главным заготовителем выступал рыбный трест, что было закономерно. Заготовки товарной рыбы Обьтрестом во второй половине 1920-х гг. увеличивались ежегодно в среднем на 25%[144]. В 1928—1929 гг. в пяти северных районах функционировало 63 торгово-заготовительных пункта интегральной кооперации и 42 пункта Госторга, которые участвовали в заготовках рыбы.

[143] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 5. Л. 4—5.
[144] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 136

Таблица 54

Заготовки рыбы в Тобольском округе в 1925/26—1927/28 гг. (в т)[145]

Хоз. год	Белая	Красная	Черная	Всего*
1925/26	3 316,2	198,8	7 402,7	10 917,7
1926/27	3 422,7	234,9	8 568,7	12 226,3
1927/28	3 762,8	235,3	9 652,3	13 650.4

* Подсчитано нами — *Л.А.*

Анализ данных по заготовкам позволяет констатировать возросшую опасность сокращения ценных пород рыб, а также фиксировать рост заготовок. В «Контрольных цифрах хозяйства Урала на 1928—1929 гг.» указывалось на весьма низкие цены, по которым принималась рыба. Рекомендовалась установка на снижение себестоимости продукции и повышение цен производителю[146].

С началом переселения на Север крестьян создавались, по мнению руководства Уральской области и Тобольского округа, реальные возможности для увеличения рыбозаготовок. В постановлении бюро Уралобкома ВКП (б) от 13 августа 1930 г. констатировалось, что на 5 августа план по Тобольскому Северу выполнен на 15,3%. Указывалось, что «имеющая место спекуляция рыбой не встречает решительной борьбы со стороны местных общественных и советских организаций. Дело заготовки поставлено чрезвычайно плохо. Необходимо всей рыбозаготовительной кампании придать ударно-боевой характер, чтобы добиться безусловного выполнения программы. Облторгу и Облсоюзу предложить в декадный срок создать премиальный фонд продуктов и промтоваров для стимулирования рыболовных артелей и ловцов-единоличников. Установить бесперебойное производство расчетов с ловцами за сданную продукцию»[147]. В постановлении также высказывалось требование подекадного отчета в обком о ходе заготовок.

---

[145] Новицкий В. Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 6. С. 120.

[146] Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—29 год. Свердловск, 1929. С. 202.

[147] ЦДООСО Ф. 4. Оп. 8. Д. 27. Л. 29—30.

В протоколе № 20 от 16 октября 1930 г. заседания Уралобкома ВКП (б) подчеркивалось значение удельного веса рыбы в рабочем снабжении, что требовало от Уралоблсоюза, Охотрыбсоюза и Рыбтреста обеспечения выполнения заготовок рыбы любой ценой. Слаженности в работе заготовительных организаций не было. В Александровском районе на партийном собрании от 9 декабря 1930 г. говорили: «... надо резче разграничить функции Интегрального товарищества и Рыбтреста и сказать об ответственности того и другого»[148]. Как правило, эти организации опаздывали вовремя снабжать орудиями лова, тарой и солью рыбаков, несвоевременно рассчитывались за сданную рыбу, тянули со сбором рыбы по юртам, которая месяцами лежала без движения и портилась[149]. Например, план 1930 г. в Александровском районе был выполнен на 85%, в отчете райкома ВКП (б) указывалось, что «заготовки шли туго в 1930 г., так как Рыбтрест не обеспечил свои засолочные пункты соответствующим количеством тары и солью»[150]. Вину за несвоевременное снабжение хозяйственные организации перекладывали друг на друга. В свое оправдание, к примеру, рыбный трест заявлял: «Рыбтрест является организацией обрабатывающей, интегральное товарищество — заготовительной»[151]. На заседаниях партийного актива Александровского района постоянно подчеркивалось, что планы заготовок завышены, но мер к их снижению вышестоящими организациями не принималось. В составе Александровского района находился Ваховский (Ларьякский) туземный район, на долю которого падала большая часть заготовок рыбы всего Александровского района. В 1931 г. Ваховский район должен был заготовить 41 тыс. пудов рыбы. Имелось три засольных пункта: Ларьяк, Охтеурье, Б-Тархово. Летом свежую рыбу не вывозили, а складывали в ледники. Александровский рик вынес постановление заготавливать мороженую рыбу[152].

Рыбозаготовки в 1930-е гг. стали составлять важнейшую часть всей хозяйственной деятельности в обоих округах. В Ямальском

---

[148] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 97. Л. 75 об.
[149] Там же. Л. 62, 75.
[150] Там же. Л. 52.
[151] Там же. Л. 75.
[152] Там же.

округе по плану 1931 г. следовало заготовить 10 123 т рыбы. Фактически было заготовлено 6 538 т[153]. Невыполнение плана объяснялось все теми же причинами: «плохое снабжение ловцов; планы заготовок не доводились до ловцов; слабо использовались ловцы-туземцы; несвоевременный расчет; отсутствие каких-либо преимуществ у колхозников»[154].

Таблица 55

Заготовка рыбы хозяйственными организациями в Ямало-Ненецком округе в 1931—1932 гг.[155]

Организация	1931 г.	1932 г.
Интегральная кооперация	1 446 т	1 389 т
Обьтрест	6 587 т	7 397 т

Интегральная кооперация в заготовках рыбы в Ямальском округе играла незначительную роль. Основным заготовителем выступал рыбный трест.

В Остяко-Вогульском округе в 1932 г. было заготовлено рыбы 11 451,1 т. По плану требовалось заготовить значительно больше — 19 104 т. Невыполнение, по объяснению руководства округа, связывалось с малой изученностью сырьевой базы округа, недостаточным освоением новых рыбоугодий, слабой механизацией лова[156]. Таким образом, оба округа в начале 1930-х гг. не справлялись с заготовительными планами по рыбе. На XI Уральской партийной конференции ВКП (б), состоявшейся в январе 1932 г., председатель Обь-Тазовского рыбтреста Новиков привел данные о рыбозаготовках. В 1930 г. рыбозаготовки составили 25,5 тыс. т, а в 1931 г. — 28,8 тыс. т[157]. Динамика рыбозаготовок — положительная, а планы между тем не выполнялись. Тенденция в рыбозаготовках, проявившаяся в их увеличении во второй половине 1920-х гг., сохранилась и в начале 1930-х гг.

Пятилетним планом предусматривалось довести лов рыбы на Тобольском Севере к концу пятилетки до 80 тыс. т, а всего по

---

[153] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
[154] Там же.
[155] Там же. Оп. 3. Д. 38. Л. 6.
[156] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 13—14.
[157] Киселев Л.Е. От патриархальщины ... С. 136.

Уральской области планировалось добыть 90 тыс. т[158]. Никогда столько рыбы Тобольский Север не давал, его биологические ресурсы не позволяли добывать такое количество рыбы. План был нереален. Туземцы говорили: «Для чего нам много добывать? Нонче много добудем, мы погубим всю рыбу и не будет чего нам есть»[159]. На первом Ямальском съезде советов (1932 г.) один из делегатов говорил: «Скверно со снабжением ловцов-туземцев продуктами питания и орудиями лова. Дают гнилую мережу, а потом смеются. Где, мол, твои глаза были? На песках часто нет соли и бочек. Пойманная рыба портится, а рыба государству нужна»[160]. Председатель Пуровского рика обратил внимание на развитие хозяйства в районе. Он подчеркнул: «Нужно заставить наши хозяйственные организации перестроить свою работу. У нас еще до сих пор ловят рыбу сетками, сплетенными из коры дерева»[161].

Протоколы собраний Нижневартовской партячейки за 1932—1933 гг. дают представления о заготовках как важнейшей деятельности в колхозе. Строгое доведение контрольных цифр, распределение заготовок между единоличниками и колхозниками. Причем, единоличники получали задание выше, а угодия имели хуже[162]. В заготовках рыбы принимали участие не только коренные жители и спецпереселенцы, но и школьники, учителя и другие работники. Планы увеличивались год от года. Итоги выполнения народно-хозяйственного плана Уральской области по рыбозаготовкам (Тобольский Север) в 1933 г. составили 24 026 т, план был выполнен на 76,3%[163].

В 1934 г. округа вошли в состав Обско-Иртышской области с центром в Тюмени. 22 января 1934 г. начала работу первая областная партийная конференция и первый пленум партийного комитета Обско-Иртышской области. Важнейшими задачами форумов являлось обеспечение плановых заготовок[164]. Однако краткое существование области не позволило принять ее руководству

---

[158] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 507. Л. 158.
[159] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 97. Л. 60 об.
[160] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
[161] Там же. Д. 6. Л. 6.
[162] ЦДНИТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 124. Л. 1, 6.
[163] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 273. Л. 76.
[164] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 6.

каких-либо мер, направленных на улучшение состояния рыбозаготовок и создания соответствующих условий для сдатчиков рыбы. Статистика по рыбозаготовкам страдает приписками — явлением, широко распространенным в отчетах организаций всех уровней, как хозяйственных, так и политических. Так, на заседании бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) от 13 сентября 1934 г. говорилось об «очковтирательстве» в сводках по рыбозаготовкам[163]. С переходом в состав Омской области ведущими организациями по заготовке рыбы во второй половине 1930-х гг были Обьрыбтрест и Интегралсоюз.

Таблица 56

Удельный вес в заготовках рыбы на Севере Омской области заготовительных организаций в 1936 г.[164]

Организация	Ямало-Ненецкий округ	Остяко-Вогульский округ
Обьрыбтрест	79%	21,6%
Интегралсоюз	18,5%	78,3%
Главсевморпуть	2,5%	—

Сведения таблицы показывают, что в Ямальском округе основным заготовителем рыбы выступал Обьрыбтрест, а в Остяко-Вогульском — Интегралсоюз.

Накануне войны в Ямало-Ненецком округе Обский Госрыбтрест Наркомпищепрома СССР[167] сохранял свои ведущие позиции. Хотя к этому времени в обоих округах имелись Рыбколхозсоюзы, но заготовками они почти не занимались[168]. Колхозный лов занимал 61,2% в общем объеме рыбозаготовок по обоим округам: в Остяко-Вогульском — 76,7%, в Ямальском — 38,3%[169]. В Ямальском округе заготовки 1940 г. были выполнены на 72,9% и составили 75 767 ц рыбы[170]. Заготовки в Остяко-Вогульском округе накануне войны осуществляли две организации: Потребительская кооперация и «Заготживсырье». План 1939 г. составлял

[165] Там же. Д. 43. Л. 47.
[166] Омская область. 1937. № 1—2. С. 76.
[167] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1798. Л. 83.
[168] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
[169] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1798. Л. 87.
[170] Там же. Д. 2045. Л. 9.

578 687 руб., выполнен был на 94%, или на сумму — 484 902 руб.[171]

Таким образом, рыбозаготовки в 1920—1930-х гг. развивались неодинаково. В первой половине 1920-х гг. ими занимались только кооперативные организации. Со второй половины 1920-х гг. рыбозаготовки активизировались и увеличивались ежегодно до середины 1930-х гг. Прекращение поступления новых партий ссыльных крестьян привело к тому, что дальнейшего роста рыбозаготовок не происходило, поскольку естественные физические ресурсы рабочей силы были исчерпаны. Заготовительные планы ежегодно менялись в сторону их увеличения, но объективных условий для их выполнения не было, так как они не учитывали ни возможности ресурсов водоемов, ни количество рабочих, ни производственные факторы.

Придавалось значение и другим заготовкам, особенно в 1930-х гг. Среди прочих заготовок первое место по степени хозяйственной значимости играли лесозаготовки. В начале 1930 г. план по заготовкам леса Тобольским округом был выполнен на 59,2%[172]. В 1931 г. лесозаготовки были проведены на сумму 359,2 тыс. руб., а в 1932 г. — на 355 тыс. руб. План в Остяко-Вогульском округе был выполнен в 1931 г. по лесозаготовкам на 100%[173].

Кроме спецпереселенцев в заготовках леса принимали участие учащиеся, работники, завербованные различными организациями, женщины (в основном, молодые девушки). Каждый рабочий выполнял все операции: от валки леса до его вывозки. Все работы выполнялись вручную. Лес вывозился гужевым транспортом и сплавлялся по рекам[174]. В 1934 г. было заготовлено древесины 126 тыс. куб. м, в 1935 г. — 134 тыс. куб. м[175]. X пленум Омского облисполкома (25—26 апреля 1938 г.) принял постановление, в котором определил «в кратчайший срок упорядочить ведение лесного хозяйства и работу райлесхозов». План лесозаготовок по

---

[171] Там же. Д. 2387. Л. 39.
[172] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 969. Л. 6, 73, 74.
[173] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 165. Л. 19, 21.
[174] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 1. Л. 11.
[175] Алексеева Л.В. Хозяйство Остяко-Вогульского округа в первой половине 1930-х гг. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. IV. С. 199.

тресту Обьлес был выполнен на 61,7%, по лесовывозке — на 50,1%[176].

Таблица 57

Заготовки 1939 г. (в тыс. фестметров)[177]

	План	Выполнение	%
Заготовки	121	181	160
Вывозка	131	163	127
Сплав	118	13	10

Из вывезенных 166,3 тыс. фестметров: пиловочной лиственницы — 9,8; пиловочных хвойных пород — 11,1; строевого леса — 80,7; сосновых болванок — 6,6; дров-долготья — 53,7; дров мерных — 54,4[178]. В Самаровском и Кондинском леспромхозах в 1939 г. работали 574 человека, из них — 64 женщины. Вывозка дров производилась сезонными рабочими на лошадях[179].

Заготовки продуктов питания в 1930-е гг. приобрели повсеместное распространение. Начало было положено заготовкой орехов, которые собирали женщины и дети. Особенности заготовок ореха не учитывались руководством хозяйственных организаций по незнанию того, что кедр дает орех один раз в три-четыре года. Нередко случались ошибки в планировании на этой почве. «Первоначальный план, утвержденный Окрснабом, равнялся 160 т, однако президиум Самаровского рика принял план заготовки ореха в сторону его увеличения — 285 т. (1931 г.) Тогда окрснаб дал новую разнарядку на 475 т[180]. В документе отмечалось: «Изыскать рабочую силу из женщин, подростков и колонистов, чтобы это не отзывалось на других заготовках»[181]. Заготовки кедрового ореха проводились ежегодно. Урожайность кедра была неодинакова и зависела от многих природных факторов. В Остяко-Вогульском округе собирали в разные годы от 40 до 700 т. 1939 г. был ореш-

---

[176] ГАОО. Ф. 437. Оп. 3. Д. 158. Л. 7, 17.
[177] Говоров А. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа // Омская область. 1940. № 3. С. 40—41.
[178] Там же.
[179] Там же.
[180] Известия Уралоблисполкома. 1931. № 42. С. 20.
[181] Там же.

ный. В Остяко-Вогульском округе собрали рекордный урожай — 954 т, в Ямало-Ненецком — 8 т ореха[182].

Заготовки мясомолочных продуктов также получили распространение. Заготовки в Остяко-Вогульском округе по боровой дичи в 1931 г. исчислялись суммой 20,6 тыс. руб., в 1932 г. — 57,8 тыс. руб. Маслозаготовки распространялись в основном на Остяко-Вогульский округ. За 1931 г. маслозаготовки были выполнены на 70%[183]. В другие годы сведений по маслозаготовкам не обнаружено. Во второй половине 1930-х гг. организацией заготовок занимался Ишимо-Тобольский маслотрест, бригада которого в составе 5 человек выехала 15 августа 1936 г. в Остяко-Вогульск и 26 числа прибыла на место. Ими же было предложено задание на 1937 г. — заготовить масла 500 ц. Тогда же были установлены сепараторы в Остяко-Вогульске для переработки молока в масло, поскольку в документе сообщалось, что «первая партия масла, выработанная на наших заводах, показала, что население довольно, масло свежее и качественное»[184]. Однако отсутствие техники не позволяло хранить молоко, а требовало быстрой доставки и переработки, поэтому заводы размещались с учетом наличия сырья. В 1937 г. в Остяко-Вогульске и Самарово были организованы 4 завода, планировалось открыть заводы в Березовском и Ларьякском районах[185]. Потребителями масла являлось население Остяко-Вогульска и Самарово[186], в другие районы оно не отправлялось, так как масла производилось мало и доставка скоропортящегося продукта летом и осенью была невозможна.

Таблица 58

Заготовки масла в Остяко-Вогульском округе в 1937—1939 гг.[187]

Год	Продукция (в ц)
1937	4
1938	713
1939	1 179

[182] Белоусов А.П. За рациональное использование кедровников Омской области // Омская область. 1940. № 1. С. 15.
[183] ГАХМАО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
[184] Там же. Д. 1. Л. 2.
[185] Там же. Л. 3.
[186] Там же. Л. 4.
[187] Там же.

Заготовки масла, как показывает таблица, в конце 1930-х гг существенно возросли. В 1939 г. начал работать Нижневартовский маслозавод, который осуществлял переработку молока, поступавшего от местного населения в форме обязательной сдачи. В первом году работы было принято от населения села Нижневартовского 1 036 л молока. План составлял — 4 000 л. Молоко везли в Нижневартовск и жители близлежащих деревень. Средств у завода, чтобы расплатиться со сдатчиками молока, не было. На 1 февраля 1940 г. задолженность маслозавода составляла 12 773 руб. Производственный план завода на 1940 г. по производству масла составлял 160 ц[188]. План не учитывал реальных производственных возможностей общественного животноводства. Для его выполнения население принуждалось к сдаче молока из подсобных хозяйств.

В Ямало-Ненецком округе была предпринята попытка воздействия на крупных оленеводов по продаже оленей государству[189]. Кроме основных видов заготовок все большее внимание уделялось заготовкам ягод, пуха, пера, шерсти, конского и коровьего волоса, картофеля и др. Накануне войны заготовки состояли из двух видов: централизованные и децентрализованные. К децентрализованным относилась заготовка незерновых сельхозпродуктов и разного второстепенного сырья. Например, в 1940 г. по Ларьякскому району план децентрализованных заготовок исчислялся суммой 247,7 тыс. руб. Обеспечить поступление заготовок должны были заготконтора райпо и рыбпродснаб[190].

Интересно, что начали развертывать заготовительную деятельность на Севере Западной Сибири предприятия из других регионов СССР. Так, в одной из местных газет было помещено объявление: «К сведению всех организаций, колхозов, колхозников и совхозов. В п.Остяко-Вогульск организована заготконтора второго Тагилторга Уралвагонзавода по децзаготовкам незерновых с-х продуктов и покупает в неограниченном количестве по установленным государственным ценам: мясо скотское, в т.ч. соленое и копченое. Рогатый и мелкий скот, мясо диких съедобных животных, дичь водоплавающую, грибы сушеные и соленые,

---

[188] ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 79—80.
[189] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 273. Л. 61.
[190] ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

крахмал и пр. с-х продукцию»[191]. На заседании исполкома Ларьякского национального совета решался вопрос о допуске Кировоградторга к децентрализованным заготовкам в 1940 г., касающимся незерновых продуктов[192].

Заготовки шерсти стали вводиться со второй половины 1930-х гг., когда появилось поголовье овец в колхозах и произошло некоторое его увеличение в подсобных хозяйствах колхозников и в хозяйствах единоличников. Заготовки шерсти относились к числу обязательных поставок государству. В Ларьякском районе заготовка шерсти в 1940 г. осуществлялась со всех хозяйств, имевших овец. Однако точного учета скота не имелось, поэтому уполномоченному по заготовкам предписывалось составить списки хозяйств и переписать имеющийся скот, затем представить списки в райсовет на рассмотрение[193].

Таким образом, кроме заготовок пушнины и рыбы осуществлялись заготовки различного сырья, сельхозпродуктов и дикоросов, получивших самое широкое распространение в северных национальных округах накануне войны.

Заготовки традиционно являлись важнейшим экономическим показателем советской экономики. Государственные организации и органы Советской власти хорошо понимали, что своевременное и достаточное снабжение Севера товарами — залог успеха рыбной и пушнозаготовительной компании, для обеспечения которых осуществлялась забросна товаров[194]. Прочие заготовки в меньшей степени были обеспечены товарами и деньгами. Очевидно, что во второй половине 1930-х гг. заготовки охватили все сферы сельскохозяйственного производства. В заготовительной кампании все больше проявлялись тенденции, характерные для заготовок в сельскохозяйственных районах страны.

---

[191] Остяко-Вогульская правда. 1940. 28 февраля
[192] ГАХМАО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 123.
[193] Там же. Л. 140
[194] Копотилов М. Торговля округа в 1926—27 году // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 128.

4.3. Торговля и снабжение. Северный завоз

4.3.1. Торговый обмен и снабжение в 1920-х гг.

Освещение проблемы снабжения северных районов товарами первой необходимости во второй половине 1920-х гг. в советской историографии не нашло отражения. Реформы распределительной системы советского государства проявились в восстановлении торговли и товарно-денежных отношений, что потребовало допущения частного капитала в сферу торговли. В торговле на Севере в первой половине 1920-х гг. развивались формы торгового обмена, в которых, с одной стороны, участвовали представители государственных и кооперативных организаций и частники, а с другой,— местное население. До введения нэпа обмен носил натуральный характер, с началом распространения новой экономической политики при обмене стали использоваться деньги. Городские формы торговли не были характерны для Севера: розничная, оптовая, лавочная, мелочная. Традиционным видом торгового обмена являлись ярмарки. Все торгующие организации и частные лица вели торговлю по правилам царского времени, давали товар в кредит под честное слово, цены у всех были разные. Часто посредниками в торговле выступали зыряне. Набрав товар в кредит, они ехали в тундру и обменивали его на пушнину, очень ловко и выгодно для себя, получая прибыль, в 2—3 раза превышающую расходы.

Государственные организации в условиях сильной конкуренции, не имея опытных работников, прибегали к услугам частных торговых агентов, которые хорошо знали Север. Агент снабжался товарами и отправлялся в дорогу. Советские организации понимали, что государственная торговля могла бы иметь значительно больше, если бы не услуги контрагентов, поэтому неоднократно местные органы советской власти предлагали покончить с частниками и не допускать их в тундру. На борьбу с ними поднялся финотдел, обложив их большими налогами. Но все эти меры не препятствовали деятельности частников: они активно работали, разъезжая по тундре, как приказчики, поскольку многие из них были переведены в разряд совслужащих, и фирмы этими опыт-

ными работниками очень дорожили. У кооперации таких возможностей не было, частник-агент выступал ее конкурентом[195].

Отсутствие ограничений в торговле в первые годы нэпа привело на Север многочисленные государственные организации. Крымторгснаб развернул свою деятельность в 1923 г. в Обдорске, куда представители указанной организации прибыли с открытием навигации. Товарообменные операции начали производиться с 24 июня. Состав товара был представлен следующими продуктами и промтоварами: мука — 1 500 пудов, чай — 80 кирп., сапоги — 4 пары, швейные изделия — 32 шт., разная мелочь. Всего на сумму — 134 258 руб. Товар мгновенно разошелся, причем часть товара была отдана в кредит, часть продана за деньги, а большая часть обменена на пушнину: песец — 20 шт., соболь — 1, недопесок — 4, лисица — 2, крестоватик — 27, выдра — 1[196].

Центросырье — Тобольская сырьевая торговозаготовительная контора, по инициативе которой в Обдорске в 1923 г. открылось агентство. Все товары были получены из конторы. В их числе спички, мука трех видов — более 10 000 пудов, мануфактура — 7 000 аршин, чай в кирпичиках — 1 160 досок, крендель и др. Работа началась 30 октября 1923 г. и представляла собой торговый обмен в кредит. Пушнины было собрано немного[197], поскольку осенью пушнины не бывает, ее поступление начинается в январе и позднее.

Уралгосторг, располагавший товарными фондами, сразу же создал сеть факторий и в 1923 г. развернул свою деятельность. На 1 января 1924 г. в отчете Обдорскому рику указывалось, что выдано товаров на сумму 36 124 руб. Собрано пушнины: белки — 1 203 шт., песцов — 3 шт., крестоватиков — 24, лисиц — 4, горностая — 54 и др. Всего на сумму 2 540 руб. 55 коп.[198]

Сибирская пушная компания имела факторию в селе Мужи. Начала свою деятельность в июле 1923 г., располагала товарами на сумму 18 614 руб., представленные мукой, чаем, мануфактурой и разной мелочью. Товары обменивались на пушнину, мехсырье и дензнаки[199].

---

[195] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1.Д. 10. Л. 56—60.
[196] Там же. Л. 29
[197] Там же. Л. 32 об.
[198] Там же. Л. 71
[199] Там же. Л. 75.

Хлебопродукт имел широкую сеть своих представительств. Обдорское отделение состояло из нескольких агентств и пунктов, в которых осуществлялась торговля[200]. Торговая деятельность была начата осенью 1923 г. Для развертывания торговли Обдорское отделение открыло новые торговые пункты в Щучьей, Хадэтте, Пуйко, Норях, Ныде, занималось заброской товаров и продуктов. Первый год торговли показал, что заброшено мало ходовых товаров, и инородцы не спешили с пушниной, приезд их был небольшой[201]. В отчете Обдорскому рику сообщалось, что «отделение всецело зависит от Уральской конторы. Вся потребность инородцев зависела от выхода пушнины, будет пушнина — будет и спрос на товары, не будет выхода — не поедут туземцы в торговые пункты»[202].

Цены на ввозимые товары, как правило, были завышены. Ассортимент товаров пушной продукции никем не регламентировался, что при неограниченном спросе на пушнину вело к уничтожению молодого зверя и подрывало основу промысла. Документы содержат обилие фактов, свидетельствующих о свободной ценовой политике. В информационном отчете Обдорского райкома ВКП (б) (август—ноябрь 1925 г.) сообщаюсь об искусственном сдерживании торговли для взвинчивания цен с целью побольше взять пушнины. Так, масло продавали в Обьгресте по 1 руб. за кг, в то время, как в Госторге торговали по 60 коп.[203] В 1924 г. Хлебопродукт продавал хлеб по 1 руб. 20 коп. за пуд, кооперация — по 1 руб. 50 коп.[204] В сводке ОГПУ 1925 г. (февраль) сообщалось, что «в Сургутском районе хозорганы обострили свои взаимоотношения с рыбацким населением ввиду того, что остякам и самоедам хозорганы продавали муку по 1 руб. за пуд, когда чуть не всю распродали, подняли цену до 1 руб. 40 коп.»[205]

Тобольским окружкомом ВКП (б) состояние торговли в крае рассматриваюсь неоднократно. В докладной записке Тобольского окружкома по внутренней торговле от 22 мая 1924 г. ука-

---

[200] Там же. Л. 78.
[201] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.
[202] Там же. Л. 86.
[203] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 225. Л. 43.
[204] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 68.
[205] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 78.

зывалось на необходимость совместной работы Госторга и других хозяйственных организаций с кооперативами по снабжению населения Севера хлебом[206]. Секретарь Тобольского окружкома ВКП (б) Лайус в докладе на окружной партийной конференции подчеркивал: «Торговая политика носит нездоровый характер. Имеет место залежание товаров. Кредиты населению раздаются неумело. Кроме того, слишком много заготовителей, а цены покупные высокие. Пушнина, доходя до Москвы, становится много дороже, чем говорят официальные сводки этих заготовителей»[207]. Делегаты с мест в своих выступлениях также касались проблем обмена, заготовок и товарного снабжения. Так, Пуртов (село Нахрачи) говорил, что «заготовка пушнины на Севере не приносила убытка государству, так как заготавливалась по лимитным ценам. Излишки заброшенных товаров по заготовке пушнины также не приносят ущерба государству, они раздаются в кредит под пушнину населению»[208]. Делегат из Березова (фамилия неразборчива.– *Л.А.*) указал на то, что «заброска товаров протекала зимой, а не летом, когда это гораздо дешевле.., заброска производилась несвоевременно, при этом продукты были недоброкачественны: 8 тыс. пудов муки, 500 пудов кренделя, 15 пудов табаку»[209]. Никитин (Березово) говорил об ухудшении год от года рыбного хозяйства при возраставших ценах на пушнину[210]. Лайус на этот счет привел конкретный пример: «Раньше рыбак за пуд муксуна получал 26 пудов муки, тогда как сейчас он получает 2 пуда муки»[211]. Орлов из Сургута в своем выступлении говорил о дисбалансе, возникшем между рыбой и пушниной: «Белка на Севере очень дорога. Пушняцкое население всю пушнину хозорганам не сдает, сдает же такое количество, на которое оно в состоянии приобрести себе на год необходимых продуктов, остальная же пушнина увозится обратно. Окрику надо принять меры к снижению цен на пушнину, тогда остяк не будет белку увозить обратно. Снижение цен на пушнину также будет способствовать развитию рыболовства. Население на Севере закредитовалось всем хозорганам. Это

[206] ЦДООСО. Ф. 4 Оп. 2. Д. 141. Л. 66.
[207] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
[208] Там же. Л. 16.
[209] Там же. Л. 19.
[210] Там же. Л. 20.
[211] Там же. Л. 26.

кредитование ненормально...»[212]. Таким образом, проблемы в снабжении и развитии торговли на Севере были обозначены довольно четко политическими и хозяйственными организациями.

Специфическим учреждением для проведения торговых сделок на Тобольском Севере выступала фактория. Фактории — опорные пункты торговли и обмена, создавались в самых отдаленных местах и являли собой помещение, где держали товар. Кроме того, заезжему человеку можно было здесь выпить чай, обогреться, переночевать. Фактории возникали в местах выхода кочевников к югу, в строго определенное время, где их с товарами дожидались купцы. Советские заготовители стали нарушать этот порядок, конкурируя между собой, стараясь опередить друг друга, уже не дожидались аборигенов в пунктах обычного выхода, а направлялись к нему навстречу по ранее известным путям, производя при встрече обмен. Так получили начало большинство факторий, которые год от года проникали все дальше в тундру. «Главным злом наших факторий является беззастенчивая эксплуатация ими инородческого населения. ... Персонал факторий, в большинстве являясь элементом не всегда сознательным, под влиянием отчасти личных выгод, отчасти директив своего центра, старается скупить больше и больше, не стесняясь ничем: здесь и «божеская» наценка на товары, и недоброкачественный товар по пресловутой пословице «не обманешь, не продашь», и спиртные напитки, доводящие инородца при его склонности к ним, до полной нищеты и разорения»[213]. Содержание факторий вело к увеличению расходов госхозорганизаций, а также лишало возможности контролировать деятельность агентов на факториях из-за их удаленности. Налоговая кампания ставилась под удар, поскольку инородцы, не выходя к местам обмена, не платили налогов, учесть их также не представлялось возможным.

Обдорский окружной торговый отдел 12 января 1924 г. в письме в Обдорский рик писал: «Вся работа направлена на переброску грузов на фактории, полученные из губконторы и устройство совершенно новых факторий: в Щучье, Ходэтте, Пуйко, агентство в Нори и Ныде. Все фактории к открытию зимнего

[212] Там же. Л. 42.

[213] Скосырев А.В. К вопросу о северных факториях // Наш край. 1924. № 2. С. 30—31.

сезона были готовы. Работа наша по товарообмену на факториях протекает неважно. Наши филиалы находятся в стадии развития и устройства. Торгуем первый год. Все же мы не успели зарекомендовать себя среди инородцев, полагаю, что весенний сезон будет лучше»[214].

Кочевники быстро узнавали о факториях, о ценах на те или иные товары и для себя решали, куда им выгоднее повести пушнину. «Тундровые самоеды с Гыданского полуострова и из Тазовской тундры вместо Обдорска и низовых факторий стали выходить на Енисейскую сторону. Возникновение в Тазе, Пуре, Яновом Стане факторий дало возможность туземцам обходиться без зимних отдаленных поездок на Обдорск. Этому способствовали более выгодные условия сбыта пушнины на сибирских факториях в сравнении с уральскими, разница в ценах на товары. <...> Рассматриваемая полоса отдаленного северо-востока не вполне еще охвачена заготовительными организациями и их факториями. Тымско-караконские остяки ввиду отдаленности от больших рек испытывают затруднения в сбыте продуктов охоты, доставляя пушнину или в Тазовские фактории, или в фактории Туруханского края. Из-за отдаленности получила заметное развитие скупка пушнины посредниками из среды богатых туземцев. Васюганские остяки, несмотря на существование своих факторий (Айполовы юрты, Каргасок, Наукон и др.), сдают пушнину по месту белкования в другие фактории. <...> Необходимо расширение обычных операций факторий по заготовке. Не только прием пушнины, но и пуха, пера, птичьих шкурок, мамонтовой кости, оленины и пр., что значительно могло повысить доходность туземного хозяйства и дать новые экспортные ценности»[215].

В июле 1924 г. состоялась 3-я сессия Тобольского Окрисполкома, которая признала нецелесообразность существования факторий и выступила за их ликвидацию, особенно в тех местностях, где имелись кооперативные объединения[216]. «Спекулянты для торговли с инородцами рвутся в тундру»[217],— писала северная газета. Одновременно имела место скупка продуктов и промтоваров

[214] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 49.
[215] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 60—61.
[216] Там же. Л. 31.
[217] Северянин. 1924. 27 июня.

богатыми оленеводами и доставка их в тундру, где они выменивали их на пушнину в несколько раз дороже, с выгодой для себя»[218]. Однако устранить фактории административными решениями и добраться до них руководству округа было непросто, поэтому свою деятельность сохранили большинство факторий[219].

Всего в 1924—1925 гг. на Тобольском Севере было продано 403 322 пуда ржаной муки, 5 084 пуда масла, 288 623 метров тканей, 1 008 ружей, 781 пуд пороха, 2 757 пудов дроби[220]. Особенности в хозяйстве, быте северных окраин Уральской области и вопросы снабжения территории прослеживаются по действовавшим на Севере отступлениям от общих для всей страны начал нэпа и свободной торговли. Из законодательных актов, относящихся к указанной проблеме, наибольшее значение для Севера имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сентября 1925 г. «О мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала»[220].

Постановление было обращено к организации правильной торговли населения и защиты его от торговой эксплуатации со стороны частного капитала. Работа частников, по данному постановлению, ставилась в особые рамки надзора и регистрации, кроме этого устанавливался ограничительный порядок работы на Севере для госкооперативных организаций. В результате действия указанного постановления частникам был перекрыт доступ на Север, государственные же организации не имели средств для обеспечения всеми необходимыми товарами местных жителей. На основе указанного постановления Уралобком издал Циркуляр за № 256 от 30 декабря 1925 г. «О состоянии хозяйства Урала», где указывалось: «принять меры к полному прекращению банковского и торгового кредитования частных заготовителей, а также усилить надзор через финагентуру за выборкой патентов

---

[218] ГАЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
[219] ГАХМАО. Ф. 1;1. Оп. 4. Д. 292. Л. 2—5.
[220] Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 95.
[220] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 2. Закон «О мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала» был обнародован 19 сентября 1925 г.

лицами, систематически занимающимися скупкой хлеба для продажи»[221].

Появление законодательных актов о введении государственной торговли на Севере ограничило торговую деятельность вообще и привело к свертыванию частной торговли[222]. Запрещение частной торговли в конце 1925 г. породило кризис, Север оставался без продовольственного и промтоварного обеспечения. Уралгосторг высказал мнение о запрещении частной торговли как преждевременной, поскольку госторговля и кооперативные организации не могли удовлетворить товарный спрос местного населения[223]. Нарушение естественного торгового обмена требовало планового снабжения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости[224]. Уралоблторг констатировал: «Общая финансовая депрессия отразилась на отпуске кредита и по снабжению севера. Из потребного кредита в 1 208 тыс. руб. в настоящее время фактически отпущено только 300 тыс. До конца заброски остается всего один месяц и маловероятно, что план заготовки будет выполнен полностью»[225].

Плановый завоз товаров на Север Уральской области начал осуществляться еще с 1924 г. В первом квартале 1924—1925 гг. Наркомторг разработал и ввел в действие планы поставок товаров широкого потребления в различные регионы страны. «Планам завозов» придавался обязательный характер и, первоначально нацеливаясь на организацию снабжения населения только Урала и Сибири, они вскоре были распространены повсеместно.

Главная масса завоза товаров выпадала на летние месяцы, сообразно чему и операционный год по снабжению Севера считался с 1 апреля. Однако планы в первые годы снабжения (1924, 1925, 1926 гг.) утверждались со значительными опозданиями, и завоз осуществлялся «на бумаге». Первым планом, доведенным к завозящим организациям в намеченный срок, был план 1926—1927 гг., утвержденный Уралоблисполкомом 14 апреля 1926 г.

Для обеспечения планового завоза необходимо было знать количество населения и его покупательные возможности. На

[221] ТОЦДНИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.
[222] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 55.
[223] Там же. Д. 35. Л. 22.
[224] Там же. Л. 2—6.
[225] Там же. Л. 22.

Тобольском Севере в пяти районах проживало 56,6 тыс. человек. Общее количество оседлого населения определялось Уралстатуправлением в 36 тыс. человек. Общая покупательная способность населения Тобольского Севера оценивалась суммой более 4 млн. руб. в год, или 75 руб. на человека. Источниками ее служили, по приблизительным подсчетам: сбыт пушнины — 45%, сбыт рыбы — 40%, сбыт прочих продуктов — 2%, зарплата рабочих и служащих — 13%. Планы по завозу составлялись и рассчитывались, исходя из потребностей, однако фактически выполнялись на 50 и менее процентов. На 1926—1927 гг. для Тобольского Севера предусматривалось завезти товаров на 4 224 тыс. руб. Ассортимент товаров в процентном соотношении был следующий: хлеб — 41%, мануфактура — 17%, коровье масло — 9%, орудия охоты и рыбной ловли — 8%, чай — 4%, прочее — 21%. Хлеб составлял важнейшую часть товарных групп. Потребление хлеба рассчитывалось из нормы 12 пуд. в год на одного человека, сахара — 6 фунтов, масла коровьего — 9,5 фунтов[226].

Снабжающими организациями выступали: Тобсеверосоюз и Союз охоты — 36% завоза; Обьтрест — 25%; филиалы государственных организаций заготовителей пушнины (Госторг, Акционерное общество «Сырье», Акционерное общество «РАСО») — 39%[227].

С конца 1925 г. на Севере были установлены практически твердые цены на основные товары первой необходимости. Ни одна из торговых организаций не вправе была реализовать товар по ценам выше или ниже установленных. Введение такого жесткого регулирования цен объяснялось той конкуренцией, которая происходила на Севере между многочисленными организациями, работавшими в качестве заготовителей пушнины. Твердые цены распространялись на муку ржаную и пшеничную, соль, сахар, керосин, масло топленое, порох и дробь[228].

При распределении завоза на основе хозрасчета выяснилось, что районы, более богатые пушниной, обеспечиваются товарами полностью и даже чрезмерно, тогда как рыбацкие (Конда, Сама-

---

[226] Вопросы снабжения Уральского Севера // Хозяйство Урала. 1926. № 13—14. С. 84—88.

[227] Там же.

[228] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 108.

рово), не имея соответствующих ресурсов и учитывая плохой сбыт рыбы и низкие цены на нее, оказывались обделенными»[229]. В 1926 г. не был выполнен план заброски хлеба на Север. Недозаброска составила 30 000 пудов. Хлеба завозили больше туда, где заготавливается пушнина, а некоторые пункты и вовсе оказались без хлеба[230]. Болезненным становился вопрос спиртного. Сохранялась порочная практика скупки пушнины за водку, которой не гнушались ни частники, ни представители государственных и кооперативных организаций. В 1926 г. ВЦИК и СНК приняли постановление «О запрещении ввоза и продажи спиртных напитков в некоторых местностях северных окраин РСФСР». В нем указывалось, что Уралоблисполкому разрешено частичное или полное запрещение продажи спиртных напитков в районах: Березовском, Кондинском, Обдорском, Самаровском, Сургутском[231]. Сделки, заключенные с местным населением, связанные с распространением спиртных напитков, признавались недействительными с применением ст. 149 Гражданского Кодекса РСФСР[232].

Докладывая о снабжении товарами на Севере Тобольского округа, ответственный работник Тобольского окружкома ВКП (б) М.Копотилов привел следующие данные: «План заброски товаров исчисляется суммой в 2 млн. 374 тыс. 900 руб. План был перевыполнен на 15%. Первое место в товарах отводилось хлебу (на сумму 782,8 тыс. руб.), затем мануфактуре (343,9 тыс. руб.), маслу (264,6 тыс. руб.) и припасам рыбного промысла (103,2 тыс. руб.)»[233].

Первые годы по снабжению товарами Тобольского Севера выявили необходимость создания страховых продовольственных фондов на случай каких-либо стихийных бедствий, особенно это касалось хлеба и соли. Дополнительных средств на эти цели не выделялось. Вопросом организации хлебозапасных магазинов, по мнению Уралоблсовета, должны были заниматься местные власти. Хлебозапасные магазины, по мысли областных руководителей, должны были иметь характер учреждений, регулирующих снаб-

[229] Вопросы снабжения... С. 91.
[230] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.
[231] В окрторге // Тобольский край. 1926. № 1. С. 73.
[232] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 35. Л. 43.
[233] Копотилов М. Торговля округа в 1926—27 году // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 146—149.

жение Севера без присвоения им функций заготовителей[234]. Заведующие хлебозапасными магазинами руководствовались соответствующими распоряжениями свыше, не имели права свободной хлеботорговли, поскольку их товарные (хлебные) ресурсы рассматривались властями как резервный фонд, предназначенный для снабжения туземного населения в годы стихийных бедствий[235].

В 1926 г. было организовано три хлебозапасных магазина: в Леушах, Юганском и Кушевате. Причем два магазина были основаны на общественные средства, а один — на средства местного бюджета. Указывалось, что «магазины эти имеют своей целью регулярное снабжение туземного населения продовольствием, орудиями промыслов и предметами первой необходимости, содействие объединению туземцев в производственные коллективы на кооперативно-промысловых началах, а через них — поднятию местного хозяйства»[236]. Однако бедственное положение местных жителей заставляло их идти в магазины и просить хлеб в кредит. Документы свидетельствуют, что «некоторые туземцы, получившие однажды в кредит из хлебозапасного магазина и не уплатившие таковой, приходят снова и просят муку в кредит»[237]. К примеру, в Обдорском районе туземец юрт Лоровортских Г.Н.Вальнамов 20 января 1927 г. прибыл в Кушеват в хлебозапасный магазин. Имея на иждивении 6 человек, стал просить вторично муки в магазине, но ему отказали. Он обратился в местную контору хозяйственной организации, но и там хлеба не получил. Тогда со слезами на глазах он вернулся в магазин второй раз в тот же день, сказав, что семья голодает, и сам он уже давно не ел. «Вследствие чего я вынужден был отпустить ему 4 пуда 10 фунтов муки и дал печеного хлеба утолить голод»,— говорил А.Ершов, зав. магазином»[238].

---

[234] О порядке снабжения северных окраин // Северная Азия. 1925. Книга третья. С. 109.

[235] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

[236] Северянин. 1926. 20 октября. Организацией указанных магазинов занимался Тобольский Комитет Севера. См.: В Комитете Севера // Тобольский край. 1926. № 1. С. 72.

[237] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 59. Л. 14.

[238] Там же. Л. 15.

Неулов рыбы в зимний сезон 1926—1927 гг. повлек голод в Березовском, Обдорском и Кондинском районах. В Тобольский Комитет Севера шли телеграммы работников местных органов власти с просьбой о выделении хлеба[239]. Так, в телеграмме из Березово от 31 января 1927 г. в Тобольский Комитет Севера сообщалось: «Абсолютная голодовка инородческого населения нашего района. Целыми юртами сидят голодные. Полное отсутствие промыслов и всяких заработков заставляет их являться в Рик по двадцать человек делегациями. Трубуют заработка и хлеба. Окажите содействие их снабжению путем брони муки за счет вас в хозорганах. Много случаев опухоли. Ларкин. Ануфриев»[240]. 5 февраля в телеграмме из Березово Ларкин вновь сообщал, что голодает 20% населения[241]. В телеграмме председателя Кондинского рика Яковлева от 16 марта 1927 г. содержался крик о помощи: «Прошу отпустить 400 пудов ржаной муки для голодающих 50 семейств вогул в туземном Карымкарском совете под весенний и осенний промысел 27 и 28 г.»[242].

Весь трагизм положения можно представить, познакомившись с письмом остяка юрт Больше-Алтымских Березовского района секретарю Тобольского окружкома партии Новикову (март 1927 г.): «Я остяк. 50 лет нахожусь в тяжелой работе, тяну по колено в грязи невод, набитый рыбой, потом и кровью добываю хлеб для своей семьи... Настали тяжелые годы — 1926, 1927. Несмотря на то, что наша страна стала богаче, наше население голодает и пухнет с голода, несмотря на тяжелый труд и хлопоты. Вот недавно помер с голода остяк Лазарев, а семейство в составе 3-х человек осталось на произвол судьбы, такая же участь грозит многим членам нашего села, которые не видят несколько дней куска хлеба. Поэтому просим выяснить, почему это так, ведь при буржуазном правительстве ни один остяк не голодовал, был сыт и одет хотя и не в полной мере, теперь замечается голод и смертность нас. Мы также хочем быть равными и быть культурными, как остальные массы»[243]. 15 марта 1927 г. Тобольский окрисполком принял решение о выдаче продовольственных ссуд постра-

[239] Там же. Л. 17—20.
[240] Там же. Л. 17.
[241] Там же. Л. 20.
[242] Там же. Л. 29.
[243] Там же. Л. 40.

давшему от стихийных бедствий населению Обдорского, Березовского и Кондинского районов (всего голодающих в трех районах — 5 665 человек) в размере 7 400 пудов. Подчеркивалось, что хлеб дан в кредит, который необходимо покрыть к 1 июля 1927 г.[244]

Для упорядочения деятельности хлебозапасных магазинов в 1928 г. была выработана «Инструкция по ведению операций государственных хлебозапасных магазинов на Тобольском Севере Уральской области», в которой говорилось, что государственные хлебозапасные магазины учреждены для содействия хозяйственному развитию туземного населения путем организации бесперебойного снабжения продовольствием и орудиями промыслов при стихийных бедствиях в виде наводнений, пожаров, эпидемий, эпизоотий и т.п. и в тех случаях, когда туземное население не может получить этого снабжения от местных хозяйственных органов в силу закредитования, неплатежеспособности отдельных туземных хозяйств, вызванных продолжительной болезнью или смертью их трудоспособных членов, в случаях перехода туземного населения на оседлость и при переселениях его в пределах Тобольского округа

Магазины на местах были подведомственны райисполкомам, на территории которых они находились. Основной материальный фонд магазинов состоял из ржаной муки и соли. Ссуда, выданная указанными продуктами, могла быть возвращена как деньгами, так и пушниной, рыбой, орехами, дичью, олениной, лосиными шкурами. На каждого получателя ссуды заводилась расчетная книжка, которая выдавалась на руки и открывался счет[245]. Магазин обязан был вести строгую отчетность. Тобольским окрисполкомом устанавливались документы (книги) к ведению магазином: кассовая; товарная; для записи фондов магазина; для учета принимаемой продукции от ссудо-получателей, инвентарная; книга записи посещений (она же жалобная)[246].

Обслуживание магазинов и вся работа по договорам была передана Госторгу и Обьтресту, а затем Интегральной коопера-

[244] Там же. Л. 60—60 об.
[245] Там же. Л. 120—121.
[246] Там же.

ции[247]. 30 июля 1928 г. Тобольский окрисполком заключил договор с Тобольским окружным Интегралсоюзом о хлебозапасных магазинах. В документе говорилось: «Тобокрисполком поручает Интегралсоюзу хранение принадлежащих Тобокрику продуктов и товаров, составляющих государственный хлебозапасный фонд в пределах Тобольского Севера. Государственные хлебо-запасные магазины передаются Интегралсоюзу в следующих пунктах: Обдорск, Хэ, Шурышкары, Кушеват, Березов, Полноват, Сартынья, Кондинское, Сургут, Тундрино, Усть-Балык, Юган, Угут, Нахрачи, Леуши, Карым. Охрана на местах и содержание заведующих относится за счет Интегралсоюза»[248].

Важнейшей проблемой снабжения Тобольского Севера оставалось обеспечение необходимыми товарами туземного населения, о чем неоднократно говорилось в хозяйственно-экономической литературе 1920-х гг. В.Пиньжаков отмечал, что «в ряде случаев мы еще не даем туземцу некоторых товаров, получаемых им в дореволюционном прошлом (капканы, мережы сетные, котлы, погребцы, чайники, чайная посуда, цветное сукно, бисер, иголки, топоры, долотья и.т.д.)»[249].

Проблемой был вопрос о лучшем типе промыслового оружия, которое отвечало бы условиям охоты. Появившаяся «фроловка» не нравилась туземцам. Обращая внимание на затвор ружья, туземец, видя его подобным берданочному, качал головой; осматривая дуло, показывал на тонкие стенки ствола и разочарованно возвращал «фроловку» продавцу. Дело в том, что охотники вынимали затвор берданки и носили его за пазухой, а порой и теряли их. Держать затвор на месте мешали морозы, так как смазанный салом затвор на морозе не разбивал пистона. Туземцы хотели хороших ружей, а не дешевых. Пользовались спросом «централки» — до 60 руб., 4-линейные берданки, нержавеющие, бескурковые гладкоствольные ружья, 28-калиберные дробовики. Идеалом для туземного промысловика являлся бюксфлинт центрального боя, с 4-линейным винтовочным стволом и дробовым 28 калибра. Туземцы хотели, чтобы при помощи необходимых

---

[247] Там же. Л. 177, 190.
[248] Там же. Л. 212.
[249] Пиньжаков В. Задачи снабжения туземного севера // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С. 145.

качеств ружье могло взять лося, медведя и лисицу. По мнению обдорцев, бюксфлинт должен был весить не более 10—12 фунтов, дробовой его ствол должен соответствовать калибрам от 20 до 28-го, в винтовочном стволе его допускалось 4 линии, лучше, если он будет 3-линейным и еще лучше — 2-линейным[250].

По опросам местных охотников (1928 г.) выявилось недостаточное снабжение порохом (Кондинский район), неаккуратное выполнение заготовителями заказов на пистоны к пистонным ружьям, в Мужах отсутствовало ружейное масло

Обдорские охотники нуждались в стрихнине, который применялся против волков. Недозаброска стрихнина вела к увеличению волчьих стай, а следовательно, к растущему урону оленьих стад. Сохранялся спрос и на кремнии для кремниевых ружей (Обдорск). Большое значение в быту северного туземного охотника имел хороший нож, но таковых на Урале не производилось. Туземцы не брали финские ножи отечественного производства, изготавливали сами из старых напильников. Туземцу нож заменял многие необходимые орудия труда. Нож был многофункциональным: являлся стругом, сверлом, резцом, кинжалом, ножницами, скобелем, циклей, стамеской, то есть универсальным спутником в домашней жизни, на охоте и рыбном промысле. Общераспространенные туземные ножи имели обух в 3 мм с постепенным сужением к концу ножа, длина лезвия ножа — 10—14 см. Лезвие ножа напоминало формой скальпель анатома, а его ручка — ручку финского ножа, отличаясь в то же время от нее коническим расширением у основания и сужаясь несколько в конце рукоятки (у лезвия) для вклинивания в деревянные или костяные ножны, которые туземец делал сам, привешивая их к поясу на коротких медных или железных цепочках.

Последними в разделе охотничьего спроса являлись капканы. Их в товарном ассортименте Севера не было совсем, а если и имелись, то непригодные по местным условиям. В Леушинском, Малом Атлыме, Березове, Мужах и Обдорске нужны были капканы на горностая, выдру, лису, соболя, песца. Из Обдорска просили капканы на волка, давая при этом подробную характеристику волчьего капкана. По мнению туземцев, капканы должны быть с зубцами, с тугими пружинами, с большой площадкой, с якорями.

[250] Там же.

Присылаемые же капканы обнаруживали непригодность: ломкие пружины, нет якорей, удерживающих зверя. в результате чего волк освобождает лапу и уходит[251].

Меньше жалоб, по сравнению с предыдущими годами. было у аборигенов на недоставку рыбснастей. Большим спросом пользовались сетная нить и сетная мережь, тонкая веревка (тройная или двойная хребина, необходимая для сетей и неводов). В дореволюционный период купцы везли на Север исключительно заграничную мережь (рижскую, норвежскую), которая была высокого качества. Потребности в мереже ежегодно исчислялись 15 млн. метров, во второй половине 1920-х гг. мережа стоила 7 копеек за один метр[252]. Рыбакам нужен был брезент для хранения на пристани ящиков с соленой рыбой в дождливую погоду, недоставало и тары под рыбу.

Особую группу товарного спроса туземцев составляли «товары для дома». Не хватало посуды: эмалированной, чайной. Особенно спрашивали чайную фарфоровую чашку с толстыми краями и устойчивую. Таких чашек заготовители не имели. Те чашки, которые им предлагались, были хрупкими и в условиях постоянных кочевок были «обречены» на лом. Для вытирания посуды вместо полотенец использовалась тонкая березовая стружка. поэтому чашка не должна выскользнуть из рук при усиленном трении. Активным оставался спрос на чайник. Брали и медный, и эмалированный, но преимуществом пользовался чугунный. Требовались медные тазы и чугунные котлы. Обязательное требование к котлу — иметь ручку как у ведра для подвешивания над костром и иметь плоское дно для устойчивости.

Спрашивали медные умывальники полушаровидной формы, с носиком, как у сливочника, с закрытой передней частью. В таком умывальнике можно и снег растопить, и воду нагреть, однако таких умывальников не слали. Весьма популярной была и деревянная посуда: блюда и чашки. Важным для кочевников был вопрос упаковки, поэтому пользовались спросом погребцы для чайной посуды размером 50×50 см при высоте в 220 см (напоминали небольшой сундучок).

---

[251] Там же

[252] ТФГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 66. Л. 174.

Оставался актуальным спрос на кузнечную сталь, шинное и листовое железо, топор, рубанок, сверла, листовую латунь. Туземцы браковали современные иголки из-за их хрупкости, им требовались иглы № 2 и № 3, ушки должны были иметь неграненые края. Необходимым был завоз прочных бидонов для керосина с хорошей закупоркой. Не хватало мануфактуры. Цветные сукна или отсутствовали (Самаровский р-н), или требовались более яркие, плотные и разных цветов (Обдорск). Требовались шерстяные, толстые, тесемочные, цветного рисунка пояса с кистями для подпоясывания. Туземцы нуждались и в табаке, закладывая его за губу, отчего будто бы согревалась нижняя часть лица, и, по их мнению, таким путем они предохраняли себя от заболевания цингой[253].

Исходя из покупательного фонда и среднедушевых норм потребления на 1929—1930 гг. были проведены расчеты по плановому завозу товаров. Завоз товаров осуществлялся теперь не только государственными, но и кооперативными организациями, лидерами были Госторг и Интегральная кооперация. К концу 1920-х гг. началось преобразование оставшихся факторий и передача их в ведение кооперации. Несмотря на очевидную положительную роль факторий в снабжении тундровиков, все же было решено, что они исчерпали свои функции[254]. Однако административные постановления не могли уничтожить фактории, они оправдали себя полностью и существуют в отдаленных тундрах Ямала и по сей день.

Во второй половине 1920-х гг. на Тобольском Севере произошли изменения в торгово-снабженческой деятельности коренного населения, выразившиеся, прежде всего, в государственно-распределительном регулировании. К концу 1920-х гг. государство в лице госорганизаций и Интегральной кооперации полностью контролировало товарно-снабженческие поставки и заготовки на Дальнем Севере. Опыт 1920-х гг. показал, что использование некоторых элементов рыночных отношений при господстве государ-

---

[253] Гожанский А. Завоз товаров на Тобольский Север // Хозяйство Урала. 1929. № 2. С. 140—145.

[254] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. / Под ред. И.А.Гладкова. М., 1963. С. 422.

ственной собственности приводит к формированию не экономического, а зависимого от административной власти рынка.

4.3.2. Торговля и северный завоз в 1930-е гг.

Торговля и северный завоз осуществлялись в рамках системы централизованного нормированного снабжения продовольствием и товарами промышленности, введенной в 1928—1930 гг. Характерной чертой торговых отношений являлось ограничение торгующими организациями покупательного спроса населения путем продажи товаров в неполном объеме и несоответствующего качества. К началу 1930-х гг. большая часть продуктов питания и промышленных товаров распределялась по карточкам. В мае 1931 г. было упразднено нормирование большей части промышленных товаров, хотя ограничения в их распределении сохранялись. К 1932 г. в СССР сложилась система внутренней торговли, которую официально определяли как часть «социалистического способа производства». С 1 января 1935 г. отменены карточки на хлеб, а с 1 октября — на остальные продукты питания. Снабжение как продовольствием, так и промышленными товарами существенно улучшилось[255].

Северный завоз был одним из важнейших мероприятий, своевременное осуществление которого обеспечивало жизнь северян и их трудовую деятельность в течение 8 зимних месяцев. Состояние с завозом в начале 1930-х гг. находилось в ведении Уральского Облисполкома, Облторга и Облпотребсоюза. Регулярно (каждую весну и лето) вопрос с завозом рассматривался на заседаниях бюро Уралобкома ВКП (б). Все решения носили административный характер, не влияя коренным образом на улучшение ситуации с завозом[256]. Товары в округа завозились в течение 3—4 месяцев за период навигации. Планы завозов составлялись и утверждались ежегодно, но фактический завоз составлял значительно меньший, от запланированного, объем. Удовлетворение заявок по завозу в 1933 г. составило 47%, в 1934 г. — 67% [257]. Обско-Иртышский обком ВКП (б) 17 августа 1934 г. принял поста-

[255] Девис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР в 1934—1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87—105.
[256] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 28. Л. 32.
[257] Там же. Л. 40.

новление «О ходе выполнения плана северного завоза 1934 г.», в котором отразил план выполнения на 59% требуемых товаров северного завоза. Из необходимого количества хлеба — 31 342 т — было завезено 15 285 т, то есть половина. К обозначенному времени не были завезены и овощи[258]. В постановлении бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) от 17 сентября 1934 г. отмечалась «исключительно неудовлетворительная работа по завозу товаров, их разгрузке и доставке в глубинку. В декабре 1934 г. товаров завезено на 80%, но они разбазаривались»[259]. Проблема несвоевременной отгрузки товаров с баз Тюмени и Омска не была разрешена в 1930-е гг. Перебои с горючим, нехватка транспорта, недостаток грузчиков входили в число постоянных препятствий для обеспечения своевременного северного завоза[260].

Товар прибывал в крупные населенные пункты, являвшиеся пристанями в летнее время: Самарово, Березово, Сургут, Обдорск, где его разгружали и складировали. Большое количество товаров для Салехарда нередко застревали в Березово и Самарово из-за нехватки транспорта или завершения навигации. Условия для хранения товаров оставляли желать лучшего. Не хватало складских помещений, вопрос с их строительством или ремонтом практически не решался. Так, в горпо Салехарда имелись складские помещения площадью 6 900 кв. м, которые могли разместить 2 400 т грузов. Всего в Салехарде имелось 16 помещений-складов. Состояние складов было неудовлетворительное: ветхость, угроза обвала, грязь. Причалы у горпо зачастую оказывались неподготовленными к приему барж. Транспорт состоял из 16 телег, 18 лошадей и 1 автомобиля. Овощехранилище отсутствовало и было построено лишь накануне войны. В горпо работало 16 грузчиков, а требовалось в сезон разгрузочных работ не менее 30[261].

Складские помещения отсутствовали на многих пристанях. В зимний период перевозка товаров с баз и складов осуществлялась гужевым транспортом на расстояние до 400 км, что требовало огромных расходов и сказывалось на цене товара. Из-за нехватки

[258] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3305. Л. 244.
[259] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.
[260] ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 8. Д. 1. Л. 4.
[261] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

водного транспорта ежегодно оставалась невывезенной рыба и пушнина из отдаленных районов. Флот не справлялся с завозом строительных материалов, так как ограниченность транспортных средств заставляла в первую очередь вести на Север самые необходимые товары[262]. Инвентаризация на складах и временных базах, где хранился товар, не проводилась, что создавало неограниченные возможности для хищений. Прибыв на место, товар распределялся между торговыми, хозяйственными, кооперативными предприятиями. В Ямало-Ненецком округе в первой половине 1930-х гг. торговали Ямалсоюз, ГУСМП, Рыбпродснаб, Интегральная кооперация. Рост торговых точек выразился в показателях: в 1931 г. в округе было 28 торговых точек, в 1933 г. — 7, в 1934 г. — 79, в 1935 г. — 83, в том числе 55 — разъездных[263]. Стационарных торговых предприятий было немного. Значительная часть населения жила кочевничеством, поэтому необходимы были передвижные торговые палатки и фактории. Число лавок и ларьков за период с 1933 по 1935 гг. в Ямало-Ненецком округе росло медленно. Лавки и ларьки Рыбпродснаба обслуживали население рыбопромыслов и заводов Рыбтреста. Торговая сеть Интегралсоюза и ГУСМП являлась в то же время и заготовительной. «Полностью сохранено распределение. Область не завозила необходимых товаров в нужном количестве»,— говорил Казеницкий, председатель Ямалинтегралсоюза на совещании по торговле в августе 1935 г.[264] Торговая сеть Интегральной кооперации размещена была лишь в самой южной части округа и то в незначительной степени.

До 1931 г. на Северном Ямале не было факторий, и оленеводческое население зимой откочевывало к югу полуострова на зимние пастбища, где имело возможность закупать промышленные товары и продукты в существовавших с 1921 г. факториях: Ярсале, Щучье, Новый Порт. В 1931 г. лишь половина кочевых хозяйств Севера Ямала откочевала к зиме на юг полуострова, в 1932 г. эту миграцию совершила одна десятая часть североямальских кочевников[265]. Второй окружной Ямальский съезд советов

---

[262] Бударин М.Е. Коммунистическая партия... С. 92.
[263] Народное хозяйство Омской области. 1936. № 1. С. 43.
[264] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 34.
[265] Лезова С.В. Северный Ямал: великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Тобольск, Омск, 2001. С. 133.

подчеркивал необходимость развертывания сети стационарных и передвижных факторий, обеспечение их хорошими кадрами. Там же было обращено внимание на необходимость своевременного расчета с туземцами за пушнину[266].

К 1935 г. усилиями Главного управления Севморпути на Севере Ямала были основаны три торгово-закупочные точки — фактории Се-яха, Тамбей и Дровяная[267]. В Ямальском районе Ходатинская фактория была по заготовкам ведущей. Поставляя большое количество пушнины, коренные жители рассчитывали на получение соответствующих товаров, в которых они нуждались, но иногда на факторию завозили совсем не нужные вещи, на что обращалось внимание в одной из статей, опубликованных в газете «Советский Север»: «Ненцы просят посылать на факторию то, что нужно, а не то, что взбредет в голову областных и окружных заготовителей»[268].

Торговая сеть в Остяко-Вогульском округе была значительно шире, чем в Ямальском. К середине 1930-х гг. в округе имелось более 400 торговых точек.

Таблица 60

Розничная торговая сеть Остяко-Вогульского округа в 1931—1935 гг.[269]

Год	1931	1932	1933	1934	1935
Количество торговых точек	120	164	272	328	433

Сведения, приведенные в таблице, позволяют заключить, что розничная торговая сеть в округе ежегодно расширялась. По сравнению с 1931 г. количество торговых пунктов выросло в 3,5 раза.

Торговыми организациями в Остяко-Вогульске в первой половине 1930-х гг. выступали Интегральная кооперация, Уралпушнина и Госторг. Предприятий общепита (столовых) в 1931 г. было

---

[266] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
[267] Там же. Д. 188 а. Л. 224.
[268] Советский Север. 1934. 9 сентября.
[269] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

всего три, в 1940 г. их число возросло до 19. Столовые располагались в Остяко-Вогульске и в райцентрах[270].

В отдаленных юртах, например, в Ларьякском районе, всецело распределением товаров занимался Госторг. И это не случайно, поскольку он владел большинством факторий на Обь-Иртышском Севере. В секретном письме секретаря Александровского райкома партии Перепелицина в Томский окружком ВКП (б) от 27 января 1930 г. сообщались факты безобразий, которые творили в Ларьякской фактории Госторга ее сотрудники — Кушников и Пестерников. В частности, они выдавали кредиты зажиточным хозяевам на длительное время. Кушников одаривал отрезами мануфактуры женщин, которых он использовал. Остяки о нем говорили, что это «лавка не Госторга, а Кушникова». Опись имущества Кушникова показала, что он в течение трех лет нажил хозяйство более трех тысяч рублей, что никоим образом не соответствовало его зарплате[271].

Наряду с Госторгом торговлей и снабжением в Остяко-Вогульском округе в начале 1930-х гг. занималась Интегральная кооперация[272], отделения которой были распространены повсеместно. И.В.Борщов так отзывался о работе Интегральной кооперации в Ларьякском районе: «Интегральная кооперация, на которую было возложено снабжение рабочих и служащих, не справлялась с этой работой, не завозились в район овощи и продукты питания. Мяса не было порой в зимний период, недоставало даже и рыбной продукции»[273]. «Интеграл работал плохо, аппаратчики занимались приписками и обманом, заключали договора с кем ни попадя, кредиты раздавали, а пушнину собрать не могли»,—

---

[270] Там же. Д. 23. Л. 19.

[271] ЦДНИТО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 85. Л. 10—11.

[272] Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1933 г. Интегральная кооперация выделялась в самостоятельную кооперативно-колхозную систему с задачей всестороннего обслуживания простейших производственных нужд населения. 1 апреля 1934 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об Интегральной кооперации в районах Крайнего Севера», которое определило задачи и структуру, содержание деятельности. Новое положение об Интегральной кооперации, кроме снабженческих и заготовительных функций, кредитования и организации местных производств, предусматривало функции по организации и руководству коллективизацией на Севере. См.: Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС... С. 187.

[273] Воспоминания И.В.Боршова... С. 31.

отмечалось в решениях III пленума Остяко-Вогульского окружкома (1934 г.)[274].

Летом 1934 г. Обкомом был рассмотрен вопрос о состоянии Интегральной кооперации в Омской области. В постановлении отмечалась неудовлетворительная работа Интеграла. «Заброска товарных фондов на Север происходит с большими затруднениями, на 1 июня 1934 г. получено 52,5% товарного завоза, отгружено — 44,8% и в пути — 3,6%. Ассортимент товаров зачастую не отвечает действительному спросу северного населения, вследствие чего в системе накопилось большое количество неликвидов (90 тыс. руб.)»[275].

Отсутствие твердых цен на продажу товаров первой необходимости приводило к нарушениям в торговле, особенно за пределами окружных центров. Проверки проводились редко, а в отдаленные фактории и отделения годами никто из начальства не заезжал. Неоднократно вопрос об упорядочении торговли и наведения в ней порядка звучал на заседаниях окружкомов партии. В протоколе № 2 от 16 января 1934 г. заседания бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) говорилось о положительной реакции населения на «введенное с 1 июля 1933 г. целевое снабжение по отовариванию за сданную продукцию с рубля»[276], что должно было способствовать более своевременному расчету со сдатчиками сырья товарами. В постановлении бюро от 28 августа 1934 г. было принято решение о проверке «Легкой кавалерией» цен и весов торгующих организаций Остяко-Вогульска. Рейд рекомендовалось провести до 1 октября, однако, опять-таки, все проверки ограничивались инспекцией торговых предприятий в окружных центрах. Проверить торговое дело на периферии не представлялось возможным по объективным, в первую очередь, причинам: отсутствие связи с населенными пунктами весной и осенью из-за бездорожья, а зимой в пятидесятиградусные морозы не всякий работник окторга отваживался поехать куда-то в глубинку. Поэтому истинного положения в торговле не знал никто. «Работники торговли поставлены в условия бесконтрольности и безответственности. Это ведет к злоупотреблениям и хищениям.

---

[274] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.
[275] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3305. Л. 120.
[276] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.

Из штата Ныдинского кооператива в 35 человек за 1934 г. осуждены — 31»[277],— отмечалось в одном из документов Ямальского окружкома ВКП (б).

Полного ассортимента товаров ни одна торгующая организация не имела. На первом Ямальском окружном съезде советов (1932 г.) подчеркивалось, что завозится много неходовых товаров, не учитывающих спрос населения[278]. Товары нередко продавались по завышенным ценам или искусственно придерживались. Почти отсутствовала торговля мясо-молочными продуктами[279]. Крайне низкий уровень развития торговли в Ямало-Ненецком округе бросается в глаза при сопоставлении товарооборота с объемом местных заготовок: первый за 1934 г. определялся окрвнуторгом в 10,3 тыс. руб., а децентрализованные заготовки — в 286,6 тыс. руб., что означает отсутствие торговли в округе[280].

В различных сводках и докладных записках хозяйственных и политических организаций отмечаюсь низкое качество поступавших продуктов. Так, мука нередко была сырая, с наличием плесени, низкосортная и т.д.; часто торговали испорченными продуктами, например, это касалось сливочного масла. Промышленная группа порой была представлена неходовыми товарами (например, шелковые чулки). Остро ощущалась нехватка обуви и кожи для ремонта сапог[281].

Относительно лучше, по сравнению с остальными населенными пунктами, снабжались товарами окружные центры. Однако и в Салехарде, и в Остяко-Вогульске часто недоставало самых необходимых товаров. «Белья и одежды даже в Салехарде не найти. Нет фуражек, тазов, полотенец, не хватает гребней, иголок, пуговиц. Для тундры нужны медные чайники, лампы, керосин, посуда. Областные базы мало считаются с заявками округа на товары по количеству и особенно по ассортименту: отгружают то, что оказалось к моменту получения открытых счетов на базе. Ямалинтегралсоюз не может настаивать на выполнении своих требований перед областной базой, так как никогда не имеет свободных оборотных средств для оплаты товаров и пользуется исклю-

[277] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 42. Л. 38—42.
[278] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
[279] ГАХМАО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. Л. 60 об.
[280] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 42. Л. 42.
[281] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

чительно кредитами»[282]. В одном из протоколов заседания Ямальского окрисполкома за 1933 г. отмечалось: «Дело снабжения поставлено неудовлетворительно. Никакого рынка в Салехарде нет. Мясо и свежая рыба выдаются до 5 кг лишь в первой половине зимы»[283].

Недостаточное снабжение и дефицит самого необходимого заставлял местные органы власти заботиться о собственном обеспечении. В протоколе заседания Обско-Иртышского обкома ВКП (б) от 27 сентября 1934 г. отмечена необходимость улучшения дела снабжения партактива, специалистов и ИТР. Инициатива была подхвачена в окружкомах. Намечалось выделить магазины и столовые, закрытый распределитель продуктов для руководящих работников. Вопрос о том, как лучше снабдить ответственных работников, звучал регулярно. Некоторые из работников окружкомов настаивали на торговле по заказам[284]. Однако документов, подтверждавших спецобслуживание и спецснабжение руководящих работников округов, обнаружить не удалось.

Рассмотрим состав северного завоза в 1933—1934 гг.

Таблица 61

Завоз товаров на Обь-Иртышский Север в 1933—1934 гг. (в тоннах)[285]

Наименование	1933 г.	1934 г.
Мука ржаная	—	2 509,5
Мука пшеничная	2 872.1	1 659.6
Крендель и кондитерские изделия	104,7	80,3
Крупа	133,7	439.5
Чай	11.8	19,2
Сахар	143,5	194,9
Масло животное	48.0	12,3
Сухофрукты и овощи	20,5	0,9
Свежие овощи	—	1 042,8
Промтовары (в тыс. руб.)	сведений нет	1 805.8

[282] ЦДНИОО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 42. Л. 39
[283] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 10.
[284] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2439. Л. 7.
[285] Там же. Д. 980. Л. 38.

Сведения таблицы показывают, что в целом по группе продуктовых товаров в 1934 г. произошло увеличение объемов завоза, исключение составили масло и крендель. Преобладающим в объеме завоза товаром оставался хлеб. Ассортимент товаров очень скудный, он был ориентирован на удовлетворение минимальных потребностей.

Торговля в Остяко-Вогульском округе развивалась более активно, чему есть ряд объяснений. Во-первых, значительное количество населения, по сравнению с Ямало-Ненецким округом, во-вторых, центр округа располагался не так далеко от «Большой земли», в-третьих, Самарово являлось своего рода перевалочной базой для Севера, где сходились водные пути и зимник. Так, торговый оборот Остяко-Вогульского округа в 1933 г. превышал торговый оборот Ямало-Ненецкого округа в 3 раза.

Таблица 62

Розничный торговый оборот в Остяко-Вогульском округе в 1932—1935 гг. (в тыс. руб.)[286]

Год	1932	1933	1934	1935
Товарооборот	20 532	30 457	38 656	57 197

Торговый оборот увеличился в Остяко-Вогульском округе в середине 1930-х гг. по сравнению с 1932 г. в 2,5 раза, что свидетельствовало о развитии торговли.

Во второй половине 1930-х гг. существенных изменений в торговом деле не произошло, но, тем не менее, наметился ряд новых явлений. Ограничения на приобретение и распределение товаров сохранялись. Изменения коснулись сферы хозяйственно-административного контроля по снабжению Севера. По постановлению СНК СССР от 22 июня 1936 г. ГУСМП предоставлялись особые полномочия, которые сводились к контролю и наблюдению за всеми хозяйственными организациями, осуществлявшими работу на Севере. ГУСМП были переданы функции

[286] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 15.

торговли и заготовок на Севере, а интегральная кооперация была упразднена[287].

Наркомат внутренней торговли в 1937—1938 гг. принял ряд документов, призванных несколько упорядочить торговое обслуживание. Приказ Наркомата пищевой промышленности СССР и Наркомата внутренней торговли от 30 декабря 1937 г. «Об обязательном указании розничных цен на некоторых фасованых, штучных товарах» был направлен на соблюдение установленных цен на основные потребительские товары в торговых пунктах. Нарушение данного требования позволяло привлечь торгового работника к ответственности[288]. В 1938 г. Наркоматом торговли были разработаны обязательные правила для продавца и заведующего торговым предприятием[289]. Все эти документы были доведены до окрторгов северных национальных округов и способствовали внедрению в торговую деятельность определенных правил.

Смена в управлении торговыми поставками не отразилась коренным образом на северном завозе и снабжении. Планы товарозавозов не выполнялись[290]. В 1936—1937 гг. торговые операции в Остяко-Вогульском округе осуществляли: Омпушнина, Рыбпродснаб, Севморпутьторг, Коопинсоюз, Аптекоуправление, Центрторест, Когиз, Союзпечать, Союзкож, ОРС водников[291]. В Ямало-Ненецком округе до октября 1938 г. торговля осуществлялась лавками и магазинами Госторга, Облгосрыбпрома, ЦАТО, Комсевморпути и Уралпушнины. В октябре 1938 г. потребкооперация организовала несколько оргбюро райпотребсоюзов и райпотребобществ (Шурышкарский райпотребсоюз и общества в Приуральском, Надымском, Ямальском, Тазовском и Пуровском районах), которые начали открывать свои торговые пункты, что отразилось на увеличении торговой сети в округе. В 1936 г. торговля осуществлялась в 100 точках, а в 1939 г. торговая сеть имела

---

[287] В августе 1938 г. ГУСМП было освобождено от своих обязанностей хозяйственного и культурного обслуживания народов Севера. См.: Киселев Л.Е. От патриархальщины... С. 169.

[288] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

[289] Там же. Л. 38—40.

[290] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

[291] Там же. Д. 23. Л. 16.

уже 165 пунктов[292]. Торговая сеть в Остяко-Вогульском округе была значительно шире, чем в Ямальском.

Таблица 63

Торговая сеть Остяко-Вогульского округа в 1936—1940 гг.[293]

Год	1936	1937	1938	1939	1940
Количество торговых точек	288	306	339	407	460

Таблица показывает, что сеть торговых точек накануне войны составила 460, что по сравнению с 1935 г. означает рост в 1,8 раза. Следует отметить, что 1937 г. появился первый универсальный магазин в округе, размещенный в специально построенном помещении и оборудованный по правилам торговли. Это был универмаг в Сургуте. В новом магазине имелись отделы: продовольственный, мануфактурный, трикотажный, винно-гастрономический, галантерейный. Годовой оборот универмага определялся в два миллиона руб.[294] Накануне войны в округе работало 500 человек в торговле. Подготовка кадров осуществлялась частично через учебный комбинат потребкооперации, открытый в Остяко-Вогульске в 1937 г. Там можно было получить профессию продавца, счетовода, пекаря. Там же проходили переподготовку работники торговли. Всего в 1937 г. было обучено 90 человек[295].

Снабжение и торговля в Ямальском округе во второй половине 1930-х гг. шли по пути увеличения, но проблем в работе торговой сферы не убавилось. Завоз товаров в Ямальский округ в 1936 г. составил 33 900 тыс. руб.[296] Стала активно практиковаться организация разъездных ларьков в период весенне-летней путины. Окружная торговая контора за 1937—1938 гг. «дала миллионные убытки, а с конца 1938 г., уже при кооперации, развернулась просто невероятная спекуляция. В 1939 г. северный Ямал недополучил грузов на 140 тыс. руб.»[297].

---

[292] Омская область. 1937. № 3. С. 64.
[293] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
[294] Остяко-Вогульская правда. 1937. 4 августа.
[295] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 19.
[296] Омская область. 1937. № 3. С. 64.
[297] Питухин С.В. Потребительская кооперация в Ямало-Ненецком округе // Омская область. 1940. № 11—12. С. 39, 42.

В составе торговых организаций Ямало-Ненецкого округа в 1940 г. были: Горпю, Рыбкооп, Алтекоуправление, База лесдрева, Когиз, Союзпечать, Союзживсырье. В районах торговля шла через райпо, рыбкооп, райпотребсоюз. Проблемы с доставкой, хранением товаров были те же: нехватка грузчиков в момент массового завоза товаров (грузчиков вербовали в Тюмени, Омске)[298], неподготовленность складов к приему товаров, недостаток гужевого транспорта и т.д.[299] Накануне войны отмечено некоторое расширение ассортимента товаров, однако его количество было весьма ограничено. Так, в 1939 г. в ассортименте товаров, завезенных в Салехард, значились: сыр, копчености, конфеты, печенье, шоколад, кофе, какао, фрукты[300]. Среди промышленных товаров: патефон, грампластинки, радио, фототовары, часы, парфюмерия[301]. В отдаленные тундры товаров завозилось по-прежнему недостаточно[302]. В навигацию 1939 г. отправление каравана «Микоян» планировалось на июль, однако к назначенному времени необходимыми товарами он загружен не был. К отправке предназначалось 9 барж, 4 паузка, 2 катера[303].

Торговля по-прежнему испытывала недостаток в чае, масле, кожаных изделиях, сукнах, железных печах, чайниках, умывальниках, котлах, иголках, гребнях, ножницах, культтоварах[304]. Нарушения и злоупотребления в торговле сохранялись. Проверка цен Ямальским окторгом свидетельствовала об их явном завышении[305]. Обнаружилась спекуляция чаем в Салехарде, поэтому был установлен нормированный отпуск. В 1938 г. были установлены единые отпускные цены на овощи. «Торгуют явно неправильными ценами, заведомо производят обман потребителя»,— говорилось в письме Ямальского окторготдела окружному прокурору[306].

---

[298] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.
[299] Там же. Л. 108, 127.
[300] ТОЦДНИ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.
[301] Там же. Л. 6.
[302] Бударин. М.Е. Коммунистическая партия ... С. 92.
[303] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2100. Л. 1—9.
[304] Омская область. 1937. № 1—2. С. 80.
[305] ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2100. Л. 4.
[306] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Л. 19, 17, 13.

Особое место в снабжении населения Севера играл хлеб. Это был главный товар. В 1930-е гг. ситуация в снабжении хлебом оставалась сложной. Неоднократно областные и местные руководители принимали решения по урегулированию и регламентированию снабжения хлебом. Следует оговорить, что до 1935 г. в округах почти не было пекарен, хлеб выпекался в домашних условиях, и совсем незначительная часть готового хлеба завозилась. По Остяко-Вогульскому округу было принято постановление Обско-Иртышского обкома ВКП (б) «О торговле мукой и хлебом...» от 24 декабря 1934 г., по которому устанавливались лимиты по снабжению хлебом. Хлеб для оседлого населения продавался 2 раза в месяц: 5 и 20 числа с нормой отпуска не более 2 кг в одни руки (выпеченный хлеб) и не более 8 кг мукой Для кочевого населения отпуск в одни руки — не более 1,5 ц мукой или хлебом 210 кг[307].

Постановление Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б) от 10 января 1935 г. «О развертывании хлебной торговли» было ориентировано на открытие и оборудование стационарных пекарен в округе. В 1935 г. в округе работало 37 пекарен. Выпекалось в среднем 150 ц хлеба в сутки. Случались перебои в снабжении хлебом, очереди в Остяко-Вогульске не были редким явлением. Хлеб реализовывался в 79 хлебных ларьках и магазинах. Существовали лимиты на приобретение хлеба. Качество хлеба было плохое: сырой или мерзлый; посторонние предметы в хлебе[308]. «Пекарня Самаровского сельпо систематически поставляет в магазины недоброкачественный хлеб. Причем, продавцы всю плохую продукцию принимают без разбора и торгуют ею»,— писала «Сталинская трибуна» — окружная газета Остяко-Вогульского округа[309]. В пекарнях и ларьках, торгующих хлебом, не соблюдались санитарно-гигиенические нормы. Известное постановление способствовало увеличению числа пекарен в Остяко-Вогульском округе. Хлебопекарни имелись во всех районах, кроме Кондинского и Микояновского. Всего в округе в 1936 г. было 76 пекарен, которые производили в сутки 49,9 т хлеба. В 1937 г. в округе

[307] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3306. Л. 106—107.
[308] ЦДНИОО. Ф. 3057. Д. 234. Оп. 1. Л. 52.
[309] Сталинская трибуна. 1941. 16 февраля.

насчитывалось 85 пекарен, которые выпекали 54 т хлеба[310]. Таким образом, по сравнению с 1935 г. выпечка хлеба увеличилась в Остяко-Вогульском округе в 3,5 раза. Снабжение хлебом населения Ямальского округа было хуже, чем Остяко-Вогульского. Пекарни имелись только в Салехарде. Остальное население выпекало хлеб в домашних условиях. Однако важно подчеркнуть, что накануне войны мука в округ завозилась в достаточном количестве, хлебная проблема в документах окружных организаций в предвоенные годы уже не фигурировала.

Торговый оборот в Остяко-Вогульском округе был выше в 2—3 раза, чем в Ямало-Ненецком. Розничный товарооборот Остяко-Вогульского округа в 1936 г. составил 64 463 тыс. руб., в 1937 г. — 67 398 тыс. руб. В Ямальском округе товарооборот в 1936 г был 22 678,3 тыс. руб.[311] План 1939 г. по товарообороту в Ямало-Ненецком округе был выполнен на 93,4%. Ощущался недостаток масла, сахара, кондитерских изделий, спиртных напитков. План по общественному питанию был выполнен на 111,8%[312]. Несмотря на выполнение плана, вопрос с общественным питанием стоял плохо. В Салехарде не было даже помещения для столовой[313].

Потребление товаров на душу населения Остяко-Вогульского округа в 1936 г. составило 785 руб., в 1937 г. — 816 руб., что по сравнению с 1932 г. было выше в 3—3,5 раза[314]. Сведениями по потреблению на душу населения в Ямальском округе, к сожалению, не располагаем.

В северных округах накануне войны отмечалось повышение цен на продукты питания. Материальное положение некоторых групп рабочих и служащих несколько ухудшилось. Вновь был поставлен вопрос о необходимости для отдельных групп специалистов, работающих в советском аппарате округа и для руководящих работников повышения зарплаты или принятия особых мероприятий в отношении улучшения их материально-бытового положения[315].

---

[310] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 19.
[311] Омская область. 1937. № 3. С. 64.
[312] ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 49.
[313] Там же.
[314] ГАХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 16.
[315] ЦДНИОО. Ф. 3057. Д. 234. Оп. 1. Л. 42.

Таким образом, торговля и снабжение в 1930-е гг. осуществлялись в рамках распределительной системы, однако наблюдалось расширение торговой сети, увеличение товарных поставок, была решена проблема с обеспечением населения хлебом. Однако, недостаток товаров продуктовой и промышленной групп не был преодолен.

Выводы

Исследование налогообложения, заготовок и снабжения населения Обь-Иртышского Севера в 1920—1941 гг. позволяет выявить ряд характерных черт в их развитии. Социально-экономическая сущность налогов, их назначение и роль в экономической и политической жизни Обь-Иртышского Севера полностью определялась советским государством. Налоги со всей тяжестью ложились не только на коренное население, но и на рабочих, служащих, колхозников. Учитывая низкий жизненый уровень этих категорий населения, занятых в общественном производстве, их невысокие доходы, можно заключить, что бремя налогов, которое неуклонно возрастало, накануне войны привело к ухудшению и без того тяжелого положения большей части населения округов.

Заготовки пушнины, рыбы, несельскохозяйственных и сельскохозяйственных продуктов имели первостепенное значение для государства, что позволяло создавать государственные сырьевые резервы и экспортные фонды. Заготовки в полной мере охватили все население Севера. Если в 1920-х гг. они распространялись на пушно-рыбацкое население и шли в основном вокруг рыбы и пушмехсырья, то в 1930-х гг. заготовки охватывали все хозяйственные предприятия, единоличников, рабочих и служащих. Сфера заготовок расширилась и охватила весь продуктовый и сырьевой спектр. Закупочные цены на продукты и сырье были стабильно низкими за редким исключением (период первой половины 1920-х гг. и высокие цены на пушнину); вовремя деньги за заготовки не выдавались; товаров для покрытия заготовок также недоставало. Материальной заинтересованности вследствие этого у предприятий и населения не было. Однако из общественного сектора изъять продукты и сырье было значительно проще. В лучшей ситуации были охотники, с ними рассчитывались более

своевременно, но это касалось больше частников, в колхозах же существовали задержки по оплате.

Товарный обмен носил стихийный характер в 1920-х гг. и стал жестко планомерным в 1930-х гг. Торговля носила розничный характер. Через торговую сеть реализовывалась основная масса предметов личного потребления и продуктов питания. Торговля была нескольких видов: государственная и кооперативная. Колхозно-рыночная торговля в те годы на Севере распространения не получила. Преобладающую роль играла государственная торговля. Материальная база торговли была очень слабая, ассортимент товаров удовлетворял лишь самые минимальные потребности населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие и разнообразие природных ресурсов Северо-Западной Сибири определило развитие экономики края на долгие годы. Эмпирический опыт поставил под сомнение достижения советской власти и вызвал недоверие к однозначно положительным оценкам, высказанным прежним поколением историков. Замалчивание проблем, уход от постановки спорных вопросов, часто не по вине историков, преподнесение в упрощенном виде сложнейших процессов сформировали не у одного поколения советских людей образную картину свершившегося перехода у коренных народов «от патриархальщины к социализму» за каких-то 20 лет! Выполненные в рамках формационной концепции труды советского времени не ставили и не могли ставить вопрос о внутренней, качественной стороне преобразований, их целесообразности и полезности, они не учитывали «внутренний мир» субъектов традиционного общества.

К началу советского строительства на Севере его население было представлено тремя различными группами: аборигены, старожилы и политические ссыльные. Обилие ресурсов природы позволяло жить им всем достаточно неплохо. Хозяйство края отличаюсь многоукладностью, но трансформационные сдвиги уже имели место, обусловленные многими факторами, они начались задолго до установления здесь советской власти, но кардинальные изменения стали возможны благодаря политическим мероприятиям советов и целенаправленной государственной политике по освоению северных территорий.

Трансформация постепенно охватила все стороны жизни обществ коренных народов в политической, социально-демографической, экономической и культурной сферах (в 1920-х гг. изменения коснулись в большей степени оседлого, старожильческого населения; в 1930-х гг. преобразования затронули большую часть коренного населения, вовлекая его в общественное производство), что дает основания рассматривать произошедшие изме-

нения как модернизационный процесс, в результате которого начался переход от традиционного общества к современному[1].

Применительно к хозяйству и экономическому развитию Обь-Иртышского Севера исследование позволило выделить три этапа:

1. С конца 1917 до середины 1920-х гг. — время кризиса северной экономики и попытка властей стабилизировать экономическую ситуацию к середине 1920-х гг. Отмена разверстки и свобода торговли в стране предопределили переход к нэповским, рыночным формам хозяйствования на Севере в 1920-е гг. Система экономических взглядов руководства страны вполне определенно выражала их стремление осуществить модель «государственного социализма», в которой государство и его институты рассматривались не только как основной распорядитель всех сфер хозяйственной жизни, но и как внутренний источник движения экономики. Тобольский Север с его сырьевыми ресурсами стал объектом пристального внимания со стороны государственных хозяйственных организаций, которые начали безостановочную эксплуатацию его богатств и населения. Завершался 1925 г., а с ним — и определенный этап в рамках нового экономического курса, в течение которого государство достигло определенных успехов в стабилизации своей экономики. В середине 1920-х гг. для руководства Уральской области стал очевиден факт необходимости организации на Севере комбинированного хозяйства, исходя из природно-климатических условий[2]. Поставленные под угрозу истребления пушные и рыбные ресурсы Тобольского Севера требовали незамедлительных решений охранительного порядка. Создание Комитета Севера и его деятельность способствовали тому, что до руководства страны была доведена вся сложность экономической ситуации на Тобольском Севере, что заставило

---

[1] К середине XX в. на Западе возникают, развиваются и оформляются различные теории модернизаций, внесшие заметный вклад в научную разработку проблем развития обществ и в объяснение того, каким образом традиционное общество трансформируется в современное. См.: Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. New York, 1973; Pye L.W. Politics, Personality and National Building. Burma's Searh for Identity/ New Haven and London, 1962 и др.

[2] Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. Материалы к докладу Уралсовета Совнаркому РСФСР. Свердловск, 1926. С. 5.

правительство в конце 1925 г. принять соответствующие документы.

2. Вторая половина 1920-х до начала 1930-х гг. — период, когда северное хозяйство развивалось в традиционных формах. Законодательные акты правительства, решения областных организаций были направлены на упорядочение хозяйственной деятельности, торговли, снабжения населения. Вся деятельность государственных и кооперативных организаций сводилась к увеличению объемов добычи сырьевых ресурсов Севера. Одновременно усиливалось налоговое бремя. В результате комплекса политических и экономических мероприятий государство сумело поставить под контроль северное хозяйство.

3. С начала 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны — этап, связанный с созданием государственного аппарата национальных округов, формированием северного ГУЛАГа и активным включением в социалистические преобразования ссыльных крестьян, благодаря труду которых началось освоение края, развитие лесной и рыбной промышленности, сельского хозяйства. Наметились изменения в формах хозяйства у коренного населения, выразившиеся в создании простейших производственных предприятий, а затем колхозов и совхозов.

Государство полностью контролировало производство и распределение продукции, исключив свободные рыночные отношения. Северное хозяйство развивалось за счет экстенсивного фактора, поэтому на Севере сформировался затратный малоэффективный тип экономики. Экономическая структура в таких условиях не действовала, сбалансированности в ее элементах не наблюдалось. Всегда не хватало средств, все хозяйственные и кооперативные организации жили в долг, потом расплачивались и снова — кредиты и т.д. Такая хозяйственная система не могла рассчитывать на эффективный и устойчивый рост. Использование подневольного труда не создавало дополнительного материального стимула и не несло в себе опасности финансового ущерба. Отношение к общественному производству было соответствующим. Играя важную роль в поставках сырья и продуктов, являясь источником валютных поступлений для страны, Обь-Иртышский Север не был самостоятельным хозяйственным субъектом, несмотря на провозглашенную автономию в округах.

ИСТОЧНИКИ

1. Распорядительная документация

1.1. Временное положение об управлении народностей и племен северных окраин РСФСР // Северная Азия. 1925. № 1—2.

1.2. Декрет СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» // СУ. 1921. № 26.

1.3. Декрет СНК РСФСР от 21 мая 1921 г. «Об обмене» // СУ. 1921. № 26.

1.4. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2.

1.5. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934.

1.6. Контрольные цифры хозяйства Урала на 1928—1929 год. Свердловск, 1929.

1.7. «О работе в национальных районах Крайнего Севера». Постановление ЦК ВКП (б) от 26 июня 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 10.

1.8. О формах коллективизации в районах народностей Севера. Постановление ЦК ВКП (б) от 1 сентября 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 13.

1.9. О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и об образовании новых областей Сибири. Постановление президиума ВЦИК от 9 декабря 1934 г. // Омская область за 50 лет (цифры и факты). Омск, 1985.

1.10. О порядке снабжения северных окраин // Северная Азия. 1925. Книга третья.

1.11. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994.

1.12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о смешанных (интегральных) кооперативных объединениях на Крайнем Севере» // СУ РСФСР. 1928. № 2. ст. 13; № 58. ст. 564.

1.13. Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. Материалы к докладу Уралсовета Совнаркому РСФСР. Свердловск, 1926.

1.14. Резолюция XII съезда РКП (б) «О районировании» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3.

1.15. Хозяйственное и культурное строительство Урала. Краткий обзор за 1926/27—1927/28 гг. К съезду Советов в 1928—1929 гг. Свердловск, 1929.

1.16. IX Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Свердловск, 1931.

1.17. X Уральская областная конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Свердловск, 1932.

2. Документальные, справочные и статистические публикации

2.1. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. СПб., 1999.

2.2. Из истории с.Александровское (1826—1996 гг.). Сб. документов и материалов. Томск; Александровское, 1996.

2.3. Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств. Свердловск, 1925.

2.4. Наш край: Хрестоматия по истории Омской области. 1917—июнь 1941. Омск, 1985. Ч. 1.

2.5. Народное хозяйство СССР. 1922—1972. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972.

2.6. Наш край: Хрестоматия по истории Тюменской области (1917—1970 гг.). Свердловск, 1973.

2.7. Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. Т. 1.

2.8. Новая иллюстрированная энциклопедия. М., 2000. Т. 7.

2.9. Омская область за 50 лет (цифры и факты). Омск, 1985.

2.10. Районы Уральской области. Справочник. Свердловск, 1928.

2.11. Районы Омской области. Справочник. Омск, 1936.

2.12. Районирование СССР. Сб. материалов по районированию с 1917 по 1925 г. М., 1926.

2.13. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). Сборник документов. Екатеринбург, 1993.

2.14. Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье (Материалы по истории Курганской области). Сборник документов / Под ред. И.Е.Плотникова. Курган, 1995.

2.15. Сургутский район. Справочник. Тюмень, 1998.

2.16. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень, 1994.

2.17. Смирнова М.А. Обзор документов ТОЦДНИ // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. Тюмень, 2001.

2.18. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. / Отв. ред. В.П.Данилов, С.А.Красильников. Новосибирск, 1992.

2.19. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. / Сост. С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова, Т.Н.Осташко, Т.Ф.Павлова, Л.С.Пащенко, Р.К.Суханова. Новосибирск, 1993.

2.20. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М., 2000. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930.

2.21. Тюменская область в цифрах (1917—1975). Статистический сборник. Свердловск, 1975.

2.22. Уральская область. Справочник / Под ред. П.А.Ковалевского. М., 1933.

2.23. Уральское хозяйство в цифрах. 1931—1932 гг. Свердловск, 1933.

2.24. Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за 5 лет. Омск, 1939.

3. Источники личного происхождения (воспоминания)

3.1. Воспоминания Борщова Ивана Васильевича (Страницы истории Александровского и Ларьякского районов. 1928—1938 гг.). Нижневартовск, 1997.

3.2. Воспоминания Борщова Ивана Васильевича (Страницы истории Ханты-Мансийского автономного округа. 1930—1950 гг.). Нижневартовск, 2000.

3.3. Воспоминания А.Силина. Сургутские ханты (Из записок 1932—1940 годов) // Югра. 1999. № 5.

3.4. Воспоминания В.Салмина. «Первые встречи» // Югра. 1998. № 4.

3.5. Воспоминания Надежды Федоровны Тюменцевой (Записаны Л.В.Алексеевой 30 октября 2001 г.)

4. Архивные источники

4.1. Российский государственный архив социально-политической истории **(РГАСПИ).**

Ф. 17. ЦК ВКП (б).

4.2. Государственный архив Российской Федерации **(ГАРФ).**

Ф. Р-1235. Отдел национальностей.

Ф. 3977. Комитет содействия народностям северных окраин при президиуме ВЦИК.

4.3. Центральный государственный архив города Санкт-Петербурга **(ЦГАСПб).**

Ф. 9471. Институт народов Севера им.П. Смидовича.

4.4. Государственный архив Свердловской области **(ГАСО)**

Ф. Р-88. Уралоблисполком.

Ф. 49.

4.5. Центр документации общественных организаций Свердловской области **(ЦДООСО).**

Ф.4. Уральский областной комитет ВКП (б).

4.6. Тюменский областной центр документации новейшей истории **(ТОЦДНИ).**

Ф. 1. Тюменский губком РКП (б).

Ф. 23. Обско-Иртышский обком ВКП (б).

Ф. 30. Тобольский окружком ВКП (б).

Ф. 107. Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС.

Ф. 135. Ямало-Ненецкий окружком КПСС.

Ф. 3894. Управление КГБ при Совете Министров СССР по Тюменской области.

5.8. Государственый архив Тюменской области **(ГАТО).**

Ф. Р-1. Тюменский губернский военно-революционный комитет.

Ф. Р-2. Тюменский губисполком.

4.7. Тобольский филиал государственного архива Тюменской области **(ТФГАТО).**

Ф. 209. Тобольский Северосоюз (1928—1952 гг.).

Ф. 492. Тобольский Интегралсоюз (1922—1932 гг.).

Ф. 690. Тобольский Комитет Севера.

Ф. 695. Комитет содействия национальностям северных окраин при президиуме Уралоблисполкома (Уральский Комитет Севера). (1925—1930 гг.).

Ф. 1727. Личный архив И.Ф.Ного (1909—1947 гг.).

4.8. Центр документации новейшей истории Омской области **(ЦДНИОО).**

Ф. 17. Омский обком КПСС.

Ф. 3057. Оргбюро ЦК ВКП (б).

4.9. Государственный архив Омской области **(ГАОО).**

Ф. Р-437. Омский облисполком.

4.10. Центр документации новейшей истории Томской области **(ЦДНИТО).**

Ф. 76. Томский окружком ВКП (б).

Ф. 91. Александровский райком ВКП (б).

4.11. Ханты-Мансийский окружной архив **(ГАХМАО).**

Ф. 4. Ханты-Мансийский окружной финансовый отдел.

Ф. 43. Окрземпромотдел.

Ф. 60. Рыбо-консервный комбинат.

Ф. 86. Ханты-Мансийский окрмаслопром.

Ф. 111. Березовский РИК.

Ф. 177. Березовский рыбозавод.

Ф. 184. Окрплан.

Ф. 227. Окружной отдел местной промышленности.

Ф. 337. Микояновский (Октябрьский) РИК.

Ф. 472. Кондо-Сосьвинский заповедник.

4.12. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа **(ГАЯНАО).**

Ф. 1. Обдорский военно-революционный комитет.

Ф. 2. Обдорский РИК.

Ф. 3. Ямало-Ненецкий окрисполком.

4.13. Архивный отдел администрации г.Нижневартовска ХМАО.

Ф. 5. Протоколы заседаний президиума Охтеурского сельского совета.

Ф. 6. Исполком Больше-Тарховского сельского совета.
Ф. 9. Нижневартовский сельский совет.
Ф. 11. Больше-Ларьякский сельский совет.
Ф. 13. Вампугольский сельский совет.

5. Периодические издания

5.1. Варта. Городская газета Нижневартовска. 1992. 4 апреля.
5.2. Нефтяник. Газета «Нижневартовскнефтегаза». 1999. 28 мая.
5.3. Новости Югры. Общественно-политическая газета Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. 26 октября, 30 ноября; 2001. 31 марта, 25 августа, 18 октября, 20 октября; 2002. 28 февраля, 6 июля.
5.4. На социалистической стройке. Межрайонный краеведческий журнал Тобольского бюро краеведения и Музея Уральского Севера. 1931. № 4—6.
5.5. Наш край. Издание Тобольского общества изучения края. 1924. № 2, 4; 1925. № 8—9; 1926. № 8—9.
5.6. Остяко-Вогульская правда. Орган издания окружного комитета ВКП (б). 1937. 4 августа; 1940. 25 января, 3 февраля, 28 февраля.
5.7. Омская область. Журнал Омского облисполкома. 1937. № 1—2, 3, 5, 6, 7; 1939. № 1, 4, 7; 1940. № 1, 3, 5, 6, 11—12.
5.8. Народное хозяйство Омской области. Журнал областной плановой комиссии и управления народно-хозяйственного учета. 1935. № 3, 4, 5; 1936. № 4; 1937. № 1—2.
5.9. Северянин. Газета Тобольского окружкома ВКП (б), окрисполкома, окрпрофбюро. 1924. 22 июня, 25 июня, 3 октября; 1926. 20 октября.
5.10. Советский Север. Газета Тобольского окружкома ВКП (б), окрисполкома, окрпрофбюро. 1929. 19 сентября; 1934. 25 февраля, 26 августа, 9 сентября.
5.11. Сталинская трибуна. Газета Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б). 1941. 16 февраля, 11 марта.
5.12. Тобольский Север. Газета Тобольского уездного комитета РКП (б) и уездного исполнительного комитета. 1922. 22 июля, 27 июля, 29 июля, 12 августа, 15 августа, 18 ноября.

5.13. Тобольский край. Научно-популярный общественно-экономический и краеведческий журнал. Издание Тобольской окрплановой комиссии, окружного Комитета Севера и Общества изучения края. 1926. № 1, 2.

5.14. Ханты-Манчи-Шоп. Окружная газета Остяко-Вогульского национального округа. 1933. 28 декабря; 1935. 18 января, 5 апреля.

5.15. Югра. Историко-культурный журнал Ханты-Мансийского автономного округа. 1992. № 10; 1993. № 4; 1994. № 10; 1997. № 11; 1999. № 8; 2000. № 4, 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследования: авторефераты, диссертации, книги, монографии

1.1. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998.

1.2. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002.

1.3. Альбом ямальских экспедиций В.П.Евладова. М., 1998.

1.4. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Челябинск, 1982.

1.5. Андросенко В.И. Ханты-Мансийск. Свердловск, 1979.

1.6. Базаров А.А. Дурелом, или господа колхозники. Курган, 1997. Кн. 1.

1.7. Байкалова А.С. Юганский заповедник. Тюмень, 1998.

1.8. Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952.

1.9. Бударин М.Е. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за вовлечение малых народностей Северо-Западной Сибири в построение социализма (По материалам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов). Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1957.

1.10. Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

1.11. Бортникова О.Н. Развитие пенитенциарной системы Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тобольск, 1998.

1.12. Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994. Т. 1.

1.13. Веселкина В.В. Возникновение национальной государственности у малых народов Обского Севера (1917—1934 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1971.

1.14. Возрожденный народ (К 10-летию образования Ханты-Мансийского национального округа). Омск, 1941.

1.15. Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. Тюмень, 1964.

1.16. Гарновский К.В. В Кондо-Сосьвинском заповеднике 1940—1945 гг. Шадринск, 1993.

1.17. Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала Тобольск; Тарко-Сале, 1994.

1.18. Головнев А.В. Историческая типология хозяйств народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

1.19. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

1.20. Гулевский Л.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов (конец XIX — начало XX вв.). Этнографические очерки. М., 1993.

1.21. Дунин-Горкавич А.А. Обзор современного положения и нужд Тобольского Севера. Тобольск, 1905.

1.22. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. Т. 1.

1.23. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. СПб., 1910. Т. 2.

1.24. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск, 1911. Т. 3.

1.25. Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000.

1.26. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. New-York, 1973.

1.27. Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Историческая наука в преддверии третьего тысячелетия. Тюмень, 1999.

1.28. Загороднюк Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.

1.29. Знбарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968.

1.30. Знбарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск, 1972.

1.31. История социалистической экономики СССР. 1926—1932 гг. М., 1977. Т. 3.

1.32. История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Том четвертый. Сибирь в период строительства социализма. Л., 1968.

1.33. История национально-государственного строительства в СССР. М., 1968. Т. 1.

1.34. Данилевский И.Н. и др. Источниковедение. М., 1998.

1.35. Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск, 1999.

1.36. Карр Э. Большевистская революция. 1917—1923 гг. М., 1990. Т. 1—2.

1.37. Карцов В.Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М., 1937.

1.38. Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

1.39. Киселев Л.Е., Мазуренко Г.А. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере. Тюмень, 1967.

1.40. Киселев Л.Е. Борьба народных масс за установление и упрочение Советской власти на Севере Тюменской области. Тюмень, 1966.

1.41. Киселев Л.Е. КПСС — организатор социалистических преобразований хозяйства и культуры народностей Севера (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.). Дисс. ... д. ист. наук. Тюмень, 1980.

1.42. Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — июнь 1941 гг.) / Под ред. В.Н.Увачана. Томск, 1989.

1.43. Клещенок И.П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1969.

1.44. Клещенок И.П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М., 1972.

1.45. Константинов О.А. СССР по районам. М., 1928.

1.46. Кокосов Н.М., Никулин В.И., Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956.

1.47. Корчагин Ю.И. Народы Севера России в двадцатом столетии: процесс преобразований в западноевропейской и североамериканской историографии. М., 1994.

1.48. Куриков В. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000.

1.49. Курбатов В.В. Советская архитектура. М., 1998.

1.50. Ленинская национальная политика КПСС и малые народности Севера. Томск, 1972. Вып. 1.

1.51. Мазуренко Г.А. Социалистическое преобразование жизни малых народов Обского Севера. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1965.
1.52. Мазуренко Г.А. Партийное строительство на Советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979.
1.53. Мау В. Реформы и догмы. 1914—1929. Очерки становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
1.54. Маров И. Живая летопись открытий. Свердловск, 1971.
1.55. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934.
1.56. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
1.57. Молодин В.И., Лукина Н.В. и др. История и культура хантов. Томск, 1995.
1.58. Население России в XX веке: В 3 т. М., 2000. Т. 1.
1.59. Над нами полярная звезда. Свердловск, 1970.
1.60. Национальные округа Севера СССР. М., 1964.
1.61. Никитин Д.Н. Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР. (1930—1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.
1.62. Носова Н.И. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917—1929 гг.). М., 1993.
1.63. Омельчук А. Салехард. Свердловск, 1978.
1.64. Обновленная земля. Свердловск, 1980.
1.65. Онищук Н.Т. Советское строительство у малых народов Севера. 1917—1941 гг. Томск, 1973.
1.66. Переход к социализму народностей Севера. Историографический очерк / Под ред. В.А.Зибарева. Томск, 1974.
1.67. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999.
1.68. Pye L.W. Politics, Personality and National Building: Burma's Seach for Identity. New Haven and London, 1962.
1.69. Ретунский В.Ф. Предпосылки и начало перехода на некапиталистический путь развития народностей Северо-Западной Сибири (1917—1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1967.
1.70. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. 1917—1925 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.
1.71. Royce A.P. Ethnic Identety. Strategies of Diversiti. Bloomington, 1982.

1.72. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. М., 1982.

1.73. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. / Под ред. И.А.Гладкова. М., 1963.

1.74. Соколов А.К. Основные задачи источниковедения отечественной истории новейшего времени // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М., 1995.

1.75. Сподина В.И. Мегион: страницы истории. Новосибирск, 2000.

1.76. Скачко А.Г. Очередные задачи Советской власти среди малых народов Севера. М., 1931.

1.77. Славный путь народов Севера (К 10-летию образования Ямало-Ненецкого автономного округа). Омск, 1941.

1.78. Сергеев М.А. Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953.

1.79. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М; Л., 1955.

1.80. Степанов П. Уральская область с приложением очерка: Башкирская АССР. М., 1928.

1.81. Степанов Н.Н., Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Уч. зап. Ленинградского пединститута. Л., 1957. Т. 133.

1.82. Станкевский В.Д. Строительство в Тюменской области за 50 лет советской власти. Тюмень, 1967.

1.83. 30 лет Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). Тюмень, 1960.

1.84. Фрадкин Н.Г. Очерки по истории физико-географических исследований территории СССР. М., 1961.

1.85. Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1998.

1.86. Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1931. Т. 4.

1.87. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная россия (1917—1928 гг.). СПб., 1997.

1.88. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

1.89. Этносоциологические исследования в России в 1990-х годах: итоги и перспективы. Научно-аналитический обзор. М., 1996.

1.90. Экономика / Под ред. А.С.Булатова. М., 1999.

2. Статьи, тезисы, публикации

2.1. Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки: Материалы круглого стола // Вопросы истории. 1992. № 1—2.

2.2. Акопов П. Вахский край — сибирская провинция // Нефтяник. 1999. 28 мая.

2.3. Акмент О.К. Аграрные преобразования в Сургутском Приобье в 1930-е гг. // Сургут в отечественной истории. Сб. тезисов. Сургут, 2001.

2.4. Алексеева Л.В. Национальные округа Северо-Западной Сибири накануне Великой отечественной войны // Урал в стратегии второй мировой войны. Екатеринбург; Каменск-Уральский. 2000.

2.5. Алексеева Л.В. Экономическое развитие северных районов Уральской области (1923—1934 гг.) // Западная Сибирь. история и современность. Краев. зап. Нижневартовск, 1998. Вып. 1.

2.6. Алексеева Л.В. О политических ссыльных и репрессиях в Северо-Западной Сибири (первая половина XX века) // Тезисы докладов и сообщений III Региональной музейной конференции, посвященной 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 2000.

2.7. Алексеева Л.В. Административно-хозяйственное управление в северных районах Уральской области (1923—1934 гг.) // Бартеневские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 24—25 ноября 1999 г. Липецк, 2000.

2.8. Алексеева Л.В. Северные районы Омской области во второй половине 1930-х гг. // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы. Омск, 2000.

2.9. Алексеева Л.В. О сельском хозяйстве Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. // Западная Сибирь. история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 1999. Вып. 2.

2.10. Алексеева Л.В. Состояние производства сельхозпродуктов и сырья в северных районах Уральской области к концу первой пятилетки // Там же.

2.11. Алексеева Л.В. Об изучении природных условий и ресурсов в Северо-Западной Сибири в 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 2000. Вып. 3.

2.12. Алексеева Л.В. Хозяйство Остяко-Вогульского округа в первой половине 1930-х гг. // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4.

2.13. Алексеева Л.В. Хозяйство Тобольского Севера в 1920-е гг. // Сб. науч. тр. Гуманитарные науки. Сургут, 2000. Вып. 6. Ч. 1.

2.14. Алексеева Л.В.Снабжение товарами на Тобольском Севере в 1920-е гг. // Северный регион. Наука, образование, культура. 2000.

2.15. Архипова Н. Притяжение Севера // Уральский следопыт. 1982. № 12.

2.16. Архипова Н. Хронология географических исследований и основных открытий на Урале за 70 лет советской власти // Наука Урала. 1987. 30 сентября.

2.17. Атаманенко А. Начальник Варьегана // Новости Югры. 2000. 30 ноября.

2.18. Бабашкин В.В. Россия XX века: о некоторых подходах современной западной историографии // Мир России. 1996. № 2.

2.19. Базаров А. Ненцы всех стойбищ, соединяйтесь! // Югра. 2000. № 12.

2.20. Бакланова А.Б. О системе закономерностей формирования социалистических общественных отношений у народностей Крайнего Севера (20—30-е гг.) // Формирование коммунистических общественных отношений. Тюмень, 1979.

2.21. Бакланова А.Б. Интеграция кооперации как переходная форма социалистического строительства на Крайнем Севере // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977

2.22. Белобородов В. Экскурсия на реку Салым // Югра. 2000. № 2.

2.23. Белобородов В. Поэт и журналист Георгий Доронин // Югра. 2001. № 2.

2.24. Белобородов В. Поднять ценность рыбного товара // Югра. 2001. № 3.

2.25. Белобородов В. Первый опыт северного маслоделия // Югра. 2000. № 6.

2.26. Белобородов В. Голоса издалека (К характеристике первых кооперативных объединений на Тобольском Севере) // Югра. 1998. № 9

2.27. Белоусов А.П. За рациональное использование кедровников Омской области // Омская область. 1940. № 1.

2.28. Бобылев Д. К вопросу о реконструкции промышленного хозяйства Приполярного Севера // Хозяйство Урала. 1926. № 12.

2.29. Благоволин А. Наши научные учреждения // Наш край 1924. № 4.

2.30. Бударин М.Е. Из истории социалистического строительства у малых народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Омского пединститута. Омск, 1958. Вып. 9.

2.31. Бублик И. Потребительская кооперация на Тобольском Севере // Тобольский Север. 1922. 29 июля.

2.32. Буртина Е. Коллективизация без «перегибов». Налоговая политика в деревне в 1930—1935 гг. // Октябрь. 1990. № 2.

2.33. Васильев В.Г. К вопросу о нефтеносности Обско-Иртышской области // Советский Север. 1934. 15 ноября

2.34. Васильев В. Опыт работы Северно-Уральского охотсовхоза // На социалистической стройке. 1931. № 5—6.

2.35. Варнаков А. Медицинская помощь на государственных рыбных промыслах Тобсевера // Наш край. 1925. № 8—9.

2.36. Веллер Р. Уральский экспорт // Хозяйство Урала. 1928 № 2.

2.37. Веселкина В.В. Деятельность Тобольского Комитета Севера по созданию советской государственности у малых народностей (1921—1930 гг.) // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пединститутов. Тюмень, 1970. № 154. Вып. 3.

2.38. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927.

2.39. Вербов Г.Д. Лесные ненцы // Советская этнография 1936. № 2.

2.40. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // Советская этнография. Сб. статей. 1939. Ч.2.

2.41. Вопросы снабжения Уральского Севера // Хозяйство Урала. 1926. № 13—14

2.42. Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 6.

2.43. В окрторге // Тобольский край. 1926. № 1.

2.44. Гашко Б. Оленеводство на Обском Севере // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 7—8.

2.45. Гаврилов М. Основатель и первый директор // Югра. 1992. № 10.

2.46. Галкина К. Журавлиные юрты // Югра. 2000. № 4.

2.47. Гожанский А. Завоз товаров на Тобольский Север // Хозяйство Урала. 1929. № 2.

2.48. Груздев С.А. Научно-исследовательские работы секции Совета Уралплана // Северная Азия. 1924. Кн. третья.

2.49. Говоров А. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа // Омская область. 1940. № 3.

2.50. Головнев А.В. Договор с землей и водой // Югра. 1996. № 5.

2.51. Гололобов Е.И. Об определении перспектив социально-экономического развития Тобольского Севера в 20-е годы XX в. // Тезисы докладов и сообщений Четвертой региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города. Нижневартовск, 2001.

2.52. Гололобов Е.И. Сургутское лесничество в 1924—1925 гг. // Сургут в отечественной истории. Сб. тезисов докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Сургут, 2001.

2.53. Гололобов Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства // Северный регион: Наука, образование, культура. 2001. № 2 (4).

2.54. Гололобов Е.И. Самодийское оленеводство в структуре экономики Тобольского Севера в 1920-е годы XX века // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2000.

2.55. Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышский Север (1920—1960-е гг.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000.

2.56. Гриценко В. Салымский край в истории Югры // Югра. 1999. № 9.

2.57. Гурвич И.С. Еще раз к вопросу о переходе малых народов Севера и Дальнего Востока к социализму // Вопросы истории КПСС. 1964. № 9.

2.58. Девис Р.У., Хлевнюк О.В. Отмена карточной системы в СССР в 1934—1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5.

2.59. Дементьева Н. Земляк, исследователь, интеллигент // Югра. 2001. № 3.

2.60. Дементьева Н. Это начиналось так // Югра. 2000. № 11.

2.61. Дмитриев-Садовников Г. Экскурсия по р.Сосьве и др. в 1919 г. // Лукич. 2000. № 4.

2.62. Еланцева О.П. Эволюция основных форм городской торговли Тобольской губернии в начале XX в. (на примере г.Тюмени) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4.

2.63. Ершов М.Ф. Ирбит и ирбитская ярмарка в конце XVIII — начале 60-х годов XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000.

2.64. Еремеева О.И. Исследователь Севера В.М.Новицкий // Словцовские чтения—99. Тюмень, 1999.

2.65. Еремеева О.И. Ученый и педагог В.М.Новицкий // Д.И.Менделеев и Сибирь. Тобольск, 1999.

2.66. Ефремова Г.М. Эволюция принципов международного кооперативного движения // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2.

2.67. Евладов В. Оленеводство Уральской тундры и экономическое расслоение самоедских хозяйств // Хозяйство Урала. 1928. № 5.

2.68. Евладов В. Пути развития хозяйства Обдорского края // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1.

2.69. Заболотская К.А. Перспективы развития источниковедения новейшего периода отечественной истории и задачи построения учебного курса // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000.

2.70. Загороднюк Н. Особенности формирования рабочего класса в Северо-Западной Сибири (1930-е гг.) // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000.

2.71. Загороднюк Н. Роль спецпереселенцев на Обском Севере // Югра. 1996. № 10.

2.72. Загороднюк Н. Деревня в год «великого перелома» // Югра. 1997. № 11.

2.73. Загороднюк Н.И. Спецпереселенцы: социоэтнический аспект // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000.

2.74. Здоровяк С.М. К вопросу о животноводстве на Обском Севере // Омская область. 1937. № 7.

2.75. Зубков К.И. Ирбитская ярмарка на рубеже XIX—XX вв.: факторы и этапы угасания // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000.

2.76. Зыкова А. Район с позиции свершенного // Югра. 1999. № 5.

2.77. Иваненко А. Хлебопашество на земле Югорской // Югра. 1993. № 3.

2.78. Иваненко А.С. История механизации сельского хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000.

2.79. Иваненко А.С. Д.М.Чубынин — первый агроном Приполярья // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000.

2.80. Из истории краеведения в округе // Югра. 1994. № 10.

2.81. Иваненко В.Е. Животноводство Ямало-Ненецкого округа // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000.

2.82. Иваненко В.Е. История развития животноводства в Ханты-Мансийском автономном округе // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сургут, 2000.

2.83. Ильченко В.Н. Литература 1920-х гг. об экономической политике на Урале советских и несоветских правительств // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX—XXI столетия. Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000.

2.84. Кантор Е. Север зовет // Революция и национальности. 1932. № 10—11.

2.85. Кантор Е.Д. Перевыборы Советов в северных национальных округах и районах СССР // Советский Север. 1935. № 1.

2.86. Карапетова И.А. Место оленеводства в хозяйственном комплексе лесных ненцев // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.

2.87. Карцов В. Остяко-Вогульский национальный округ // Советское краеведение. 1936. №12.

2.88. Карпов В.П. Обоснование гипотезы И.М.Губкина о нефтегазоносности Западной Сибири в 1950—1960-е годы // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000.

2.89. Каркашова Н.В. Восстановление сельского хозяйства Тюменского края в годы нэпа (1921—1927/28 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2001. Вып. 4.

2.90. Касьян А.К. Омск социалистический (1917—1940). Омск, 1971.

2.91. Кайдалов И. О налогообложении Тобольского Севера // Тобольский край. 1926. № 2.

2.92. Киселев Л.Е. Начало советского строительства на Крайнем Севере // Уч. зап. Тюменского пединститута. Тюмень, 1963. Т. 33. Вып. 1.

2.93. Козин В.В. Слово об ученом // Югра. 1994. № 10.

2.94. Кондрашова Л. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе // Югра. 1994. № 2.

2.95. Кондрашова Л. Влияние ссыльных крестьян на хозяйственное развитие округа // Югра. 1994. № 5.

2.96. Коновалова Е.Н. Научные и научно-популярные издания Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Словцовские чтения—96. Тюмень, 1997.

2.97. Кондо-Сосьвинская охотничья экспедиция // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1.

2.98. Копотилов М. Научно-исследовательская работа на Тобольском Севере // Хозяйство Урала. 1926. № 15—16.

2.99. Копотилов М. Торговля округа в 1926—1927 году // Хозяйство Урала. 1928. № 4.

2.100. Коржавин Б.К. Проблема коренных народов в трудах Н.М.Ядринцева // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1971.

2.101. Копылов Д.И., Ретунский В.Ф. Партийные организации Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) и Ямальского (Ямало-Ненецкого) национальных округов в борьбе за экономическое и культурное развитие народов Обского Севера // Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965.

2.102. Кузакова Е. Конда: страницы истории // Югра. 2000. № 1.

2.103. Куклин С. Краткий обзор охоты в Сургутском крае // Наш край. 1925. № 8—9, 10—11.

2.104. Куклин С. Речные бобры на Тобольском Севере // Уральское краеведение. 1927. № 1.

2.105. К вопросу практического разграничения функций между отдельными видами кооперации Тобольского округа // Тобольский край. 1926. № 1.

2.106. Ланге И.Р. Значение и выгоды районирования // Красные вехи. 1923. № 1. С. 5.

2.107. Лаврентьева М.А. Советское и партийное строительство в районах Крайнего Севера в 1926—1936 гг. // Вестн. Ленинградского университета. Л., 1961. № 20. Вып. 4.

2.108. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 4.

2.109. Лезова С.В. Северный Ямал: великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.

2.110. Лопарев П.И. Об искусственном разведении пушного зверя // Наш край. 1924. № 4.

2.111. Лосев Н. Куда бедному крестьянину деваться? // Югра 1998. № 9.

2.112. Ляушин В.П. Социально-политические, правовые и экономические противоречия и конфликты на Севере Сибири в 20—30-х гг. // Северный регион: экономическая и социокультурная динамика. Ханты-Мансийск; Сургут, 2000.

2.113. Мазуренко Г.А. Создание предпосылок для социалистических преобразований на Обском Севере (1920-е гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. Вып. 2.

2.114. Мазуренко Г.А. Из истории социалистического строительства на Обском Севере (1917—1967 гг.) // На путях строительства коммунизма. Тюмень, 1968.

2.115. Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961.

2.116. Марков Б.М. Акклиматизация и метизация крупного рогатого скота на Обском Севере // Омская область. 1940. № 6.

2.117. Марков Б.М. Методы работы стахановок МТФ Салехардского колхоза и совхоза // Омская область. 1939. № 7.

2.118. Меньшиков В.Н. Идеи Менделеева и научное изучение Тобольского края в годы первой мировой войны // Д.И.Менделеев и Сибирь. Тобольск, 1999.

2.119. Митусова Р.П. На далеком Севере // Экспедиция в Надымский край и по реке Тром-Юган // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1.

2.120. Набокова Л. «Я причислен к классу кулаков» // Новости Югры. 2001. 20 октября.
2.121. Надеина А. Крестьянские дети // Ленинская правда. 1990. 13 января.
2.122. Назаров М.Н. Рыбное хозяйство Обского Севера // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4.
2.123. На путях социально-технической реконструкции оленеводства Уральского Севера // На социалистической стройке. 1931. № 5—6.
2.124. Новицкий В. Вопросы рыбного хозяйства Тобольского округа // Хозяйство Урала. 1929. № 6.
2.125. Новицкий В. Проблема Уральского Обь-Иртышья // Хозяйство Урала. 1930. № 10.
2.126. Новицкий В. Организация научно-популярного районного краеведческого музея // Наш край. 1924. № 1—2.
2.127. Новицкий В. Первые работы начинающего краеведа // Наш край. 1924. № 4.
2.128. Неводьба на Конде // Югра. 1993. № 4.
2.129. Об организации оленеводческих молочных товарных ферм в северных национальных округах // Омская область. 1937. № 3.
2.130. Обследование лесов реки Конды // Уральское краеведение. Свердловск, 1927. № 1.
2.131. О положении уральского экспорта // Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927.
2.132. Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1.
2.133. О товарах и продовольствии из местного сырья // Сталинская трибуна. 1941. 11 марта
2.134. О летних работах Северо-Уральской экспедиции в 1927 г. // Уральское краеведение. Свердловск, 1928. № 2.
2.135. О размерах рыбной продукции Тобольского Севера // Наш край. 1924. № 4.
2.136. Павлова И.В. Механизм политической власти в СССР в 20—30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11—12.
2.137. Папков С.А. Теоретические взгляды большевиков по вопросам построения социалистической экономики в 1917—

1921 гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири / Под ред. В.И.Шишкина. Новосибирск, 1990.

2.138. Пархимович С. Последняя экспедиция Дмитриева-Садовникова // Лукич. 2000. № 4.

2.139. Патранова В. Куда уплыл муксун? Он был еще вчера... // Новости Югры. 2000. 26 октября.

2.140. Патранова В. Царь всея тайги // Новости Югры. 2001. 20 января.

2.141. Патранова В. Люди «третьей категории» // Новости Югры. 2001. 3 февраля.

2.142. Патранова В. Аура Перековки // Новости Югры. 2001. 30 октября.

2.143. Патрикеев Б.В. Выращивание картофеля в полярных условиях // Омская область. 1939. № 4.

2.144. Патрикеев Б.В. Агротехника культуры картофеля на Крайнем Севере // Омская область. 1940. № 5.

2.145. Патрикеев Б.В. Сортоиспытания томатов в Ямало-Ненецком округе // Омская область. 1939. № 4.

2.146. Петрова В.П. Волнения ненцев на Ямале в 1932—1934 гг. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1996. Тюмень, 1998.

2.147. Первухин И. На Тобольском Севере (Шурышкарский туземный район) // Советский Север. 1930. № 1.

2.148. Пиньжаков В. Оленеводство Тобольского севера как сырьевая база северной промышленности // Хозяйство Урала. 1928. № 5—6.

2.149. Пиньжаков В. Задачи снабжения туземного Севера // Хозяйство Урала. 1929. № 2.

2.150. Питухин С.В. Потребительская кооперация в Ямало-Ненецком округе // Омская область. 1940. № 11—12.

2.151. Плотников М. О приросте некоторых северных туземных племен // Северная Азия. 1925. № 4.

2.152. Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999.

2.153. Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии // Четвертые Всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2000.

2.154. Побережников И.В. Модернизация и «жизненный мир» // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000.

2.155. Побережников И.В. Теория модернизации: от классической к современной версии // Северный регион: Наука, образование, культура. 2000. № 2.

2.156. Побережников И.В. Методологические проблемы исторического исследования: природа исторической реальности и масштаб рассмотрения // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000.

2.157. Подбельский Ю. Сургутский край (по материалам последних переписей) // Хозяйство Урала. 1928. № 5.

2.158. Постников С. Спецпереселенцы на Урале // Уральский следопыт. 1993. № 5—6.

2.159. Поспелов В.Т. Экономическое развитие Северо-Западной Сибири в начале XX века // Д.И.Менделеев и Сибирь: история и современность. Материалы Всероссийских Менделеевских чтений (15—17 ноября 1999 г.). Тобольск, 1999.

2.160. Поспелов В.Т. Хозяйственная деятельность ненцев в первой трети XX века // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.

2.161. Поспелов В.Т. Оленеводство и оленеводы Севера в первой трети XX века // Словцовские чтения—2000. Тюмень, 2000.

2.162. Прибыльский П. Рыбное хозяйство Ямальского округа // Омская область. 1940. № 11—12.

2.163. Прибыльский П.Х. Карское побережье Ямала // Народное хозяйство Омской области. 1936. № 4.

2.164. Прибыльский Ю.П. Рабочий класс Севера Западной Сибири накануне войны // Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск, 1974.

2.165. Прибыльский Ю.П. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977.

2.166. Прибыльский Ю.П. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря.

2.167. Прибыльский Ю.П. Оправданы посмертно // Тюменская правда. 1989. 11 июля.

2.168. Прибыльский Ю.П. В поисках истины (К 70-летию со дня рождения В.А.Зибарева) // Югра. 1992. № 12.

2.169. Прнбыльский Ю.П. Первостроители Ямало-Ненецкого округа // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2000.

2.170. Прибыльский Ю.П. Жизнь и творчество А.А.Дунина-Горкавича // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995.

2.171. Прибыльский Ю.П. Исследования Севера // Северный регион: экономическая и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Сургут, 2000.

2.172. Прибыльский Ю.П. Жизнь и деятельность Ивана Федоровича Ного // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.

2.173. Пономарев Г. День за днем в небе голубом // Югра. 1999. № 8.

2.174. Пушной промысел на Дальнем Севере // Тобольский Север. 1922. 15 августа.

2.175. Пушное звероводство // Югра. 2000. № 7—8.

2.176. Решетов А.М. Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: жизнь, прерванная на взлете // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000.

2.177. Ретунский В.Ф. Характер противоречий и формы классовой борьбы в процессе ликвидации классов на пути некапиталистического перехода к социализму у народностей Севера Западной Сибири // Материалы к межвузовской научной конференции «В.И.Ленин и проблемы строительства коммунизма». М., 1970.

2.178. Рогалевич М.И. Коневодство в Остяко-Вогульском округе // Народное хозяйство Омской области. 1936. № 11—12.

2.179. Рябов А. Уходящий поселок Рыбный // Новости Югры. 2001. 27 января.

2.180. Рябов А. Жизнь в графе «убытки» // Новости Югры. 2001. 15 марта.

2.181. Сандау Т.А. Обдорская ярмарка // Словцовские чтения—99. Тюмень, 1999.

2.182. Сергеев М.А. Малые народы Севера в эпоху социализма // Советская этнография. 1947. № 4.

2.183. Сергеев М. Реконструкция быта народов Севера // Революция и национальности. 1934. № 3.

2.184. Северская Т. Белые пятна Ямала // Новости Югры. 2001. 25 августа.

2.185. Северская Т. Две истории, одна судьба // Новости Югры. 2001. 18 октября.

2.186. Сергей Куклин, охотовед // Югра. 2000. № 9—10.

2.187. Сигов М. Конъюнктурный обзор хозяйства Урала в первом квартале 1927—1928 г. // Хозяйство Урала. 1928. № 2.

2.188. Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии. опыт рубежа 50-х — 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000.

2.189. Скачко А.Е. Основные вопросы социалистического строительства на Крайнем Севере // Советский Север. 1934. № 3.

2.190. Скосырев А.В. К вопросу о северных факториях // Наш край. 1924. № 2.

2.191. Скрипов И.В. К проблеме освоения Обь-Иртышской поймы // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4.

2.192. Скрипов И. О перспективах развития сельского хозяйства Омской области в третьей пятилетке // Омская область. 1936. № 3.

2.193. Смидович П.Г. Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1.

2.194. Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике Советской власти // Отечественная история. 2000. № 2.

2.195. Созонова Л.П. История Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея // Словцовские чтения—96. Тюмень, 1997.

2.196. Соколов А.К. Основные задачи источниковедения отечественной истории новейшего времени // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблема взаимодействия на современном этапе. М., 1995.

2.197. Сподина В.И. Определение «своего» пространства в традиционном мировоззрении лесных ненцев // Западная Сибирь. история и современность. Екатеринбург, 1999. Вып. 2.

2.198. Сосунов П.И. Тобольский Север // Северная Азия. 1925. Книга четвертая.

2.199. Степанов Н.Н., Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Уч. зап. Ленинградского пединститута. Л., 1957. Т. 133.

2.200. Сургутсков А. Сибирская хлебная экспедиция 1920 года // Югра. 2000. № 5

2.201. Тагильцева Н. Золотая пора Уральского краеведения // Югра. 1994. № 7.

2.202. Тарасенков Г.Н. Перспективы хозяйственного и культурного развития Обского Севера // Омская область. 1937. № 1—2.

2.203. Тимофеев Г. Краеведение Югры // Югра. 2000. № 7—8.

2.204. Транспортная экономика рек Северной Сосьвы и Ляпин // Омская область. 1939. № 1.

2.205. Увачан В.Н. Переход малых народов Севера от родового строя к развитому социализму (к 45-летию образования национальных округов и окружных партийных организаций) // Летопись Севера. М., 1977. Т. 8.

2.206. Увачан В.Н. Ленинская национальная политика и малые народы Севера // Советская этнография. 1963. № 3.

2.207. Устюгов П.К. Пути советского строительства на Крайнем Севере (к организации новых национально-территориальных округов и районов) // Советский Север. 1931. № 3.

2.208. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.

2.209. Хачко Т.В. К вопросу об истории землепользования в Западной Сибири // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Материалы вторых краевых чтений. Нижневартовск, 1998.

2.210. Цысь В.В. Сургутский уезд в период военного коммунизма (1920—1921 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 1999. Вып. 2.

2.211. Цысь В.В. Из истории советского строительства в Сургутском уезде в период гражданской войны // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Материалы вторых краевых чтений. Нижневартовск, 1998.

2.212. Цысь В.В. Потребительская кооперация Среднего Приобья в период Западно-Сибирского крестьянского восстания // Открывая Родину, узнаешь себя. 70-летию ХМАО посвящается. Излучинск, 2000.

2.213. Цысь В.В. Переход от военного коммунизма к нэпу на территории Сургутского уезда // Тезисы докладов и сообщений II региональной музейной научно-практической конференции, посвященной 70-летию ХМАО. Нижневартовск, 1999.

2.214. Цысь В.В. П.И.Лопарев — организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы гражданской войны //

Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Тюмень, 2001. Вып. IV.

2.215. Цихоцкая А.И. Периодизация развития кооперации в России // Кооперация Сибири в XX в.: теория, историография, источники. Новосибирск, 1996. Вып. 2.

2.216. Черноморец С.А. Правовая регламентация рыночных отношений с участием частнопредпринимательских элементов на первом этапе нэпа // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всеросийской научной конференции. Сургут, 2000.

2.217. Черноморец С.А. Кооперация в сфере заготовок и распределения в первые годы советской власти // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сб. тезисов к Всероссийской научной конференции. Сургут, 2000.

2.218. Черноморец С.А. Переход к нэпу и становление рынка в Сибири // Тезисы докладов и сообщений музейной региональной научно-практической конференции, посвященной 30-летию города. Нижневартовск, 2001.

2.219. Черноморец С.А. Кооперация Сибири в период восстановления народного хозяйства (1921—1926 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 2 (4).

2.220. Фитцхью В.В. В поисках Грааля: циркумполярная теория и реалии ямальской археологии // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000.

2.221. Шестакова Л.В. Из истории комплектования Тобольским музеем коллекций по самодийским народам // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001.

2.222. Шмидт О.Ю. О задачах хозяйственно-культурного строительства среди малых народов Севера // Революция и национальности. 1936. № 1.

2.223. Штильмарк Ф. Натуралист Вадим Раевский // Югра 1999. № 10.

2.224. Южаков А.А. Ненецкое оленеводство и народы Западной Сибири. Тобольск; Омск, 2001.

2.225. Яцун К.С. Организация спецпоселков в Сургутском районе (1930 г.) // Сургут в отечественной истории. Сб. тезисов докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Сургут, 2001.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Новицкий В. Проблема Уральского Обь-Иртышья // Хозяйство Урала. 1930 № 10. С. 57

Приложение 2

Схема маршрутов ямальских экспедиций 1928-29 г.:

сплошная линия - маршрут экспедиции Н.А. Котовщиковой;

прерывистая - маршрут экспедиции В.П. Евладова

(составитель А.И. Пика).

Приложение 3

Приложение 4

А.А.Дунин-Горкавич

Б.Н.Городков

Научные и хозяйственные экспедиции на Тобольский Север в 1920—1930-х гг.

№	Название экспедиции, район изучения	Год	Организатор экспедиции, руководитель
1	Сибирская хлебная экспедиция	1920	А.А.Ружек
2	Северная экспедиция	1921	Наркомат внешней торговли
3	Казымская экспедиция	1923	В.М.Новицкий
4	Экспедиция Тобольского ветбакинститута	1924	неизвестен
5	Экспедиция в Прикондский край	1924	Л.Р.Шульц, Плановая комиссия Уральского облисполкома
6	Этнографическая экспедиция в Сургутский район	1923—1924	Р.П.Митусова
7	Северо-Уральская комплексная экспедиция	1924—1928	АН СССР, Б.Н.Городков
8	Этнографическая экспедиция в Сургутский район	1925—1926	Р.П.Митусова, Уральский комитет Севера
9	Экспедиция в Уватский район	1925	неизвестен
10	Геологическая экспедиция в Обдорский район	1925	проф. Заварицкий
11	Экспедиция на реки Сосьву и Лозьву	1925	В.Н.Чернецов
12	Обследование реки Демьянки	1925	В.В.Васильев, Тобольский комитет Севера
13	Экспедиция в Кондинский район	1926	В.М.Новицкий
14	Казымская экспедиция	1926	Тобольский комитет Севера
15	Обследование реки Кумы	1926	А.Ф.Теплоухов
16	Гидрографическая экспедиция	1926	Сергиевский
17	Экспедиция на реку Конду	1926	А.И.Емельянов
18	Экспедиция на реки Конду и Сосьву	1926	В.В.Васильев, Тобольский окрплан

19	Экспедиция к ваховским хантам	1926	М.Б.Шатилов
20	Медико-санитарная экспедиция на Ямал	1926	В.Евладов
21	Экспедиция Государственного русского географического общества	1926—1927	Кольс
22	Исследование Оби в районе Обдорска	1928	Сибирская научно-рыбохозяйственная станция Наркомзема
23	Экспедиция Уралоблзу на Ямал	1928	В.Евладов

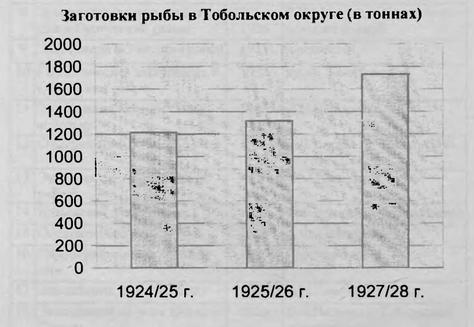
Приложение 6

Рыбная продукция Тобольского Севера (в тоннах)

Приложение 7

Заготовки рыбы в Тобольском округе (в тоннах)

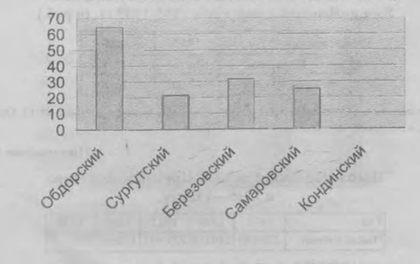
Приложение 8

Доля районов в рыбном улове в 1927—1928 гг.

Приложение 9

Оленеводческие хозяйства в 1927—1928 гг. (в %)

Приложение 10

Численность оленей на Обском Севере (1932—1935 гг.)

Округ	1932	1933	1934	1935
Ямало-Ненецкий	356000	285 400	306 266	322 600
Остяко-Вогульский	133 290	103 000	89 383	97 900

Составлена по: Гашко Б. Оленеводство на Обском Севере // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 7—8. С. 65—67

Приложение 11

Улов рыбы на Обском Севере в 1930—1934 гг. (в ц)

Год	Количество рыбы
1930	205 670
1931	248 320
1932	225 810
1933	169 648
1934	186 200

Составлена по: Назаров М.Н. Рыбное хозяйство Обского Севера // Народное хозяйство Омской области. 1935. № 4. С. 66.

Приложение 12

Заготовки пушнины в Остяко-Вогульском и Ямало-Ненецком округах в 1932, 1935 гг. (в руб.)

Округ	1932	1935
Ямало-Ненецкий	676 165	2 716 900
Остяко-Вогульский	937 200	5 332 900

Составлена по: Архивный отдел администрации г.Нижневартовска. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, Омская область. 1937. № 1—2. С. 77.

Приложение 13

Поголовье оленей на Обь-Иртышском Севере в 1935—1939 гг.

Год	1935	1936	1937	1938	1939
Число оленей	226 133	249516	279 492	352647	396 179

Составлена по: ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2045. Л. 15.

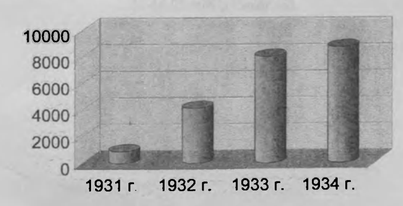
Приложение 14

Здание конторы «Уралпушнина» (1935—1949 гг.).
Ларьяк. Остяко-Вогульский округ.

Приложение 15

Рост посевных площадей в Остяко-Вогульском округе 1931—1934 гг. (в га)

Научное издание

Алексеева Любовь Васильевна

Экономическое развитие
Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.
Трансформация хозяйственного уклада

Редактор *Е.Б.Кононова*
Художник обложки *М.В.Исаева*

Изд. лиц. ЛР № 020045. Подписано в печать 11.03.2003.
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. листов 24,13.
Уч.-изд. листов 18,49. Тираж 100 экз.
Заказ

Книга издана при участии
Издательства Нижневартовского педагогического института
628605, Тюменская область, Нижневартовск, ул. Ленина, 56.
Тел./факс: (3466) 22-58-22
E-mail: ngpipuc@nvartovsk.wsnet.ru

BIB NIZHNEVARTOVSK
1838901060

